

По благословию
Высокопреосвященнейшего СИМОНА,
архиепископа Мурманского и Мончегорского

ШЕСТЫЕ ФЕОДОРИТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Мурманская и Мончегорская епархия Московского Патриархата
Терское благочиние Мурманской и Мончегорской епархии
Администрация Терского района Мурманской области
Администрация МО сельского поселения Варзуга с подведомственными территориями

Материалы международной
историко-краеведческой конференции
ШЕСТЫЕ ФЕОДОРИТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
«МУЧЕНИКИ XX ВЕКА»

**Пос. Умба – с. Варзуга
Терского района Мурманской области
9–11 августа 2013 года**

Ладан
2014

«**Мученики XX века**». Материалы региональной научно-богословской историко-краеведческой конференции. Шестые Феодоритовские чтения: под ред. архимандрита Митрофана (Баданина). – Мурманск – Санкт-Петербург: Ладан, 2014. – 376 с.: ил.

Тема конференции 2013 года – «**Мученики XX века**» – дала возможность достаточно широко осветить трагическую историю прошедшего XX века. Вспомнить все великие потрясения и катастрофы, пережитые европейскими и иными странами в XX веке, те «невиданные перемены, неслыханные мятежи», которые коснулись каждой семьи, каждого человека, разделившего судьбу своей страны в XX веке. Отдавая должное великому подвигу пострадавших за веру новомучеников и исповедников российских, мы хотим вспомнить имена и других страдальцев XX века, претерпевших гонения и мученическую кончину как в России, так и в других странах.

ISBN 978-586983-086-9

ISBN 978-586983-086-9

© Игумен Митрофан (Баданин), 2014

Феодоритовские чтения проводятся с 2006 года и посвящены памяти выдающегося христианского подвижника, замечательного богослова и историка – преподобного Феодорита Кольского («русского философа Феодора»), пришедшего с проповедью веры Христовой в земли Кольского Севера в начале XVI века и просветившего их евангельским светом.

Слово о преподобном Феодорите, просветителе Кольском (1481–1571)

Великий северный старец, преподобный Феодорит Кольский в начале XVI века пришел в эти древние, колдовские «вотчины князя бесовского» с проповедью веры Христовой и не отступил от задуманного, пока не просветил евангельским светом эти некогда пустынные, «полночные» земли Великой Лапландии.

Преподобный Феодорит Пустынный – первый из святых подвижников Крайнего Севера, который с детства возжелал великой миссии и сознательно готовился к ней – к просвещению этого края, к покорению просторов Великой Лапландии. Всю свою долгую жизнь он посвятил воплощению этой мечты, и столь грандиозная по своему масштабу задача была им успешно решена.

В этом славном делании Кольский старец не остался одинок. Феодорит как духовный отец породил великий сонм святых Кольского Севера, он оставил после себя целую плеяду последователей школы монастырского старчества. Среди его учеников такие знаменитые подвижники, как преподобные Трифон Печенгский и Варлаам Керетский,

преподобномученики Печенгские Иона и Герман, игумен Гурий и с ним 116 мучеников.

Духовное наследие, завещанное нам великим просветителем Кольским – преподобным Феодоритом, – многогранно и масштабно. В равной степени уникальными и достойными восхищения являются многие обстоятельства его долгой жизни, свидетельствующие об очевидном «от молодых ногтей» избранничестве подвижника, об угодности Господу его великих дел и свершений.

С семи лет пребывая во Владычнем монастырьке при Ростовской архиепископии и трудясь над переписыванием книг для Соловецкой библиотеки, возревновал юный «дьячишка Федор» о повторении подвига святителя Стефана, просветившего в XV веке светом веры евангельской языческие народы Великой Перми.

Для осуществления этой достойной миссии юный Федор обладал всеми необходимыми внутренними качествами и дарованиями. Очевидные способности к языкам, филологические, философские и богословские таланты в полной мере были им наследованы от своих выдающихся предков.¹

В конце XV века, с 1493 года двенадцатилетний отрок Феодор уже числится в послушниках «на Соловецком острове, в монастыре, иже лежит на Ледовом море». По уставу преподобного Зосимы Соловецкого, искус послушания для соловецких послушников продолжался не менее трех лет, но игумен Досифей уже через год принял решение о постриге отрока с наречением имени – Феодорит. Такая, как могло бы показаться, поспешность отнюдь не затрагивала незыблемых основ монастырского устройства, служащих формированию в каждом иноке человека внутреннего молитвенного делания и нацеленных на духовное созидание «служителя Христова и домостроителя тайн Божиих» (1 Кор. 4, 1).

Об этой мудрой несуетности воспитания «новой твари во Христе», о понимании того, что главное делание жизни монаха, на которое не жаль времени, – это одоление самого себя и своего «ветхого человека», дабы, стяжав Благодать Святого Духа, «облечься в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины» (Еф. 4, 24). Об успешном решении

¹ Мы оставляем в силе высказанное нами ранее предположение о родстве Феодорита («Федора Жиденова») с известным книжником XV века Федором Жидовином, автором знаменитого перевода Псалтири и «Послания к иудеям». См.: Митрофан (Баданин), иером. Блаженный Феодорит Кольский, просветитель лопарей. Исторические материалы к прославлению и написанию Жития. Мурманск, 2002. С. 79–83.

этой величественной задачи ярко свидетельствует вся долгая жизнь великого старца.

Целых восемнадцать лет пребывает инок Феодорит в полном и неотступном послушании у своего учителя, старца Зосимы, затем двенадцать лет он подвизается в лопарских пустынях, пребывая в богомыслии и молчании, на долгие годы скрывается он в пустынях Кирилло-Белозерского монастыря, постигая великую науку священнобезмолвствующих.

И лишь стяжав благодать Духа Святого, войдя в духовную силу *«мужа совершенного, в меру полного возраста Христова»* (Еф. 4, 13), священноинок Феодорит изливает свои благодатные деяния на эту иссохшую жаждущую землю. Ему уже сорок пять лет, и лишь скудные строки летописей доносят до нас ясные свидетельства успешности его миссионерских трудов.

1526 год – Кандалакшский залив, устье реки Нивы. «Освящали церковь Рождества Иоанна Предтечи и многих лоплян крестили во имя Отца и Сына и Святого Духа в нашу православную веру христианскую».¹

1533 год – Кольский залив, устье реки Колы. «Церкви Божия освящали, Благовещения Святой Богородицы да Чудотворца Николу, и самих многих крестили лоплян во имя Отца и Сына и Святого Духа в нашу православную и святую веру».²

С 1533 по 1540 год – «Заволжские пустыни», скиты Кирилло-Белозерского монастыря. Здесь трудится Феодорит над созданием письменности лопарского народа.

1540 год – «на устье Колы реки созидает монастырь», ставит «церковь во имя Пребезначальной Троицы и, собрав братию, дает им Устав».³

1542 год – «наученных от Феодорита и оглашенных лоплян единого дня крестилось яко две тысячи человек со женами и детьми».⁴

С 1548 по 1551 годы – вновь в Кандалакше, где созидает Рождества-Богородичный (Кокуев) мужской монастырь и «бывает в нем игуменом».

А ведь игумену Феодориту в это время исполнилось уже семьдесят лет, но впереди кольского старца ждали новые великие деяния и испытания. Это и скорбь несправедного гонения, и тяготы незаслуженного осуждения на ссылку, и слава и почет «премудрого» богослова, отстоявшего высоту рос-

¹ Софийская летопись // Полное собрание русских летописей. М.–Л., 1929. Т. 4. Ч. 1. С. 542.

² Софийские летописи // Полное собрание Русских летописей. СПб., 1853. Т. 6. С. 289.

³ Курбский Андрей. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. 2 пол. XVI в. М., 1986. С. 332.

⁴ Курбский. С. 333.

сийского вероисповедания перед гордыми греческими иерархами в 1557 году. Он блестяще выполнит эту знаменитую «Константинопольскую миссию», доставив из Царьграда для российского Государя «древнюю книгу» с благословением Вселенского Патриарха на возведение на царство по чину «венчания императоров византийских». Таким образом получит официальный статус идея наследования Московским царством достоинства Византийской империи: «Москва – Третий Рим».

За исполнение этой важнейшей дипломатической задачи Феодорит сподобится царских почестей и великих милостей от Иоанна Грозного, увенчавшихся и искусительным предложением даровать Феодориту *«такую власть духовную»*, которую тот бы только *«захотел»*.

Но блаженный старец до конца дней своих будет вновь и вновь стремиться к своей избраннице – к «полнощной стране», к земле Кольской, объезжая *«детей своих духовных, как монахов, так и лопянов, наученных и крещенных от него, печась о спасении душ их»* и духовно окормляя Печенгский и Кандалакшский монастыри, в сане архимандрита достигнет блаженной кончины, отойдя ко Господу в родном Соловецком монастыре в возрасте девяноста лет.

Современник Феодорита и его духовный сын князь Андрей Курбский напишет вскоре, обращаясь к *«теплохладному»* человеку века сего: *«Зри сюда, лицемерный христианин, какие храбрые еще обретаются старцы в Православной земле, на правоверных догматах воспитанные. Чем более престареют и изнемогут телом, тем большую храбрость и ревность ко благочестию во Господе полагают и проникаются Богом и живут под покровом Вышнего»*.

Яркая жизнь великого апостола Крайнего Севера, преподобного Феодорита Кольского, ясным образом свидетельствует об утратах нашего времени, обличая болезненную суетность нашей жизни и духовную немощь современных христиан.

Как мы теперь знаем, у преподобного Феодорита с детства была главная мечта. В своих трудах по просвещению Лапландии Феодорит, следуя примеру просветительских деяний Стефана Пермского, конечно же, намеревался повторить опыт утверждения епископской кафедры на присоединенных к Православию землях Крайнего Севера. И как святитель Стефан стал первым архиереем Великой Перми, так мечтал и Феодорит, чтобы и здесь, на Кольской земле, был свой архиерей «Великой Лапландии».

Прошло четыреста сорок лет. Мудрая несуетность деяний Феодорита

отразилась и в этом, столь долгом, ожидании, в полноценном созревании этой земли и обильном политии ее кровью новомучеников XX века. И вот в 1996 году исполнилась мечта жизни кольского подвижника – на земле Великой Лапландии впервые появилась самостоятельная Мурманская епархия. И неудивительно, что благословением первого архиерея епархии, епископа Мурманского и Мончегорского Симона, в 2003 году самым первым из святых, в земле Кольской просиявших, был прославлен в лике преподобного Феодорит, просветитель Кольского края, с установлением дня его памяти 17/30 августа.

Вновь обратимся к вдохновенным строкам князя Андрея Курбского, словно обращенным к нам, ныне живущим: *«Аще Бог поможет, может, и обрящу я когда мужей духовных, желающих сего повествования о деяниях сего славного мужа. Тогда много что вспомянем мы и о предивных его видениях, и о пророчествах грозных, и о чудесах великих, о чем лишь духовные духовным на пользу поведать могут»*.¹

Хочется верить, что пришло это время, о котором писал князь Андрей, и православные христиане Кольского Севера, с радостью почитая память преподобного Феодорита, *«вспомянут о предивных его видениях, и о пророчествах грозных, и о чудесах великих»* и молитвенно прикоснутся к духовному наследию выдающегося святого XVI века, апостола Великой Лапландии – преподобного Феодорита, просветителя Кольского.

¹ Курбский. С. 347.

Материалы конференции
ШЕСТЫЕ
ФЕОДОРИТОВСКИЕ
ЧТЕНИЯ

Приветственное слово
главы муниципального образования Терский район
Самойленко Наталии Александровны

Уважаемые участники чтений, дорогие друзья!

От лица всех жителей нашего района приветствую Вас в нашем поселке Умба! Знаменательно, что Феодоритовские чтения проводятся здесь, на Терском берегу, который славится своими святыми местами, православными традициями, храмовыми комплексами и священнослужителями, благодаря подвижническому труду которых восстанавливаются церкви и не иссякает поток паломников к терским святыням.

Мы очень рады тому, что за прошедшие годы Феодоритовские чтения стали новой традицией возрождения российской духовности. Страница за страницей открывается замечательная и насыщенная книга истории нашего края, сурового быта наших предков, свершений великого Кольского просветителя и его последователей. Столь же неоценимо и научное значение этих мероприятий. Отрадно, что прошлое и настоящее Русского Севера стали предметом внимания большого количества известных ученых и исследовательских организаций.

Я глубоко убеждена, что Феодоритовские чтения внесут немалую лепту в просвещение и духовное воспитание наших сограждан. Желаю всем участникам VI Международной историко-краеведческой конференции насыщенной и продуктивной работы. Примите мою искреннюю благодарность за то, что своим подвижническим трудом поддерживаете истинно православный дух в нашем народе. Доброго Вам здоровья, душевных сил и свершения всех замыслов на благо утверждения добра на ниве православия.

Слово правящего архиерея Мурманской и Мончегорской епархии архиепископа Симона по теме конференции «Мученики XX века»

Сердечно приветствую всех вас, дорогие отцы, братья и сестры!

Тема нынешних Феодоритовских чтений, проводимых нами в год 1025-летия Крещения Руси и в год 400-летия царской династии Романовых, увенчавшей свое правление в России мученическими венцами, – «Мученики XX века» – одновременно и духовная, и историческая. Ибо в истории Церковь пребывает реально, хотя при этом она и трансцендентна по отношению к истории. И только глазами веры можно увидеть историю одновременно и в ее зримой реальности,

и в духовной – как носительницу Божественной жизни. Мы же, христиане, в такой ситуации призваны преодолевать и исполнять в себе состояния и тайны Церкви, тайны Христа, а также часто молить Его, чтобы Он совершил и исполнил их, Свои спасительные тайны бесконечной любви, и в нас, и во всей Церкви. Ибо Сын Божий замыслил дать Причастие и совершить как бы расширение и продолжение Своих тайн в нас и во всей Его Церкви благодатью, которую Он желает нам сообщить, и действиями, которые Он желает в нас произвести через Свои тайны. Именно так Он хочет раскрыть и завершить дело спасения человечества.

Одной из сокровеннейших тайн Христовых является тайна МУЧЕНИЧЕСТВА. Призвание христианина – жить жизнью Христа и в своей жизни, своей жизнью, а не только словами, свидетельствовать о Нем, о Евангелии, о вечной жизни, об истине веры. Так вот, мученичество есть высшее свиде-

тельство, оно, как Голгофский Крест, – высшая точка общения между Богом и человеком. Ибо на кресте человек добровольно и полностью принимает волю Бога, Слово Отца. Большого ожидать невозможно.

Рассуждая дальше, уже о мученичестве XX века, я приведу примеры, относящиеся к исследуемому нами периоду, может быть, кому-то и известные.

Покойный митрополит Суражский Антоний в книге «Труды» рассказывает о своем старшем друге Феодоре Тимофеевиче Пьянове, который во время Второй мировой войны был заключен в концентрационный лагерь. Владыка встретил этого человека после войны, и в беседе он сказал, что из лагеря, где провел 4 года, он вынес тревогу. Не веру он потерял и не отчаяние одолело его, однако, пока он был в концлагере, он чувствовал, что у него есть право и власть молиться и заступаться за тех несчастнейших людей, которые мучили пленников, потому что в каждое мгновение он был страдальцем и имел божественную власть простить. «Теперь, – продолжал свой рассказ Феодор, – я не страдаю. Но те люди, которые причинили нам столько нравственной боли и физического страдания, стоят перед Богом. Когда-то они станут перед Его последним Судом. Но когда я молюсь о них, я чувствую, что не могу больше молиться с уверенностью, что Бог меня слышит, потому что я больше не страдаю. Я ничем не могу доказать Богу, что моя молитва искренняя, что она идет из глубины», – закончил свой рассказ Феодор. Вот человек-мученик, который встретился со страданием и сумел подойти к этой ситуации с позиций любви, с позиций Христа. Зло было сведено на нет, хотя боль и страдания остались.

«Один из епископов, – рассуждает дальше Владыка, – погибший в сталинское время, сказал: “Для христианина привилегия – умереть мучеником, потому что только мученик может в день Суда встать перед судным престолом Божиим в защиту своих преследователей и сказать: в Твое имя и по Твоему примеру я простил их, Тебе больше нечего взыскать с этих людей!”»¹ Вот чем обусловлено дерзновение святых пред Господом, вот откуда черпается сила молитвы святых.

Другой рассказ митрополита Антония – о женщине, которая умерла от рака груди. Это была женщина простой и непосредственной веры, ей было сорок с небольшим лет, у нее были муж и двое детей, она любила жизнь.

Когда обнаружилось, что у нее запущенная стадия рака и, вероятно, он убьет ее за довольно короткий срок, врачи все же предложили ей попытаться

¹ Митрополит Антоний Суражский. Труды. Книга вторая. М.: Практика, 2007.

ся применить лечение. Она стала лечиться, потому что считала, что Бог, как говорит Писание, создал лекарство и врача (*Сир. 38, 1–15*), т. е. ей, конечно, можно лечиться. Лечение не помогло, и постепенно она стала умирать. У нее появились язвы, затем глубокие раны, и в конце концов болезнь разъела ребра так, что были видны легкие. И эта женщина с невероятной простотой веры и невероятным мужеством, родившимися из ее простой веры, говорила: «Я не стану принимать никаких болеутоляющих средств, пока могу терпеть боль», – и терпела. Однажды ночью, уже под утро, она позвала мужа и сказала: «Теперь можешь давать мне что угодно, чтобы избавить от боли. Я лежала и внезапно увидела Христа, и теперь я в мире. И больше не имеет значения, жива я или умерла». В минуту встречи с Христом женщина почувствовала, что может равно принять жизнь и смерть и что она получила от своего страдания все, что можно. Она приняла это и теперь нашла вечную жизнь в лице Того, Кто есть Вечная Жизнь. Более не имело значения, чем эта жизнь обернется: выздоровлением или смертью.

«Дни лукавы» (*Еф. 5, 16*), – говорит Апостол, т. е. исполнены всякого коварства, зла, всяческих хитросплетений. Значит, таковы и годы, и века. Во все времена враг рода человеческого, чтобы поддерживать свою связь с людьми и чтобы сохранить свое влияние на них, изощряется, изыскивая всевозможные жизненные ситуации, вовлекая и поставляя нас в них.

XX век – особенный в этом смысле, по каким внешним признакам его ни характеризуй. Однозначно, он не такой, какими были все предыдущие и какими будут все последующие. И по духовным критериям тоже. Все течет, все меняется – всем нам известный принцип жизни. Уходят и меняются лета, меняется мир, меняются люди, однако, повторюсь, такое впечатление создается, если судить по признакам внешним, не сущностным. По сути же наш мир все тот же Божий мир, но в нем есть грех, есть зло. И человек в нем остается образом и подобием Божиим, хотя и исковерканным грехом. Утратив непосредственное общение с Богом и спасаясь, он ищет Бога, тянется и пробивается к Нему, как к источнику жизни. Бог содействует человеку в этом. Содействовать друг другу призваны и мы в меру своего возраста, своих духовных сил, становясь вестниками Христовой любви и, более того, являя образ Живого Христа в благоприятных и неблагоприятных для этого житейских ситуациях – во всех, даже самых крайних. И мученичество, как высшее свидетельство о Христе, как Голгофа, как один из аспектов Христовой любви, в XX веке по своей сути не меняется, а остается, так сказать, са-

мим собой. Своего верного «даже до крови и смерти» последователя, служителя из крайней ситуации столкновения добра и зла Господь как бы принимает и поставляет у Своего Небесного престола. А на земле в это время снова торжествует Христова любовь. И этой любовью, терпением, смирением, страданием и прощением мученика побеждается, как бы погашается зло: оно не распространяется, не растет. Вспомним приведенные уже слова епископа, пострадавшего во время сталинских гонений: «Придет день, когда мученик сможет стать перед престолом Божиим в защиту своих мучителей и сказать: Господи, в Твое имя и по Твоему примеру я их простил, тебе больше нечего взыскать с них».¹

Являя новую высоту любви Божией в человеческом сердце, мученики являют новую победу Божию. Бог в этих людях являет Себя, и личное мученичество перерастает в спасение другого человека.

О крайних житейских ситуациях XX века, точнее, нашего времени можно рассуждать бесконечно.

Во время учебы в духовных школах я был будто бы прилежным студентом, и мне друзья в шутку иногда говорили: мол, хочешь быть епископом. На это у меня был такой небезосновательный и взвешенный ответ: буду – не буду – это Господь управит, а вот к тюрьме и суме готовиться надо всем, к этому необходимо быть всегда готовыми.

1986 год – мой последний учебный год в Московской Духовной академии. В ночь перед Воздвижением там случился страшный пожар, погибло пятеро ребят-семинаристов: Игорь, Владимир, Ярослав, Владислав, Дмитрий. Шестой, Петр, бывший с ними, успел спастись, выпрыгнув из окна и получив серьезную травму. Когда его поместили в больничную палату, он сразу же уснул и во сне увидел, как преподобный Сергей Радонежский возложил на голову каждого из погибших огненный венец. Имена погибших стали известны значительно позже, Петр же назвал их мне первым еще в начале пожара.

Прошло 13 лет с того дня, как погибла подводная лодка «Курск». Тогда погибло 118 человек, среди них были мусульмане. Встал вопрос об отпевании погибших. Как правящий архиерей, я молился о том, чтобы принять правильное решение. И Господь указал мне, что отпевать необходимо всех

¹ Там же.

без исключения, ибо все они погибли в водной стихии, в которой христиане совершают таинство Крещения, исповедав Христа и приняв Крещение непосредственно от Него. А подводная лодка стала для них гробом.

Всем нам известно предание святых отцов древности о том, что в последние времена подвижники на земле оскудеют, но дело спасения людей не прекратится: люди будут спасаться в болезнях и скорбях, но не только. Многие из нас знают рассказ преподобного Макария Великого о двух женщинах, которых Господь открыл ему как более совершенных подвижниц, чем сам он.

Знаете, что хочется сказать мне о крайних ситуациях в нашей человеческой жизни? У каждого человека-христианина любого времени, любого места жительства на земле есть своя жизнь, свой путь, свой крест, свое особое призвание. И всегда бывает, конечно же, своя «крайняя» ситуация, в которой человеку требуется каким-то образом (мысленно, словестно, письменно и т. д.) выразить свое искреннее личное и неформальное признание, исповедание, свидетельство в верности Христу. Как некий пароль. В этом все мы нуждаемся и в этом кроется какая-то жизненная тайна, спасительный для нас смысл, несмотря на то, что и без такого духовного действия Господь знает наши сердца.

Дорогие отцы, братья, сестры! Восстановление памяти о христианских мучениках XX века – это, так сказать, всего лишь внешняя, формальная сторона нашей конференции, нашего христианского долга и нашей жизни. Сущность же и глубина состоит в том, чтобы усваивать их опыт, поддерживать его как пламень жизни и по их примеру, образу свидетельствовать другим людям и впоследствии нашим потомкам о Христе, о подлинном христианстве, о Христовой Церкви, которую «врата ада» в наше время самыми изощренными способами стараются одолеть.

Доклад по теме конференции: «Мученики XX века»

*Игумен МИТРОФАН (Баданин),
настоятель Успенского прихода села Варзуга,
Председатель комиссии по канонизации
святых Мурманской епархии*

I

Наша конференция проходит в год празднования 400-летия Дома Романовых. Эта дата и эта фамилия неизбежно возвращает нашу память к событиям начала XX века, к трагическому завершению великой истории правления этой царственной династии. Особое звучание нашим воспоминаниям придают факты канонизации многих членов семьи Романовых и многочисленные случаи мученической кончины большинства представителей династии в завершающий период ее правления.

Мы видим здесь явление особого Божьего промысла о нашей стране, важного смысла в этом последнем, мученическом служении царственных страстотерпцев, в их смиренном восхождении на уральскую Голгофу. Также видится вполне закономерным, что вслед за царственными мучениками на эту Голгофу XX века взошел и весь российский народ.

Монархи царственного рода Романовых глубоко осознавали себя прежде всего христианскими

Император Николай II

государями и лишь затем русскими царями. Сознание необходимости исполнить особую евангельскую миссию, быть «удерживающим», понимание сакральной сути этого тяжкого служения в мире, где *«тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь»* (2 Фес. 2, 7), было присуще большинству императоров Дома Романовых.

Вершиной этого христианского служения, ее апогеем и Крестным путем стал период правления императора-страстотерпца Николая II. Стремление не допустить братоубийственных войн, противостать надвигающимся кровавым событиям пронизывало всю политику императора. Так, именно по его инициативе в Гааге состоялось ранее не виданное международное событие – первая мирная конференция по разоружению.

Противостояние Николая II приближающейся катастрофе XX века не было чем-то необычным и новым в российской политике. Предчувствие надвигающейся власти тьмы, усиление антихристианских сил и шествие «духа разрушения» в полной мере беспокоили и прежних российских государей. Так, еще в начале XIX века император Александр I тонко прозревал тайные механизмы формирования новой мировой политики: «Мы заняты

Русская делегация на Гаагской конференции 1899 г.

Император Александр I

важнейшей заботой, но и труднейшей также. Дело идет об изыскании средств против владычества зла, распространяющегося с быстротой при помощи всех тайных сил, которыми владеет сатанинский дух, управляющий ими». Говоря об этом, Александр I в полной мере понимал всю ограниченность человеческих возможностей. Его размышления являют истинно христианский взгляд на историю: «... Средство, которое мы ищем, находится, увы, вне наших слабых человеческих сил. Один только Спаситель может доставить это средство Своим Божественным словом. Воззовем же к Нему от всей полноты, от всей глубины наших сердец, да сподобит Он послать Духа Своего Святого на нас и направит нас по угодному Ему пути, который один только может привести нас к спасению».

Спустя сто лет царь-мученик Николай Александрович вновь произнесет эти слова истинной веры, которые запишет великая княгиня Ольга: «Отец просит передать всем тем, кто остался Ему предан, и тем, на кого они могут иметь влияние, чтобы они не мстили за Него, так как Он всех простил и за всех молится, и чтобы не мстили за себя, и чтобы помнили, что **то зло, которое сейчас в мире, будет еще сильнее**, но что не зло победит зло, а только любовь...»

II

Сегодня стало очевидно, как это предвидение о нарастании в мире сил зла неумолимо сбылось в истории XX века и как стремительно продолжает возрастать власть князя тьмы. Когда читаешь документы недавнего прошлого человечества и сталкиваешься со свидетельствами главенства христианских принципов в государственной политике прошлых веков, кажется уже невероятным, что когда-то такое было. Как нечто диковинное ныне воспринимаются свидетельства того, например, что сила «крестного целования» при заключении мира являлась гарантией тому, что война не может начаться прежде срока. В современной политике введение подобных критериев воспринимается как абсурд и апеллирование к таким категориям будет оценено в лучшем случае как наивность.

Апостол Иоанн Богослов

Вся трагическая история прошедшего XX века, его великие потрясения и катастрофы, те «невиданные перемены, неслыханные мятежи», которые коснулись каждой семьи, каждого человека, разделившего судьбу своей страны, имеет одну единственную причину. Причина эта – отступление от Христа, забвение Его основополагающих заповедей любви и милосердия. Всякий пренебрегший помощью Господа и защитой Его Церкви неизбежно окажется во власти торжествующих сил тьмы, испытает всевластие всемирного зла. Таков вселенский закон Божий, и смешны попытки

современного гордого человека реально противостоять ему, уповая лишь на свои возможности.

В мистическом плане мы наблюдаем исполнение тех великих и страшных Божественных определений, что еще две тысячи лет назад были явлены апостолу Иоанну Богослову в его Откровении на острове Патмос. Невольно вспоминаются семь печатей, которые должен снять Божественный Агнец, распечатывая страшные события завершающего периода человеческой истории: *«И вышел конь рыжий; и сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч... И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя “смерть”; и ад следовал за ним; и дана ему власть над четвертою частью земли – умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными»* (Откр. 6, 3–4, 8).

Думается, что события XX века могут быть ясным свидетельством уже состоявшегося снятия и пятой печати, потому как *«когда Он снял пятую печать, я увидел под жертвенником души убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели. И возопили они громким голосом, говоря: доколе, Владыка Святый и Истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу? И даны были каждому из них одежды белые, и сказано им, чтобы они успокоились еще на малое время, пока и сотрудники их и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число»* (Откр. 6, 9–11).

Здесь упомянуты мистические слова о «малом времени», что были вновь явлены в 1908 году, в видении святого праведного Иоанна Кронштадтского: *«И увидел я массу народа с радостными лицами, а в руках кресты, хоругви и свечи, а посреди между толпой стоял высокий престол на воздухе, золотая царская корона с надписью на ней золотыми буквами – “На малое время”»*.

Думается, что это «малое время» есть период нашего нынешнего духовного благоденствия, который искупили для нас у Господа своею кровью новомученики и исповедники Церкви Русской. Но процесс завершения земной истории уже не остановить, и неумолимо приближается время «великой скорби», когда «сотрудники и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число», дабы все христиане последних времен «омыли одежды свои и убелили одежды свои Кровию Агнца» (Откр. 7, 14).

III

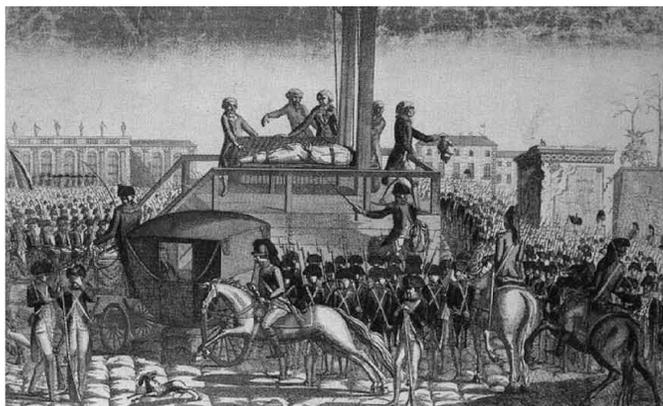
Все крупнейшие гонения, геноциды и репрессии, которыми отмечен XX век, неизменно опирались на некое идейное богоборческое обоснование, в первую очередь, отметавшее христианскую веру как основополагающий принцип человеческого бытия. Непременно утверждался новый взгляд на смысл человеческой жизни и возвещалась необходимость исполнить «особую историческую миссию».

Первый такой опыт был поставлен во времена Французской революции, которая творила свои кровавые изуверства с первоочередной задачей уничтожения христианства и вводя некие суррогаты «новой» религии, такие как «культ Разума», почитание «революционных мучеников» или «культ Верховного Существа».

Как и во Франции XVIII века, так и в дальнейшем непременно возвещалась некая «величественная» задача, которая сама по себе неизбежно утверждает известный принцип Н. Макиавелли – «цель оправдывает средства».

Для достижения поставленной цели прежде всего необходимо, опять же, ликвидировать те нравственные ограничения, барьеры человеческой сове-

Казни во время
Французской революции

сти, те вечные, основополагающие ценности, что были возведены миру Христом Спасителем. С этой целью безнравственность жизненных принципов уверенно возводится в норму. Так, «великий вождь революции» В. Ленин в своей известной работе «Задачи союзов молодежи» дает молодым строителям коммунизма конкретную жизненную установку: «Нравственно то, что выгодно пролетариату». Эти слова равнозначны призыву завершить историю человечества, ибо принятие подобного постулата делает дальнейшее бытие мира лишенным смысла.

Так же и немецкий фашизм, придя к власти, решительно порывает с христианскими нормами жизни. Из меморандума Мартина Бормана всем гауляйтерам востока в декабре 1941 года: «Национал-социалистские и христианские идеи несовместимы». «Честными, порядочными, верными мы должны быть по отношению к представителям нашей собственной расы и ни к кому другому» (Г. Гиммлер в 1940 году). Исходя из этих посылок Гитлер, инструктируя солдат вермахта перед решающей битвой на Востоке, был предельно откровенен: «Я освобождаю вас от химеры, именуемой совестью».

IV

«Смерть одного человека – это смерть, а смерть двух миллионов – только статистика» (Э. М. Ремарк, «Черный обелиск»). Такова защитная реакция человеческой психики: невозможно охватить сердцем всю глубину таких трагедий, постичь эту непомерную скорбь. Но когда глубоко проникаешь в историю страданий хотя бы одного человека, возвращаешь из небытия одну судьбу, одно имя, то совершаешь великое дело, ибо океан состоит из капель. И каждый человек – целая вселенная.

Геноцид армян в Турции, 1915 г.

Поэтому наша задача произнести эти имена, восстановить справедливость, дать им нашу память и молитву. Но прежде все же дадим ту самую безжалостную «статистику», назовем страшные цифры.

В Османской империи в период с 1915 по 1923 год было проведено целенаправленное истребление христиан. В результате этих зверств было уничтожено около 1,5 миллиона армян, 1,2 миллиона понтийских греков и до 750 тысяч ассирийцев. Думается, что слова Папы Иоанна Павла II вполне справедливы: «Геноцид армян стал прелюдией к последующим ужасам: двум мировым войнам, бесчисленным региональным конфликтам и преднамеренно организованным кампаниям по истреблению людей, в результате которых лишились жизни миллионы верующих ...»

Надо сказать, что «предтечей» эти событиям, открывшим наступление страшного XX века, было Ихэтуаньское восстание в Китае в 1901 году. Одной из принципиальных задач, стоящих перед восставшими, было уничтожение христианства. Китаец-христианин был поставлен перед выбором: отречься от Христа или умереть. В результате христианство в Поднебесной было практически уничтожено, но дало целый сонм христианских мучеников Китая.

Следует вспомнить, что в дальнейшем более 10 миллионов китайцев были уничтожены Японией в ходе оккупации между 1937–1942 годами.

Нацистской Германией во время Второй мировой войны по расовому признаку массово истребляли евреев и цыган (Холокост). В результате было уничтожено 6 миллионов евреев и около 200 тысяч цыган. При этом мы на-

На оккупированной территории

блюдаем, как теме Холокоста придается исключительный, едва ли не сакральный смысл, в то время как факт целенаправленного истребления русского народа в ходе той войны малоинтересен «мировому сообществу».

И это при том, что последние исследования позволяют говорить о 13 миллионах 700 тысячах человек уничтоженного мирного населения СССР. Из них было преднамеренно истреблено на оккупированной территории и погибло в результате боевых действий – 7 миллионов 420 тысяч; умерло вследствие гуманитарной катастрофы – 4 миллиона 100 тысяч; погибло на принудительных работах в Германии – 2 миллиона 160 тысяч. Порядка 500 тысяч человек не вернулись после войны, став эмигрантами. Следует еще раз напомнить, что здесь мы касаемся только потерь мирного населения и лишь в период 1941–1945 годов.

Окатоличивание сербов
в Хорватии

Многострадальная маленькая Сербия в годы Второй мировой войны подвергалась жесточайшим гонениям по расово-религиозному признаку. Профашистским хорватским режимом А. Павелича была поставлена задача: из всех сербов 1/3 часть должна была быть насильно обращена в католичество, 1/3 – изгнана и 1/3 – убита. В результате в период 1941–1945 годов было уничтожено 750 тысяч православных сербов (а также 40 тысяч евреев и 30 тысяч цыган).

В ходе войны отличились и украинские националисты. Подразделения УПА в 1943–1944 годах осуществили широкомасштабную акцию уничто-

Вьетнам. Тактика
выжженной земли

жения поляков, проживающих в Западной Украине. Бандеровцы истребляли поляков целыми семьями и даже селами (колониями). В ходе бандеровских акций перестали существовать 399 польских сел на Волыни и 218 – на Ровенщине. Было уничтожено более 100 тысяч поляков.

После Второй мировой войны все крупнейшие массовые истребления людей, все геноциды оказываются неразрывно связанными с имперскими амбициями США. В этом ряду уничтожение 4 миллионов корейцев в период с 1950 по 1953 годы и 4 миллионов индо-китайцев с 1960 по 1975 годы. В результате американской «антиповстанческой» политики ковровых бомбометаний во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже было убито более 4 миллионов человек. Можно вспомнить и сотни тысяч иракцев, погибших начиная с 1991 года и далее после вторжения и оккупации в марте 2003 года и по настоящее время.

Весьма памятным эпизодом циничной политики США стали события в Гватемале в 1980-х годах. Направляемый из США гватемальский диктатор Риоса Монта уничтожил более 200 тысяч индейцев майя, разрушив более 250 индейских деревенских общин.

Одним из самых изуверских режимов второй половины XX века следует признать правление диктаторов Пол Пота и Иенг Сари в Камбодже в 1975–1979 годах. Было произведено истребление порядка трех миллионов камбоджийцев. При этом, как и в случае с российской историей периода 1917–1924 годов, трудно подвести признаки геноцида под происходящие зверства, поскольку ни национальность, ни иные характеристики жертв не имели определяющего значения. Но, тем не менее, в первую очередь в эти

четыре года были убиты все 60 тысяч христиан Камбоджи, как священники, так и миряне.

Не остались в стороне от трагедий XX века и народы Африканского континента. В 1994 году произошла массовая резня в государстве Руанда, в результате которой представители племени хуту истребили 800 тысяч членов племени тутси.

Есть еще один случай, когда произошедшему было присвоено слово «резня». Западное сообщество решило таким образом закрепить в массовом сознании огромный политический обман и провокацию, имевшие место в Сербии в 1995 году. Это было необходимо для того, чтобы в дальнейшем оправдать агрессию против Югославии. Так называемой «Резне в Сребренице», или, иначе, «массовому убийству боснийских мусульман боснийскими сербами», предшествовали действительно страшные события. Подразделения армии боснийских мусульман перед этим безжалостно убили 2383 мирных сербских граждан, включая женщин и детей. Только после этих событий армия боснийских сербов вошла в Сребреницу и тогда начались бои, казни и расправы, но следует подчеркнуть, что речь идет о цифре от 500 до 1000 человек боснийских боевиков, то есть исключительно военных.

V

Если коснуться имевшего место масштабного уничтожения русского народа в XX веке, то следует признать, что мы имеем довольно нестандартную ситуацию. Трудно установить, где проходило разделение и по какому принципу избиралась категория истребляемых слоев населения. Так, например, мы не можем установить национальной подоплеки. Если, конечно, не принимать во внимание, что подавляющее большинство руководящих постов в Совете Народных Комиссаров 1918 года занимали евреи. Нельзя также утверждать, что разделение происходило лишь по религиозной составляющей. Нет сомнений, что наступили очевидные и жестокие гонения на Церковь, но кровавая Гражданская война шла вовсе не между христианами и атеистами. И подход классового разделения, на котором так лихо спекулировала ленинская клика, далеко не всегда прояснял картину происходящей страшной российской драмы: основная армейская масса состояла из крестьян, которые воевали как на стороне «белых», так и на стороне «красных».

Пожалуй, следует признать, что имело место разделение по принципу носителей разного духа, произошло масштабное противостояние сил света

Ушедшая Россия

и тьмы, сил добра и зла. Господь попустил эту страшную кару за грехи русского народа, народа-богоносца, и, в первую очередь, за грехи вероотступничества и клятвопреступления. Таким образом стало возможно столь масштабное восстание сил князя тьмы. Началось шествие разрушителя и попрание самих основ нашей страны, ее истории, традиций, веры, моральных и семейных устоев, понятий о чести, благородстве, порядочности, культуре. Злодеяния эти творились руками самих повредившихся людей, созревших для этой бесовской работы, поклонившихся князю тьмы и вставших на путь духовной гибели. Таким образом, произошло покушение на фундаментальные основы традиционной российской жизни. В результате последовало уничтожение всех ее реальных носителей – русского дворянства, интеллигенции, офицерства, священников, промышленников, купцов, инженеров. Сюда же следует причислить и крестьян с рабочими, якобы во имя счастья которых творилась вся эта кровавая вакханалия.

О том, как жила Российская империя при «царе-батюшке», говорят результаты переписей населения. По первой всероссийской переписи 1897 года, численность населения в пределах современных границ Российской Федерации (то есть без азиатских и прочих окраин) составляла 67,5 миллиона человек. Через 15 лет, к 1913 году, на этой же территории уже жило 90 миллионов человек. За 15 лет – рост на 23 миллиона, или на 30 процентов (!).

После катастрофы 1917 года, к 1920 году, за три года революции демо-

Долой Пасху. Фото 1920-х гг.

графические потери непосредственно в России оцениваются в 18 миллионов человек.

Вскоре и все окраины Российской империи вкусили плоды социальных и духовных экспериментов «кремлевских мечтателей». В марте 1920 года Лениным было принято решение о вторжении в Азербайджан и Грузию. Для его реализации было создано Кавказское бюро РКП(б) во главе с С. Орджоникидзе. И 27 апреля в Азербайджан вошла Красная армия. В республике был установлен режим неограниченного красного террора, осуществляемый С. Кировым. Для примера, когда 25 мая против большевиков восстал город Елизаветполь (Ганджа), то при подавлении восстания было убито почти все население этого сорокатысячного города.

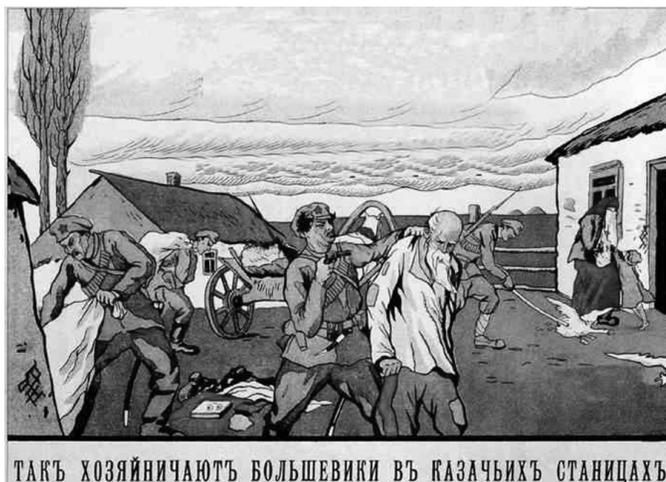
Вернемся в Россию. Так называемый «голод в Поволжье» 1921–1922 годов унес жизни около 5 миллионов человек. На самом деле фактически кроме Поволжья голодали Южная Украина, Крым, Башкирия, частично Казахстан, Приуралье и Западная Сибирь. На фоне имевшего место в эти годы неурожая случилась трагедия, которая явилась прямым следствием проводимого большевиками эксперимента по уничтожению денег и частной торговли при безжалостной продразверстке (насильственном изъятии продуктов) и прочих беззакониях военного коммунизма.

Патриархом Тихоном было дано благословение на сбор церковных ценностей для помощи голодающим, но святитель возразил против постановления ВЦИК от 22 февраля 1922 года «О ликвидации церковного имущества», где требовалось «изъять из храмов все драгоценные церковные вещи, в том числе и священные сосуды, и прочие богослужебные церковные предметы». Патриарх объявил, что «с точки зрения Церкви подобный акт является актом святотатства». Эти возражения были использованы большевиками для гонения на Церковь, для ее разорения и как повод для репрессий против верующих.

Об истинных мотивах большевистской «заботы о голодающих» говорят факты. Всего было изъято церковных ценностей на два с половиной миллиарда золотых рублей, но только примерно один миллион рублей был потрачен на закупку продовольствия для голодающих. Основная часть собранных средств пошла на «приближение мировой революции».¹

¹ Латышев А. Г. Рассекреченный Ленин. М., 1996. С. 33.

Плакат 1919 г.

Очередным страшным периодом массового уничтожения народа России стал голод 1933–1934 годов. Как показывают исследования, в целом урожай 1932 года был неплохим – средним за последние годы. Так что страшной особенностью этого голода было то, что «он наступил не вследствие засухи и недорода, как это бывало прежде в Поволжье, а в результате принудительных сталинских хлебозаготовок. Впервые в истории поволжской деревни произошел искусственно организованный голод».¹ Общие потери населения России за этот период оцениваются от 5 до 6,5 миллионов человек.

Одновременно с этим бедствием происходило сознательное разорение сельского уклада жизни в России. Из деревень изымались наиболее трудоспособные, нравственно крепкие крестьянские семьи. За два года (с 1930 по 1931), по данным Отдела по спецпереселенцам ГУЛАГа ОГПУ, на спецпоселение было отправлено 380 тысяч семей общей численностью 1 миллион 800 тысяч человек. В последующие годы, с 1932 по 1940, дополнительно в ссылки было отправлено еще 500 тысяч раскулаченных. Порядка 100 тысяч «кулаков» погибли в пути следования и еще 300 тысяч умерли от голода и болезней уже в местах ссылки.

Одна из трагических страниц в уничтожении нашей национальной идентичности – это политика так называемого расказачивания. Начало массовому уничтожению казачества было положено директивой ЦК РКП (б) от

¹ Кондрашин В. Голод 1932–1933 годов в деревнях Поволжья // Вопросы истории. 1991, № 6. С. 179.

24 января 1919 года за подписью Я. Свердлова: «Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам».

В дальнейшем Советская власть продолжала политику по ликвидации казачества. Происходило как физическое уничтожение казаков в станицах и хуторах, так и переселение их на север, в необжитые районы. В течение 1930–1931 годов было арестовано и депортировано не менее 300 000 казаков из различных регионов, в большей степени из Уральской области и бывших территорий казачества на Северном Кавказе.

Особая страница в истории нашей страны в XX веке – это большой сталинский террор 1937–1938 годов. Арестам и заключениям по делам органов НКВД было подвергнуто свыше 1 миллиона 600 тысяч человек, из них около 700 тысяч человек были приговорены к расстрелу. Согласно имеющимся официальным архивным данным, в 1930–1953 годах во всех местах заключения умерло 1 миллион 760 тысяч человек. Надо признать, что ряд исследователей справедливо ставит под сомнение эти цифры. Думается, что здесь нет ничего удивительного, поскольку вся жизнь в СССР находилась под удушающим контролем партии – организации, априори отвергнувшей какие-либо нравственные нормы и этические ограничения. Потому и историческая наука «страны советов», живя в репрессированном состоянии и будучи вынужденной выполнять идеологический заказ, была построена на лжи и фальсификациях. Реальные цифры погибших от репрессий, на которые выходят современные исследования, составляют порядка 4–6 миллионов человек.

При этом, как ни странно, самые массовые репрессии пришлись, опять же, на крестьянское сословие. Исторические исследования показывают, что процентное соотношение репрессированных выдвигает на первое место среди пострадавших российское крестьянство. Как результат подобного геноцида, произошли серьезные изменения качественной составляющей класса крестьян как производительной силы – трудовое и трезвое русское крестьянство перестало существовать. А ведь именно здесь сохранялась подлинная чистота и здоровье российского генофонда, именно из крестьянской массы вырастали наиболее успешные и талантливые предприниматели, военачальники, инженеры, врачи, ученые. Уничтожением трудового крестьянства коммунисты разгромили не только самое эффективное сельское хозяйство в мире, но и перешибли становой хребет русскому народу.

Надо сказать, что и в дальнейшем в отношении крестьянства политика целенаправленного истребления не прекращалась. Ликвидация частных подсобных хозяйств, запрет на содержание личного скота при Хрущеве в 60-е годы завершились полным уничтожением так называемых «бесперспективных» сел. Сорок тысяч древнейших сел и деревень перестали существовать. Желающие могут побывать в одном из таких сел на побережье Белого моря. Древнейшее село Кереть, родина великого подвижника Крайнего Севера преподобного Варлаама Керетского, и сейчас, спустя 60 лет, все еще потрясает развалинами некогда добротных домов, которые были вынуждены бросить жители Поморья.

VI

Двадцатый век положил начало процессам глобальных перемен в истории человеческой цивилизации, можно сказать, привел к тектоническим сдвигам в расстановке духовных сил в мире. Точка невозврата большинством англо-саксонских стран мира уже пройдена. Католическая Европа, в течение долгих веков гордящаяся своей великой христианской цивилизацией, ощущающая себя мировым оплотом нравственности и благочестия, надежно сцементированным непререкаемым авторитетом Папы, находится в состоянии духовного угасания.

Стремление к максимально комфортной жизни, с гарантированным на законодательном уровне «счастьем» и «защищенностью» от всех проблем, вскоре затмило суть учения Христа, в котором об этих приоритетах ничего не говорилось. Со временем возведение этих сверхзадач в ранг смысла жизни на земле сыграл с разжиревшей и обессиленной Европой злую шутку. Задача наслаждения жизнью потребовала реализации ее потенциала во всех возможных формах и при этом с максимальным комфортом. То есть бывшие христиане Европы пошли по пути духовной деградации, возвратившись в язычество, приняв *«прежний образ жизни ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях»* (Еф. 4, 22).

Эта беда стала прямым следствием непомерно возросшей гордости представителей европейской цивилизации, которые *«по суетности ума своего, будучи помрачены в разуме, отчуждены от жизни Божией, по причине ожесточения сердца их. Они, дойдя до бесчувствия, предалися распутству так, что делают всякую нечистоту с ненасытимостью»* (Еф. 4, 17–19).

Единственной проблемой на этом гибельном пути стало противоречие

с нормами христианской традиции, все еще закрепленными в законодательстве, поскольку большинство так называемых «наслаждений» напрямую связано с допущением греха. Следовательно, необходимо сделать очередной и закономерный шаг – возвести грех в норму на законодательном уровне.

Но мы это уже проходили. В истории человечества на все времена оставлен яркий и очень наглядный пример, чем должно завершиться подобное беззаконие. Это история гибели некогда цветущих городов древнего мира – Содомы и Гоморры. Это некий памятный знак на пути человечества, модель, воспроизведенная Господом в миниатюре и наглядно рассказывающая нам о тех страшных событиях, которыми завершится человеческая история. О том и напоминает нам апостол Петр: «*города Содомские и Гоморрские, осудив на истребление, превратил в пепел, показав пример будущим нечестивцам*» (2 Пет. 2, 6).

Но все же: почему Господь уничтожил именно Содом и Гоморру? Неужели в иных городах древнего мира не творился грех, не оскорблялась мораль, не попиралась нравственность? По толкованиям святых отцов, принципиальное отличие духовного состояния двух этих городов от остального ветхозаветного мира состояло в том, что их жители решили узаконить грех, придать ему статус нормы человеческой жизни. Таким образом предполагалось нейтрализовать чувство стыда, заглушить голос совести, устранить спасительные для души нравственные страдания человека, переживающего совершенное им греховное деяние. В итоге этих богоборческих усилий жизнь человека в Содоме и Гоморре потеряла смысл, благодатная пер-

Торжество содомитов в Европе

Растлители используют детей в поддержке гей-парадов (Норвегия, Осло)

спектива покаяния и нравственного роста души была уничтожена. В те давние времена Господь положил конец этому пустоцвету в истории человечества, *«и пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с неба, и ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и произрастания земли»* (Быт. 19, 24–25).

Удивительно схожим образом развиваются сейчас события на всей территории «просвещенной Европы». Активно и открыто современное человечество, *«истлевающее в обольстительных похотях»* (Еф. 4, 22), стремится узаконить грех. На самых высоких уровнях ставится задача ликвидировать последние моральные, нравственные и законодательные препятствия для введения человеческого греха в обиход, предлагая патологию в качестве нормы жизни, представляя самые низменные страсти естественной потребностью каждого человека.

В памяти современного человека еще осталась логическая цепочка: грех есть зло, но современная либеральная идеология уже не ведает самого понятия греха, она утратила понимание того, что, собственно, есть грех. Но от этого инфантильного неведения зло греха не упраздняется и продолжает нести в себе страшную разрушительную силу, которая не утихнет, пока не достигнет своего апогея, а именно торжества небытия. Таким образом, мир, вставший на путь отступления от Закона Божьего и узаконивающий грех, не имеет будущего и неизбежно завершит свой путь катастрофой, повторив опыт Содома и Гоморры – *«И ниспал огонь с неба от Бога и пожрал их»* (Откр. 20, 9).

Реализуя греховный потенциал человеческой личности, «либеральная идея обличает себя как антихристианская, ибо диаметрально противоположна ей».¹ В течение двух тысячелетий христианская идея, противостоя греховному началу в человеке, реализовала себя как торжество жизни, как полнота бытия. Именно в стремлении преодолеть свою врожденную человеческую греховность через покаяние и аскезу сокрыты истоки православной святости, и этим путем восходили к свету все великие подвижники христианства, своим житием придававшие высший смысл дальнейшей истории человечества.

Но когда же наступит этот День Гнева? Когда ниспровергнет Господь *«во гневе Своем и в ярости Своей... серу и соль, пожарище на всю землю»*

¹ Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский. Вызовы современной цивилизации. Как отвечает на них Православная Церковь? М., 2002. С. 121.

(Втор. 29, 23)? Ответ на этот вопрос сокрыт в том же эпизоде Книги Бытия. Когда готовился суд Божий над городами разврата, Авраам выпрашивает у Господа условие отмены страшного решения об их уничтожении: *«да не прогневется Владыка, что я скажу еще однажды: может быть, найдется там десять [праведников]? Он сказал: не истреблю ради десяти... Я ради них пощажу все место сие»* (Быт. 18, 32, 26). Таким образом, даже небольшое количество праведников, людей, живущих по Закону Божьему, способно удержать гнев Божий и продлить ход мировой истории.

VII

Но работа князя тьмы не знает перерыва, зло греха без устали разъедает души некогда верных чад Христовых. Все чаще правительства стран, имеющих древние христианские корни, отступают от евангельских заповедей и на законодательном уровне принимают решения, которые христианин не сможет исполнять, ибо они узаконивают грех. Становится очевидным, что в ближайшее время верующие этих стран будут подвергнуты гонениям и репрессиям как нарушители государственного законодательства. Отступление от Христа в европейских странах, катастрофическое снижение реально верующих католиков в Европе значительно ослабляет сопротивление мировым силам тьмы.

Можно услышать, что имеет место рост числа католиков в мире, и это прежде всего касается стран Африки, Австралии и Океании. Но эта статистика подчас далека от реальной картины духовного состояния общества

Сожженная церковь в Косово

Протесты христиан в Индии и Пакистане. Лозунги «Прекратите убивать христиан»

и отражает, по сути, лишь рост численности населения в странах, относящихся к католической традиции. В то же время количество *реально верующих*, и особенно в развитых европейских странах, уменьшается в геометрической прогрессии.¹

В иных регионах мира все возрастающая сила тьмы также направляет острие своей работы в первую очередь на ненавистное ей христианство. Чаще всего орудием слепой ненависти князь тьмы избирает приверженцев ислама.

Так продолжается трагедия сербского народа и Сербской Православной Церкви в Косово и Метохии, начавшаяся в июне 1999 года, когда Церковь и народ были изгнаны со своей земли и была закрыта кафедра в Призрене. Не прекращаются свидетельства о страданиях сербов от беспрестанных нападений и покушений албанских мусульман на их жизнь, веру, честь и достоинство, на церкви и монастыри, а особенно на монастырское имущество.

На сегодня можно назвать 60 стран мира, где в отношении христиан не соблюдаются религиозные свободы. Наиболее драматичная ситуация сложилась для христиан в Индии, Пакистане, Саудовской Аравии и Эритрее.

Так, на сегодня индийский штат Орисса – один из центров нынешних гонений на христиан, охвативших Индию. Прошлым летом здесь погибло около пятисот христиан, были разрушены тысячи домов и сожжены сотни церквей. 50 тысяч христиан покинули свои дома и были вынуждены спастись бегством.

В Пакистане, где проживает 3 миллиона христиан (2 % населения стра-

¹ Традиционно к реально верующим в католических странах относят тех, кто в воскресенье идет в храм на мессу.

Христианка в г. Алепо (Сирия)

Храм в Сирии

ны), происходит их постоянная дискриминация. В прошлом месяце толпа фанатиков разрушила три церкви в городе Сангла Хилл, что около Лахора, а также совершила нападение на две школы, гостиницу и монастырь.

Христиане на Ближнем Востоке, как и в других регионах мира, также испытывают гонения, сравнимые в ряде стран с теми, что были в ранние века христианства, или даже превосходящие их. В Египте уже сожжено более 40 христианских церквей, большая часть из них – церкви православных коптов.

За эти годы наступившего XXI века самая кровопролитная война сейчас идет в Сирии. Острые ненависти, конечно же, оказалось направленным против христианского населения, и в стране на сегодня уже разрушено более 30 христианских церквей.

«В современном мире около 100 миллионов христиан подвергается гонениям. 75 % всех религиозных гонений в мире направлено против христи-

Разрушенная церковь в Ираке

Горящая церковь в Египте

Христианство на Ближнем Востоке

ан. Каждый год 105 тысяч (!) христиан погибает в религиозных конфликтах. Каждые пять минут за веру в мире гибнет один христианин».¹ Эти статистические данные подтверждают мировые аналитические агентства и ведущие социологи и религиоведы.

По сообщениям специального докладчика ООН по правам человека, в Иране более 300 человек было арестовано именно из-за своего вероисповедания. Более того, прихожане всех христианских церквей, находящихся в Иране, пребывают в постоянном страхе. По сообщениям независимых экспертов, мусульмане, которые переходят или хотят перейти в христианство, подвергаются большой опасности и претерпевают сильные гонения.

Сейчас, как бы страшно это ни звучало, гонения на христиан в исламском мире принимают масштаб эпидемии. Приведенные нами примеры преследований христиан в исламских странах, конечно же, далеко не исчерпывающи.

VIII

Русская Православная Церковь с болью и тревогой воспринимает эту беду. Святейший Патриарх Кирилл неоднократно высказывался об этой проблеме как о нашей общей боли: «Весной 2011 года наш Священный Синод уже выступал с официальным заявлением по этому поводу. Также и прошедший недавно Архиерейский собор Русской Православной Церкви в одном из своих постановлений выразил «глубокую обеспокоенность в связи с резким ухудшением положения христиан на Ближнем Востоке и в Север-

¹ Из выступления митрополита Илариона (Алфеева) на пресс-конференции: «Преследование христиан – случайность или закономерность?» 27 июня 2011 года.

ной Африке». К сожалению, ситуация до сих пор не улучшилась. Если события и далее будут развиваться в подобном русле, то следы христианского присутствия могут практически исчезнуть там, где оно когда-то зародилось и существует уже два тысячелетия».¹

Мы, российские христиане, живем сейчас в период относительного благоденствия и мира. Это то самое «малое время», дарованное нам, чтобы собраться с силами, объединить всех верных, собрать воинство Христово под хоругвью с Ликом Спасителя для того последнего сражения с силами тьмы, когда *«будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое... Претерпевший же до конца спасется»* (Мф. 24, 9, 13).

Христианин – это тот, кто в полной мере исполняет заповеди Христа и следует путем Его страданий. Для достижения этого Господь открыл нам две возможности: либо послужить в лике преподобного, умирая в своем *«ветхом человеке»* и живя для Бога, сораспяться Христу (см. Гал. 2, 19), либо путем прямого мученичества, которым совсем недавно прошел великий сонм новомучеников и исповедников Церкви Русской.

¹ Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Из интервью интернет-порталу церковной информации Romfea.gr, 25 апреля 2013 года.

Значение мученического подвига в евангельской проповеди и христианизация Римской империи

*Архимандрит АМВРОСИЙ (Макар), настоятель
церкви святителя Амвросия Медиоланского
в Милане, Председатель Киевского
Религиозно-философского общества, г. Милан, Италия*

Мученичество в Церкви Христовой является величайшим и неизреченным служением. Подвиг мучеников – это самое яркое и высокое свидетельство в этом мире о существовании Церкви, о ее Богочеловеческой природе, о ее небесности, духовности, неотмирности. Мученик (греч. *μάρτυς* – свидетель) своими страданиями и смертью свидетельствует людям мира сего, что Церковь Христова – это совершенно другой мир, другая жизнь, другое бытие человека, к тому же, полностью отличное от жизни человека в мире сем.

Христианские мученики свидетельствуют о том, что человек после грехопадения и изгнания его из рая, попав в рабство греха и зла, не мог сам избавиться от него, что, удалившись от Бога, он сам никак не мог возвратиться к своему Творцу, Отцу Небесному. Ибо человек настолько глубоко пал, так

сильно извратил свою природу грехом, что ни сам он, ни ангелы Божии не могли помочь ему спастись, преодолеть грех, восстановить в нем образ Божий и возвратиться в утерянный им рай. Только Сам Бог мог совершить спасение человека от греха, беззакония и смерти, ибо «требовалось не менее как воссоздать человека»,¹ что мог совершить только Сам Творец, создавший человека, как учит святитель Афанасий Великий: «После того, как через преступление люди подверглись порче природы и лишились благодати, чему другому надлежало быть, или кто потребен был для восстановления их, как не Бог Слово, создавший вначале все из ничего?»²

Поэтому мученики своими мучениями и смертью свидетельствуют миру сему, что Господь Иисус Христос Сын Божий, сошедши с небес, воплотившись от Духа Святого и Марии Девы и вочеловечившись, проповедал Евангелие людям на земле, был распят на Кресте и, как учит апостол Павел, «умер за грехи наши, по Писанию», был погребен, воскрес в третий день (см.: 1 Кор. 15, 3–4) и, вознесшись на небо, ниспослал от Отца Духа Святого на Своих учеников и апостолов (см.: Деян. 2, 22–33), создал Церковь святую, которая есть Его тело и Он ее Глава (см.: Кол. 1, 18, 24).

Об этом христианские мученики свидетельствуют – о создании Церкви Христовой, не земной, а небесной, или, как говорит святитель Герман, патриарх Константинопольский: «Церковь есть земное небо, где небесный Бог живет и движется».³ То есть святые мученики свидетельствуют миру, что на земле кроме земного царства есть и Небесное Царство. Именно в этом и состоит смысл первых слов Христовой проповеди: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 4, 17; ср.: Мк. 1, 15), с которыми обратился к людям уже Предтеча Господень Иоанн, предваряя евангельскую проповедь Христа Спасителя.

¹ Макарий, митрополит Московский и Коломенский. Православно-догматическое богословие. Т. 2. СПб., 1883. С. 12.

² De incarnat. Verbi Dei, n. 7; ср.: «Надлежало быть одному из двух, – говорит святой Прокл Константинопольский, – или все, вследствие приговора, подвергнуться смерти, потому что все согрешили; или принести взамен такую цену, за которую всякое осуждение было бы отменено. Но человек не мог спасти себя, потому что он-то и подлежал долгу за грех. Не мог спасти рода человеческого и Ангел: потому что был недостаточный к такой цене. Итак, надлежало, чтобы безгрешный Бог умер за согрешивших: это только оставалось врачество от зла» (In laud. S. Virg. Orat. 1); «Бог Слово, единый человеколюбивый, является посредником между Богом и людьми, становится послушным Духу, врачует наше непослушание принятием того, что подобно нам и от нас, и делается для нас примером послушания, без коего невозможно получить спасение» (Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. Кн. III, гл. 1).

³ St. Germanus of Constantinople. On the Divine Liturgy (the Greek text with English translation). New York, 1984. P. 56.

Еще до основания Церкви Иисус Христос возвещает слушающим Его проповедь о приближении создания другого, нового мира, другой, новой жизни. Спаситель уже иудеям, не принимавшим Его проповедь, говорит, что Он совершенно не принадлежит к миру, в котором они находятся, что Он на земле от мира небесного. Поэтому Господь возвещает иудеям: «Вы от нижних, Я от вышних; вы от мира сего, Я не от сего мира» (Ин. 8, 23). А объявив людям, что Он не от мира сего, Христос также возвещает Своим ученикам, что и они, следуя Его Евангелию, уже принадлежат к тому же миру, в котором Он пребывает, то есть уже не принадлежат миру сему. Но кроме возвещения ученикам принадлежности их к иному миру Христос Бог напоминает им, что это не просто два мира на земле, а что они разные по содержанию и качеству, и не просто разные, но противоположные друг другу, а если противоположные, то противостоящие, между которыми не может быть согласия, а также и мира, как учит учеников Сам Господь: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку – домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня. Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее» (Мф. 10, 34–39).

Существо мученического подвига

Христос Спаситель ясно учит Своих последователей и учеников о постоянном противостоянии двух миров: земного и небесного, о несении апостолами из мира небесного в мир земной евангельской вести о любви, мире и истине, о противостоянии мира земного этой евангельской вести с неба, об отвержении миром сим апостольской проповеди, о ненависти к последователям Христова Евангелия, о притеснении, преследовании, гонении их, об их мученичестве. Господь прямо говорит Своим ученикам: «Сие завещаю вам, да любите друг друга. Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир. Помните слово, которое Я сказал вам: раб не больше господина своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас; если Мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваше» (Ин. 15, 17–20). Спаситель прямо говорит Своим ученикам о будущих гонениях на них сего земного мира, ненавидящего Евангелие Христово

На картине «Христианские мученики в Колизее» художника К. Д. Флавицкого (1862 г.), запечатлен момент выхода христиан на арену цирка, на жестокие мучения, – это момент высшей точки духовной жизни христианина – исповедание своей веры во Христа «даже до смерти»

и Его Церковь, об их будущем убийстве, об их подвиге мученичества. Затем, утешая Своих учеников, Иисус Христос напоминает им о тщетности противостояния этого мира Евангелию, о его бессилии над последователями Христовыми. Но также Господь напоминает о важности стоять до конца и не бояться гонителей и мучителей, о значении мученического подвига апостолов для проповеди, для распространения Церкви: «Говорю же вам, друзьям Моим: не бойтесь убивающих тело и потом не могущих ничего более сделать; но скажу вам, кого бояться: бойтесь того, кто, по убийении, может свергнуть в геенну: ей, говорю вам, того бойтесь» (Лк. 12, 4–5).

Однако Иисус Христос говорит не только о противостоянии мира сего евангельской проповеди, об отвержении ее и о ненависти людей этого мира к последователям Христовым, Спаситель также учит слушающих Его проповедь о причине этого преследования и гонения, о существовании этого противостояния, о противоположности содержания и качества земного и небесного царств. Об этом Иисус Христос учит Своих последователей в беседе с иудеями в храме (см.: Ин. 8, 12–59). В этой беседе Господь показывает, как противоположны эти два мира: мир земной, в котором грех, ложь и тьма, и мир, который Он несет им, и в него зовет людей войти, мир правды, истины и света. Христос Бог так прямо и говорит слушающим Его: «Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (Ин. 8, 12; ср.: Ин. 1, 5; Ин. 9, 5; Ин. 12, 35; 1 Ин. 1, 5).

В этой беседе уже действуют два мира. Фарисеи, ожесточенные в своих сердцах, начинают спорить с Иисусом Христом и отвергать это свидетельство как неистинное, оставаясь нераскаянными в своих грехах. И из-за не-

раскаянности фарисеи остаются во тьме неведения и неверия, поэтому Спаситель им говорит: «Вы не знаете, откуда Я и куда иду», и затем добавляет: «Вы судите по плоти» (Ин. 8, 14). И хотя Спаситель объясняет им, что Он послан Отцом Небесным, что Он не говорит только от Себя, что Он говорит и от Отца Его, фарисеи не только не верят этому в нераскаившихся своих сердцах, но и, не понимая Спасителя, ожесточаются против Него. И Господь им отвечает: «Вы не знаете ни Меня, ни Отца Моего; если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего» (Ин. 8, 19). И затем Иисус Христос объявляет фарисеям о том, что они остаются в своих грехах, во тьме, в мире сем, где царствует грех, неправда и зло, и не могут войти в мир, который Он принес людям с небес: «Я отхожу, и будете искать Меня, и умрете во грехе вашем. Куда Я иду, *туда* вы не можете придти», и объясняет им Господь: «Ибо если не уверуете, что это Я, то умрете во грехах ваших» (Ин. 8, 21, 24). Спаситель продолжает их учить о вышнем, небесном мире, о любви Отца Небесного к людям, к которым Отец послал Его, но фарисеи не принимали Его проповеди и, как говорит евангелист Иоанн Богослов, даже «не поняли, что Он говорил им об Отце» (Ин. 8, 27).

Но в этой беседе действует и другой мир, мир света, любви и истины. В этот мир входили те иудеи, которые калялись в своих грехах, искали света Христова учения и отвергали тьму. Поэтому евангелист Иоанн подчеркивает: «Когда Он (Христос) говорил это, многие уверовали в Него», и затем добавляет: «Тогда сказал Иисус к уверовавшим в Него Иудеям: если пребываете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики» (Ин. 8, 30–31). Этими словами Господь напомнил им, что они всегда через следование Его учению будут пребывать с Ним в этом другом мире правды и света, и Его Евангелие их просветит, переродит и сделает другими людьми, которые освободятся от этого мира греха и тьмы и будут пребывать в мире Божьей благодати. Иисус Христос прямо говорит уверовавшим в Него иудеям: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8, 32).

Но если уверовавшие во Христа иудеи понимали, о какой свободе идет речь, то не уверовавшие в него иудеи, фарисеи не могли понять, о какой свободе Господь говорит им. Поэтому Спаситель нераскаившимся в своих грехах иудеям и отвергающим Евангелие прямо напоминает: «Истинно, истинно говорю вам: всякий, делающий грех, есть раб греха» (Ин. 8, 34), объясняя им, что Он говорит об освобождении от греховного рабства. Затем Господь, продолжая, взывает к их сердцам, пребывающим в рабстве греха и беззакония, Он зовет их к покаянию, к истинному освобождению от этого

рабства тьмы, человеческих страстей и похотей и к переходу в мир света, правды и истины. Иисус Христос прямо им говорит: «Если Сын освободит вас, то истинно свободны будете» (Ин. 8, 36).

И далее Иисус Христос, перейдя к теме о содержании и качестве двух этих противостоящих друг другу миров и укорив фарисеев: «Слово Мое не вмещается в вас», начинает прямо обличать не принимающих Его Евангелие, утверждая: «Я говорю то, что видел у Отца Моего; а вы делаете то, что видели у отца вашего» (Ин. 8, 37, 38). И когда не уверовавшие во Христа иудеи сказали Ему, что они семья, дети Авраама и «не были рабами никому никогда», Господь их прямо укорил, говоря, что Авраам не поступал так, как они поступают, более того, Христос им сказал: «Если бы вы были дети Авраама, то дела Авраамовы делали бы» (Ин. 8, 33, 39). Но, к сожалению, дела их были другими, не Авраамовыми. Если у Авраама сердце было чисто и светло, то у фарисеев оно было грязно и темно. Если Авраам слушал Бога и исполнял Его волю, то фарисеи были горды, честолюбивы и тщеславны, искали своей воли и исполнения своих эгоистических желаний. И поскольку фарисеи, иудеи, отвергающие Христово Евангелие, не являлись по делам своим детьми Авраама, любившего Бога и ближних, и, несмотря даже на то, что они именуют Бога Отцом своим, не любят Христа, то Он им объявляет: «Если бы Бог был Отец ваш, то вы любили бы Меня, потому что Я от Бога исшел и пришел; ибо Я не Сам от Себя пришел, но Он послал Меня» (Ин. 8, 42). Из-за этой нелюбви к Нему они не только не могли понять Его проповедь, но они не могли даже слушать, слышать Его слово и переносить его. Потому что не принимающие Евангелие находятся в земном царстве тьмы, неведения и страстей, в рабстве греха, где царствует диавол и противостоит истине, он их держит и учит исполнять свои желания, удовлетворять свои похоти. Поэтому отцом их является сам диавол, о чем Иисус Христос объявляет фарисеям: «Вы делаете дела отца вашего»; «Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Ин. 8, 41, 44).

Возвестив в Своей беседе с иудеями об устройении на земле другого, нового мира в противовес миру сему и о разности, противоположности их содержания и качества, а также указав на то, что в новом небесном мире царствует Бог, а в старом, земном мире господствует, руководит, царствует диавол, Христос Бог говорит о принадлежности людей к этим двум царствам, соответственно своим делам и поступкам, и о причине не обращения и не покаяния

людей, остающихся в старом царстве греха, из-за нежелания изменить свою жизнь и отвергнуть злые дела. Господь прямо говорит: «Свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы; ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы, а поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны» (1 Ин. 3, 19–21).

Святые апостолы продолжили нести людям эту весть Христову о создании Церкви Христовой, нового мира, в котором христианин живет совершенно другой жизнью, полностью отличающейся от земной, о противоположности этих двух миров. Апостол Павел прямо говорит: «Кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь все новое» (2 Кор. 5, 17; Гал. 6, 15), «Вы больше не рабы греха, но рабы праведности», «да не царствует грех в смертном вашем теле, чтобы вам повиноваться ему в похотях его» (Рим. 6, 2, 12); «стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства» (Гал. 5, 1). И затем апостол напоминает христианам: «Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских, потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф. 6, 10–12). Апостол Иоанн Богослов также решительно говорит: «Не любите мира, ни того, что в мире» (1 Ин. 2, 15), «весь мир лежит во зле» (1 Ин. 5, 19).

Противоположность и противостояние двух царств очень ярко выражены в чине таинства крещения, когда человек, принимающий его, переводится из сего мира в мир Божий, когда он перерождается из старого человека в нового и становится членом нового царства, Церкви Христовой. Уже в первой молитве чина оглашения священник просит Бога о перерождении приступающего к крещению: «Отстави от него ветхую оную прелесть, и исполни его еже в Тя веры, и надежды, и любви... Напиши его в книзе жизни Твоя, соедини его стаду наследия Твоего». Затем в запретительных молитвах священник силой Божьей велит диаволу отойти, отступить от готовящегося к крещению: «Убойся, изыди, и отступи от создания сего, и да не возвратишия, ниже утаишия в нем, ниже да срящещи его», «Изыди и отступи от запечатаннаго новоизбраннаго воина Христа Бога нашего», «Изыди и отступи от иже ко святому Просвещению готовящагося». И завершается это отвержение царства сатаны и переход в Царство Христово особым чином, в котором оглашаемый сначала поворачивается лицом на запад, духовный символ власти тьмы, сатаны, и на троекратный вопрос священника: «Отрицаеши ли ся

сатаны, и всех дел его, и всех ангел его, и всего служения его, и всея гордыни его?» трижды отвечает: «Отрицаюся, отрекся». И оканчивается это отречение от сатаны даже жестом: дуновением и плюновением на диавола, подчеркивая полное отбрасывание его и уход из его мира в мир Христов. Вхождение в царство Христовой благодати также сопровождается священнодействием. Поэтому готовящийся к принятию крещения обращается лицом к алтарю и отвечает трижды на троекратный вопрос священника: «Сочетаваешься, сочетался ли ся Христу?» – «Сочетаваюся, сочетахся», выражая полное соединение с Христом и желание пребыть в Его Царствии. Затем это соединение с Христом готовящийся к крещению подтверждает троекратным

Ангелы спускаются с небес на место мучений, дабы принять души страдальцев за веру и даровать им венцы нетленной славы

чтением Символа веры и поклонением Пресвятой Троице. Священник, переходя к совершению таинства крещения, снова просит Бога о подготовленном к этому таинству: «Отреш и его ветхость, и обнови его в живот вечный, и исполни его Святаго Твоего Духа силы, в соединение Христа Твоего, да не ктому чадо тела будет, но чадо Твоего Царствия», и в великой ектении перед освещением воды также просит: «О еже достойну быти нетленного Царствия в ней (в освящающейся воде) крещаемому». После совершения крещения ему сразу преподается таинство миропомазания, и новопросвещенный причащается Святых Таин Тела и Крови Христовых, входя в самое глубокое соединение со Спасителем в Его Царствии.

Совершая, таким образом, проповедь Евангелия и перерождение принимающих его, укрепление в Духе Святом и в соединении с Христом Спасителем, апостолы вводили новых членов в Церковь, распространяли ее на земле, преодолевая земное царство диавола, выводя принявших их проповедь из этого земного мира тьмы и греха в мир света и истины. Однако этот труд был

не только тяжелым и непростым, но и требовал, конечно, трудной и упорной борьбы. Ибо мир греха, страстей и гордости, царство диавола и тьмы противостояло всеми своими силами проповеди Евангелия, сопротивлялось распространению Церкви, всячески препятствуя вхождению в сердца человеческие света Христова и Божьей истины. Зло, ложь, гордость и страсти царства земного настолько ополчились против апостолов, проповедников правды, смирения и послушания Богу, против Царства Божьей благодати и любви, что уже в апостольское время воздвигали жестокие преследования и гонения, поднимая бурю против Церкви Христовой, с надеждой расправиться с ней и прекратить ее распространение, разбить ее и уничтожить.

Но пророческие слова Христа Спасителя о сохранении Его Церкви среди всех испытаний: «Врата ада не одолеют ее» (Мф. 16, 18), вдохновляли христиан-мучеников. И они, веря, что Господь не даст миру сему посрамить Церковь, претерпевали все гонения и мучения до конца, полагаясь на Самого Христа Бога в своих мучениях. И благодаря этой силе Божественной благодати, подаваемой Господом мученикам, они не только выдержали свои мучения, но и посрамляли мучителей и диавола, поддерживаемого их в этих злодеяниях, как поем мы в общем тропаре мученикам: «Мученицы Твои, Господи, во страданиях своих венцы прияша нетленные от Тебе, Бога нашего, имуще бо крепость Твою, мучителей низложиша, сокрушиша и демонов немощныя дерзости. Тех молитвами спаси души наша».

Подвиг мучеников – это воистину одно из самых величественных служений в Церкви Христовой, его действительно невозможно даже описать, выразить словесно и даже воспеть, прославить его у нас нет достаточных возможностей, настолько это богатый и неизреченный образ. Святой Ефрем Сирин, начиная описание мученического подвига, чувствуя его величие и непостижимость и, вместе с тем, видя свою немощь и неспособность передать величие этого подвига письменно, говорит: «Малосмысленный, неученый и ничего не стоящий человек намеревается написать и выставить всем напоказ прекрасную, величественную и привлекательную картину, то есть рассказать о подвиге святых мучеников; в то же время нет у него и красок, достойных такой картины, и персты его неспособны даже этой картине дать совершенное начертание. Как же он, ничтожный и неискусный, осмеливается написать картину, которая выше маломощных сил его?»¹

Однако христианское мученичество не было лишь свидетельством в мире

¹ Преподобный Ефрем Сирин. Похвальное слово мученикам. Творения, том 2.

сем о существовании на земле другого мира, Церкви Христовой. Мученики совершали самым ярким образом миссию Церкви: несли в мир сей Евангелие, просвещая людей истиной Христовой, как Сам Спаситель заповедал Своим последователям. Изложив Своим ученикам Заповеди Блаженства и завершив их словами: «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас, и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня», Господь им сразу возвещает: «Вы – соль земли», «Вы – свет мира», и объясняет Своим последователям: «Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5, 10–16). Поэтому мученичество христиан становится самым ярким светом в древнем мире: в заблуждении иудеев и во тьме языческого общества. Христианские мученики стояли впереди евангельской проповеди, просвещая светом Христова учения народы, исполняя самым глубоким образом заповедь Господню: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам» (Мф. 28, 19–20). Церковь Христова, будучи качественно другим миром на земле и имея заповедь Господню о просвещении народов Евангелием, не искала лишь сосуществования на земле с миром сим, но она всегда стремилась и все делала для того, чтобы просветить общество, в котором она жила. Церковь никогда не останавливалась в совершении этой миссии, даже тогда, когда этот мир жестоко гнал ее и преследовал, стремясь истребить христиан. Мученичество становится впереди этого церковного служения и, более того, видит себя полностью в этом служении и совершает его настолько успешно, что ведет общество к принятию христианства, его христианизации.

Мученики Древней Церкви и христианизация Римской империи

Церковная историческая наука, изучая феномен мученического служения, утверждает: «Мученичество есть продолжение *апостольского служения* в мире. (...) Мученики были проповедниками христианства, продолжателями апостольского служения, и эту миссию они исполняли именно как *мартырес*, т. е. являясь свидетелями».¹ Исследователи добавляют: «Вме-

¹ Болотов В. В. Лекции по истории Древней Церкви. Том III. История Церкви в период до Константина Великого. Ч. I, 1.; см.: Поснов М. Э. История христианской Церкви (до разделения Церквей в 1054 г.). Гл. 2.

сте с тем, мученичество – это следование путем Христовым, повторение страстей и искупительной жертвы Христа. Христос выступает как первообраз мученичества, свидетельства собственной кровью. Отвечая Пилату, Он говорит: «Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать ([греч.] μαρτυρῆσω) об истине» (Ин. 18, 37)».¹

Действительно, Христос Спаситель пришел в этот мир, чтобы просветить его, чтобы спасти его от мрака неведения и греха, чтобы ввести людей в свет ведения и истины. Он умер на Кресте, Воскрес и создал Свою Церковь на земле для того, чтобы выводить людей из тьмы печали и отчаяния в свет радости и надежды. Как Сам Господь этому служил Своей проповедью и крестной смертью, так Он послал и Своих учеников апостолов (греч. ἀπόστολος – посол, посланник, от глаг. посылать, греч. ἀποστέλλω) продолжать это служение. Поэтому святые апостолы не только просвещали иудейский и языческий мир проповедью Евангелия, они все также претерпели гонения, преследования и мучения от восставших против их проповеди иудеев и язычников, и затем все они запечатлели свою проповедь мученической смертью, кроме апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Об этом проповедническом подвиге святых апостолов, завершивших свою жизнь мученической кончиной, ярко свидетельствует уже смерть первомученика святого апостола и архидиакона Стефана, который не только, уподобляясь Иисусу Христу, смиренно и кротко принял мученическую смерть от иудеев, побивших его камнями (см.: Деян. 7, 57–59), но и, подобно Спасителю, просящему у Отца Небесного прощения Своим распинателям: «Отче прости им, ибо не знают, что делают» (Лк, 23, 34), первомученик также обратился к Богу, прося прощения греха своим убийцам: «Господи! не вмени им греха сего. И, сказав сие, почил» (Деян. 7, 60).²

Смерть святого апостола Стефана была не просто первым мученическим подвигом в просветительском служении апостолов. Святая кончина первомученика ярко свидетельствует о существовании мученичества Христовых последователей, о величии этой кончины, о силе и непреодолимости свидетельства мучеников, об их небесности, надмирности, неотмирности. Но,

¹ Мученик. Открытая православная энциклопедия «Древо»: <http://drevo-info.ru/articles/1068.html>; см: Живов В. М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. http://azbyka.ru/tserkov/svyatye/zhivov_agiografia_1g5_all.shtml; Епископ Балашихинский Николай. Иконография святых мучеников: <http://www.mepar.ru/library/vedomosti/64/1321>.

² Поэтому Евсевий Кесарийский пишет, что мученики «охотно отдавали звание мученика Христу, верному», и свидетельствовали о себе: «А мы просто исповедники ничтожные», см.: Евсевий Памфил. Церковная история. Книга пятая, 2, 3.

Св. мученица Иулия на кресте.
Худ. Макс Габриэль Корнелиус
(1902 г.)

вместе с тем, этот образ мученической кончины свидетельствует и о ничтожности и превратности грешного мира сего, лежащего во зле и беззаконии, о его ненависти к свету правды, истины и любви.

В мученическом подвиге христиан речь шла о свете и тьме, об истине и лжи, о любви и эгоизме, о святости и грехе, что, естественно, ярко свидетельствовало о силе и непреодолимости света, о немощи тьмы перед светом Христовой правды, любви и истины, как об этом говорит святой апостол и евангелист Иоанн Богослов: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (*Ин. 1, 5*). Поэтому святые мученики, продолжая апостольское служение несения света и истины в сей мир тьмы и лжи, смиренно и кротко переносили гонения, преследования и все мучения, помня о непреодолимости Церкви, о чем Сам Господь заповедал Своим ученикам: «Создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (*Мф. 16, 18*). Христианские мученики не только помнили это учение Христово о Церкви, о ее силе и непобедимости, но и видели в своей жизни, как немощны зло и ненависть мучителей и как силен Господь в Своей Церкви и в их мучениях. Они видели, сколь несравнимо благо вечной жизни с временными, тленными, преходящими благами века сего, как они ничтожны и мрачны в сравнении с величием, славой и светом будущей жизни, ибо мученики жили уже не в мире сем, а на небесах, со Христом Спасителем, подобно апостолу Павлу, как он сам об этом свидетельствует: «уже не я живу, но живет во мне Христос» (*Гал. 2, 20*). И святые мученики не только видели эту несравнимость благ двух противоположных друг другу миров, но своим спокойствием, кротостью и смирением свидетельствовали языческому миру о том, как ничтожны блага мира сего и как величественно сокровище мира небесного, вечного.

Это свидетельство было настолько ярко и неизреченно, что прекрасно выражалось в парадоксе самого мучения: мученики, терпевшие страшные, неопишуемые муки и страдания, всегда сияли радостью и красотой своей кроткой и смиренной души, а мучители, которые издевались над мучениками, над своими жертвами, пребывавшими полностью в их руках, были мрачными и печальными, злостными и ненавистными, вместо того, чтобы радоваться победе в умерщвлении жертв. Мучители печалились потому, что не могли победить

мучеников, склонить их к отречению от Христа, ибо мученики побеждали мучителей своей стойкостью, непреодолимостью, непобедимостью.

Господь даровал Своим рабам, верным Своим последователям и служителям, мученикам, такую силу, что они не только спокойно переносили мучения, но и (парадоксально) мучители больше уставали, даже изнемогали в совершении мучений, чем сами мученики, переносившие их. Это прекрасно описывает в своей истории Евсевий Кесарийский, повествуя о славном мученичестве Лионских мучеников (пострадавших в 177 году) и среди них – хрупкой слабенькой Бландины, которая не только мужественно перенесла мучения, но победила своей крепостью изнемогших мучителей. Автор пишет: «Боялись за нее все: и мы, и ее земная госпожа, сама бывшая в числе исповедников, считали, что у Бландины, по ее телесной слабости, не хватит сил на смелое исповедание. Она же исполнилась такой силы, что палачи, которые, сменяя друг друга, всячески ее мучили с утра до вечера, утомились и оставили ее. Они признавались, что побеждены, и не знали, что еще делать; они удивлялись, как Бландина еще живет, хотя все тело у нее истерзано и представляет собой сплошную зияющую рану. По их утверждению, пытки одного вида достаточно, чтобы человек испустил дух, – не надо стольких и таких. Но блаженная, как настоящий борец, черпала новые силы в исповедании: она восстанавливала их, отдыхала, не чувствовала боли, повторяя: “Я христианка, у нас не делается ничего плохого”».¹

Жития множества древнехристианских мучеников свидетельствуют об изнеможении мучителей во время мучения мучеников и о необычайной стойкости мучеников. «Мучители изнемогли, – сообщается в житии мученицы Татианы Римской, девы и диаконисы († 226), – и заявили, что кто-то невидимый бьет их самих железными палками, девять из них тут же умерли». «Слуги пришли в сильную ярость и начали всячески мучить святого со всей своей силой, пока сами совершенно не изнемогли», – повествуется в житии священномученика Викентия Августопольского (Сарагосского), диакона († 304). «Мучители ослабели, их сменили другие, и те изнемогли, а мученик был непоколебим», – сообщает житие священномученика Климента, епископа Анкирского († 312). Святой Ефрем Сирин, описывая необычайную силу мучеников и жалкое бессилие мучителей и их предводителя дьявола, образно говорит: «Враг увидел, как отважно и безбоязненно вступаete вы в борьбу, вовсе не имея в сердце страха перед угрожающими истязаниями

¹ Евсевий Памфил. Церковная история. Книга пятая, 1, 18–19.

и искушениями, – и изнемогла крепость лукавства его. Поскольку же преодолевали вы все истязания его, то предпринял враг попытку страхом меча привести в боязнь ваше мужество, чтобы отреклись вы от Христа, всегда вождельного душам боящихся Его. И не знал он, жалкий, что меч его из выи святых подвижников изводит обильные источники кровей, и в этих-то потоках кровей святых сам он погибает. Однако же со стыдом сказал силам своим: «Боюсь и робею этой крови, струящейся из выи закалаемых за имя Иисуса Назарянина, потому что друг друга убеждают они умереть за Него. Омрачила меня дымящаяся кровь их. Уже не в силах я одного часа или даже мгновения противостоять единодушию учеников Христовых. Для меня гораздо лучше было бы не воздвигать на них царей. Ибо вот, повсюду преследует меня кровь их. Воня (благоухание) этой крови расслабляет мои силы. Не могу никак и приблизиться к тому месту, где есть кости учеников Иисусовых»¹.

Однако, несмотря на то, что язычники не понимали христиан, отвергали их, считали их недопустимой сектой, в которой они предаются постыдным делам, как свидетельствует Афинагор Афинский: «Нас обвиняют в трех преступлениях: в безбожии, в ядении человеческого мяса, подобно Фиесту, в гнусных кровосмешениях Эдиповских»² (так представляли себе язычники христианские агапы), христианские мученики все время положительно влияли на языческое общество своей кротостью и смирением, они просто сияли перед народом своей любовью, невинностью и благостью. Тертуллиан, видя это неизреченное влияние христианских мучеников на общество Римской империи, емко выразился: «Чем более вы истребляете нас, тем более мы умножаемся; кровь мучеников есть семя [христианства]» («Semen est sanguis christianorum»)³.

Древнехристианские мученики сильно влияли на сознание не только простого народа, но и на людей образованных, интеллектуальных, на философов, которым казалось, что христиане отказались от своей древней культуры и цивилизации. Мученики показывали им, что они отнюдь не чужды развития человеческого разума, познания, а наоборот, всецело находятся в поиске истины и правды. Римское языческое государство также, не понимая христиан, преследовало Церковь, потому что она была новым независимым тайным обществом, к тому же, находящимся в оппозиции к официальной религии, противником культа императора, что считалось государствен-

¹ Преподобный Ефрем Сирий. Похвальное слово мученикам. Творения, том 2.

² La supplica in favore dei cristiani, 3.

³ Апология, 50 // Тертуллиан. Творения. Киев, 1912. Ч. 2. С. 50.

ной изменой и поэтому тяжким преступлением. Но древнехристианские мученики, спокойно перенося гонения и мучения, свидетельствовали правителям империи о своем уважении к государственной власти и к ее законам. К тому же, мученики также влияли на государство и своим миролюбием и благочестием, своим покоем, кротостью и смирением. Эти их качества и добродетели замечали и правители в Римской империи. И не только замечали, но и всматривались в благочестивую жизнь христиан, изучали основы христианской религии и даже предпочитали их язычникам.

Показательным в этом отношении был отец Константина Великого Констанций I Хлор, который в 293–305 годах управлял Галлией, Британией и Испанией как цезарь, а 305–306 был августом, императором западной части Римской империи. Благодаря этому яркому свидетельству христианских мучеников и жизни всей Церкви император Констанций не только хорошо видел, как вера в Иисуса Христа делает христиан нравственно твердыми и любвеобильными людьми, как они, следуя Закону Божию, являются сильной и крепкой опорой для общества и государства, но он также прекрасно видел на этом фоне христианской жизни своеволие и развращенность язычников, становящихся безразличными, изменчивыми и даже ненадежными для императора. Поэтому Констанций не только не преследовал христиан, он прямо предпочитал их язычникам и даже часто освобождал язычников, активных идолопоклонников, от государственных должностей и ставил на их места христиан и приближающихся к христианству людей.¹

Это предпочтение христианства язычеству в государственном управлении своего отца с детства прекрасно видел Константин, что помогло ему формироваться христианином, несмотря на трудные обстоятельства его жизни. Константин длительное время был вынужден провести при дворе императоров восточной части Римской империи Диоклетиана и затем Галерия в их столице Никомедии, вдали от своих благочестивых родителей. Однако безнравственность этой среды не только не сломала Константина, а еще более утвердила его в христианстве, помогла ему возрасти в христианской чистоте, правде и любви. Благодаря своим христианским взглядам Константин смог сохранить себя от развращенной среды императорского двора, которая «представляла собою тогда в малом виде все то нравственное и религиозное растрепанье, до какого только может доходить человечество, порабощаемое нечистыми, страстными сердечными похотями и впадающее

¹ ΕΥΣΕΒΙΟΣ ΕΙΣ ΤΟΝ ΒΙΟΝ ΤΟΥ ΜΑΚΑΡΙΟΥ ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΟΥ ΤΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩΣ. *Евсевий Памфил*, епископ Кесарии Палестинской. Жизнь блаженного василевса Константина. Кн. I, 16.

в “превратный ум” (*Рим. 1, 28*). Суетная пышность и роскошь, пьянство и объедение, необузданный разврат мысли и жизни, интриги и крамолы, озлобление против истинного богопочитания и лицемерное, лживое почтение к мнимым богам».¹

На христианское формирование Константина также сильно повлияла его мать, благочестивая Елена, которая, приняв таинство крещения, помогала своему сыну все более и более отвергать язычество и следовать Евангелию. Став в 306 году, после смерти своего отца, цезарем Галлии, Британии и Испании, Константин продолжил благочестивое правление своего отца в этой части западной империи, вводя евангельские основы в жизнь общества и в государственное управление. Более того, жестокость, ненависть, развращенность и вражда языческих правителей Римской империи в отношениях между собой и с народом заставляли цезаря Константина даже быстрее отвергать ложность и тьму языческого неведения и следовать истине и свету Евангелия, так ярко проповеданного святыми мучениками. Константин об этом свидетельствовал сам: «Я отчуждился от бывших доселе правителей, потому что видел дикость их нравов».²

Однако Константин, увидев этот свет Христов в жизни христиан, освещающий народы Римской империи подвигом мучеников и жизнью всей Древней Церкви, желал помочь преодолеть тьму язычества во всех частях его большого государства, где еще лилась кровь мучеников и продолжала светить людям своей истной и любовью. Откликаясь на просьбу народа, Константин, ставший в 308 году августом Запада, освобождает Италию и столицу империи Рим в 312 году от жестокого и порочного тирана Максенция. Эта победа над Максенцием, которая предварялась чудесными явлениями, очень вдохновила Константина, как сообщает Евсевий Кесарийский: «Однажды, в полуденные часы дня, когда солнце начало уже склоняться к западу, — говорил василевс, — я собственными очами видел составившееся из света и лежавшее на солнце знамение креста с надписью: “Сим побеждай!”».³ И затем Евсевий продолжает: «Во сне явился ему Христос Бог с виденным на небе знамением и повелел, сделав знамя, подобное этому виденному на небе, употреблять его для защиты от нападения врагов».⁴

¹ Житие святого равноапостольного царя Константина и святой матери его Елены. Жития святых по изложению святителя Димитрия, митрополита Ростовского. Месяц май.

² *Евсевий*. Жизнь Константина. Кн. II, 49.

³ Там же. Кн. I, 28.

⁴ Там же. Кн. I, 29; cf.: Lucius Caecilius Firmianus Lactantius. *De mortibus persecutorum*, 44, 5, 6.

Данные чудесные явления не только подняли дух августа Константина и его армии в борьбе с Максенцием, которого они быстро победили, но эта поддержка Господня для Константина стала самым мощным толчком к продолжению его борьбы с язычеством и введению христианства в обществе и Восточной части Римской империи.

Для этого император Западной части Римской империи Константин сближается с восточным императором Ликинием, даже роднится с ним, выдавая свою сестру Констанцию замуж за него. Во время этих свадебных торжеств в Милане в 313 году, 1700 лет назад, Константин смог склонить Ликиния к составлению текста Миланского эдикта, даровавшего свободу христианской религии, к провозглашению его, обнародованию и направлению его главам провинциальных администраций Римской империи. Это была воистину величайшая победа мученического подвига христиан, которые через все препятствия и противостояния, гонения, ненависть мира сего прошли спокойно, кротко и смиренно перенесли все мучения, преодолев тьму и гордость диавола, зла и греха земного мира, вводя в него свет Евангелия. И хотя император Ликий, победив восставшего Максимиана Дазу и став полноправным правителем Восточной империи, начал воевать против императора Константина и вместе с этим противостоять действию Миланского эдикта на востоке Римской империи, преследовать и гнать Церковь, но все это уже не имело никакой силы. Более того, это противодействие не только не поколебало убеждений народа в истинности христианства и ложности язычества, но еще и усиливало их и помогало людям все яснее и яснее видеть правду и вечность христианства, а также глубже понимать и разоблачать слабость, ничтожность и тщетность языческой религии. Благодаря мученическому служению евангельской проповеди общество глубоко просвещалось истиной Церкви Христовой, ее неземной сущностью, ее вечной жизнью, ее любовью и благодатью, особенно на фоне все углубляющегося развращения и разложения язычников, которые увеличивали упадок империи и приближали ее разрушение и крушение.

Противостояние императора Ликиния стало только последним усилием тьмы противостоять евангельскому свету, пришедшему в общество Римской империи через мученическое служение Христовой проповеди. И когда император Ликий в 324 году начал вести войну с Западной империей, желая ее захватить, император Константин легко и быстро справился с противником, выиграв все сражения. 18 сентября 324 года император Константин, став единым правителем всей Римской империи, дал всем народам страны воз-

Замученная христианка-сирийка до и после многодневных пыток и изверств, которым ее подвергали так называемые «повстанцы» из столь любезной Западу сирийской оппозиции

هذا هو ما يحدث لإخواتنا المسيحيين في سوريا:)
اغتصاب من قبل أكثر من 20 رجلا قبل قتلها... هل
سوف يستيقظ العالم ضد هذه الوحشية؟؟ هل وسائل
الاعلام سوف تتحدث عن هذه القصص؟؟

возможность основательно изучать учение Церкви, глубоко просвещаться Евангелием, принимать крещение, возрастать духовно и укрепляться в христианском благочестии, решительно отвергая ложность и заблуждения язычества. И это все равноапостольный Константин делает благодаря подвигу святых мучеников, которых он особенно любил, как свидетельствует Феодорит, епископ Кирский, описывающий деятельность императора Константин на первом Вселенском соборе, когда он встретился с епископами исповедниками, пострадавшими во время гонений. Автор пишет, что Константин, «заметив же, что у некоторых исторгнуто по правому глазу, и узнав, что это страдание они потерпели за твердость в вере, прикасался губами к их язвам с полной верой, что извлечет отсюда благословение для своей любви».¹

Это широкое просвещение языческих народов Евангелием принесло Римской империи полную христианизацию общества и следование обществом в своей жизни и деятельности Христовым заповедям, что принесло полную победу Церкви, христианства, царства не от мира сего над царством мира сего. Ибо общество, принявшее Евангелие и живущее по заповедям Христовым, уже не является обществом от мира сего, находящимся во тьме неведения и пороков, а становится обществом Божиим не от мира сего, зна-

¹ Феодорит, еп. Кирский. Церковная история. Кн. 1, 11.

ющим истину и живущим нравственно-духовной жизнью. В этом есть смысл Евангелия, миссия Церкви, задание каждого христианина – нести свет Христова учения людям мира сего, царства земного, погрязшего в тьму греха, страстей и неведения, пока люди не примут Евангелие, пока не будут следовать его истине. И хотя с христианизацией общества заканчивается это высокое служение мучеников для проповеди Евангелия, потому что люди уже живут по евангельским заповедям, образ мученического подвига настолько значителен и важен для Церкви, что остается всегда примерным и живо питающим души верующих, всегда ярким и величественным. Церковь Христова навсегда остается Церковью мучеников, помня этот величественный подвиг и всегда живя им, ибо только он меняет мир, преодолевает грех и зло мира сего, мира земного. Об этой живости восприятия мученического подвига говорит святитель Иоанн Златоуст, напоминая своим слушателям, жившим в уже христианском обществе: «Но и мы можем подвизаться, как во время мученичества. Мученики презирали жизнь, ты презирай удовольствия. Они ввергали тела свои в огонь, ты ввергай теперь имущество свое в руки бедных. Они попирали ногами горячие уголья, ты погашай пламень похоти. Трудно это, но и полезно. Смотри не на прискорбное настоящее, а на приятное будущее, не на бедствия присущие, а на блага уповаемые, не на страдания, а на награды, не на труды, а на венцы, не на подвиги, а на воздаяния, не на скорби, а на утешение, не на горящий огонь, а на царство предстоящее, не на окружающих палачей, а на увенчающего Христа».¹

¹ Святитель Иоанн, архиеп. Константинопольский, Златоуст. Похвальное слово всем святым мученикам, 2.

Между мученичеством и повседневностью: советский опыт

*МАЛАХОВ Виктор Аронович, доктор
философских наук, главный научный сотрудник
Института философии им. Г. С. Сковороды
НАН Украины, г. Киев*

*«... Лице Его видит праведника».
(Пс. 10, 7)*

«Да разве могут дети юга,
Где розы блещут в декабре,
Где не разыщешь слова “вьюга”
Ни в памяти, ни в словаре,
Да разве там, где небо сине
И не слиняет ни на час,
Где испокон веков поныне
Все то же лето тешит глаз,
Да разве им хоть так, хоть вкратце,
Хоть на минуту, хоть во сне,
Хоть ненароком догадаться,
Что значит думать о весне,
Что значит в мартовские стужи,
Когда отчаянье берет,
Все ждать и ждать, как неуклюже
Зашевелится грузный лед.

А мы такие зимы знали,
Вжились в такие холода,
Что даже не было печали,
Но только гордость и беда.
И в крепкой, ледяной обиде,
Сухой пургой ослеплены,
Мы видели, уже не видя,
Глаза зеленые весны».

Это стихи Ильи Эренбурга, грешного советского поэта. Впрочем, в данном случае неважно, кто написал эти стихи, – главное, что не мученик. Подписаться под ними мог бы, наверное, всякий советский человек; вовсе не нужно было быть мучеником, чтобы воспринять их как свои, просто нужно было жить в то суровое время. Стоит представить себе эти лютые голодные зимы, зимы военные и послевоенные, зимы летние и весенние, эти облака над невольной страной, эти пионерские тропы, бедные лагеря...

О настоящих мучениках, сознательно принявших страдание за веру Христову, за угнетаемых ближних, за свободу и достоинство человека, нужно говорить подробно и честно, – но другие, ближе стоящие к подобному опыту, сделают это лучше, чем я. Я же усматриваю свою посильную задачу в том, чтобы на этих нескольких страницах указать – только лишь указать, не более! – на *тень мученичества*, привлечь внимание к своеобразной его гравитации, под привычным воздействием которой десятилетиями жила страна. Если подлинных мучеников, ведомых нам и неведомых, были, наверное, многие тысячи, если миллионы людей томились и умирали в лагерях, то десятки миллионов жили в это же время «обычной» человеческой жизнью – ходили на работу и в кино, встречали Новый год, наведывались на базар за картошкой, дружили, веселились, хоронили родню... И вздрагивали от неожиданных звонков, и ежились под случайным неведомым взглядом, и знали, помнили, что всякий опрометчивый поступок может вывести на порог, за которым – беда и смерть. Жуткие слухи о тех, кого «забрали», переползали из дома в дом...

Разумеется, самому быть мучеником и жить в тени чьих-то мучений – вещи глубоко разные. В обыденной жизни тех лет, какие бы зловещие тени над нею ни нависали, было немало и света, и надежд на будущее, и простой человеческой доброты, от утраты которых ныне щемит сердце. Светлые стороны советской повседневности, безвозвратно утерянные сегодня, – это ведь тоже правда, отворачиваться от которой значит непозволительно упро-

щать задачи нашей исторической памяти, задачи осмысления нашего собственного места в мире и в истории страны.

И, тем не менее, пребывать в тени чужих мучений, испытывать на себе силу их притяжения значит тоже в какой-то мере быть этим мучениям сопричастным. Мне эта немая, невысказываемая сопричастность представляется принципиально значимой, поскольку благодаря ей само мученичество – явление, бесспорно, высокое и страшное, – сопрягается с обычной человеческой жизнью, а не противопоставляется ей. Все было бы еще гораздо страшнее, если бы такой сопричастности не было – если бы те, кто на воле, в светлых домах, не чувствовали бы для себя никакой угрозы и не ощущали бы никакой тревоги от того, что кто-то там «сидит» страдает: ну сидят враги народа, и правильно сидят, нам же, честным людям, спокойнее... К счастью, было иначе: между мученичеством и повседневностью пролегла полоса сопричастности, каким-то удивительным образом все же спланивающая страну, формирующая у самых разных людей сходные нравственные очевидности.

Свет, принято считать, лучше всего различим на фоне тьмы. Мысль о мученичестве соблазнительно легко сочетать с мыслью о злодействе: чем выше подвиг, чем святее жертва, тем неотвратимее гнев, направленный на ее предполагаемых мучителей – сожигателей, распинателей, палачей, да и просто на тех, кто безучастно стоял рядом, и на детей и потомков этих безучастно стоявших тоже. Существует эмоциональный шаблон, сообразно которому благоговение перед мученичеством почти неизбежно порождает ненависть: нынешний культ шахидов в ряде исламских стран – ярчайшее тому подтверждение. (С той, разумеется, существенной оговоркой, что в современном мире инициатива убийства преимущественно на их, шахидов, собственной стороне – можно сказать, самой своей героической смертью они казнят неповинных людей). Да и в истории христианской Церкви нередки случаи, когда факты мученичества за веру истолковывались в духе разжигания вражды к иноверцам, когда само преклонение перед Крестом Господним оборачивалось вспышками неукротимой ненависти – вопреки основополагающему христианскому пониманию мученичества как свидетельства прощения и любви. Если же говорить о нашем конкретном советском и постсоветском опыте – сколь часто приходится наблюдать, как благочестивое памятование новомучеников выливается в обоснованное, но, увы, совершенно бесплодное возмущение, ведет к обострению вражды между различными частями нашего и без того раздерганного общества.

Так вот, куда более плодотворным в нравственном отношении представ-

ляется мне взгляд на человеческое страдание как на источник (зачастую подспудный, невыявленный) личной стойкости и солидарности для тех, кто оказался ему в какой-то степени причастен. Все это не стоит, разумеется, понимать чересчур прямолинейно – жизнь человеческая вообще сложна и многосоставна, и намешано в ней обычно всего понемногу. И, тем не менее, очевидно, что сосредоточение на проявлениях мученичества способно либо вовлекать в пучину ненависти, ненависти, повторяю, небезосновательной и оттого тем более безысходной, – либо пробуждать сострадание, открывать нашему взору лучшие начала в человеческом существе. Последнее, думается, более по-христиански. Хотелось бы этой небольшой заметкой хоть в малой мере послужить утверждению именно такого, сострадательно-собирательного понимания феномена мученичества и ситуации человека перед лицом мучений в целом.

Итак, применительно к нашей теме и имея в виду только что очерченный «сострадательно-собирательный» подход к ее осмыслению, можно, по-видимому, говорить прежде всего о трех основных родах мученичества (именно мученичества, т. е. добровольно принятого страдания «даже до смерти» (Фл. 2, 8), а не о человеческом страдании как таковом, которого за истекшее столетие накопились в нашем «пространстве» поистине космические объемы).

Во-первых, это собственно мученичество в строгом церковном смысле слова: мученическая смерть, принятая за веру и во свидетельство о Христе.¹ По всей Руси верующих христиан, подобным образом принявших смерть в годы террора, были, очевидно, тысячи и тысячи. Сообразно трагическим обстоятельствам их гибели, Архиерейским собором РПЦ 2000 года были прославлены «как известные, так и неизвестные нам мученики и исповедники веры»;² на 1 января 2011 года поименно канонизированы 1774 человека.³ Среди этих тысяч были, конечно, активные борцы с атеистическим режимом, самоотверженные герои сопротивления, были и люди тихие, безответные, смиренно и просто делающие свое дело в молчаливой готовности принять крест Христов.

В свое время Г. П. Федотов усматривал в страсотерпчестве Бориса и Глеба «самый парадоксальный чин русских святых».⁴ Самый парадоксальный – но и глубже всего укорененный в народном сознании. Особенность этого полюбившегося древним русичам типа святости, согласно Федотову, в том, что на место аскетической героики греческих мученических житий он выдвигает «дух вольного страдания»,⁵ на место «твердого ожидания смер-

ти»⁶ – смирение и жертвенность. Между этими альтернативами мученичества, замечает исследователь, «древняя Русь сделала свой выбор»;⁷ должно быть, в этом выборе было нечто сквозное, трансисторическое, ибо и в XX веке сколько же людей шло на крестные муки кротко, безоглядно – словами Федотова, даже не в борении «за веру Христову», а просто «в следовании Христу».⁸

Ныне и присно по кручам Синая,
По полю русскому в русское небо,
Ни колоска под собой не сминая,
Скачут лошадки Бориса и Глеба...

Борис Чичибабин

Разумеется, в советское время мученики подобного рода (собственно мученики в христианском понимании этого слова) не были и не могли быть на виду. Это, однако, не означает, что они не оказывали на нравственную атмосферу тех лет никакого воздействия. Будучи христианами, нельзя забывать об их молитвенном соприсутствии в нашей тогдашней, пусть внешне и обезбоженной, жизни. Вместе с тем, реальные человеческие связи всегда глубже и богаче тех идеологических схем, которыми их стремятся обуздать власти предержажные. И вот на уровне непосредственных взаимоотношений, официально как бы не замечаемых, но при этом вездесущих, формирующих и пронизывающих повседневное бытие всякой человеческой общности, вполне ощутимым во множестве случаев оказывалось влияние если не собственно мучеников, то, по крайней мере, людей, близких к ним по своему душевному складу, своей человеческой несокрушимости.⁹ Память детства, семейные предания, старинные альбомы оживляли образы таких людей в сознании их потомков – современников новой советской эпохи.

Во-вторых, своих официальных мучеников имел и советский режим. Слово «мученик» в этом контексте я употребляю без кавычек, поскольку речь-то идет о реальных людях, сознательно пострадавших за свои убеждения, – пусть их биографии зачастую и искажались в пропагандистских целях. В высшей степени характерным представляется то, что без опоры на «сонм» (здесь-то уже кавычки неизбежны) подобных мучеников советский строй, оставаясь собою, обходиться не мог. Поколение за поколением вырастало под аккомпанемент рассказов о жертвенных подвигах Пашки Корчагина, Зои Космодемьянской, Александра Матросова... Разумеется, все такие рассказы неизбежно имели своей сверхзадачей утверждение начал

Советские люди

единомыслия и единочувствия в тогдашнем советском обществе. И, тем не менее, в рамках решения самой этой задачи воспитание на подобных образах в какой-то мере делало юношей и девушек той поры нравственно чище, прививало им самоотверженность, своего рода душевное благородство. Помню, что пионерский отряд класса, в котором я учился, носил имя Лизы Чайкиной. Что мы знали о Лизе Чайкиной? Что была такая смелая девушка, которая боролась с фашистами и пострадала за наше счастливое детство.

В-третьих, наиболее, по-видимому, распространенную в советское время категорию «малых» мучеников (пишу так, дабы отмежевать рассуждение о подобных людях от бестактных притязаний на какую-то исключительность и величие) составляли те, кто, не имея незыблемых духовных или идеологических ориентиров – а может, догадываясь, что «все не так, как надо», – тем не менее, готов был пострадать за свою страну, какова бы она ни была («жила бы страна родная...»), за привычный уклад жизни, за свой город, друзей и любимых. Подобного рода внутренняя готовность (как раз и отличающая мученика, пусть и «малого», от просто страдальца), насколько можно судить, отнюдь не была редкостью; память о ней хранят многие семьи. Моего, например, дядю, красноармейца-еврея, замучили в Крыму фашисты, вырезали на его груди пятиконечную звезду и убили – так он знал, за что воевал. И отец мой знал, во имя чего добровольцем ушел на фронт. Думаю, массовый характер подобных жизненных установок многое объясняет в поведении советских людей в период Великой Отечественной войны, да и позже – вплоть до самоотверженности черномыльских пожарных и мужества моряков-подводников погибающего «Курска».

И вот, возвращаясь к началу этих заметок, хотелось бы повторить, что

Плакат 1930-х гг.

под неприятными стихами о суровых зимах, грузных льдах и ожидании весны мог бы, по-видимому, подписаться едва ли не каждый советский человек, какая бы из упомянутых трех разновидностей мученичества при этом ни витала перед его внутренним взором. «Век-волкодав» (О. Э. Мандельштам) щерил зубы на каждого – священника, партийного работника, инженера, крестьянина, юношу, обдумывающего житье; невозможно было, живя в Союзе, этого не ощущать. Тяжкий лед страданий, сковавший страну, придавал особую цену и вес этосу мужественного, мученического их приятия. По всем краям и пределам повседневного человеческого бытия пролегла некая суровость – суровость недреманных ведомств, суровость стихов о войне и угрозе, суровость призывов, приказов, ударов, бросков – словно бы только в этом обжигающем кольце и могли существовать уют домашнего очага, раздолье народных гуляний, пионерское лето, буйство вечерних столочных огней.

... И как один умрем
в борьбе за это, –

пелось в старой революционной песне. Годы революции прошли, но навык воспринимать страдание и смерть как истину бытия остался. «Век-волкодав» учил: чем жесточе, тем правдивее. «Жестокое, но праведное время», – говорили в советскую эпоху о ярчайших страницах ее истории.

Итак, мучение как сокровенная основа бытия, мучение как то, чего ждешь, чего боишься, перед чем благоговеешь, мучение, попущением Господним ставшее конститутивным элементом «обычной» человеческой повседневности, – думаю, в отвлечении от этого фактора невозможно понять того, чем мы располагали в советское время и что мы вместе с ним утратили.

Речь, конечно же, не о том, что, мол, люди советской поры непрестанно мучились, не ведали светлых дней, и уж вовсе не о том, будто бы они в большинстве своем были мучениками или осознавали себя таковыми. Сознать себя мучеником – вообще сознание дурное, греховное. Речь о восприимчивости и уважении к мученичеству как таковому, речь о всеобщем убеждении, что страдание учит, возвышает человека, что по-настоящему великие вещи обязательно надо выстрадать. Достоевский в этом отношении неожиданно оказывается более близким «советскому» взгляду на вещи, чем, скажем, много страдавший на своем веку русский писатель XX века Константин Воробьев, страстно утверждавший, что возведение страдания «в некую доблесть» являет собою «ложь, всесветный обман» ...¹⁰

Впрочем, вскоре после крушения Советской власти сентенция о том, что «горе человека не красит» и что, прежде всего, «человек должен сделать себе радость при своей жизни»,¹¹ обрела такую степень самоочевидности, о которой горький молчальник Воробьев, надо полагать, и не думал.

Исчезновение уважительного отношения к страданию, вообще утрата «горизонта страдания» как формирующего начала повседневного человеческого опыта – быть может, одно из характернейших отличий постсоветского этапа нашего совместного бытия от советского. Относиться к упомянутому отличию можно, конечно, по-разному. Главное, что в этой связи хочется отметить то, без чего все остальное оказалось бы, наверное, прямой неправдой, – это то, что при всех наших нынешних безобразиях один только факт преодоления той страшной и кровавой полосы XX века, которой в основном был обусловлен доставшийся нам в наследство опыт страдания, уже сам по себе побуждает к позитивному восприятию дня сегодняшнего; это историческое обстоятельство, на мой взгляд, невозможно переоценить.

Однако необходимо сказать и о другом. Упразднение «высокого» страдальческого горизонта человеческой жизни легко приводит, как показывает уже нынешний наш опыт, к засилью своекорыстия и гедонизма, а через гедонистическое опустошение души – к популярному воззрению: все «туфта», сиречь симулякры, а те, кто еще чем-то мучается, страдает, – те «лохи». Заимствуя жаргонизм современной физики, можно сказать, что типичным для

наших дней явлением, к сожалению, становится своего рода «схлопывание» человека – утрата его бытием внутреннего напряжения и, как следствие, экзистенциальный провал. Оттого по-особому важны сегодня уроки исторической памяти: не только как напоминание о том, что не должно повториться, но и как внесение контрастного трагического фона в наше нынешнее, зачастую довольно-таки пустопорожнее, существование: перед лицом чужих мучений кривляться не станешь. Вопрос в том, возможно ли, представимо ли ныне сколько-нибудь серьезное отношение к жизни без этого трагического контекста, без постоянных напоминаний себе о том, что были ведь, и в не столь отдаленные времена, Голодомор, Холокост, ГУЛаг, миллионы мученических смертей?

Не думаю, что существует простой ответ на этот вопрос.

¹ См., напр.: Живов В. М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М.: «Гнозис», 1994. С. 58–68.

² ru.wikipedia.org/wiki/Собор_святых_новомучеников_и_исповедников_российских.

³ Там же.

⁴ Федотов Г. П. Святые Древней Руси (X–XVII ст.). 4-е изд. Paris: YMCA-PRESS, 1989. С. 30.

⁵ Там же. С. 27.

⁶ Там же. С. 25.

⁷ Там же. С. 28.

⁸ Там же. С. 28–30.

⁹ О подвиге мучеников XX века как свидетельстве нашему времени о несокрушимости духовных основ человеческого бытия ср.: Делл'Аста А. В борьбе за реальность. К.: Дух і Литера, 2012. С. 154–159.

¹⁰ Память горькая и чистая: Из архива писателя Константина Воробьева // Правда. 1988, 31 октября. С. 4.

¹¹ Там же.

Новомученики Александро-Невской Лавры

*ШКАРОВСКИЙ Михаил Витальевич,
профессор Санкт-Петербургской Духовной академии,
доктор исторических наук, Санкт-Петербург*

Отмечающая в 2013 году свое 300-летие одна из четырех главных обителей Русской Православной Церкви – Александро-Невская Лавра – прославилась в XX веке целым сонмом новомучеников, из которых в настоящее время канонизировано 13, больше чем во многих крупных епархиях. Это, прежде всего, настоятели Лавры – митрополиты Владимир (Богоявленский, +1918), Вениамин (Казанский, + 1922), Серафим (Чичагов, +1937) и наместники обители – архиепископ Прокопий (Титов, +1937), епископ Виктор (Островидов, +1934) и епископ Григорий (Лебедев, + 1937). Все они были расстреляны безбожниками, кроме скончавшегося в ссылке Владыки Виктора. В августе 1922 года вместе с митрополитом Петроградским и Гдовским Вениамином (Казанским) чекисты расстреляли на Ржевском полигоне юрисконсульта Лавры мученика Иоанна Кочурова.

В 1937 году на Бутовском полигоне под Москвой расстрелян и бывший насельник Александро-Невской Лавры архидиакон Серафим (Вавилов), прославленный как местночтимый святой Московской епархии. Лаврским святым можно считать и одного их первомучеников Русской Церкви протоиерея Петра Скипетрова, смертельно раненого красногвардейцами 17 января 1918 года при попытке захвата Александро-Невской Лавры и вскоре скончавшегося в больнице. Следует упомянуть и четырех прославленных в лике святых членов Александро-Невского братства: архиепископа Иннокентия (Тихонова), архимандрита Льва (Егорова), Киру Оболенскую и Екатерину Арскую (все они были расстреляны в 1937 году).

В последние годы в Санкт-Петербурге существует заметный интерес к изучению деятельности этого существовавшего в северной столице в 1918–1932 годах братству. Без преувеличения можно констатировать, что Александро-Невское братство было уникальным явлением не только в истории Санкт-Петербургской епархии, но и Русской Православной Церкви первых послереволюционных десятилетий в целом. Находясь под «дамокловым мечом» репрессий в течение всех лет своего существования, оно проявляло удивительную активность и разнообразие видов работы. История братства свидетельствует о том, что оно было одной из самых оптимальных организационных форм внешней деятельности верующих в условиях безбожных гонений и в известном смысле представляло собой стержень жизни епархии, на протяжении 14 лет играя заметную роль во всех важнейших событиях этой жизни. В частности, братство активно боролось с обновленческим расколом и противодействовало иосифлянскому разделению. Подобные братства возникали в соответствии с решением Всероссийского Поместного собора 1917–1918 годов, в Петроградской епархии процессом их создания активно руководил священномученик митрополит Вениамин (Казанский).

Александро-Невское братство было образовано в январе 1918 года при Лавре из мирян, как мужчин, так и женщин, под руководством монахов, и в первое время одной из его главных функций являлась защита обители от посягательств безбожников. Затем – в 1919–1921 годах – ему принадлежала центральная роль в создании и деятельности союза православных братств Петроградской епархии. Именно на него ориентировались все другие подобные объединения верующих. В эти же и последующие годы Александро-Невское братство неустанно стремилось привлечь в церковную среду представителей различных слоев интеллигенции, сблизить их с ученым монаше-

Александро-Невское братство.
Фото 1919 г.

ством, в чем и добилось заметных успехов. Братчики и братчицы имели постоянную тесную связь с возникшими после революции новыми формами духовного образования – Богословским институтом, разнообразными курсами и т. д., но особенно крепкой эта связь была с заменившим осенью 1918 года закрытую Духовную семинарию Богословско-пастырским училищем, где чле-

ны братства составляли значительную часть учащихся и преподавателей, в число которых входил и один из главных основателей и руководителей братства священномученик архимандрит Лев (в миру Леонид Михайлович Егоров).

Следует отметить также, что Александро-Невское братство в определенном смысле представляло собой звено в ряду полулегальных религиозно-философских кружков и обществ, существовавших в 1920-е годы в северной столице. Оно имело в своем составе особый православный религиозно-философский кружок. Важным направлением деятельности братства являлось создание полулегальных монашеских общин в миру, а также монашеские постриги молодых людей (в том числе тайные) с целью сохранения института монашества в условиях массового закрытия обителей. Первые две общины сестер были созданы осенью 1922 года, затем в конце 1920-х – начале 1930-х годов возникло еще несколько небольших общин. Особенно активно в эти времена проводились тайные постриги, которые в основном совершал о. Лев. Братские отцы всегда считали одной из основных своих задач подготовку молодых образованных священнослужителей, что в условиях ограничения, а затем и полной ликвидации духовного образования позволило бы сохранить кадры духовенства, способного в будущем осуществить возрождение Церкви. Деятельность братства очень помогала сплочению верующих всех возрастов и сословий перед лицом яростных антицерковных гонений. Это было удивительно дружное сообщество людей, трудившихся ради Христа и во имя любви к ближним, где само слово «брат» понималось в его истинно евангельском смысле.

Именно с Александро-Невским братством была связана большая часть пастырского служения архимандрита Льва. Он и его брат – будущий митрополит Гурий (в миру Вячеслав Михайлович) – родились в Боровичском уезде Новгородской губернии в семье владельца артели ломовых извозчиков 26 февраля 1889 года и 1 июля 1891 года соответственно. Братья рано оси-

ротели, и их взял на воспитание проживавший в Петербурге бездетный дядя Я. С. Селюхин. Со временем Леонид закончил историко-филологический факультет Петербургского университета, затем в 1915 году поступил в Духовную академию и проучился там 3 курса. Одновременно, будучи студентом, преподавал словесность в средних ученых заведениях столицы. В 1915 года Леонид был пострижен в монахи Александро-Невской Лавры с именем Лев, возведен в сан иеродиакона и иеромонаха (в этом же году принял монашеский постриг с именем Гурий его брат Вячеслав).

Уже в 1916 году братья Егоровы (как скоро стали называть в народе отцов Гурия и Льва) развили вместе с иеромонахом Иннокентием (Тихоновым) очень интенсивную миссионерскую деятельность среди бедного населения Петрограда. Продолжая ее после Октябрьской революции, иеромонах Лев вместе с отцами Гурием и Иннокентием создал 8 марта 1918 года при Александро-Невской Лавре молодежный кружок. Теперь миссионерская деятельность трех молодых монахов приняла несколько другие, чем до революции, формы. Они не «ходили в народ», зато народ шел к ним. В частности, в состав кружка вошли многие ученицы Епархиального женского училища. Митрополит Иоанн (Вендланд) писал об этом периоде 1918 года так: «По городу разнеслась слава о “братьях Егоровых”. Однажды отец Гурий представился митрополиту Антонию Храповицкому, которого раньше не знал. Когда он назвал свою фамилию, митрополит воскликнул: “А, братья Егоровы, как вас не знать, вся Россия знает братьев Егоровых!” В те годы отец Гурий познакомился со Святейшим Патриархом Тихоном: несколько раз он ездил к Патриарху в Москву по поручениям митрополита Петроградского Вениамина. Был такой единственный случай, когда Патриарх Тихон [в мае-июне 1918 года] приехал в Петроград. Митрополит Вениамин представил ему отцов Иннокентия, Гурия и Льва. Патриарх сказал: “Ну, кто же их не знает, Иннокентия, Гурия и Льва. Их надо выдвигать”».

В январе 1919 года Владыка Вениамин предоставил членам кружка находившуюся при его покоях Крестовую Успенскую церковь. А 1 февраля при этом храме и было окончательно образовано существовавшее с 1918 года Александро-Невское братство. Окормление его членов являлось важнейшей частью пастырской деятельности о. Льва. Он служил в лаврской Крестовой церкви, являвшейся центром братской жизни. Позднее, на допросе 27 июня 1922 года, о. Лев указал, что основными целями братства являлись: 1) «чисто церковное возрождение церковного богослужебного устава», 2) «борьба с торгашеством в церкви» (отсутствие продажи свечей и просфор, бесплат-

Преподобномученик Лев (Егоров), один из самых известных петербургских священников послереволюционного времени

ное совершение треб), 3) «реформа церковного пения» – отказ от светского исполнения партиями и «пение по обиходу», чтобы «народ легко мог петь с нами». Члены братства бескорыстно исполняли все обязанности по обслуживанию своего храма – пономарей, певцов, выносящих свечи, чтецов и т. д.

В начале 1920 года в составе братства был создан занимавшийся богословскими проблемами кружок св. Иоанна Златоуста, заседания которого проходили по средам. Этот кружок входил в занимавшееся богословскими проблемами «Содружество под покровительством святого Василия Великого», председателем которого был старший из братьев Егоровых Николай (профессор математики), а духовным руководителем о. Лев.

К февралю 1921 года состоялось несколько заседаний содружества. Просветительская деятельность братства состояла не только в устройстве лекций, диспутов и т. п., но и главным образом в церковной работе с детьми. И возглавлял ее иеромонах Лев. Братчики делали все возможное, чтобы после запрещения изучения Закона Божия в школах в народе не угас огонь веры. По благословению митрополита Вениамина для детей и подростков были завезены специальные кресты, хоругви, иконы и облачения. Дети участвовали в богослужениях и крестных ходах. Лаврские иноки и миряне из братства вели 69 детских кружков, в которых изучался Закон Божий. Эти занятия проходили в основном по воскресеньям в помещениях при Крестовой митрополичьей церкви. Много внимания уделялось катехизации детей – их учили церковному пению, церковнославянскому языку, проводили для них говение и отдельную Литургию, на которой дети пели, читали и помогали священнику.

Активно откликнулось братство на охвативший страну после окончания Гражданской войны голод. 11 марта 1922 года наместник Лавры архимандрит Николай (Ярушевич) обратился к митрополиту Вениамину с рапортом: «Сыновне испрашиваю благословение Вашего Высокопреосвященства на открытие при Лавре питательного пункта для голодающих на средства богомольцев Святодуховской и Крестовой церквей и при участии

представителей тех и других. Добровольные пожертвования на это дело уже начались. Во главе этого дела в качестве заведующего пунктом мог бы встать, если угодно будет благословить Вашему Высокопреосвященству, иеромонах Лев». Уже на следующий день, 12 марта, Владыка написал на рапорте резолюцию: «Господь да благословит добрым успехом святое начинание» и назначил заведующим питательным пунктом о. Льва. Забота об арестованных и осужденных выражалась в материальной помощи им и духовной поддержке, которая осуществлялась как при личных свиданиях с заключенными в тюрьме, так и опосредованно. На допросе 27 июня 1922 года о. Лев сообщил, что в помощи тем заключенным, которых они знали, члены братства старались никогда не отказывать.

В первые послереволюционные годы в Петрограде кроме Александроневского возникло еще несколько православных братств. 5 мая 1920 года в Лавре после молебна и приветствия митрополита Вениамина в помещении при Крестовой церкви открылась первая общебратская конференция, на которой было принято совместное решение об объединении в союз всех существующих городских братств «на почве религиозно-просветительной и благотворительной деятельности». Во время заседаний работали пять секций, и одну из них – по работе с детьми – возглавлял о. Лев, который таким образом фактически был признан руководителем этого направления церковной деятельности в Петрограде. На конференции был принят примерный общебратский устав, написанный отцами Иннокентием, Гурием и Львом, а также выбран совет общебратского союза, куда на правах несменяемых членов обязательно входили духовные руководители братств, трое из которых – иеромонахи Иннокентий, Гурий и Лев – практически вершили все дела в самом совете, призванном «служить объединяющим центром всех братств» и «разрешать всевозможные вопросы братской практики».

В совете общебратского союза о. Лев состоял вплоть до его ликвидации весной 1922 года. При этом молодой иеромонах активно занимался работой не только с детьми и молодежью, но и миссионерской преподавательской деятельностью. С осени 1918 по июль 1922 года он читал лекции по русской литературе в Богословско-пастырском училище. В апреле–июле 1921 года о. Лев был членом организационного бюро 2-й общебратской конференции Петроградской епархии, исполняя обязанности организатора детской секции. Кроме того, ему поручили составлять новую братскую молитву. Активно участвовал о. Лев и в работе конференции, состоявшейся в начале августа

1921 года. А с 18 августа 1921 до лета 1922 года он состоял в образованном при Феодоровском соборе мужском монашеском кружке Петроградской епархии, имевшем своей целью «выяснение вопросов монашеской жизни и распространение идей монашества, особенно среди учащихся». К 1 апреля 1922 года на собраниях кружка было прочитано 13 докладов, главным образом по истории монашества, часть которых произнес о. Лев.

Кипучая пастырская деятельность молодого иеромонаха была прервана в июне 1922 году в связи с началом кампании изъятия церковных ценностей и организованного высшими органами коммунистической партии и ГПУ так называемого обновленческого раскола. После ареста Патриарха Тихона и его вынужденного отказа 12 мая 1922 года от руководства Православной Церковью обновленцы более года доминировали в церковной жизни страны. Во многих районах, в том числе в Петрограде, они первоначально встретили решительное сопротивление. 28 мая митрополит Вениамин (Казанский) в своем послании к пастве отлучил петроградских обновленцев от Церкви. Именно это стало основной причиной его ареста. С 10 июня по 5 июля 1922 года в городе проходил судебный процесс над 86 священнослужителями и мирянами. Их обвиняли в организации сопротивления изъятию церковных ценностей. Надуманность процесса была очевидна, однако власти хотели любым путем, не считаясь с законностью, подавить всякое возможное сопротивление.

Поэтому репрессии обрушились и на многих руководителей и активистов петроградских братств, и прежде всего наиболее близкого митрополиту братства Александро-Невского. И через несколько часов после ареста Владыки, ранним утром 1 июня, агенты ГПУ схватили епископа Иннокентия, о. Гурия, трех братчиц, заместника Лавры епископа Николая (Ярушевича), а 16 июня и о. Льва. Проведенные допросы и обыски более 40 арестованных по делу православных братств мало что дали следственным органам. Отца Льва допрашивали дважды – 27 июня и 17 августа. Как и большинство других обвиняемых, он не видел ничего предосудительного и запретного в протекавшей совершенно открыто и, по сути, легально деятельности братств и поэтому многое рассказал о ней, но отверг какие-либо обвинения в контрреволюции.

Доказать противодействие членов братств изъятию из храмов ценностей не удалось. Практически все арестованные говорили на допросе о своей полной непричастности к сопротивлению этой акции. Следствие не привело к желаемым для властей результатам – арестованных не рискнули вы-

вести на суд. В результате 14 сентября 1922 года Петроградское губернское отделение ГПУ на закрытом заседании постановило выслать 7 обвиняемых из Петроградской губернии на 2 года «как политически неблагонадежных», в том числе о. Гурия и епископа Иннокентия – в Архангельскую губернию, а о. Льва – в Оренбургскую. В отношении других 26 человек дело было прекращено.

О. Лев отбывал почти двухлетнюю ссылку сначала в Оренбургской губернии, а затем в Западном Казахстане. Во время его отсутствия в Петрограде, несмотря на репрессии, деятельность Александро-Невского братства не прекращалась, а в 1925 году вновь начала оживать. Один за другим из ссылки возвратились все три основателя братства. Первым – еще в конце 1924 года – был освобожден и приехал в Ленинград о. Лев. Но он первоначально устроиться в штат какого-либо храма не смог и до осени 1926 года служил периодически в качестве приписного священника для совершения ранних обеден. Занимался о. Лев в то время также переплетным делом.

На 1926–1928 годы пришелся новый, относительно благоприятный период существования братства. Конечно, его жизнь и деятельность официально оставалась нелегальной, но в то же время прямо не преследовалась. Несмотря на арест и ссылку епископа Иннокентия, Александро-Невское братство по-прежнему возглавляли три находившихся между собой в тесном духовном общении и единстве руководителя – отцы Гурий и Лев (Егоровы) и о. Варлаам (Сацердотский). В октябре 1926 года отца Льва назначили настоятелем одного из крупнейших соборов Ленинграда – храма Феодоровской иконы Божией Матери в память 300-летия царствования Дома Романовых. Постепенно туда перешла большая часть членов братства и в 1930 году два братских хора. О. Лев также был возведен в сан архимандрита и с марта 1926 года стал исполнять обязанности благочинного, преподавателя русской литературы и члена педагогического совета Богословско-пастырского училища.

Весной 1927 года архимандрит был арестован во второй раз. В это время в училище обучалось около 70 человек, и его популярность стала вызывать раздражение у властей. В конце апреля заведующий районным церковным столом написал городскому руководству заявления о необходимости закрыть Высшие Богословские курсы и Богословско-пастырское училище, так как они «готовят врагов советской власти». Ликвидировать эти учебные заведения в то время власти не решились, но поручили ГПУ сфабриковать «дело Богословско-пастырского училища». Аресты по нему проходи-

ли в основном в мае – июне 1927 года и серьезно затронули Александро-Невское братство. 27 мая агенты ГПУ арестовали архимандритов Гурия и Льва, за решеткой также оказались архиепископ Гавриил (Воеводин), епископ Григорий (Лебедев), несколько преподавателей и учащихся. Но, в конце концов, «дело Богословско-пастырского училища» развалилось. 19 ноября 1927 года всех арестованных освободили под подписку о невыезде, а через год, 10 ноября 1928 года, дело вообще было прекращено «за недостаточностью компрометирующего материала», а взятые подписки аннулированы. Но все учебные заведения Московской Патриархии к этому времени в Ленинграде (как и по всей стране) уже были закрыты.

Из хранящейся в следственном деле секретной переписки ОГПУ видно, что арестованные по «делу Богословско-пастырского училища» были освобождены с расчетом на то, чтобы они включились в набиравшее силу иосифлянское движение. Советскому руководству были выгодны любые новые расколы и разделения в Русской Православной Церкви, ослаблявшие ее единство. Поэтому на первых порах власти не препятствовали возникновению оппозиционного им церковного движения, получившего свое название по имени руководителя – митрополита Ленинградского Иосифа (Петровых). Иосифляне не признавали опубликованную в июле 1927 года декларацию Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) о лояльности Советской власти и отказывались почитать в храмах и эту власть и самого митрополита Сергия. Некоторые из освобожденных в ноябре 1927 года стали активными участниками иосифлянского движения. Но все руководители Александро-Невского братства единодушно остались верны митрополиту Сергию. По их влиянием и практически все члены братства за редчайшим исключением не поддерживали иосифлян. Эта позиция братских отцов оказала влияние на ситуацию в епархии в целом. Они даже переписывались с руководителями иосифлян, стараясь убедить их в неправильности занятой позиции.

С рубежа 1928–1929 годов ситуация, в которой служил о. Лев, существенно изменилась, быстро стала нарастать волна массовых гонений и репрессий против всех течений Русской Православной Церкви. Начали закрываться и церкви при ленинградских подворьях ликвидированных монастырей, хотя официально они уже давно считались приходскими. Так, в апреле 1930 года была закрыта церковь подворья Творожковского монастыря, что стало тяжелым ударом для Александро-Невского братства. Из нее архимандрит Варлаам (Сацердотский) и архиепископ Гавриил (Воево-

дин) перешли служить в Феодоровский собор. Туда же перешли и оба ранее бывших при Творожковском подворье братских хора. Регентом хора правого клироса был назначен иеромонах Серафим (Суторихин), окормлять его певчих стал настоятель собора о. Лев. Хором же левого клироса регентовала Вера Киселева, а духовным отцом певчих был архимандрит Варлаам.

На допросе 28 февраля 1932 года о. Варлаам так охарактеризовал последние годы существования братства: «После ареста Гурия Егорова и последующей его высылки руководство остатками “братства” легло на меня. Общее количество братчиц и братьев к тому времени, т. е. к 1929 году, составляло не более 50 человек ... Деятельность “братства” в этот период заключалась в устройстве хоровых спевков и организации хора в Федоровском соборе. Кроме того, осуществлялась помощь высланному духовенству путем сбора денег, вещей и отправки посылок ... О всей деятельности “братства” было известно Льву Егорову, который является настоятелем собора, и без его благословения в храме ничего не могло совершаться. Однако установки мои и Гурия Егорова в методах воспитания верующих отличаются от установок Льва тем, что наш с Гурием метод – монашеский, Лев же Егоров, не возражая принципиально против монашества, находит возможным его существование не уходя от современной светской жизни, то есть не меняя светского облика. С 1929 года по настоящее время деятельность нашего “братства” в основном ни в чем не изменилась».

Братчица А. С. Борисова на допросе подтвердила существовавшую разницу в методах руководства архимандритов Льва и Варлаама. По ее словам, о. Лев призывал членов братства к широкой общественной деятельности, «направленной на внедрение христианства», поэтому предлагал повышать уровень светского образования и «учил сочетать культурную жизнь с верностью христианству»: «Этим объясняется то, что члены братства – дети о. Льва – в большинстве или люди интеллигентные, или учащаяся молодежь». А о. Варлаам, по свидетельству Борисовой, учил внутреннему благочестию (т. е. не призывал к мирской и миссионерской работе) и благотворительной деятельности.

Таким образом, разница в подходах отцов Льва и Варлаама заключалась прежде всего в том, что первый из них считал необходимым в изменившихся к худшему внешних условиях готовить образованных молодых людей к принятию тайного монашеского пострига, с тем чтобы они, живя в светской среде и работая в гражданских учреждениях, боролись за Церковь и несли слово

Божие в массы. Второй же руководитель братства полагал, что по-прежнему необходимо создавать полулегальные общины сестер и братьев с уставом внутренней жизни, близким к монастырскому, и постепенным отдалением членов общин от советской действительности и светской среды вообще.

В 1930–1932 годах архимандрит Лев уже окормлял большую часть братиц (при приеме он вручал им белые платки). В это время у него было более 50 духовных детей. Архимандрит считал необходимым проявлять определенную осторожность и осмотрительность, понимая, что ОГПУ может в любой момент выйти на братство и разгромить его. Именно поэтому он активно способствовал развитию института тайного монашества. Это отмечали позднее в своих показаниях многие арестованные священнослужители. Так, архиепископ Гавриил (Воеводин) на допросе говорил: «Одним из способов укрепления Церкви руководители считали тайное монашество, которое, по их мнению, должно было воспитать стойких, интеллигентных и решительных борцов за веру. Сообразно этому круг лиц, группирующихся вокруг Льва Егорова, состоит преимущественно из интеллигенции и учащейся молодежи».

Важная заслуга о. Льва состояла в том, что он неустанно стремился расширить ряды братства, привлекая в него образованную молодежь. Вступившие в братство молодые люди находились в постоянном тесном общении, поддерживая друг друга в различных ситуациях. «Новенькие» поручались «старшим» братчикам. Широко оказывалась материальная помощь учащейся молодежи. Руководство же богословским образованием молодых членов братства осуществляли архимандриты Лев (Егоров), Варлаам (Сардотский) и другие братские отцы.

Несмотря на фактически нелегальное существование, под руководством о. Льва братство продолжало строжайше запрещенную советскими законами общественно-благотворительную деятельность (помощь бедным, заключенным, монастырям епархии, обучение детей Закону Божию). Ряды братчиков и в конце 1920-х – начале 1930-х годов заметно пополнялись образованными и активными молодыми людьми, некоторые из которых (иеромонах Серафим Суторихин, иеродиаконы Афанасий Карасевич, Нектарий Панин и др.) приняли монашеский постриг. И почти всех из них постригал в Феодоровском соборе о. Лев. Следует отметить, что в это время архимандрит окормлял также несколько не входивших в братство женских монашеских общин, в частности шесть насельниц подворья Успенского Моквинско-

го женского монастыря в пос. Вырица, которых он удержал от присоединения к иосифлянам.

Полная трагизма и жертвенного служения Всевышнему история братства завершилась в 1932 году. Его судьба была predeterminedена развернутой кампанией массовых арестов священнослужителей, и прежде всего монашествующих. Общее количество арестованных в ночь с 17 на 18 февраля составляло около 500 человек, в том числе более 40 членов Александро-Невского братства. Все арестованные были разбиты на несколько отдельных следственных дел, в среднем по 50 человек в каждом. И лишь в отношении Александро-Невского братства органы ОГПУ сделали исключение, сфабриковав огромное дело почти на 100 человек. Оно подразделялось на две части, каждая из которых имела свое обвинительное заключение. Первое было составлено на 41 человека, арестованного в Ленинграде, а второе – на 51 человека из «филиалов» братства на периферии.

Следствие проводилось в ускоренном порядке. «Контрреволюционная деятельность» членов братства представлялась следователям очевидной без необходимости добывать какие-либо серьезные доказательства. Поэтому допросы арестованных чаще всего проводились один-два раза. Отец Лев допрашивался дважды – 29 февраля и 2 марта. На вопрос о политических убеждениях он ответил: «Стараюсь не мешать строительству социализма. Не сочувствую антирелигиозной политике советской власти». Архимандрит вообще отрицал существование братства, говоря, что оно распалось в 1922 году. Отрицал он и сбор средств в Феодоровском соборе для помощи ссыльным, а также все другие обвинения. Лишь после предъявления ему на втором допросе фотографии хора правого клироса собора он сообщил некоторые имена изображенных на ней, заявив, что остальных духовных детей назвать отказывается.

Все следствие длилось лишь около месяца, и 15 марта 1932 года было утверждено обвинительное заключение на первую группу арестованных в области монашествующих, а 19 марта – на основных активистов братства в количестве 41 человека. Суть обвинения сводилась к стремлению представить братство в виде мифической контрреволюционной организации, которая якобы со времени своего создания в 1918 году непрерывно вела активную борьбу с Советской властью. Открытого суда не было. 22 марта 1932 года Коллегия ОГПУ вынесла подсудимым приговор – от лишения права проживания в Ленинграде и Ленинградской области на 3 года до 10 лет лагерей. К максимальному сроку наказания был приговорен и о. Лев.

Его дальнейшая подлинная судьба оставалась неизвестной до недавнего времени. Органы госбезопасности сообщили родственникам ложную информацию о смерти о. Льва 25 января 1942 года в лагере пос. Осинники Кемеровской области от несчастного случая на шахте. Эти сведения попали во все опубликованные в 1990-е годы биографические справки. Однако на самом деле все было иначе. 18 апреля 1932 года архим. Лев поступил в отделение Черная речка Сибирского лагеря (Сиблага), расположенное в Кемеровской области, а в конце марта 1936 года его перевели из изолятора в Ахпунское отделение Сиблага (на станцию Ахпун Таштагольского района Кемеровской области). С лета 1937 года в советских лагерях, как и по всей стране, была развернута массовая кампания арестов. Не пережил страшное время «большого террора» и о. Лев. 13 сентября его приговорили к высшей мере наказания. Священномученик был расстрелян 20 сентября 1937 года. Сведения о месте казни и захоронения в архивно-следственном деле отсутствуют. Так погиб один из самых замечательных пастырей Петербургской епархии, воспитавший несколько десятков глубоко верующих молодых людей, сохранивших преданность Церкви в пору самых жестоких гонений. Память о подвижнической деятельности архимандрита Льва долгое время жила в городе святого Петра и после гибели пастыря.

В 1993 году был прославлен как местночтимый святой Слободского края расстрелянный в 1937 году в Виннице архиепископ Иннокентий (Тихонов). 8 мая 2003 года священномученик Лев (Егоров) и еще два члена Александро-Невского братства – Екатерина Арская и Кира Оболенская – были причислены к лику святых Русской Православной Церкви. Обе они входили в братство с начала 1920-х годов, причем Екатерина Ивановна Арская была членом приходского совета Феодоровского собора и ближайшей помощницей о. Льва. Впервые ее арестовали 18 февраля 1932 года по делу братства и приговорили к трем годам концлагеря. После освобождения Е. Арская поселилась в г. Боровичи (ныне Новгородская область), так как проживание в Ленинграде было для нее запрещено. К этому времени в Боровичах уже жила княжна Кира Ивановна Оболенская, арестованная и осужденная на пять лет лагерей еще в 1930 году. Боровичи тогда были местом ссылки духовенства и церковных активистов-мирян Ленинграда. Все эти лица, в том числе Арская и Оболенская, вместе с духовенством Боровичей были арестованы осенью 1937 года (всего около 60 человек) и объявлены состоящими в контрреволюционной организации. Арестованные подвергались много часовым допросам и пыткам, которые смогли выдержать только две женщи-

Екатерина Арская –
новомученица Церкви Русской

ны – Екатерина Арская и Кира Оболенская. Они до конца отрицали свою вину и отказывались давать ложные показания. 17 декабря 1937 года обе святые (вместе с еще 50 осужденными по Боровичскому делу) были расстреляны.

Все руководители братства (архиепископ Иннокентий Тихонов, архимандрит Лев Егоров, архимандрит Варлаам Сацердотский, иеромонах Вениамин Эссен, иеромонах Сергей Ляпунов), кроме будущего митрополита Гурия (Егорова), погибли в 1936–1938 годах, почти полностью было уничтожено и первое поколение молодых монахов, принявших постриг до 1932 года, за исключением архимандрита Серафима (Суторихина). Но в основ-

ном уцелели те братчики, которые на момент разгрома еще являлись подростками. Именно из этого слоя вышли четыре будущих видных архиерея: митрополиты Иоанн (Вендланд) и Леонид (Поляков), архиепископы Никон (Фомичев) и Михей (Хархаров), скончавшийся в 2005 года, а также другие священнослужители. Ни одна другая церковно-общественная организация в России не дала в XX веке столько православных архиереев. Семена, посеянные братскими отцами, дали свои благодатные всходы. Если бы не массовые репрессии 1930-х годов, таких «всходов» было бы гораздо больше.

Даже после разгрома 1932 года братство не исчезло полностью. При поселившемся после освобождения в 1933 году в Средней Азии архимандрите Гурии (Егорове) возникла община его духовных детей – бывших братчиков и братиц, насчитывавшая около 20 человек. Большинство из них позднее приняло монашеский постриг.

Избежавшие репрессий и оставшиеся в Ленинграде члены братства уже не собирались вместе и не занимались организованной благотворительностью, хотя в индивидуальном порядке продолжали помогать арестованным за веру, а также обучать детей Закону Божию. Они поддерживали друг друга морально и материально, старались хранить верность братским правилам и берегли память о своих погибших в лагерях духовных отцах. Последней из активных членов Александро-Невского братства скончалась 9 ноября 1993 году в Петербурге Лидия Александровна Мейер – дочь известного философа, возглавлявшего в 1920-х годах тайное религиозно-философское общество «Воскресенье».

Сейчас память о новомучениках Александро-Невской Лавры активно возрождается. В помещениях церкви иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость» на Шпалерной ул. в 2004 году был устроен Музей новомучеников Санкт-Петербургской епархии, часть экспозиции которого посвящена святой Екатерине Арской, дочери ктитора этого храма А. П. Уртьева. День памяти этой новомученицы (17 декабря) стал особым праздником Скорбященской церкви и совершается с торжественностью.

В 2010 году при Александро-Невской Лавре было воссоздано Александро-Невское братство. В стенах обители создается и музейная экспозиция, посвященная новомученикам Лавры. В главном храме обители – Свято-Троицком соборе – в специальной части храма помещены иконы всех прославленных в лике святых новомучеников Лавры. Эти иконы находятся и в церкви, устроенной в начале 2000-х годов в бывшей келье последнего духовника Александро-Невской Лавры перед ее закрытием – преподобного Серафима Вырицкого – исповедника, не раз подвергавшегося гонениям и угрозам ареста.

Кроме того, несколько лет назад начался процесс создания Епархиального музея петербургских новомучеников XX века (в том числе лаврских). Комиссия по канонизации новомучеников и подвижников благочестия Санкт-Петербургской епархии была создана в 2001 году, вскоре после проведения в августе 2000 года Архиерейского собора Русской Православной Церкви, прославившего более 800 новомучеников. К 2013 году было канонизировано около 90 священнослужителей и мирян Санкт-Петербургской епархии, погибших в результате антицерковных гонений советского периода.

Духовная жизнь царской семьи в документальных источниках 1917–1918 гг.

ТРОФИМОВА Дина (Дария) Леонидовна,
старший научный сотрудник Научного центра
истории богословия и богословского образования
ПСТГУ, г. Москва

«Сколько еще времени будет наша несчастная родина терзаема и раздираема внешними и внутренними врагами? Кажется иногда, что дольше терпеть нет сил, даже не знаешь, на что надеяться, чего желать? А все-таки никто как Бог! Да будет воля Его святая!»
(Тобольск, 2/15 марта 1918 года).

Из дневника императора Николая II

В последние десятилетия опубликовано немало книг, научных и публицистических статей, в которых акцентируется внимание на отдельных аспектах взаимоотношений Церкви и государства, сакральности царской власти, вопросах становления и развития самодержавия в России, а также причинах крушения монархии в 1917 году. Всесторонне исследована и духовная сторона жизни царственных стратотерпцев императора Николая II и императрицы Александры Федоровны.

Изучение этих вопросов проводится, как правило, на основе трудов церковных писателей, историков Церкви, архивных материалов, опубликованных воспоминаний современников, писем, дневников, а такой значительный по объему и по информативности пласт источников, как книги из личных библиотек царской семьи – Библия, сочинения святителя Иоанна Златоуста, сочинения святителя Тихона Задонского, Ф. Фенелона «Свидетельство природы о Боге», Ф. Кемпийского «О подражании Христу» и многие другие издания с собственноручными пометами венценосных мучеников императора Николая II и императрицы Александры Федоровны, – практически не попадает в поле зрения исследователей. А ведь эти книги очень важны для понимания духовной жизни помазанников Божиих.

Перечисленные выше издания, а также молитвословы, служебники, требник, службы и акафисты Пресвятой Богородице, канон и молитва святой мученице Александре, акафист святому Иоанну Воину и другие книги как религиозного, так и светского содержания вместе с документальными материалами и дневниками были привезены из Екатеринбурга в Москву сразу после расстрела царской семьи. Некоторое время они находились в Кремле, в помещении ВЦИК,¹ а в последующие годы были переданы в архивный и библиотечный фонды страны (ныне ГАРФ «Новоромановский архив» и Российская государственная библиотека). Небольшая часть книг и вещей из дома Ипатьева до их вывоза представителями советского правительства в Москву в 1918 году в первые дни после расстрела царской семьи была разворована и осталась в частных руках, как, предположительно, и Библия (Пятикнижие Моисея) с пометами императора Николая II. Часть найденных (у частных лиц) в Екатеринбурге книг царской семьи была вывезена за границу генералом М. К. Дитерихсом и следователем Н. А. Соколовым. Отдельные экземпляры из указанных в отчете Н. А. Соколова книг могут находиться в фондах архива Джорданвилльской семинарии.²

В НИО редких книг Российской государственной библиотеки хранятся экземпляры из собрания императрицы Александры Федоровны с экслибрисом, разработанным художником А. Е. Фелькерзамом: гравированным ярлыком без рамки, обрезанным в виде ромба с изображением вензеля «АФ» под императорской короной. Среди них два тома сочинений святителя

¹ Дневники императора Николая II: 1895–1918 гг. М., 1995. С. 35.

² См.: Цуриков В. А., свящ. Романовские коллекции в русском зарубежье – сохранение исторической памяти // Династия Романовых: традиции благотворительности и меценатства. М., 2013. С. 182–183.

Император Николай II

Императрица Александра Федоровна
за чтением. Царское Село

Иоанна Златоуста «Собрание поучений избранных из творений святого отца нашего Иоанна, архиепископа Константинопольского, Златоустого» и книга Фомы Кемпийского «О подражании Христу» в переплетах из красного сафьяна, украшенных переходящей с верхней крышки на нижнюю золототисненной ромбовидной сеткой с изображениями православных крестов и аббревиатурой «Христос Воскресе», а также сочинение святителя Тихона Задонского «Сокровище духовное, от мира собираемое: Из творений святого отца нашего Тихона Задонского» в мягком кожаном переплете темно-красного цвета с золототисненным заглавием.

Книги, из которых государыня Александра Федоровна черпала силы для утверждения в вере, терпении и мужественного перенесения жизненных испытаний, имеют многочисленные карандашные пометы и подчеркивания.¹ В книге Фомы Кемпийского «О подражании Христу» на форзаце надпись карандашом: «Александра. В кресте спасение, в нем жизнь. “И оживет сердце ваше, ищущие Бога”, Пс. 68, 33». Ниже (на этом же листе) ею еще раз записана цитата: «В кресте спасение, в нем жизнь», – которая выписана из двенадцатой главы данного экземпляра «О царственном пути святого креста», в которой на полях карандашом нарисован крест, а в тексте подчеркнуты предложения: «В кресте – спасение, в нем жизнь, в нем защита от врагов. В кресте сила души, в кресте веселие духа, вере добродетели и совершенство святости. Без креста нет ни спасения, ни надежды на вечную жизнь. Итак, возьми свой крест и следуй за Иисусом, и ты достигнешь вечной жизни. Он первый показал тебе пример, неся крест свой, Он умер за тебя на кресте, чтоб и ты нес свой крест и желал также умереть на кресте. Потому что если с Ним умрешь, то

¹ Трофимова Д. А. Свет души из книжных фондов: книги из библиотеки императрицы Александры Федоровны (1872–1918) в Российской государственной библиотеке // Вестник библиотек Москвы. 2008, № 1. С. 31.

Анна Вырубова (в постриге монахиня Мария)

с Ним и жить будешь (Рим. 6, 8). Если будешь участником Его страданий, то будешь участником и славы Его (Кол. 3, 4)».

В сочинениях Иоанна Златоуста на титульных листах первого и второго томов предложения также подчеркнуты карандашом. В тексте главы «Безропотное терпение скорбей равно мученичеству» выделены предложения: «Вместо ропота произноси славословие. Тогда и награда твоя будет великая, и боль сделается легче. <...> Итак, мужественно переноси все случившееся; это для тебя – мученический подвиг». Из всего текста главы «Пришельствование в мире – есть первая добродетель» подчеркнуты два предложения: «Они были, говорит Апостол, странниками для целой вселенной и искали отечества. [Какого? Не того ли, которое оставили? Нет; ибо что препятствовало им, если бы они хотели возвратиться туда и быть его гражданами?] Они искали отечества небесного».

На форзаце книги святителя Тихона Задонского также имеется надпись, сделанная карандашом: инициалы Александры Федоровны: «АФ». По всему тексту многочисленные подчеркивания и пометы на полях. Например, подчеркнуты предложения: «Дети что видят в отце своем, то и сами тщатся делать: тако и христиане должны подражать Отцу своему Небесному в чем можно («Бывайте подражатели Богу, якоже чада возлюбленныя» (Еф. 6, 1); «Что глава и тело между собою: тое Христос и христиане. <...> Главе вси уди телесные повинуются: тако Христу должно повиноваться христианам. <...> С Христом посмеянным быть, с поруганным поруганными быть. Словом, со Христом, понесшим крест, крест свой нести, и ему последовать»).

Маргиналии, рукописные пометы в тексте всегда важны как живая связь с владельцем книги, который оставил на полях записи или подчеркнул в тексте высказывания, близкие ему по духу. Особенно в книгах духовного содержания рукописные пометы такого рода говорят иногда о человеке больше, чем он мог бы сообщить в мемуарах или дневниках. В этой связи особое значение приобретает изучение Библии с многочисленными пометами в тексте императора Николая II, а точнее, Пятикнижие: Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие, в которых форма правления – теократия, просуществовавшая от завоевания земли обетованной до учреждения царской власти, не

Святитель Иоанн (Максимович),
митрополит Тобольский
(1651–1715)

случайно была выбрана императором Николаем II, поскольку идея царского богоустановленного служения народу была заложена в ветхозаветных пророках еще «задолго до появления православных царей».¹ Тексты Библии с собственноручными пометами государя представляют собой богатейший материал для исследований. Книга приобретает особую значимость, поскольку раскрывает внутренние мысли помазанника Божия на царскую власть, судьбу России и русского народа.

Однако, не установив времени и обстоятельств обретения Библии императора, невозможно начать изучение источника. История ее появления в Пскове такова: книгу принесли в феврале 1997 года в библиотеку церкви святого благоверного князя Александра Невского в городе Пскове. Даритель Библии пожелал остаться неизвестным, сообщив только, что эта книга принадлежала императору Николаю II и была взята из вагона императорского поезда в марте 1917 года на железнодорожной станции города Пскова в трагические для России дни. Эта информация опубликована в статьях Т. Л. Мироновой, Ю. Ю. Воробьевского² и в предисловии к изданию «Завет Государя»,³ в котором воспроизводится (факсимильно) принадлежавшая императору Библия, включающая: Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие.

В своей статье «Завет Государя?»⁴ С. В. Фомин подвергает сомнению то, что экземпляр принадлежал императору Николаю II. Он пишет: «Уже первые сенсационные статьи (найдена Библия государя!) вызывали вопросы: кто-то, пожелавший остаться неизвестным, пришел в псковский храм свято-

¹ Бежанидзе Г. В. Представления о сакральности царской власти в Русской Церкви в Новое время // Русское богословие: традиция и современность. М., 2011. С. 86.

² Воробьевский Ю. Ю. Путь в Апокалипсис. Падут знамена ада. М., 2000. С. 356; Миронова Т. Л. По слову Святого Завета. Государь Николай II не отрекался от престола // Русская идеология. Православный богословский церковно-монархический сборник. М.: Лествица, 2000. С. 377; Фомин С. В. Завет Государя?.. // Русский вестник. 2000, № 41–42. С. 13; Завет Государя. М., 2000. 541 с. – [Факсим. издание]. Первое сообщение об обретении Библии государя было опубликовано в «Русском вестнике» в 1998 году, № 1–2, с. 14.

³ Завет государя: Книги Ветхого Завета с собственноручными пометками царя мученика Николая II, сделанными государем в последние дни перед крушением Российской Империи. [М.] 2000. 541 с. [С факсим.]

⁴ Фомин С. В. Завет Государя?.. // Русский вестник. 2000, № 41–42. С. 13.

Император Николай II
в рабочем кабинете

Обложка книги «Завет
Государя» (М., 2000)

446 ПЯТАЯ КНИГА МОИСЕЕВА Глав. VIII.

устоить никто противъ тебя, пока не искоренишь
25 ихъ. Кумиры боговъ ихъ сожгите огнемъ; не
пожелай взять себѣ серебра или золота, которое
на нихъ, дабы это не было для тебя сътію; ибо
26 это мерзость для Іеговы, Бога твоего. И не
вноси мерзости въ домъ свой, дабы не подпасть
заключенію, какъ она. Отвращайся сего, и гнушайся
сего; ибо это зачатое.

ГЛАВА VIII.

1 Всѣ заповѣди, которыя Я заповѣдаю вамъ
сегодня, старайтесь исполнять, дабы вы были
живы и размножились, и пошли, и наследовали ту
[добрую] землю, которую съ клятвою обѣщала
2 Іегова [Богъ] отцамъ вашимъ. И помни весь
путь, которымъ велъ тебя Іегова, Богъ твой, по
пустыни, воть уже сорокъ лѣтъ, дабы смирить
тебя, чтобы испытать тебя и узнать, что въ
сердцѣ твоемъ: будешь ли хранить заповѣди
3 Его, или нѣтъ. Онъ смирялъ тебя, томилъ тебя
голодомъ, и ниталъ тебя маиною, которой не зналъ
ты, и не знали отцы твои, дабы показать тебѣ,
что не однимъ хлѣбомъ живетъ человекъ, но
всякимъ [словомъ] исходящимъ изъ устъ Господа
4 живетъ человекъ. Одежда твоя не ветшала на
тебѣ, и нога твоя не пухла, воть уже сорокъ
5 лѣтъ. Знай въ сердцѣ твоемъ, что Іегова, Богъ
твой, учитъ тебя, какъ человекъ учитъ сына
6 своего. И такъ храни заповѣди Іеговы, Бога
7 твоего, ходя путями Его, и боясь Его. Ибо Іегова,
Богъ твой, ведетъ тебя въ землю добрую; въ
землю, гдѣ потоки водъ, источники и бездны

Страница из Библии (Пятая книга Моисеева: Второзаконие. Гл. VIII)
с пометами императора Николая II, раскрывающими суть его
духовных переживаний

го благоверного великого князя Александра Невского, положил на стол церковной библиотеки ветхую Библию и, сообщив о ее прежнем владельце, скрылся в неизвестном направлении». Последующие публикации, по мнению Сергея Фомина, нисколько не прояснили, чем обосновывается уверенность в том, что эта Библия принадлежала именно государю: «А если все-таки принадлежала, то, опять-таки, неясно, на чем основано утверждение, что император делал эти пометки именно до и сразу же после отречения... Неясна и сама цель этих заметок, если они сделаны для себя, то как можно

было эту книгу с пометами просто оставить в вагоне поезда? Если же заметки предназначались для других, то они должны были быть переданы в надежные руки».

С отдельными сомнениями автора вышеприведенной статьи нельзя не согласиться, поскольку трудно предположить, чтобы в столь насыщенное встречами, разговорами, полное трагизма время (1–3 марта 1917 года) государем были перечитаны обширные библейские тексты, да еще сделаны в них пометы. Как известно, императорский поезд прибыл в Псков 1 марта после семи вечера и пребывал там до ночи со 2 на 3 марта, когда отправился в Могилев. События этих нескольких дней подробно документированы многочисленными воспоминаниями очевидцев и дневником самого государя.¹

Первое, что бесспорно подтверждает принадлежность Библии императору Николаю II, – его монограмма, которая расположена на переплете книги. Сведения о том, что на переплете имеется императорская монограмма, указаны издателями книги «Завет государя» в «списке иллюстраций»,² а сам книжный блок Библии описан в материалах почерковедческой экспертизы, которая также включена в издание «Завет государя». В результатах экспертизы отмечено плачевное состояние книжного блока: «Книга “Ветхий Завет” представляет собой блок, сшитый из тетрадей, на двух шнурах с пропилами. Корешок оклеен остатками холста, сверху бумагой. Шнуры подклеены с внутренней стороны крышек. Холст на крышках не сохранен. Часть тетрадей подшита, вероятно, во время позднего ремонта хлопчатобумажными нитями. <...> Покровный материал – на тканевой основе, цельный, наклеен на остатки старого (первоначального) материала черного цвета».³

В ходе изучения текста с маргиналиями императора Николая II автором данной публикации был проведен сравнительный анализ маргиналий на страницах Библии с пометами императора, встречающимися в текстах других книг из его личной библиотеки,⁴ который также подтвердил достоверность источника. В этих книгах, как и в Библии, государь использовал несколько видов отметок, в том числе: подчеркивание карандашом, фиолето-

¹ Дневники императора Николая II: 1895–1918 гг. М., 1995.

² Завет государя: Книги Ветхого Завета с собственноручными пометками царя мученика Николая II, сделанными государем в последние дни перед крушением Российской Империи. [М.] 2000. [С факсим.]. С. 526.

³ Там же. С. 527.

⁴ Данилевский Н. Я. Дарвинизм. СПб., 1885; Данте Алигьери. Божественная комедия [с вступ. ст. С. Зарудного]. СПб., 1887.

Тобольск. Фото нач. XX в.

выми чернилами. Были учтены и характерные особенности подчеркиваний предложений в тексте. Экспертизой ЭКО УВД Псковской области, которая провела исследование двух кратких рукописных записей в книге «Ветхого Завета» следующего содержания: «До конца книги» на с. 220 и «см. 9 гл.» на с. 237, также было установлено: «Два кратких рукописных текста, исследованных в книге Ветхого Завета, выполнены императором Николаем II».

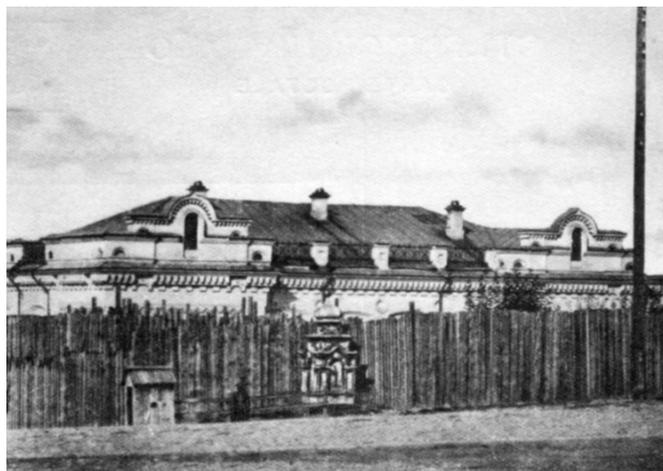
Тот факт, что принесший Библию человек пожелал остаться «инкогнито», сообщив только о том, что книгу нашли «в вагоне императорского поезда в марте 1917 года на станции г. Пскова», может свидетельствовать (только в качестве предположения) о том, что книга была взята из дома Ипатьева сразу после расстрела царской семьи, а доступ в дом Ипатьева в первые дни после расстрела имел определенный круг людей. И, возможно, Библия хранилась все эти годы у близких родственников дарителя книги.

Свидетельство же того, что император перечитывал Библию во время Великого поста в заключении в Тобольске и Екатеринбурге, а не во время своего пребывания в поезде в марте 1917 года, зафиксировано в дневниковых записях самого государя: «На первой неделе начал читать Библию с начала»¹ (Тобольск, 11/24 марта 1918 года); на следующий день он отметил: «... Так как нельзя читать все время Библию, я начал также “A short history of the English people”...»² Последняя запись о чтении Библии сделана им уже в Екатеринбурге 19 апреля в Великий Четверг Страстной седмицы 1918 года:

¹ Дневники Николая II: 1915–1918. Ганина Яма. 2000. С. 146.

² Там же.

Дом Ипатьева в Екатеринбурге.
1918 г.

«... продолжил чтение Библии»,¹ в этом же письме далее записано: «... При звуке колоколов грустно становилось при мысли, что теперь Страстная, а мы лишены возможности быть на этих чудных службах. ... Вечером все мы, жильцы четырех комнат, собрались в зале, где Боткин и я прочли по очереди 12 Евангелий, после чего легли». Эти записи очень важны, поскольку в дневниках императора, просмотренных с января 1895 по 30 июня 1918 года (последняя запись),² более не встречается упоминаний о чтении им «Библии», «Пятикнижия» или «Ветхого Завета». Например, уже на следующий день, в Страстную Пятницу, он записал: «... По утрам и вечерам, как все эти дни здесь, читал соответствующие Св. Евангелия вслух в спальне».³

О чтении императором в 1918 году Библии свидетельствует и письмо императрицы Александры Федоровны, отправленное из Тобольска. Императорская семья, находясь в заключении в Тобольске, с начала Великого поста говела. В конце первой седмицы в субботу 10/23 марта 1918 года все приобщались Святых Таин. Под этой датой в тобольском дневнике учителя царских детей Пьера Жильяра значится запись: «Мы ходили сегодня в семь с половиной часов в церковь. Приобщались». Письмо от государыни императрицы Александры Федоровны, отправленное из Тобольска в эти же дни ее близкому другу, «сотаиннику» Анне Вырубовой (в постриге монахиня Мария) более содержательно. Кроме свидетельства о чтении государем

¹ Там же. С. 150.

² Дневники императора Николая II: 1895–1918 гг. М., 1995. 736 с.

³ Дневники Николая II: 1915–1918. Ганина Яма. 2000. С. 150.

«Ветхого Завета» письмо раскрывает и духовное состояние самой Александры Федоровны в этот период ссылки:

«Господь Бог дал нам неожиданную радость и утешение, допустив нам приобщиться Св. Христовых Таин, для очищения грехов и жизни вечной. Светлое ликование и любовь наполняют душу. Вернулись мы из церкви и нашли твое письмо. Разве не удивительно, что Господь нам дал читать твое приветствие именно в этот день. Как будто ты, ненаглядная, вошла бы к нам поздравить нас по-старому. <...> Подумай, была 3 раза в церкви! О, как это утешительно было. Пел хор чудно, и отличные женские голоса, “да исправится” мы пели дома 8 раз без настоящей спевки, но Господь помог. Так приятно принимать участие в службе. Батюшка и дьякон очень просили нас продолжать петь, и надеемся устроить, если возможно, или удастся пригласить баса. <...> Посылаю тебе немного съедобного, – много не позволяют. Много хочу моему улану Яковлеву передать через о. Иоанна – благослови его Господь за все. Когда все это кончится? Когда Богу угодно. Потерпи, родная страна, и получишь венец славы. Награда за все страдания. Бывает, чувствую близость Бога, непонятная тишина и свет сияет в душе. Солнышко светит и греет и обещает весну. Вот и весна придет, и порадует, и высушит слезы и кровь, пролитые струями над бедной родиной. Боже, как я свою родину люблю со всеми ее недостатками! Ближе и дороже она мне, чем многое, и ежедневно славлю Творца, что нас оставил здесь и не отослал дальше. Верь народу, душака, он силен и молод, как воск в руках. Плохие руки схватили – и тьма и анархия царствует, но грядет Царь славы и спасет, подкрепит, умудрит сокрушенный, обманутый народ.

Вот и Великий пост! Очищаемся, умолим себе и всем прощение грехов, и да даст Он нам пропеть на всю святую Русь “Христос Воскресе!” Да готовим наши сердца Его принимать, откроем двери наших душ, да поселится в нас дух бодрости, смиренномудрия, терпения, любви и целомудрия; отгоним мысли, посланные нам для искушения и смущенья. Станем на стражу. Поднимем сердца, дадим духу свободу и легкость дойти до неба, примем луч света и любви для ношения в наших грешных душах. Отбросим старого Адама, облечемся в ризу света, отряхнем мирскую пыль и приготовимся к встрече Небесного жениха. Он вечно страдает за нас и с нами и через нас; как Он и нам подает руку помощи, то и мы поделим с Ним, перенося без ропота все страдания, Богом нам ниспосланные. Зачем нам не страдать, раз Он, невинный, безгрешный, вольно страдал? Искушаем мы все наши столетние грехи, отмываем в крови все пятна, загрязнившие наши души.

О, дитя мое родное, не умею я писать, мысли и слова скорее пера бегут. Прости все ошибки и вникни в мою душу. Хочу дать тебе эту внутреннюю радость и тишину, которой Бог наполняет мне душу, – разве это не чудо! Не ясна ли в этом близость Бога. Ведь горе бесконечное, – все, что люблю, – страдает, счета нет всей грязи и страданиям, а Господь не допускает унынья: Он охраняет от отчаянья, дает силу, уверенность в светлое будущее еще на этом свете. <...> Не страдай, дружок! Попрошу за тебя молиться у раки преподобного (святителя Иоанна Тобольского), чтобы подкрепить твое сердце <...>.

P. S. ...“Father” (Государь) читает для себя теперь весь Ветхий Завет. <...> 13/26 марта 1918 года. Тобольск».¹

С начала Великого поста, находясь под арестом в Тобольске, император Николай Александрович начинает перечитывать Библию «для себя», подчеркивая созвучные его переживаниям места. Факсимильное воспроизведение текста Библии с пометами государя² несет в себе информацию об отношении императора Николая II к исполнению обязанностей посредника между Богом и народом. Смысловую группу помет и подчеркиваний можно определить как: 1. Бог, 2. Народ, 3. Земля, 4. Священство, 5. Завет Бога. Объединяющее же начало всех групп маргиналий в тексте Библии – это власть Бога, которая осуществляется в сердце каждого человека и во всем народе. Первое, что очевидно читается в его пометах в Библии, – твердая вера императора в Божий Промысел, убежденность, что Господь с ним и с русским народом. Из подчеркнутых им предложений: «Не бойся, ибо Я с тобою», «Не бойся <...> Я твой щит», «Бог твой есть Бог благий и милосердый; Он не оставит тебя и не погубит тебя»; «Бог ваш идет пред вами; Он будет сражаться за вас».

В предложениях, отмеченных императором, виден и поиск ответа на мучивший его в это время вопрос, что будет с русским народом: «Господи, для чего Ты мучишь раба Твоего? И почему я не нашел милости пред очами Твоими, что Ты возложил на меня бремя всего народа сего? разве я носил в чреве весь народ сей? и разве я родил его, что Ты говоришь мне: неси его в недре твоём, как нянька носит ребенка? <...> Я один не могу нести всего народа сего, потому что он тяжел для меня». Император подчеркивает далее:

¹ Письма святых царственных мучеников из заточения. СПб., 1996. С. 273.

² Завет государя: Книги Ветхого Завета с собственноручными пометками царя мученика Николая II, сделанными государем в последние дни перед крушением Российской Империи. [М.] 2000. 541 с. [С факсим.]

«И так простишь ли грех их? А если нет, то изгладь меня из книги Твоей, в которую Ты вписал»; «И заступил народ и стал между мертвыми и живыми. И прекратилось поражение». Таким образом, государь выражает не просто переживание за русский народ, но свою ответственность за происходящие в России события перед Богом.

Очевидно и то, что государь пытался услышать в словах Священного Писания наставления для себя, понять Промысел Божий в отношении себя как помазанника Божия. Подчеркнутые императором фразы звучат как ответы именно на эти вопросы: «Ты князь Божий посреди нас»; в шестой главе «Чисел» выделено: «Обет назорейства Богу его на главе его», и далее в двенадцатом параграфе подчеркнуто: «Прежние же дни пропали, потому что назорейство его осквернено». Несмотря на то, что это единственный по смыслу параграф (№ 12), который звучит так: «После сего он должен посвятить снова Господу дни назорейства своего и принести однолетнего агнца в жертву повинности. Прежние же дни пропали, потому что назорейство его осквернено», но из текста выделены только слова: «Прежние же дни пропали, потому что назорейство его осквернено». И далее по тексту: «И пусть они будут <...> на страже за все общество»; «И написал он на скрижалях. И отдал их Господь мне».

Государь, обращаясь к книгам Священного Писания, в которых Бог через пророков общается со Своим народом, проецирует это богообщение на себя и на русский народ, отмечая на страницах Библии и особенность этого общения. Способ, каким Бог передавал Откровения Моисею, отличен от того, каким все другие пороки получали Откровения. В тексте императором подчеркнуты предложения: «Сам Господь есть удел его»; «Явился ему Господь и сказал: Я Бог твой, не бойся, Я с тобою»; «и говорил Господь с Моисеем лицом к лицу, как бы говорил кто с другом своим», «устами к устам». Продолжение своего служения как помазанника Божия государь также видит в строках: «Будь ты посредником от народа пред Богом, и представляй Богу дела его, <...> научай его постановлениям Божиим и законам Его, указывай ему путь Его, по коему он должен идти, и дела, какие он должен делать».

Немалая доля помет на полях и подчеркиваний в тексте касается Завета Бога с израильским народом. Большое количество текста в главах выделено целыми абзацами. Все эти пометы говорят о том, что царь чувствовал важность сохранения Завета Бога с народом, соблюдения заповедей и не оскудения веры в людях всего того, что так неумолимо исчезало в реалиях револю-

Икона святых царственных
страстотерпцев, написанная
в Ново-Тихвинском монастыре
г. Екатеринбург

ционного времени: «Старайтесь соблюсти все постановления Его и законы Его, которые предлагаю я вам сегодня»; «Вспомнили все заповеди Господа и исполняли их, и не ходили вслед сердца вашего и очей ваших, чтоб блудодейно последовать им»; «Только на Господа не восставайте и не бойтесь»; «Господь медлен на гнев. И велик в милости и истине, прощает беззакония и преступления и грех, но виновного не оставляет без наказания»; «Вы отступили от Господа и не будет с Вами Господа»; «Год за день дабы вы познали, что значит быть оставленным Мною». «Если будете поступать по уставам Моим и заповеди Мои будете хранить и исполнять их, то Я дам вам дожди в свое время»; «Итак, если вы будете слушать гласа Моего и соблюдать завет Мой, то будете собственным Моим народом из всех народов, Вы будете у Меня царственным священством и народом святым. Вот слова, которые ты скажешь сынам Израиля»; «Не прибавляйте к тому, что Я заповедал вам, и не убавляйте от того»; «Будьте у Меня людьми святыми».

Опыт методологического исследования маргиналий императора Нико-

лая II на страницах Библии дал возможность выделить ряд вопросов, наиболее волновавших его как носителя царской власти. Эти пометы отражают духовные переживания императора, его внутренний диалог с Богом, осуществленный через Библию, осмысление происходящих в России событий, своей ответственности за будущее России и русского народа. Исследование маргиналий помогает проследить ход мыслей государя и осмыслить его понимание возложенной на него царской власти.

В процессе изучения маргиналий были исследованы следующие отметки: подчеркивания графитовым карандашом серого цвета, «химическим» карандашом, фиолетовыми и черными чернилами. В общей сложности установлены пометы на 153 страницах из 517. При более детальном просмотре Библии были выявлены четыре загиба углов страниц, сделанные на равных между собой расстояниях и поделивших книжный блок на пять частей, очевидно, использованные вместо закладок. В работе по идентификации и изучению маргиналий был взят за основу опыт работы с Евангелием Ф. М. Достоевского,¹ которое также включает пометы в тексте карандашом и чернилами, а также загибы углов страниц. Удалось определить, что в процессе осмысления библейского текста император особо выделил наиболее важные для него главы, подчеркнув главу или сделав запись на полях.

Дальнейшее изучение и более глубокий анализ не только писем, дневников, но и книг из императорских библиотек, сочинений святых отцов Церкви, Библии с собственноручными пометами страстотерпцев государя императора Николая II и императрицы Александры Федоровны поможет более широко осветить путь их следования за Христом. Хотелось бы, чтобы выявление новых данных о Библии с маргиналиями императора Николая II дало новый импульс к изучению личности императора и осмыслению его внутреннего опыта богообщения как представителя царской власти.

¹ Евангелие Достоевского: личный экземпляр Нового Завета 1823 года издания, подаренный Ф. М. Достоевскому в Тобольске в январе 1850 года. В 2 тт. М.: Русский мир, 2010.

Мадонна дель Дон – Дева Мария Донская: русская икона, покрови- тельница альпийских стрелков

*ТАЛАЛАЙ Михаил Григорьевич, кандидат
исторических наук, публицист и историк
русского зарубежья, г. Неаполь, Италия*

В России нечасто говорят об итальянской агрессии эпохи Великой Отечественной войны: врагом был германский нацист, а вовсе не растерянный, голый и небритый «макаронник».

Недоумение и суровое сострадание перед бездыханным телом солдата-итальянца звучит в стихотворении Михаила Светлова, написанном в 1943 году:

Черный крест на груди итальянца,
Ни резьбы, ни узора, ни глянца, –
Небогатым семейством хранимый
И единственным сыном носимый ...

Молодой уроженец Неаполя!
Что оставил в России ты на поле?
Почему ты не мог быть счастливым
Над родным знаменитым заливом?

< ... >

Никогда ты здесь не жил и не был!..
Но разбросано в снежных полях
Итальянское синее небо,
Застекленное в мертвых глазах ...

Заметим здесь, что война, народные страдания, бесконечные мучения высекали из многих поэтов, которые прежде (и потом) писали вполне советские стихи, слова воистину вдохновенные, трогательные сердца и поныне. В этом тексте Светлова явно сквозит искренняя жалость, пожалуй, даже милосердие – то, что на итальянском обозначают понятием «*пьетá*». Обращает на себя внимания и мотив нательного крестика у павшего солдата, говорящий об известной религиозности итальянцев (в то время как кресты у немецких солдат и на их военной технике носили лишь декоративно-распознавательное значение, безо всяких аллюзий на христианство).

Но, действительно, как итальянцы оказались в донских «снежных полях»?

Их отправил на смерть диктатор Муссолини, ошибочно посчитавший Гитлера грядущим победителем. Вермахт даже не желал итальянского участия на Восточном фронте, зная о слабой подготовке итальянской армии и ее провалах на Балканских и Североафриканских фронтах. Итальянское правительство было унижено и тем фактом, что о нападении Германии на СССР оно узнало постфактум. Однако все-таки в Риме было решено объявить

Диктатор Муссолини
ошибочно посчитал Гитлера
грядущим победителем,
чем подписал смертный
приговор и самому себе

Итальянские пленные после капитуляции. 1944 г.

войну и сформировать особую армию, получившую – несколько позднее – название ARMIR, то есть «Armata Italiana in Russia», «Итальянская армия в России».

Итоги Восточного похода Муссолини таковы: 230-240 тысяч мобилизованных в ARMIR, из них около 100 тысяч павших и около 65 тысяч военнопленных. О масштабах национальной драмы может свидетельствовать другой факт: в Россию из Италии отправилось 700 железнодорожных составов с солдатами, а вернулось лишь 17, причем последний военнопленный итальянец репатриировался лишь в феврале 1954 года!

Так закончился римский поход на «защиту тысячелетней европейской культуры»: смертью своих солдат Муссолини подписал и смертный приговор самому себе.

Обычно историки выделяют четыре этапа Русской кампании итальянцев: 1) победоносное продвижение к Дону; 2) стойкое сопротивление во время контратаки Красной армии; 3) разгром в донских степях с одновременным разгромом немцев под Сталинградом; 4) отступление и плен.¹

¹ * Историей о Мадонне дель Дон меня заинтересовала почти четверть века назад Анна Мария Канепа Мордаччи, один из первых моих итальянских друзей; она же передала мне вырезку из популярного журнала «Famiglia Cristiana» со статьей об образе. Помню, что на фотоиллюстрации в журнале был изображен созерцавший русскую икону итальянский бамбино в шляпе с черным пером, традиционным головным убором альпийцев. С тех пор я был особенно внимателен к этой истории, которая вышла на новый виток после встречи двух икон в декабре 2011 года (см. об этом в статье).

Общий современный очерк Русской кампании 1941–1943 годов с особым рассмотрением ее завершающего этапа см.: Джустини М.-Т. Итальянские военнопленные в СССР. 1941–1954 / Пер., науч. ред. М. Г. Талалай. СПб.: Алетейя, 2010.

Старинная итальянская икона Мадонна Семи скорбей, Vergine dei Sette Dolori

Русская икона «Умягчение злых сердец», ставшая итальянской «Мадонной дель Дон»

Именно Дон стал знаком этой трагической эпопеи, как в мемориальном, так и религиозном ключе. *Il Don* для итальянца с исторической памятью – это символ страданий. «Возвращение на Дон» – так назвал одну из своих книг военный писатель Марио Ригони-Стерн, ворвавшийся в итальянскую литературу пронзительной повестью «Сержант на снегу» (1953).¹

На эту грандиозную реку итальянские корпуса, в том числе дивизии альпийских стрелков (*divisioni alpine*), вышли в ноябре-декабре 1942 года. Выдвижение этих специальных частей в русские степи стало очередной ошибкой командования Муссолини: подготовленные к сражениям в горных условиях и предназначенные первоначально к действиям на Северном Кавказе, альпийцы, хоть и отличались особой стойкостью, не смогли выдержать позиционных равнинных боев под шквалом «Катюш» и без танковой поддержки.

Одно из решающих столкновений между ARMIR'ом и Красной армией произошло на юге Воронежской области, близ городка Белогорье. На восточный берег Дона итальянцы после кровавых сражений выйти так и не

¹ О творчестве М. Ригони-Стерн, вместе с обзором итальянской военной прозы, см.: <http://archive.svoboda.org/programs/otbe/2004/otbe.082504.asp>.

Статуя в базилике Мадонна дей Сетте Долори. Пескара, Италия

смогли, и этому посвящен особый памятник, установленный у Белогорской переправы после победы.

На западном же (оккупированном) берегу среди разбитых и горящих изб итальянцами была обретена русская Богородичная икона, которую они сразу же окружили глубоким почитанием, наименовав Донской – «Madonna del Don» (к традиционной Донской иконе Божией Матери канона «Умиление», празднование 19 августа по ст. ст., она отношения не имеет).¹

Обстоятельства обретения таковы. В ноябре 1942 года 5-й полк альпийской дивизии «Тридендина» выходит к Дону. Батальон «Тирано» – по имени одного альпийского городка в Северной Ломбардии – дислоцируется близ города Павловск, в бывшей казачьей станице Белогорье. При батальоне командирован военный священник, капеллан дон Поликарпо, монах-капуцин, в миру носивший имя Нарчизо Крозара, родом из городка Вальдандьо, регион Венето. Именно к нему и обращаются альпийцы со словами: «Abbiamo trovato la Madonna!» – «Мы нашли Мадонну!» Возглавляет группу солдат лейтенант Джузеппе Перего из ломбардского городка Сондрио – он и ведет священника к одной из разрушенных изб. В ней находится поразившая солдат икона Божией Матерью «Умягчение злых сердец». Итальянцы вместе с доном Поликарпо молятся перед образом и забирают его с собой: дон Поликарпо водружает образ в избе, отведенной под походную капеллу. Позднее о своем участии в обретении иконы рассказал и бывший рядовой Уго Бальзаре (Бальзаре), побывавший в Белогорских краях в 2005 году.²

¹ Возникает вопрос – а как же переводить на русский язык «Madonna del Don», раз Донской Божией Матерью титуловать ее неправомерно. Как нам кажется, возможен вариант *Дева Мария Донская* – таким образом учитывается и характерный для почитания Пресвятой Марии нюанс – на Востоке основное молитвенное внимание обращено к ней как к Матери Божией, на Западе – как к Приснодеве. Кстати, в месте ее нынешнего нахождения, в капуцинской базилике в Местре, на листке с русским текстом она титулуется именно как Дева Мария Донская.

² «Летом 2005 года места донских боев посетил бывший рядовой итальянских войск, ныне архитектор Уго Бальзаре. Долго ходил он по заросшим травой окопам, вспоминая военные годы. Показывал созданный ими в меловом склоне у с. Басовка бункер. Здесь у поставленного образа Девы Марии солдаты мечтали о возвращении живыми домой. Уго Бальзаре приехал сюда вновь по зову своей совести, стремясь попросить прощения у жителей окрестных сел и г. Павловска»; см.: <http://www.azovhram.ru/content/view/135/51/>.

Вода реки Дон

Приношения иконе от ветеранов-альпийцев

Земля с берегов Дона

Отчего их поразила именно эта икона, найденная в Белогорье? Ведь, вне сомнения, и капеллан, и солдаты и ранее видели русские иконы – Казанскую, Владимирскую, Тихвинскую... Однако традиционные, византийского канона, образа мало тронули их души. На этот раз они увидели икону, которая напомнила им «родных» Мадонн.

Образ «Умягчение злых сердец», очевидно, проник в Россию через юго-западные русские, а также украинские земли, отразив католическую иконографию «Божией Матери Скорбящей» – Mater Dolorosa. Об этом писал позднее в своей мемуарной записке и сам дон Поликарпо: «Этот лик Мадонны показался мне таким отличным от обычно виденных и таким похожим на прекрасных Мадонн из наших краев».¹

Вот почему итальянские солдаты кричали: «Мы нашли Мадонну!»

Белогорье в прошлом было казачьей станицей, близ которой находился и пещерный монастырь, устроенный казаками: вероятно, икона «Умягчение злых сердец» попала сюда через них.²

Начинается развал итальянского фронта. Лейтенант Джузеппе Перего гибнет при отступлении 23 января в бою при Арнаутове в Белгородской об-

¹ Краткий текст воспоминаний капеллана см.: <http://www.alpinivenezia.it/madonnadeldon/storia/storia11.htm>.

² В недавние времена один местный священник, узнавший про Мадонну дель Дон, освятил близ пещер бывшего монастыря источник с названием «Умягчение злых сердец».

ласти. Капеллан хранит у себя икону и молитвенно обращается к ней при разного рода обстоятельствах. Так, он рассказывает о плененном и раненом красноармейце, пытавшемся покончить самоубийством: дон Поликарпо с Богородичным образом в руках умолил его не совершать такого тяжкого греха (о дальнейшей судьбе красноармейца не сообщается).

Знаменательны слова католического священника: «Я увидел, я почувствовал, что у этой святой иконы пребывают два народа, которые воюют между собой, но тут в любви к Божией Матери – пусть в час ненависти и крови – вдруг ощущают себя братьями».

Когда одного контуженного альпийца срочно отправили в Италию, дон Поликарпо вручил ему Богородичную икону с просьбой передать ее своей собственной матери в Венето, так как он по долгу службы должен был оставаться при дивизии. В сентябре 1943 года уже на территории Северной Италии он был арестован немцами за отказ служить в т. н. республиканской армии Муссолини (в тот момент низвергнутый дуче устроил марионеточную фашистскую республику, призвав солдат и офицеров отказаться от клятвы королю). После разгрома нацизма, весной 1945 года, священник вернулся на родину в Венето, где его ждала мать – и икона *Madonna del Don*, перед которой она молилась в ожидании сына.

С того момента начинается почитание в Италии Донской Девы Марии – в первую очередь, среди «солдаток», жен тех итальянцев, что не вернулись с Восточного фронта. Дон Поликарпо воспринимает это как призыв от Самой Божией Матери и объезжает с иконой города и веси, устраивая перед ней моления. Он возвышено называет свою поездку по Италии как «Крестовой поход любви и прощения». Постепенно икона стала восприниматься и как икона ветеранов Русской кампании: к этому призывал сам священник, «в чаянии умиротворения душ, потревоженных войной», – воистину умягчение злых сердец.

Ее принятие католиками облегчалось, как об этом говорилось выше, художественной и типологической схожестью с «Мадоннами», близостью к итальянской религиозности и чувствительности.

Западный образ Скорбящей Девы Марии, *Mater Dolorosa*, иначе *Vergine Addolorata*, в действительности почти тождественен иконе «Умягчение злых сердец», где также изображены семь мечей (или стрел). Один из изводов *Mater Dolorosa* так и называется – Мадонна Семи Скорбей, *Vergine dei Sette Dolori*.

Близки православное и католическое толкования изображаемых мечей

(стрел), которые относят их к исполнению пророчества к Матери Божией от старца Симеона Богоприимца: «Тебе Самой оружие пройдет душу» (Лк. 2, 35). Отсюда – более редкое титулование русской иконы как «Симеоново проречение». Образ «Умягчение злых сердец» пишется с вонзенными в сердце Богоматери мечами – по три справа и слева, один снизу. Число «семь» для православных обычно означает полноту, избыточность чего-либо, а в данном случае – полноту и бескрайность того горя, печали и «болезни сердечной», что испытала Богородица во время Ее земной жизни.

В католичестве же число семь получило дальнейшую проработку – с перечислением семи скорбей (*Sette Dolori*): 1) Симеоново проречение, как в православной традиции; 2) бегство в Египет; 3) трехдневная утрата в Храме 12-летнего Иисуса; 4) встреча с Сыном на Голгофском пути; 5) стояние у Креста; 6) снятие мертвого Сына с Креста; 7) положение во Гроб.

В 1667 году в обиходе Римско-Католической Церкви утвердилась официальная месса в честь Скорбящей Мадонны, или Мадонны Семи Скорбей, и особое ее празднование – 15 сентября, в то время как Православная Церковь чествует эту икону на Сретение. Так же к *Mater Dolorosa* следует возвести истоки почитания другой русской иконы, необыкновенно близкой к «Симеонову проречению». Это икона Семистрельная, которая пишется с вонзенными в сердце Пречистой мечами – тремя справа и четырьмя слева (празднование 13 августа).¹ Есть и третья православная икона той же типологии – из города Жиздра, известная как «И Тебе самой душу пройдет оружие», или «Страстная». Икона показывает Божию Матерь в молитвенном положении; одной рукою Она поддерживает лежащего у Ее ног Младенца, другою же прикрывает Свою грудь от семи направленных в нее мечей.

В 1967 году по желанию капуцинского священника дона Поликарпо странствующую Мадонну поместили в базилику капуцинов в Местре, сухопутном предместье Венеции, в особом, торжественном по архитектуре и убранству приделе,² в окружении множества мемориальных досок, преимущественно от ветеранов Русской кампании. Курирует Богородичный придел Национальная Ассоциация альпийцев, *Associazione Nazionale Alpini* (ANA), региональные секции которой по очереди, раз в год, снабжают оливковым маслом «неугасимые» лампы перед иконой. При новом при-

¹ В церковном обиходе, впрочем, икону «Умягчение злых сердец» также часто именуют Семистрельной.

² У итальянцев придел именуется капеллой, так же, как и часовня, вероятно, именно поэтому возникло ошибочное сведение об особой «часовне» в Местре.

несении масла делегаты от того или иного края зачитывают специально составленную молитву: «О Мария, Матерь Господа Нашего Иисуса, Владычица снегов и гор! В сей радостный час передачи Тебе масла лампы, для горения ее в течении года – во имя тех альпийцев, что пали на полях, где выполняли свой долг, и тех, что сегодня несут миротворческое бремя, мы молимся Тебе, вышняя паломница к бесконечному, звезда морей, Царица мира: Матерь Донская, вверяем под Твой покров весь народ альпийцев, вчера и ныне. Пусть над ним не опускается ночь безразличия, забвения и неверия. Помоги ему найти истинную Церковь – дом веры, солидарности и дружбы. Сохрани всех нас и – в особенности – тех, кто служит за пределами Родины. Пусть они действуют там без злобы и злопамятства, только одного мира ради».

В 1976 году для Донской Девы Марии была составлена особая месса, а после ее первого совершения кардинал Джованни Урбани, патриарх Венецианский, так обратился к образу: «О Пресвятая Дева, мы собрались у Тебя для молитвы. Как рады мы Твоему прибытию из дальних русских земель к нам в Местре, в этот благолепный храм монахов, детей святого Франциска Ассизского. О дражайший образ, останься среди нас и стань залогом единства христиан, которого мы так желаем».

В 2002 году икону официально провозгласили Небесной покровительницей всего действующего Альпийского корпуса. Установлено и особое празднование – каждое второе воскресенье октября. В Италии почитание иконы растет: в некоторых храмах устроены приделы (капеллы) в ее честь, к примеру, в Сампьердарена (близ Генуи) и в Реджо-Эмилии; возникли ее копии, «списки» – самая известная, рельефная копия из терракоты была выполнена скульптором Сильвани Леопарди для церкви в Терминилло по заказу Римской секции Национальной Ассоциации альпийцев.

Для первоначального образа в базилике в Местре скульптор Аджелино Модесто изваял прекрасный оклад из серебра весом в 14 кг со сценами обретения иконы и чудес от нее. По ее сторонам, в стеклянных чашах, – вода и земля, привезенные с Дона.

История с Мадонной дель Дон постепенно становится известной и в России. Она получает сегодня даже неожиданный стихотворный отклик от литератора А. М. Дягтерева:¹

¹ Александр Михайлович Дегтярев родился в Воронежской области в 1953 году. Выпускник филфака Воронежского госуниверситета, журналист и литератор; лауреат премии Союза журналистов России; автор книги «Воронеж – родина воздушного десанта». Его стихотворение «Мадонна дель Дон» см.: <http://www.stihi.ru/2010/09/14/2336>.

Мироточивая икона
«Умягчение злых сердец»

Молебен у двух икон в базилике
капуцинов в Местре, Венеция,
2012 г.

Враг на войне – всегда лишь только враг!
Узнал об этом Уго Бальзаре,¹ когда почуял страх...
Рвались снаряды над Басовкой, пришел альпийцам крах.
Казалось, что спасти не мог уже и вещей маг...
По снегу Уго побежал, чтоб скрыться среди домов.
И вдруг икону увидал, услышав вышний зов.
Упал солдатик на колени, молитвы зашептал.
И образ древний, что нашел, с собою он забрал.
Комбат² Джузеппе Перего икону отобрал.
Но о находке чудотворной он в штабе рассказал.
От белогорской переправы о ней летит молва.
До капеллана Поликарпо она в тот день дошла.
Иконой русской капеллан спасался от всех зол.
Пешком от Пронькина яра³ в Венецию пришел.
Родня погибших к той святыне поехала со всех сторон.
И скоро над донской часовней раздался тихий звон.
Сам папа римский прослышал про чудные дела.
Как итальянцев среди снегов икона та спасла.
«Мадонною дель Дон» назвал ее святой отец.
И водрузил над нею свой золотой венеч.⁴

¹ Уго Бальзаре – рядовой дивизии «Тридентина» итальянского Альпийского корпуса, после войны стал адвокатом, приезжал в воронежское село Басовка после перестройки. – *Прим. автора стихотворения.*

² В действительности – лейтенант, командующий взводом.

³ Местность близ Белгородской переправы.

⁴ Увенчание иконы золотым венцом со стороны папы римского – легенда, как и то сообщение, что «папа римский вынужден был эту православную икону ввести в ранг католической» (<http://www.azovhram.ru/content/view/135/51/>), таких деяний вообще в Римско-Католической Церкви не совершают.

Вручение свечи от иконы
Мадонны дель Дон
на конференции

В декабре 2011 года в Местре встретились две чудотворные иконы «Умягчение злых сердец» – одна итальянская, другая российская, мироточивая.¹ Встреча внутри базилики капуцинов произошла по почину православных клириков, и одним из ее организаторов был настоятель венецианской общины жен-мироносиц протоиерей Алексей Ястребов, кстати, житель Местре. Вот репортаж об этом событии.

«По благословиению епископа Корсунского Нестора 8 декабря 2011 года в Италию прибыла из России для поклонения мироточивая икона Божией Матери “Умягчение злых сердец”, сообщает пресс-служба прихода святых жен-мироносиц в Венеции. В Миланском аэропорту Мальпенса икону встречали настоятель прихода святителя Амвросия Медиоланского Русской Православной Церкви в Милане иеромонах Амвросий (Макар) и клирики его прихода. Затем в церкви прихода началось непрерывное поклонение иконе, продлившееся до 6 часов утра следующего дня. 9 декабря икона отправилась в Падую и Венецию. <...> У церкви капуцинов икону встречал настоятель прихода святых жен-мироносиц Русской Православной Церкви в Венеции священник Алексей Ястребов с прихожанами, а также настоятель и многочисленные прихожане католического храма, среди которых еще есть те самые альпийские стрелки, которые привезли некогда икону в Венецию. Перед обеими иконами был отслужен молебен с акафистом. Затем верующие смогли приложиться к святыне. По окончании поклонения кортеж

¹ О чудотворной российской иконе «Умягчение злых сердец» см.: <http://www.pravmir.ru/italyanskoe-puteshestvie-mirotochivoj-ikony-umyagchenie-zlyx-serdec>.

с иконой отбыл в Милан. С 8 по 14 декабря иконе смогут поклониться жители итальянских городов Брешия, Парма, Генуя и Турин».¹

Рассказывает другой организатор этой необыкновенной встречи, игумен (ныне епископ) Митрофан (Баданин): «В подлинности этой истории мы сумели убедиться, прибыв в Венецию с нашим с чудотворным образом. На молебне у стоящих рядом двух удивительных икон присутствовали как наши православные прихожане, так и итальянцы. Это была очень важная встреча. Важная для умягчения наших сердец, так ожесточенных страшным XX веком. <...> На прощание всех собравшихся помазывали истекшим миром. Стоявшие несколько поодаль и наблюдавшие за происходящим со стороны католические монахи не выдержали и тоже подошли под помазание».²

Можно ли ждать, что и Мадонна дель Дон – в обратном движении – когда-нибудь посетит места своего обретения и примет на Дону молитвы ради мира, ради Умягчения злых сердец?

Приложение

МЕМУАРНАЯ ЗАМЕТКА ДОНА ПОЛИКАРПО³

Иногда с тыльных позиций появлялась одна быстрая симпатичная старушка и тут же исчезала среди деревенских *изб* [курсивом выделены русские слова]. Одна сновала среди этих разрушенных *изб* в поисках каких-то вещей, только ей одной ведомых.

Война ушла вперед, посеяв за собой хаос и разруху.

Деревня стояла в двух шагах от противника, укрепившегося на другом берегу реки.

В этой старушке все альпийцы видели своих матерей, оставленных на далекой родине плакать и молиться о своих сыновьях.

Снуга среди солдат безо всякого страха, она смотрела на них с материнской добротой, а к их *пону* относилась с почтением и уважением.

– Неужели вы не видите, что эти бедные и безутешные люди просто бегут отсюда... Что вы хотите от них? Они ищут в развалинах тряпки...

¹ См.: <http://www.pravoslavie.it/parish2011.htm>.

² См.: <http://www.pravmir.ru/italyanskoe-puteshestvie-mirotochivoj-ikony-umyagchenie-zlyx-serdec>. В феврале 2013 года мироточивая икона «Умягчение злых сердец» была вторично привезена в Италию; в базилику в Местре ее доставили 25 февраля.

³ Перевод осуществлен по тексту: <http://www.alpinivenezia.it/madonnadeldon/storia/storia11.htm>.

Так отвечал добрый командир батальона майор Дзаккардо, если кто-то обращал его внимание на русских сельчан на передней линии фронта.

Однажды женщина не пробежала, как обычно, мимо *попа* с черным пером в шляпе, но остановилась.

– Не знаю, – она заговорила вполголоса, как будто боясь, что ее услышат, – как выразить тебе свою признательность за твое отношение к нашим людям. Там, в развалинах моей избы, есть одна икона, мне очень дорогая. Приходи, возьми ее, я ее тебе дарю. В твоих руках ей будет надежнее всего.

Я уже знал, что Богородичные иконы для русского человека – это самое святое. К примеру, когда дочь выходит замуж, мать вручает ей по древнему обряду такой образ с тем, чтобы он хранил с Небес.

Когда мы идем к центру деревни, спускающейся по *балке* к реке, вижу нескольких альпийцев – они делают мне знаки подождать.

Подбегают, запыхавшись:

– Иди туда. Там, внизу, прекрасная Мадонна! – они показывают на *избы*. – Иди, капеллан. Ты должен ее забрать.

Отвечаю, что позднее пойду посмотреть и принесу им на их позиции. Альпийцы настаивают:

– Лейтенант говорит, что тебе надо ее забрать...

Они показывают мне туда же, куда мы идем с доброй старушкой. Каково же было мое изумление, когда я понял, что разрушенная изба старушки с ее иконой была та же самая, про которую мне говорили альпийцы.

Женщина вручила мне икону. Руки ее дрожали, а голос как будто шел из глубины души... Этот лик Мадонны показался мне таким отличным от обычно виденных и таким похожим на прекрасных Мадонн из наших краев. Я увидел, я почувствовал, что у этой святой иконы пребывают два народа, которые воюют между собой, но тут в любви к Божией Матери – пусть в час ненависти и крови – вдруг ощущают себя братьями.

Моя собственная *изба*, которую пощадила война, а потом редут в *Кирпинской балке* служили как капелла для альпийцев. Здесь, на передовой линии, чтимая икона нашла свой первый алтарь, – до тех пор, пока в командование батальона не стали приходить тревожные вести.

Немецкие танки, которые поддерживали наш фронт, ушли... Одновременно с другого берега реки ночами доносился все нараставший гул русской боевой техники. Мороз схватил в свои объятия степь и рассыпанные по ней развалины, и лед на Дону не брали даже бомбы. Противник становил-

ся все более смелым. Берег дрожал от снарядов тяжелых пушек и от рычания *катюш*.

В мой редут зашел альпиец с рюкзаком на плечах. Просунув голову через сорванную с петель дверь, говорит:

– Отец, прощайте! Возвращаюсь в Италию, – видно было, что он очень взволнован. – У меня тяжело больна мать... Помолись за нее. Хочу передать ей твое благословение.

Я тут же вспомнил и свою мать. Пригласив внутрь солдата, снял со стены святую икону и вручил ему.

– Тебя послало Провидение! Отвези эту икону моей матери. Тебе повезло, ты возвращаешься в Италию, мы же из этого ада не выйдем. Скажи моей матери, что пусть хранит ее во имя всех матерей, что не увидят нашего возвращения. Пусть икона станет этим матерям в утешение – ведь перед ней молились их сыновья.

Так отбыла в Италию эта икона, вместе с нашими сердцами. Не помню точной даты, но думаю, что это было в середине декабря 1942 года, когда альпийцы своей кровью начали писать беспримерные страницы героизма.

Репрессии против духовенства и мирян Европейского Севера России (1918–1941 гг.): причины и последствия

*БАРДИЛЕВА Юлия Петровна, кандидат
исторических наук, доцент кафедры
истории МГГУ, г. Мурманск*

Гонения на Русскую Православную Церковь начались с первых дней после Октябрьского переворота 1917 года. Новая власть видела в Церкви наиболее сильного идеологического соперника, пожалуй, единственного в стране, способного оказать сопротивление насильственной ломке общечеловеческих и национальных моральных ценностей в обществе, навязыванию разрушительных идей мировой революции и безбожных идей, воплощение которых подразумевало не просто отказ от религии, а ее уничтожение.

Исследователь Н. Емельянов, рассматривая оценки статистики гонений на Русскую Православную Церковь с 1917 по 1952 год, выделяет несколько волн, или периодов, гонений: 1) 1917–1920 годы – захват власти, массовые грабежи церквей,

расстрелы священнослужителей; 2) 1921–1928 годы – изъятие церковных ценностей под предлогом помощи голодающим Поволжья (1921–1923 годы), затем в 1923–1928 годах при поддержке ВЧК–ГПУ–ОГПУ насаждаются обновленческий раскол для уничтожения Церкви изнутри; 3) 1929–1936 годы – раскулачивание и коллективизация, разделение Церкви и уничтожение ее по частям, «безбожная пятилетка» 1932–1936 годов; 4) 1937–1938 – страшные годы террора, стремление уничтожить всех верующих, включая обновленцев; 5) 1939–1952 годы – преследование священнослужителей в присоединенных Прибалтике и западных областях Украины и Белоруссии, а также в освобождаемых после немецкой оккупации районах.¹

Волны гонений не обошли стороной и духовенство епархий Европейского Севера России. Объем статьи не позволяет подробно охарактеризовать все этапы репрессивной политики советского государства в отношении Русской Православной Церкви в данном регионе, поэтому автор остановится лишь на наиболее масштабных антицерковных акциях, связанных с периодом Гражданской войны, изъятием церковных ценностей в 1922 году и репрессиях 1930-х–1941 годов, коснувшихся священно- и церковнослужителей и верующих на территориях современных Архангельской, Вологодской, Мурманской областей и Республики Карелия.

Первая волна репрессий в отношении православного духовенства европейского севера России прокатилась в годы Гражданской войны – в 1918–1920 годы. Особенно ожесточенной политика, направленная на уничтожение духовенства, была на территориях, где фактически проходила линия фронта, в районах, которые нередко неоднократно переходили из рук в руки то к белым, то к красным частям. Репрессии в отношении духовенства были связаны здесь, в первую очередь, с сопротивлением священнослужителей и верующих, проживавших на территориях, занятых красными, проведению несправедливого декрета «об отделении церкви от государства и школы от церкви», запрету преподавать Закон Божий не достигшим 18 лет, закрытию храмов, монастырей и духовных учебных заведений, реквизиции их имущества. Как правило, священнослужителей и сочувствующих им верующих арестовывали, приговаривали к высылке за пределы губернии, к нескольким годам заключения в концентрационных лагерях. Наиболее трагично складывалась судьба тех представителей духовенства, кто оказы-

¹ Емельянов Н. Оценка статистики гонений на Русскую Православную Церковь с 1917 по 1952 гг. (по данным на январь 1999 г.) // Богословский сборник Православного Свято-Тихоновского Богословского Института. Вып. III. М., 1999. С. 266–271.

Умбская Воскресенская церковь. 1938 г.

Безумцы. Уничтожение церковных святынь

вался в числе заложников при проведении акций красного террора, либо подвергался арестам и дальнейшему расстрелу по обвинению в сотрудничестве с белыми войсками, либо оказывал сопротивление разграблению монастырей и вскрытию мощей в них.

Однако идеологи антирелигиозной и атеистической пропаганды по окончании Гражданской войны отмечали в своих работах, что подобного рода наказания имели якобы справедливый характер, что священнослужители были арестованы и преданы суду «за антисоветскую погромную агитацию, мошеннические проделки с мощами, поддержку белогвардейцев, наконец, за прямое участие в заговорах и в восстаниях против Советской власти».¹ Попробуем разобраться в причинах и последствиях такой политики в отношении Церкви.

Принятый 23 января 1918 года декрет, призванный гарантировать осуществление свободы совести на территории всей страны, вызвал множество вопросов как у священнослужителей, так и у рядовых верующих. Протоиерей Н. К. Чуков в «Олонецких епархиальных ведомостях» отмечал, что «акт отделения Церкви от государства совершается слишком поспешно и как-то однобоко... Получается впечатление, что у нас устанавливается не свобода совести и вероисповедания, так естественная и необходимая в свободном государстве, а нечто иное: Православная Церковь как будто ставится в положение гонимой...»²

¹ Лукин Н. М. Церковь и государство. М.: Гос. изд-во, 1922. С. 51.

² Чуков Н. К., прот. Отделение Церкви от государства // Олонецкие епархиальные ведомости.

24 февраля 1918 года на общем собрании приходской общины петрозаводского кафедрального собора под председательством священника собора П. Метелева была принята резолюция, в которой выражалось отношение верующих к декрету СНК: «Категорически протестуем против отнятия именем народа принадлежащих ему зданий Петрозаводских духовного и епархиального училищ, духовной семинарии... и всякого имущества, созданных на трудовые народные средства...» С одной стороны, в ней одобрялось отделение Церкви от государства как осуществление действительной свободы совести, но с другой, в соответствии с определением Поместного собора, декрет характеризовался как «покушение на весь строй жизни Православной Церкви и акт открытого против нее гонения». В этом обращении были проанализированы все пункты декрета, в которых усматривалось нарушение прав верующих, начиная от лишения общин прав юридического лица до запрета преподавания Закона Божия в школах. Отмечалось, что п. 6 декрета «возбуждает гонение на свободную совесть, какого не было даже при прежнем Государственном строе России». На других собраниях верующих г. Петрозаводска священнослужители и горожане выступали против проведения декрета о свободе совести, большая часть крестьянства также отказалась от его выполнения.¹

Как видим, никаких активных контрреволюционных действий со стороны верующих в текстах резолюций, тем более с оружием в руках, не предполагалось – Церковь лишь пыталась защитить то, что принадлежало ей и ее верующим. Однако в ночь с 9 на 10 апреля 1918 года ректор семинарии Н. Чуков, преподаватель семинарии А. С. Рубинов, а также преподаватели гимназии В. А. Богданов, Ф. Ф. Чудинов и преподаватель учительской семинарии В. И. Крылов были арестованы по обвинению в «саботаже, противодействии проведению в жизнь декретов центра и местных, за неприятие народной власти и за борьбу с идеей Советской власти». После произведенного в срочном порядке следствия арестованных освободили через три дня, судебный процесс завершился в конце апреля, но, по постановлению исполкома, все они увольнялись от занимаемых должностей и педагогической службы. А в октябре 1918 года ГубОНО обратился в ГубЧК с просьбой «принять меры против противников проведения декрета Советской власти». Учителей, обвиняемых в противодействии проведению декрета в ча-

1918, № 3–4 (1–15 февраля). С. 18–19.

¹ Басова Н. А. Русская Православная Церковь в Карелии в 1918–1941 годах. Дисс. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2006. С. 54; Резолюция общего собрания приходской общины петрозаводского кафедрального собора 24 (11) февраля 1918 г. // Олонецкие епархиальные ведомости. 1918, № 5–6 (1–15 марта). С. 40–43.

Церкви на большой и малой стороне Кандалакши, 1940 г.

сти отделения школы от Церкви, подвергали различным наказаниям: от штрафа до заключения в концентрационный лагерь.¹

Приходских священников в связи с организацией союзов верующих стали привлекать к уголовной ответственности по обвинению в антисоветской агитации и противодействии проведению декрета о свободе совести. Например, в Лодейнопольском уезде были арестованы священники Е. Крылов из Вознесенья и Д. Крылов из Гежесельги. Оба пытались противостоять попыткам местной администрации произвести опись церковного имущества. Священник Д. Крылов, сумевший оградить храм от разграбления, 7 июня 1919 года был приговорен к заключению в концлагерь до окончания Гражданской войны. Настоятель церкви села Вознесенье, подвергшейся разгрому, Е. Крылов, также был арестован, но вскоре освобожден.² Опять же, вряд ли действия этих священников можно назвать контрреволюционным выступлением, скорее, это были попытки предотвратить разграбление храмового имущества.

Как отмечает в своей диссертации Н. А. Басова, наиболее активных представителей духовенства (главным образом, живших в губернском центре, Петрозаводске) власти высылали из губернии, отправляли в концентрационные лагеря или в закрытые монастыри по обвинению в «антисоветской агитации и противодействии проведению декрета об отделении Церкви от государства» (ректор Олонецкой духовной семинарии Н. Чуков, настоятели петрозаводских храмов П. Метелев и П. Дмитриев), а часть арестовывали в качестве заложников.

За помощь Белому движению и даже нейтральную позицию в Гражданской войне священнослужители и Церковь подверглись серьезным гонениям. С лета 1918 года был развязан открытый террор против духовенства. Расстреливались крестные ходы, созыв населения с помощью набатного

¹ Басова Н. А. Указ. соч. С. 68.

² Там же. С. 67–69.

звона карался приговорами ревтрибунала (постановление СНК «О набатном звоне» от 2 августа 1918 года). После постановления СНК от 5 сентября 1918 года «О красном терроре» погибли видные духовные деятели Церкви. По неполным данным ВЧК того времени, за 1918–1919 годы было расстреляно 846 священнослужителей, а 69 заключено в тюрьму. Новейшая статистика Православного Свято-Тихоновского Богословского Института рисует более кровавую картину первой волны гонений: общее число репрессий составило 11 тысяч человек, из них – 9 тысяч расстрелов.¹

На Европейском Севере России известны случаи, когда священники и целые обители оказывались заложниками военных действий в ходе войны. Наиболее ярким примером может служить история Коряжемского монастыря. 30 сентября 1918 года вблизи этой обители, на одном из пустых островов р. Вычегды, были расстреляны архимандрит Павел, архимандрит Феодосий (Соболев), иеромонахи Серафим и Никодим, архангельский купец Ганичев. Основанием для расстрела стал тот факт, что представители братии отказались выдать «потайники» и оказали тем самым неподчинение существующей (т. е. Советской) власти. Расстреляны они были по доносу жителя Северо-Двинской губернии Великоустюжского уезда Удимской волости, сообщившего о «сомнительных людях», проживавших на территории монастыря и как будто укрывающихся от чего-то. Жители монастыря, к слову сказать, предоставили этому доносчику ночлег. Обвинение в контрреволюционной деятельности этих лиц подкреплялось лишь найденным обращением к православным христианам объединяться вокруг своих храмов для защиты святынь. Примечательно, что расстреляли их 30 сентября, а постановление о расстреле было вынесено Сольвычегодской ЧК только 17 октября 1918 г.²

В ходе боевых действий на территории Архангельской губернии переходил из рук в руки Кожеозерский монастырь. С момента своего основания монастырь обеспечивал необходимыми продуктами по их себестоимости жителей д. Кривой Пояс, а наиболее бедных содержал за свой счет. Однако это не помешало в марте 1918 года 20 сельчанам, преимущественно из солдат, прибыть в обитель с оружием, оскорблять братию и угрожать ей расправой. Монахам помогло лишь то, что за них вступился милиционер Зай-

¹ Кривова Н. А. Власть и Церковь в 1922–1925 гг. М.: Серия «Первая монография», АИРО-XX, 1997. С. 14, 15.

² Архив УФСБ по Архангельской области. Фонд прекращенных уголовных дел. Д. П-20535. Лл. 2–7 об.

цев из Кожского общества, который заставил прибывших покинуть пределы монастыря. Позже, в сентябре 1918 года, кривопоясане во главе с комиссаром Николаем Синициным и Федором Тарзановым собрали сельский сход и решили идти «громить монастырь». Тех сельчан, кто хотел встать на защиту обители, убили. В ночь с 29 на 30 сентября в монастыре убили настоятеля иеромонаха Арсения, закололи иеродиакона Пантелеймона, убили старушку Марфу Зайцеву, жившую при монастыре, тяжело ранили монаха Аарона, расстреляли после грабежа имущества послушника Михаила Черепанова, эконома монастыря иеродиакона Иоанникия и находившегося здесь с семьей И. Я. Анцыферова. Остальных арестовали и заперли в каретнике, их лишь через два дня выпустил на свободу бежавший от грабителей богомолец из д. Прилук. В ночь с 1 на 2 октября кривопоясане вернулись в обитель забрать все, что не унесли ранее, – от смерти вновь арестованных из братии спасло лишь то, что поставленный караул из нескольких монахов выпустил заключенных.¹ Позднее, когда в этом районе развернулись ожесточенные бои между красными и белыми, первые заняли монастырь как опорный пункт. В ночь с 15 на 16 июня 1919 года красные спешно покинули монастырь, бросив здесь часть оружия. Занявшие обитель белые отмечали, что монастырь был большевиками «весь разграблен, иконы изрезаны и все ценное вывезено, Евангелие шло как курительная бумага».²

В той же Архангельской губернии местными крестьянами и властями в 1917–1918 годах были отобраны угодья, мельницы, часть провизии и имущество у Михаило-Архангельского, Холмогорского Успенского монастырей. Позднее, в июне 1920 года, в Холмогорском Успенском женском монастыре был устроен лагерь для военнопленных. Монахиням было приказано покинуть обитель и выехать в Красноборск Вологодской губернии или Парасковинскую пустынь в селе Товры и Ракула. Им угрожали оружием, посадили под домашний арест. Игуменью допрашивали насчет мануфактуры и провианта, валюты, требуя выдачи всего под угрозой суда и наказания. Испуганные сестры все выдали 500 мешков белой муки, 60 голов сахара, запас церковного вина, овощей и соленой рыбы. К вечеру субботы 11 июня из монастыря всех выселили и оградили его колючей проволокой. 70 сестер отправились в пустынь, 30 были оставлены на работах при лагере. В ночь с 20

¹ Санакина Т. А. Погром в Кожеозерском монастыре // VII Иоанновские образовательные чтения. Секция 5. Новомученики и исповедники земли Архангельской. Сборник докладов. Архангельск: Православный издательский центр, 2006. С. 97–103.

² Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39450. Оп. 1. Д. 37. Лл. 8–10.

Никольская церковь с. Пялица.
1936 г.

Пертоминский монастырь
Архангельского уезда

на 21 июня прибыло на пароходе 1100 пленных, которых разместили в монастырских зданиях, над колокольной подняли красный флаг и всюду разместили усиленные патрули.¹

Сильно пострадали обители и их братии при проведении акций по вскрытию святых мощей. Первые постановления Наркомата юстиции о вскрытии мощей появились в феврале 1919 года, но еще в ноябре–декабре 1918 года в официальной прессе раздавались призывы П. А. Красикова, А. М. Коллонтай, А. В. Луначарского, И. И. Скворцова-Степанова, Л. Д. Троцкого, Е. Ярославского в условиях разгоравшейся Гражданской войны усилить наступление на «религиозное мракобесие» для скорейшей победы «над темнотой масс», «объявить бой церковникам всех мастей», покончить с православными монастырями.² Первыми 22 октября 1918 года были вскрыты мощи в Александро-Свирском монастыре. Предварительно еще в конце сентября 1918 года были арестованы настоятель, казначей, гостинник монастыря, студент Казанской Духовной академии священник А. Перов и житель Свирской слободы В. Стальбовский. Арестованные содержались в тюрьме месяц, в течение которого их допрашивали, пытаясь выяснить, где два года назад, во время войны, были спрятаны монастырские ценности. 14 октября 1918 года на заседании Олонецкого губернского исполкома было принято решение о «конфискации ценностей в Александро-Свирском монастыре, ненужных для последнего». Такое решение было принято на основе сведений, поступивших в губчека Олонецкой губернии. Последняя сообщала, что в Лодейнопольском уезде Олонецкой губернии на территории монастыря «ведется упорная антисоветская пропаганда и кроме того сокрыто громадное количество серебра и золота...»³ Итак, первоначальным мотивом являлось присвоение монастырских ценно-

¹ *Фофанова В. В.* Гонения на Православную Церковь в 1918–1919 гг. на Русском Севере // VII Иоанновские образовательные чтения. Секция 5. Новомученики и исповедники земли Архангельской. С. 31–32; Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 61. Лл. 39–40 об; ГААО. Ф. Р-5300. Оп. 1. Д. 24. Лл. 97 об.–98.

² *Кашеваров А. Н.* Православная Российская Церковь и Советское государство (1917–1922). М.: Изд-во Крутицкого подворья, Общ-во любителей церковной истории, 2005. С. 173.

³ *Басова Н. А.* Указ. соч. С. 79–80; Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 2/11. Л. 38.

стей, а не идеологическая борьба с предрассудками населения, как заявлялось позже в официальных документах. Настоятель монастыря архимандрит Евгений был расстрелян спустя несколько дней после вскрытия мощей, т. к. осмелился опровергнуть официальный акт о том, что вместо мощей в раке хранилась восковая кукла. Священнослужитель утверждал, что своими глазами видел там скелет.¹ Его расстрел, как и других арестованных вместе с ним в сентябре 1918 года, объяснялся губчека интересами защиты власти рабочих и крестьян от элементов «злого пошиба». Присутствовавший при вскрытии мощей член Всероссийского Церковного собора Н. Д. Кузнецов даже написал заявление в Совет Народных Комиссаров, где указал на бесчинства, творившиеся в монастыре в октябре 1918 года, учиненные при реквизиции его имущества: «Приехавшие обобрали в монастыре все, что можно. Они взяли все ценные вещи, многие очень важные в историческом отношении, содрали ризы с икон, отняли одежду, белье у монашествующих, захватили у них чай, сахар и съестные припасы... В алтаре они разобрали престол, хватали кресты, Евангелия, святые сосуды, выпили церковное вино, напились допьяна». Фактически монастырь подвергся тотальному разграблению: «Обыском было обнаружено замурованного и действительно сокрытого в стене монастыря чистого серебра около 40 пудов в виде старинных монет, церковной утвари, рак и больших листов. ... 74 вещи, конфискованные при обыске, отосланы в Петрозаводский исторический музей, ... 27 разнородных по качеству и количеству предметов первой необходимости... переданы в Комитет Деревенской бедноты Александро-Свирской слободы для распределения между нуждающимися».²

В Вологодской губернии верующие попытались отстоять мощи святых, подняли восстания, что повлекло за собой и аресты. Так, в марте 1919 года Вельский уездный исполком решил перевезти после вскрытия мощи Прокопия Устьянского в Вельск для осмотра с целью разоблачения их культа, «при исполнении этого постановления населением было оказано сопротивление, выразившееся в избиении коммунистов, в самочинном выпуске арестованных и в разнообразных угрозах волостному исполкому с требованием между прочим отмены чрезвычайного налога». В село Бестужево к бунтовавшим послали усмиривший их военный отряд, но мощи оставили на месте. Восставшие выпустили из-под ареста тех, кто был посажен за проступки против Советской власти. Отряду красноармейцев пришлось отсту-

¹ *Кашеваров А. Н.* Указ. соч. С. 171.

² НА РК. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 2/11. Лл. 38 об.-46.

пить. В помощь им был отправлен второй отряд численностью в 55 человек. Никольская и Бестужевская волости были объявлены на осадном положении, власть в них была передана военно-революционным комитетам с неограниченными полномочиями. Последовали аресты всего причта церкви, обвиненного в организации восстания. Власти, судя по источникам, были готовы к применению репрессивных мер, вплоть до кровопролития. По официальным данным, в восстании участвовало до полутора тысяч человек. Соппротивление было настолько серьезным, что власти поспешили объявить об оставлении мощей на месте, о предоставлении в распоряжение религиозных общин всех находившихся у церкви на 1 января 1919 года наличных денег. Население обязали уплатить чрезвычайный налог и водворить арестованных в камеры. Вологодский губисполком обвинил вельские уездные органы в легкомысленности, неумении предвидеть развитие событий, преступной небрежности. В Вельский уездный исполком от вологодских властей было отправлено письмо, в котором отмечалось, что Вельский уезд находится в прифронтовой полосе, население его изнурено натуральными повинностями и тяготами, поэтому Вологодский губисполком «глубоко изумило... намерение заняться религиозными делами, да еще в такой опасной форме... От того, что “мощи” какого-нибудь Прокопия полежат лишний месяц или два на том же месте, где они благополучно лежали до этого времени, для Советской республики, вероятно, не случится большого вреда...» В местной печати 22 марта 1919 года появилось, однако, лишь упоминание о проведении вскрытия мощей Прокопия Праведного 7 марта того же года. Было указано, что комиссия в присутствии большого количества людей обнаружила высохший скелет на дне гроба, указав, что тело мумифицировалось. Чуть позже, 28 марта, в Известиях Вологодского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов было сообщено о проведенном 25 февраля вскрытии мощей преподобного Нила Столбенского в Ниловской пустыни Осташковского уезда. Комиссия указала на обнаружение на дне серебряной раки груды костей.¹

Драматические события произошли и в другом уезде Вологодской губернии – Тотемском. 17 апреля 1919 года в переполненном богомольцами

¹ Михайлов С. В. Государство и Церковь: отношения органов власти, религиозных организаций и верующих на Архангельском Севере в 1918–1929 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 1998. С. 93–94; Кашеваров А. Н. Указ. соч. С. 188; ГААО. Ф. Р-2620. Оп. 1. Д. 73. Лл. 35–36; Известия Вологодского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919, 22 марта. С. 2; 28 марта. С. 3.

Вознесенском храме тотемского Спасо-Суморина монастыря комиссия уездного исполкома произвела вскрытие раки преподобного Феодосия Суморина. Обнаженные мощи святого после освидетельствования положили под стеклянный колпак и выставили на всеобщее обозрение. Такое отношение к мощам почитаемого святого не оставило равнодушным местное население. Согласно рапорту правящего архиерея Вологодской епархии патриарху Тихону от 6 июня 1919 года, «в праздник Вознесения Господня под давлением 5 тысяч богомольцев игумен Тотемского Спасо-Преображенского монастыря Кирилл облачил обнаженные по распоряжению советской власти святые мощи преподобного Феодосия Тотемского, совершил с ними мощами крестный ход вокруг монастырских храмов и отслужил пред ними молебен о ниспослании дождя». После того, как участвовавшие в этом молебне священнослужители (игумен Кирилл, три иеромонаха, два иеродиакона и два монаха) были арестованы, епископ Вологодский и Тотемский Александр (Трапицын) обратился к председателю губернского исполкома «с просьбой принять срочные и решительные меры к скорейшему освобождению ни в чем не повинных людей, действовавших под давлением народной толпы, недовольной глубоко оскорбительным положением честных останков угодника Божия, усердно чтимого всем местным населением». В результате всех арестованных – а это 37 человек – отпустили. Пострадал от приговора суда губревтребунала лишь игумен монастыря, который был приговорен к 5 годам лишения свободы.

Летом 1919 года вследствие все увеличивавшегося паломничества к этим мощам губисполком постановил перевезти их в Вологду. Массовые обращения возымели действие. В мае 1920 года собрание православных приходов добилося от властей помещения останков святого Феодосия в одном из городских храмов.¹

По окончании Гражданской войны советские партийные и государственные органы власти стали активно преследовать священнослужителей, которые в годы войны, оказавшись на территориях, занятых белыми, участвовали в крестных ходах и молебнах в поддержку деятельности Белого движения. И хотя в большинстве случаев, кроме выполнения традиционных служб и требоисправлений, защиты своих храмов и обителей от разграбления красными, они ника-

¹ Мясникова Л. Н. Протест против поругания православной святыни – мощей преподобного Феодосия, Тотемского чудотворца // Вологда. Историко-краеведческий альманах. Вологда, 2000. Вып. 3. С. 413–416; Кашеваров А. Н. Указ. соч. С. 188; Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. Р-585. Оп. 3. Д. 30а. Лл. 238–255; ГАВО. Ф. Р-585. Оп. 3. Д. 47. Лл. 62, 62 об, 66–68, 75, 88–89.

кой иной помощи белым не осуществляли, тем не менее, числились в рядах пособников и защитников контрреволюции.

Из Киркенеса 5 декабря 1920 года телеграфировали, что сюда прибыла группа монахов из Печенгского монастыря, «бежавшая в Норвегию из-за преследования большевиков. Монахи, большинство из коих перешло 40-летний возраст, передают, что большевики мобилизуют все мужское население края, принуждая его записываться в Красную армию. Отказывающихся расстреливают. Печенгский монастырь сделался местом кровавой драмы».¹ В результате решения Президиума Архангельского губисполкома от 24 декабря 1920 года все имущество из монастыря было сдано председателю Печенгского волисполкома. Часть же богослужебных предметов – утварь и колокола, после присоединения Печенги к Финляндии планировалось передать мурманской и печенгской общинам верующих. Сведений о вскрытии мощей преподобного Трифона нет. По телеграмме же из мурманского заготовительного отдела от 7 февраля 1921 года все реквизированное в монастыре вывозилось на судне «Колгуев». Имущество же монастыря из Девкиной заводи (дом, амбар, баня, три карбаса, сети, бочки, багры и так далее) передавались в Беломорско-Мурманское управление по рыбо-звериным промыслам Рыбзверпрома. Позднее, уже в 1927 году, в периодике начнут появляться статьи о пособничестве монахов этой обители белогвардейцам, белофиннам и англичанам в годы Гражданской войны.²

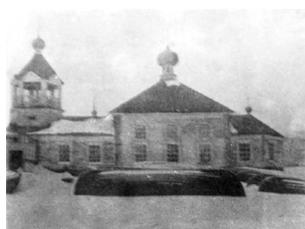
30 января 1921 года в г. Москва был вынесен приговор членам Архангельского «Союза духовенства и мирян», разгромленного ВЧК в феврале 1920 года. Одиннадцать месяцев ожидали арестованные священнослужители и верующие-миряне решения по своему делу. Первоначальный приговор предполагал, что епископ Павел (Павловский), секретарь Епархиального совета Дмитрий Соколов, редактор «Епархиальных ведомостей» Иоанн Попов и протоиерей Виктор Чекан должны быть расстреляны. Однако впоследствии по амнистии от 7 ноября 1920 года приговор был заменен на пять лет тюремного заключения, а для В. Чекана было предусмотрено условное заключение (в связи с преклонным возрастом и плохим состоянием здоровья). Остальным арестованным – Легатову, Мелетьеву, М. Попову, В. Попову и Шапошникову – вместо пятилетнего срока заключения по амнистии

¹ Цит. по: *Валентинов А.* Черная книга. «Штурм небес» // Волга. 1991, № 5. С. 117.

² *Мацак В.* Печенга – Петсамо – Печенга // Печенга. 1996, 2 марта. С. 2; Государственный архив Мурманской области (ГАМО). Ф. Р-75. Оп. 1. Д. 10. Лл. 30, 30 об, 39, 42, 43; *Иванов А.* Тюрмы Антанты на Севере (воспоминания заложников) // Карело-Мурманский край. 1927, № 2. С. 14–15.

Йокан'га. Ильинская церковь.
1937 г.

Церковь в селе Поной. 1937 г.

Коряжемский Николаевский
монастырь Сольвычегодского
уезда (фото 1909 г.)

дали три года.¹ Такое «тщательное» расследование по делу данного «Союза» было связано с ролью его представителей в годы Гражданской войны, в период существования Северной области.

Всего, по данным В. Русака, в Архангельской епархии пострадали в годы Гражданской войны 99 мучеников. В тексте протеста, врученного 16 апреля 1919 года Союзом духовенства и мирян Архангельской епархии председателю Временного правительства Северной области Зубову через делегацию в составе И. Попова, Д. С. Соколова и К. А. Матфеева,² были указаны некоторые священники, пострадавшие на территории Архангельской губернии (все они были замучены и убиты): священники Шангин, Распутин, псаломщик Афанасий Смирнов, протоиерей Сурцов. Протест был вызван политикой большевиков в отношении Церкви на территориях, где они установили свою власть – «правительство народных комиссаров не только запечатывает храмы, но и обращает их в чайные, казармы и даже кинематографы... духовенство подвергается пыткам и мучениям». В связи с этим Союз просил ВПСО обратиться к «авторитетному голосу Мирной Конференции, прося принять решительные меры к прекращению ужасных и позорных деяний, направленных против христианской религии».³ Подобного рода обращение, на наш взгляд, является не попыткой клеветать на Советскую власть, а стремлением прекратить кровопролитие и гонения на веру. Имена, указанные в протесте, подтверждаются и в других источниках.⁴ К ним можно добавить сведения о расправе над протоиереем Иоанном Дьяконовым, протоиереем

¹ *Феофил (Волик), иеродиакон.* Дело о контрреволюционной деятельности «Союза духовенства и мирян» и явление Божией Матери в Архангельске // VII Иоанновские образовательные чтения. Секция С. Новомученики и исповедники земли Архангельской. С. 58–59.

² *Блинов Н.* Попы и интервенция на Севере. Архангельск: Севкрайгиз, 1930. С. 11.

³ *Валентинов А.* Указ. соч. // Волга. 1991, № 5. С. 117.

⁴ Красный террор в годы Гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / Ред.-сост. Ю. Г. Фельштинский. Лондон: Overseas Publication Interchange, 1991. С. 386.

Александром Карелиным.¹ Отчаявшись справиться собственными силами со сложной ситуацией, Церковь стала искать поддержку за рубежом в лице христианского духовенства. Речь, прежде всего, ведется о налаживании контактов с архиепископом Кентерберийским. Помимо религиозной помощи Церковь была заинтересована в оставлении в губернии английского десанта как залога своей безопасности. По предложению протоиерея И. Лелюхина, учрежденный собор Соловецкой обители обратился к христианам Англии с телеграммой (11 августа 1919 года), в которой православное духовенство выражало уверенность в том, что английские верующие не откажутся ходатайствовать перед своим правительством и обществом о том, «чтобы военные силы Англии оставались еще в Архангельске и в иных местах Северной области...»² Подобного рода отношение к английским и французским властям было характерно не только для жителей Архангельска и духовенства Соловецкой обители. Так, жители Княжой губы (Кольский полуостров) в 1918 году полагали, что «пребывание в нашем крае союзных войск является крайне необходимым, так как только они могут спасти нас от финско-германского нападения...»³

Сам протоиерей Лелюхин был отправлен в Лондон для вручения телеграммы архиепископу Кентерберийскому. Это событие позволило впоследствии обвинить Церковь в Северной области в контрреволюционной деятельности, «с одобрения» Патриарха Тихона, которому было доложено о данной инициативе находящимся в Москве архиепископом Нафанаилом.⁴

На территории Кольского Севера сразу после восстановления Советской власти после окончания Гражданской войны и интервенции также отмечались случаи репрессий в отношении духовенства. Прежде всего, речь идет о Княжегубской трагедии. 8 октября 1919 года здесь были расстреляны 17 княжегубцев, в том числе подросток-партизан, двое крестьян из северокарельских деревень и двое финских красногвардейцев.⁵ В течение долгого

¹ За Христа пострадавшие. Гонения на Русскую Православную Церковь. 1917–1956. Биографический справочник. Кн. 1. / Гл. ред. протоиерей Владимир Воробьев. М.: Изд-во Общества Православного Свято-Тихоновского Богословского Института, 1997. С. 397, 551.

² Обращение к христианам Англии // Вестник Временного правительства Северной области. 1919, 16 августа. С. 2.

³ Возрождение Севера. 1918, 15 августа. С. 4; Береснев Н. Партизаны Княжегубья // Кандалакшский коммунист. 1987, 30 апреля. С. 3.

⁴ Кандидов Б. Вредительство, интервенция и церковь. М.: «Безбожник», 1931. С. 17; Он же. Церковь и шпионаж. О некоторых фактах контрреволюционной и шпионской деятельности религиозной организации. М.: ОГИЗ, 1938. С. 21.

⁵ Береснев Н. Указ. соч. С. 3.

времени роль Церкви в данной трагедии оценивалась как антигуманная и контрреволюционная – отмечалось, что наряду с белогвардейцами в вынесении смертного приговора участвовал и местный священник Богданов.⁶ Однако есть весьма интересный документ, подтверждающий невиновность священника Богданова. Это протокол № 12 общего собрания жителей Княжой губы от 21 апреля 1920 года. На собрании рассматривался вопрос об освобождении ряда односельчан, арестованных 3 апреля 1920 года по обвинению в эксплуатации чужого труда, сотрудничестве с белыми и союзническими войсками и в выступлениях против Советской власти, среди которых упоминается и священник Богданов. Решение собрания явно свидетельствует об их невиновности: «Мы находим, что вышеупомянутые граждане ... за все время пребывания белых местных и союзнических банд не выступали ни открыто, ни тайно, не замечены в пропаганде против Советской власти ... Если и были какие неправильные действия с их стороны, то /их/ мы объясняем тем, что ... под угрозой уничтожения всей деревни полковником Судачковым ... они и сделали некоторые ошибки ... Мы, граждане и гражданки, пострадавшие от белых банд в лице своих мужей и сыновей, находим вышеупомянутых лиц ... совершенно невиновными». На этом собрании присутствовало около 80 человек,⁷ и думается, что, перенеся гибель собственных близких, они не стали бы выгораживать виновных.

Ряд документов подтверждает, что и в Карелии священнослужители не только не выступали с оружием в руках против красных, но и порой спасали им жизнь. Так, Н. А. Басова отмечает, что падмозерский священник А. Звероловлев не участвовал ни в одном собрании, где обсуждались вопросы поддержки белых отрядов. По настоянию крестьян он вынужден был отслужить молебен об удачном осуществлении их планов, однако при этом предупреждал об опасности кровопролития. Несколько позднее, с приходом красных и изменением линии фронта, почти все население с. Падмозеро бежало в соседнее село – Шуньгу. По словам самого священника, в тот день «в деревне поднялась тревога, беготня, говорят: пришли в Толвую пароходы с войском, потом ... стали прибегать из толвуйских деревень крестьяне». Беженцы сообщили, что в Толвуе началась стрельба, людей «колют, в воду бросают», среди местных жителей началась паника. В результате село опустело, вместе с большей частью населения его покинул и священник. По требованию падмозерских крестьян, бежавших в Шуньгу и лишившихся на несколько меся-

⁶ ГАМО.Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 277. Лл. 21–23.

⁷ ГААО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 513. Лл. 134–135.

цев крова, А. Звероловлев составил обращение к белым властям с просьбой о выдаче беженцам продовольствия, обуви и одежды. При этом, со слов жителей Толвуи, он упомянул и о жестокой расправе над крестьянами и кощунствах, творимых красными в храмах. Но когда пришли белые и начались аресты и расстрелы коммунистов и советских работников, он своим поручительством спас жизнь нескольким из них. А. Звероловлев привлечен в числе других участников военных действий к уголовной ответственности и осужден трибуналом. Священнику помогли многочисленные ходатайства спасенных им коммунистов, а также простых крестьян с. Падмозера, в которых подчеркивалась не только его непричастность к восстанию, но и взятая им на себя роль миротворца (он был осужден условно). В захваченной белыми д. Римской пулеметчик пытался проникнуть на колокольню Георгиевской церкви с тем, чтобы обстрелять контратакующую красноармейскую часть. Псаломщик преградил ему дорогу и был убит на месте. Когда в сентябре 1919 года белогвардейский отряд захватил Авдеевскую волость, священник И. Беляев не примкнул к группе зажиточных жителей, встречавших хлебомольщиков освободителей. Все время, пока белые находились в Авдееве и Песчаном, он находился под угрозой расстрела, т. к. все знали, что его сын служит в Красной армии.¹ Так что обвинение в контрреволюционной деятельности всех священников поголовно как минимум беспочвенно.

Второй волной репрессий против священнослужителей на Европейском Севере России стали события, связанные с изъятием церковных ценностей в 1922 году. 23 февраля 1922 года был издан декрет об изъятии церковных ценностей. То, что изъятие ценностей во многом было направлено на разгром Русской Православной Церкви, подтверждается высказыванием Л. Троцкого в записке в Политбюро от 12 марта 1922 года: «Вся стратегия наша в данный период должна быть на раскол среди духовенства в конкретном вопросе: изъятие ценностей из церквей».² Верующие болезненно переживали разграбление храмов и изъятие святынь. И хотя духовенство всячески пыталось уберечь паству от какого бы то ни было сопротивления, конфликты зачастую заканчивались столкновениями с жертвами. Таких столкновений после принятия указанных декретов было отмечено 1414, все – между уполномоченными представителями властей и верующими. В 1922 году по всей стране прошло 250 судебных процессов, сфабрикованных в связи с «сопротивлением изъятию церковных ценностей». В середи-

¹ Басова Н. А. Указ. соч. С. 75–76.

² Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. Кн. 1. М.–Новосибирск: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), «Сибирский хронограф», 1997. С. 31.

Павло-Обнорский Комельский монастырь в Грязовецком уезде

не 1922 года 732 человека оказались на скамье подсудимых, большинство из них впоследствии было расстреляно. Против духовенства применялась также трехлетняя административная высылка без суда, которая была введена декретом ВЦИК от 10 августа 1922 года. По сведениям священника М. Польского, в 1922 году общее число жертв, погибших при столкновениях и расстрелянных по суду, было 2691 человек белого духовенства, 1962 монашествующих, 3447 монахинь; всего 8100 жертв. Согласно новейшим данным Православного Свято-Тихоновского Богословского института, общее количество репрессированных в 1921–1923 годах составило 10 000 человек, из которых расстрелян каждый пятый – всего около двух тысяч.¹

Политика местных властей, равно как и позиция духовенства в разных уездах и приходах, была различной. Нежелание верующих отдавать церковные ценности во многом было связано с непониманием, почему их нельзя заменить собранными денежными и продовольственными пожертвованиями граждан либо тем, что население не верило сообщениям властей о голоде в Поволжье, полагая, что это лишь новый предлог для наступления на Церковь.

Например, в Вознесенской волости Архангельского уезда верующие постановили ценности не отбирать, а на нужды голодающих собрать хлеб; жители Патракеевской волости усомнились, что ценности попадут голодающим. Жители ряда сел и деревень Емецкого уезда категорически отказались отдавать ценности, не прислушиваясь к призывам священников избегать конфликтов. Они говорили, что отдадут ценности лишь под силой оружия, что виноваты в голоде коммунисты, которым следует отказаться от власти, и тогда заграничные капиталисты помогут голодающим. В Соломбале три женщины ходили по домам и агитировали против изъятия церковных ценностей, распространяли антисемитские взгляды, говоря, что все идет от евреев. Здесь же группа сотрудников Отдела народной связи во главе с Инниным вела подобную пропаганду, утверждая, что большевики грабят церкви и ничего им больше не надо выдавать.²

В информационных сводках в адрес ГПУ г. Москва 1 и 5 апреля 1922 года отмечалось, что настроение в ряде уездов (Емецком, Печорском) в связи

¹ Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь в 1917–1927 годах // Вопросы истории. 1993, № 8. С. 44, 45; Кашеваров А. Н. Указ. соч. С. 238–239; Кривова Н. А. Указ. соч. С. 155.

² Михайлов С. В. Указ. соч. С. 118–119; ГААО. Отдел документов социально-политической истории (ДСПИ) (бывш. Государственный архив общественно-политических движений и формирований Архангельской области – ГАОПДФ АО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 566. Лл. 21, 31.

с изъятиями весьма плохое. В Печорском уезде командированные для изъятий на места уполномоченные вернулись обратно ни с чем, так как верующие заявили, что лучше умрут около церквей, чем что-либо из них отдадут. Уполномоченным угрожали петлей и прорубью. На заседании президиума Шенкурского укома ВКП(б) 10 апреля 1922 года мнения членов уездной комиссии по поводу форм и методов изъятия церковных ценностей разошлись. Одни рекомендовали на местах отказаться или воздержаться от жестокостей в процессе изъятий и указали, что когда в городе не обостряли отношений с верующими, то достигали удовлетворительных результатов по изъятию, не затрагивая беднейших церквей, другие же отмечали, что комиссия при изъятии проявила мягкотелость. Несмотря на призывы губернских властей к уисполкомам не допускать конфликтов и нажима на верующих, на практике они часто игнорировались. Так, в деревнях Сура и Щельи Пинежского уезда, в Печорском уезде, в Конецдворской церкви Архангельского уезда арестовали и предали суду сопротивлявшихся изъятиям.¹

В Олонецкой губернии в ходе изъятий сильных столкновений населения и властей практически не было, однако многие верующие в г. Петрозаводск, в Лодейнопольском уезде не понимали, почему ценности нельзя заменить деньгами и продуктами, не верили, что церковное добро дойдет до голодающих. Как отмечалось в отчете «Церковная жизнь в Олонецкой епархии в 1922–1923 гг.» (23–26 января 1924 года), изъятие церковных ценностей всколыхнуло епархию и «повлекло за собой все те же явления, которые произошли почти одинаково по всей России: смута среди духовенства, признание ВЦУ частью, террор группы заправил над остальными, аресты, высылки и пр.». Действительно, в Карелии одним из лидеров движения за полное изъятие церковных ценностей стал священник-обновленец Дмитриев, которого епархиальные власти охарактеризовали как человека с большим самомнением, карьериста, желающего быть во всем оригинальным, заразившего новшествами в богослужении от петроградского протоиерея-обновленца И. Ф. Егорова.²

После рассмотрения дел в Карельском ревтрибунале большинство обвиняемых ввиду полной недоказанности их вины были оправданы. В результате изучения дел по сопротивлению изъятию церковных ценностей, находящихся на хранении в Национальном архиве РК, Н. А. Басовой удалось

¹ Михайлов С. В. Указ. соч. С. 120–121; ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 36. Л. 44; ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 566. Лл. 23, 26, 27; ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 276. Лл. 38–39.

² Басова Н. А. Указ. соч. С. 109, 112, 117; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 831. Оп. 1. Д. 249. Л. 2.

выяснить, что шесть человек были осуждены к различным срокам заключения (от года до трех лет, с последующим применением к ним амнистии, один из них – условно), девять освобождены после суда по делам об изъятии церковных ценностей. Обвинение в сопротивлении изъятию церковных ценностей в большей степени затронуло мирян, нежели духовенство (из шести осужденных только один являлся священнослужителем).¹ Таким образом, цель проведения процессов состояла в устрашении тех, кто занимал активную позицию во время кампании по изъятию церковных ценностей и расколу духовенства. Неслучайно поэтому в циркулярном письме Северо-Западного бюро ЦК РКП(б) всем губкомам, укомам и райкомам Северо-Западной области, в которую в 1922 году входили Мурманская, Олонецкая, Череповецкая, Новгородская, Псковская, Петроградская губернии и Карельская коммуны, отмечалось, что агиткампанию по изъятию церковных ценностей «необходимо провести в виде ответа на провокационные отзывы попов и «Князей Церкви», приняв решительный тон разоблачения поповских махинаций, избегая в то же время грубых и вульгарных выпадов, могущих оскорбить религиозное чувство верующих... парторганизации должны приложить все усилия к расслоению духовенства, направляя борьбу преимущественно против его упростивающей верхушки».²

Третья волна репрессий против духовенства и верующих пришлось на тридцатые годы двадцатого столетия – время насильственного насаждения атеистической и антирелигиозной пропаганды, когда все меры борьбы с Церковью были «хороши» – от безбожной пятилетки до разрушения храмов и расстрелов священников. Наряду с сохранением административного нажима с лета 1929 года стала применяться репрессивная практика, осуществляемая органами ОГПУ и НКВД. Во многом такие действия были связаны с началом осуществления в 1929 году в стране политики сплошной коллективизации. Еще в феврале 1929 года в местные партийные органы было разослано письмо ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» (от 24 января 1929 года). В нем все религиозные организации, включая и церковные советы, объявлялись «контрреволюционной силой». Тем самым партийное руководство поощряло применение гонений на верующих и репрессий против духовенства. Выраженные в этом письме идеи и практические подходы, как отмечают исследователи, стали определяющими

¹ Басова Н. А. Указ. соч. С. 117–118.

² Центральный государственный архив историко-политических документов г. Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 9. Оп. 1. Д. 20. Лл. 3, 13.

ми в государственной политике до конца 1930-х годов.¹ При этом даже местные государственные и партийные органы власти прекрасно понимали, что усилением атеистической пропаганды и антирелигиозной деятельности, закрытием храмов провоцируют верующих мирян и духовенство на протест против политики государства.

Следственные дела репрессированных в 1930-е – 1941 годы священников можно условно разделить на три группы: одну из них составляют дела, в которых священники обвиняются не только в антисоветской деятельности, но и в шпионаже в пользу Финляндии, а также в повстанческой деятельности, наиболее характерные для Кольского Севера и Республики Карелия; другую – дела по распространению антисоветской и антиколхозной пропаганды и «религиозному одурманиванию населения», «извращению сталинской Конституции», прослеживаемые по материалам архивов УФСБ всех областей и республик Европейского Севера; а третью – дела священников Истинно-Православной Церкви (ИПЦ), или иерофеевцев, наиболее характерные для Вологодской и, отчасти, Архангельской областей.

К первой из них относится, например, начатое в 1933 году в КАССР дело, занявшее несколько томов и получившее название «Заговор финского генштаба». В результате его разработки была «вскрыта контрреволюционная организация» общей численностью 1641 человек. Среди обвинений – руководство и идейное вдохновение контрреволюционной повстанческой организации, готовившей к весне 1933 года восстание, «распространение среди жителей провокационных антисоветских слухов о подготовляющейся священной войне против Советского Союза, о неизбежной гибели СССР, коммунистов и ударников», информирование «членов контрреволюционной группировки о настроениях рабочих лесозавода и жителей г. Кеми». Все священнослужители, проходившие по этому делу, были приговорены к срокам от пяти до десяти лет лишения свободы в лагере с заменой ссылкой в Севкрай на те же сроки.²

В 1930-е годы, несмотря на прежнюю лояльность к Советскому строю, арестам стали достаточно часто подвергаться священники-обновленцы. Летом 1933 года в Белбалтлагере ОГПУ было начато дело против пятидесяти заключенных и жителей Повенца по обвинению в создании контрреволюционной организации во главе с архиепископами Самарским Александром (Анисимовым), Калужским Николаем (Винокуровым) и др. Все проходив-

¹ Басова Н. А. Указ. соч. С. 175.

² Цит. по: Басова Н. А. Указ. соч. С. 223–224.

шие по делу священнослужители (обновленцы) обвинялись в агитационной работе за отторжение территории КАССР к Финляндии вместе с Беломорско-Балтийским водным путем. Обвиняемые были приговорены к различным срокам лишения свободы – от трех до пяти лет, – которые для многих стали дополнительным наказанием к неотбытым срокам по прежним приговорам. В марте 1938 года по обвинению в шпионаже в пользу германской и финской разведок был расстрелян епископ-обновленец Евгений (Аметистов), после чего обновленческая кафедра прекратила свое существование.¹

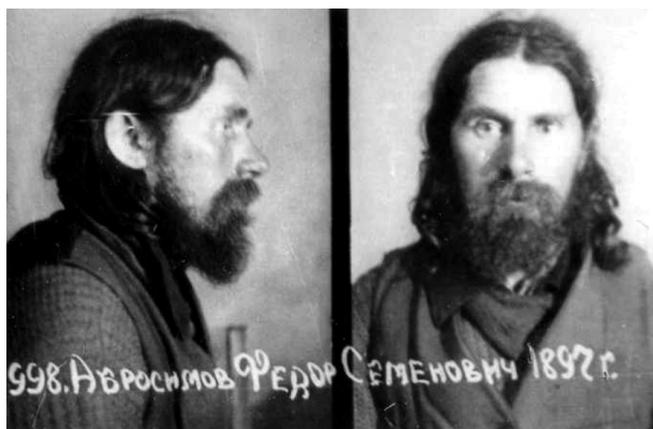
В шпионаже в пользу Финляндии и в тесных связях с сотрудниками финской охраны в г. Петсамо, в сотрудничестве с фашистскими монархическими организациями, в проведении антисоветской пропаганды обвинялись также монахи Трифоно-Печенгского монастыря Федор Семенович Абросимов и Павел (о. Паисий) Варлаамович Рябов – настоятель монастыря. На допросах Федору Семеновичу припомнили и нахождение на территории монастыря в годы Гражданской войны, когда обитель якобы являлась военной базой белогвардейцев, и то, что он общался с представителями финской полиции и финскими пограничниками. Ф. С. Абросимов был арестован 2 июня 1940 года, осужден Особым совещанием при НКВД СССР 19 августа 1940 года на восемь лет заключения в исправительно-трудовой лагерь (считая срок с момента ареста), признав себя виновным только в связи с сотрудниками финской охраны в Петсамо и отрицая шпионскую деятельность. Он умер меньше чем через год (2 августа 1941 года) в Ухта-Ижемском ИТЛ.²

В постановлении об этапировании П. В. Рябова в Ленютюрму НКВД Ленинградской области говорилось: «Установлено, что обвиняемый Рябов является агентом финской разведки. Будучи настоятелем Печенгского монастыря, Рябов превратил монастырь в очаг диверсантов и шпионов, проводивших свою преступную работу, направленную против СССР. Принимал у себя лиц, нелегально переходивших госграницу СССР в Финляндию... Систематически проводил среди русских подданных Финляндии антисоветскую агитацию», а в справке на настоятеля отмечалось также, что он «состоит в тесной связи с... фашистскими, контрреволюционными, монархическими организациями...» Сам Рябов на первом судебном заседании признал себя виновным лишь в том, что раньше питал враждебные чувства к Советской власти, полагая, что она лишь временно установилась в России.

¹ Там же. С. 224–225, 232–233.

² ГАМО. Ф. 140 (УФСБ по Мурманской области). Оп. 3. Д. 4550 (наблюдения). Лл. 12, 16; Д. 4550/2. Лл. 17, 27 об, 37.

Монах Федор Абросимов –
новомученик Церкви Русской

Обвинение в шпионаже он отрицал. Судебное заседание военного трибунала Ленинградского военного округа в г. Ленинграде, проходившее 6 августа 1940 года, осудило П. В. Рябова к 10 годам ИТЛ, но уже 19 ноября 1940 года из-за поддержки протеста Прокурора СССР Военной коллегией Верховного Суда СССР было проведено повторное заседание по поводу о. Паисия, в результате чего он был приговорен к расстрелу. Кассационная жалоба П. В. Рябова осталась без удовлетворения, а приговор был приведен в исполнение в декабре 1940 года. Оба священнослужителя из Трифоно-Печенгского монастыря были реабилитированы – Ф. С. Абросимов 12 апреля 1989 года, а о. Паисий лишь в 28 августа 1992 года.¹ Ф. С. Абросимов был канонизирован в 2003 году.

Промежуточное положение между первой и второй группами следственных дел занимают те дела, которые построены на обвинении как в повстанческой деятельности с элементами «шпионажа», так и в антиколхозной пропаганде. Например, следственное дело в отношении священников Александра Алексеевича Красильникова (с. Ковда) и Алексея Владимировича Суворова (г. Кандалакша). Их арестовали в 1933 году по обвинению в участии в кандалакшской шпионско-диверсионной повстанческой ячейке. Им вменялось проведение в церковном помещении собраний этой организации под видом решения церковных дел, антисоветская и антиколхозная пропаганда и вовлечение молодежи в религиозную деятельность, высказывания о скором падении Советской власти.²

¹ ГАМО. Ф. 140 (УФСБ по Мурманской области). Оп. 3. Д. 6658 (к наблюдению). Лл. 1, 3, 4; Д. 6658 (наблюдения). Лл. 3, 5–8, 14, 17 об–18, 24 об–26, 31 об, 38–39; Д. 6658/2. Лл. 26, 99; Д. 4550/2. Л. 38.

² ГАМО. Ф. 140 (УФСБ по Мурманской области). Оп. 3. Д. 3460/2. Т. 1. Лл. 1, 2, 4; Т. 2. Л. 32.

Ухудшали положение священников и некоторые факты их биографии, например, знакомство священника А. В. Суворова с правящим архиереем Олонецким и приглашение последнего для богослужений из Петрозаводска в Кандалакшу, судимость А. А. Красильникова в 1930–1931 годах за «подстрекательство» верующих бороться против закрытия церкви в Малошуйском приходе Онежского уезда, где он в то время был настоятелем. Несмотря на отрицание всех обвинений и констатацию следователями факта, что свидетели ничего серьезного не смогли сообщить об их шпионской и антисоветской деятельности, А. А. Красильников и А. В. Суворов были приговорены к 10 годам концлагерей с заменой наказания высылкой в Северный край. Реабилитированы священники были лишь в сентябре 1959 года.¹

Огромные масштабы карательных операций в Карелии, как отмечает Н. А. Басова, родились из двух агентурных разработок, заведенных районными отделениями НКВД в 1936 году и получившие название «Повстанцы» и «Диверсанты». Дело о «повстанцах», начатое в июне 1937 года, привело, по данным И. Чухина, к аресту 63 священнослужителей и 124 «церковников» (верующих-мирян, церковнослужителей). В работе «Поминальные списки Карелии (1937–1938 гг.)» в качестве репрессированных по этому делу значатся 47 священнослужителей и 18 мирян.²

Активным участником княжегубской шпионско-повстанческой организации, проводившим контрреволюционную агитацию, восхвалявшим капстраны и врагов народа, назван был и священник Вениамин Федорович Боголепов, расстрелянный по приговору суда в мае 1938 года. На первых допросах священник пытался опровергать обвинения в свой адрес, однако впоследствии, видимо, из-за нажима следователей, признал себя виновным в контрреволюционной агитации населения, отвергая, тем не менее, обвинения о связи его с финской разведкой.³

О нелепости некоторых обвинений свидетельствует и тот факт, что после наводящего вопроса следователя Вениамин Федорович признался, что в 1937–1938 годах восхвалял врагов народа Зиновьева, Бухарина и связывал с ними свои надежды на восстановление капитализма в России. Реабилитирован В. Ф. Боголепов был в январе 1959 года на основе свидетельских показаний его односельчан, заявивших, что они никаких высказываний анти-

¹ ГАМО. Ф. 140 (УФСБ по Мурманской области). Оп. 3. Д. 3460/2. Т. 3. Лл. 42–44; Т. 6 (наблюдения). Л. 18; Т. 6. Лл. 31 об, 32.

² Басова Н. А. Указ. соч. С. 229.

³ ГАМО. Ф. 140 (УФСБ по Мурманской области). Оп. 3. Д. 3337/2. Лл. 1, 22 об, 25 об.

советского толка от него никогда не слышали. Причем и в реабилитации есть неясности: в деле сообщается, что 8 мая 1938 года он был расстрелян (и отменяется именно этот приговор), а в справке о реабилитации, данной его дочери, указывается, что он умер в тюрьме от осложнения уремии 8 мая, но только 1939 года.¹

Весьма активно, на протяжении всех 1930-х годов, велась разработка дел в отношении духовенства, обвинявшегося в антисоветской и антиколхозной деятельности. В начале 1930-х годов эти дела напрямую связывались с подрывом колхозного строительства, срывом планов по проведению сплошной коллективизации. С 1936 года к этим обвинениям прибавилась ответственность священников за «извращение сталинской Конституции». Как правило, и те, и другие дела выстраивались вокруг борьбы верующих-мирян и духовенства против закрытия храмов. Обвинения в антиколхозной деятельности становились удобным поводом для решения сразу двух задач в рамках антирелигиозной деятельности – ликвидации церквей и уничтожения священнослужителей.

Еще в 1929 году отмечалось недовольство закрытием храмов со стороны жителей Северного края: в Вохомском районе против занятия пристроек церкви под ссыпку зерна в стихийном выступлении приняли участие около 500 женщин, избивших двух членов партии и уполномоченного по хлебозаготовкам, а в Северо-Двинском округе после проповеди священника Морозова присутствовавшие на ней женщины бросились в сельсовет, разогнали делегатов и потребовали не трогать батюшку и церковь. Такие же акции со стороны верующих, в основном женщин, наблюдались и в Архангельском, Няндомском, Вологодском округах Северного края – верующие выступали против привлечения священников к лесозаготовкам, против отобрания храмов, снятия колоколов и т. п. Нередкими были случаи обращений верующих во ВЦИК против принимаемых на местах решений о закрытии храмов и привлечении священников к различным работам. Не случайно поэтому, что через ОГПУ «по прямому проводу» всем окружкам и Коми обкому Северного края было рекомендовано: «Закрывать церкви после широкой подготовительной работы, избегать ареста священников при отсутствии компрометирующего их политического и уголовного материала, не допускать самочинных обысков, арестов священников отдельными партийцами и комсомольцами, проводить их в случае надобности только через ОГПУ,

¹ ГАМО. Ф. 140 (УФСБ по Мурманской области). Оп. 3. Д. 3337/2. Лл. 25, 26–33; Д. 3337 (наблюдения). Л. 5.

Тотемский Спасо-Суморин монастырь. Фото 1909 г.

милицию» (13.02.1930).¹ Однако из всего рекомендованного было учтено лишь последнее предложение.

Так, в 1930–1933 годах в Карелии по обвинению в антисоветской и антиколхозной агитации был арестован ряд священнослужителей. В вину вменялись неудачи колхозного строительства.

Обвинения осужденных были трафаретными: «систематически проводил антисоветскую агитацию среди колхозников и единоличников», «настраивал крестьян против выхода на сплав», «вел антиколхозную агитацию и травлю колхозников» и пр. В подавляющем большинстве случаев в тот период в качестве меры наказания к осужденным по различным пунктам 58 статьи УК РСФСР применялись различные сроки ссылки: от трех до десяти лет. Осуждались священники за то, что, по сути, лишь констатировали факты плохой работы в колхозах, отсутствия снабжения населения продуктами и промышленными товарами, крайне низкой оплаты труда на лесозаготовках, непосильных для многих крестьянских хозяйств налогов.²

В январе 1930 года был арестован священник ваймужского прихода Котовского сельсовета Емецкого района Северного края Александр Павлович Сидоровский, обвинявшийся в незаконном сборе средств с сельских жителей на содержание церкви в 1929 году, препятствии закрытию часовни в д. Осередок и церкви в д. Гора-Донкова, призывах к женщинам не посещать собраний, кино и спектаклей, не отпускать туда детей, т. к. там идет глумление над верой. Постановлением заседания «тройки» при ПП ОГПУ Северного края от 30 апреля 1930 года он был заключен в концлагерь на три года (считая со дня ареста 16.01.1930). В сентябре–октябре 1937 года он же проходил в качестве обвиняемого по делу контрреволюционной группы кулаков Хавровского сельсовета Емецкого района Северной области, якобы как представлявший свой дом для тайных собраний. Несмотря на то, что о. Александр своей вины не признал, он был приговорен к 10 годам ИТЛ. В справке о прекращении дела в 1963 году указано, что он скончался в заключении.³

Также неоднократно арестовывали и подвергали разным срокам заключения протоиерея Александра Нечаева, впервые привлеченного к ответ-

¹ ГААО. Ф. Р-290. Оп. 1. Д. 378. Лл. 6–7, 70.

² Цит. по: Басова Н. А. Указ. соч. С. 221.

³ Архив УФСБ по Архангельской области. Фонд прекращенных уголовных дел. Д. П-7542. Лл. 1, 59; Д. П-10749. Лл. 1, 37, 46, 71–73, 106.

ственности за свои убеждения и деятельность в Союзе духовенства и мирян еще в 1920 году. В августе 1930 года он был арестован за систематическое произнесение проповедей антисоветского характера, в которых говорил об имеющихся в СССР гонениях на религию и о разложении коммунистическим учением народа. Несмотря на полное отрицание своей вины, о. Александр был приговорен к трем годам концлагеря и отправлен отбывать наказание в г. Сыктывкар. Там он, еще находясь в заключении, в 1932 году был вновь привлечен к ответственности и освобожден лишь 21 декабря 1935 года. Последний раз его арестовали 28 июля 1937 года. К прежним обвинениям добавили обвинение в связи с контрреволюционно настроенными священниками – Иеронимом Корнеевым, М. А. Щеколдиным, Турундаевским и др., а также «извращение» «Положения о выборах в Верховный Совет». 11 октября 1937 года заседание «тройки» НКВД приговорило о. Александра к 10 годам ИТЛ. Он умер в заключении 2 ноября 1942 года.¹

Сходным по характеру обвинений было и дело «контрреволюционной группы священников» Кокошиловского сельсовета Сокольского района Севкрая, начатое в июле 1935 года. В обвинительном заключении отмечалось, что еще в 1931–1932 годах вокруг благочинного Сергея Анатольевича Суворова начала формироваться организация из контрреволюционного элемента кулачества, монашествующих, членов церковного актива, находящаяся под влиянием архиепископа Вологодской епархии Н. И. Знамировского. Их обвиняли в том, что они «систематически организуют сборища, на которых ведут свою организованную антисоветскую деятельность, направленную против проводимых мероприятий партии и Соввласти в деревне, и как метод влияния на окружающее население внедрялся в сознание последнего религиозный фанатизм путем антисоветской агитации, что “Советская власть исходит от антихриста и что вступившие в колхозы тем самым подписываются под антихриста”, распространялись провокационные слухи о войне и гибели Советской власти... Участники группы систематически организовывали антисоветскую агитацию, личным примером создавали саботаж в выполнении важнейших хозполиткампаний». По приговору суда, вынесенному в г. Вологде 16–20 марта 1936 года, благочинный о. Сергей (Суворов) был расстрелян, священник Александр Владимирович Дмитриевский, псаломщик Александр Васильевич Обатуров, единоличник Иван Александрович Клюквин получили 10 лет ИТЛ, диакон Павел Аркадьевич Одинцов –

¹ *Водлазкин Е. Г.* Протоиерей Александр Нечаев // Архангельский епархиальный вестник. 2005, № 7. С. 14–15.

8 лет ИТЛ, священник Харлампий Алексеевич Жуков – 7 лет ИТЛ, архиепископ Вологодский Николай Иванович Знамировский – 5 лет ИТЛ, остальные участники «контрреволюционной группы» – 17 человек – от 1 до 7 лет ИТЛ. Правда, шесть человек были по делу оправданы, что случалось крайне редко. Остальные были реабилитированы лишь в январе 1964 года.¹

По обвинению в проведении работы против снятия колоколов, контрреволюционной агитации против мероприятий, проводимых Советской властью, и по разложению колхозов, в результате чего часть населения Юроченского сельсовета Чебсарского района Северного края упорно не выполняла обязательств перед государством, 29 сентября 1937 года был приговорен к 10 годам ИТЛ священник Александр Иванович Попов (реабилитирован в октябре 1989 года).²

Даже те священники, которые, будучи в весьма преклонных годах, ушли на покой («за штат»), оставались в поле зрения властей. Про протоиерея Николая Родимова, служившего до февраля 1930 года в Троицко-Кузнечевской церкви г. Архангельска, а затем при кладбищенской Ильинской церкви до декабря 1930 года, в одном из официальных документов было сказано, что он очень популярен. 10 декабря 1937 года, после семи лет нахождения за штатом, он был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности. На единственном состоявшемся 16 декабря допросе он отметил, что никогда и нигде никакой контрреволюционной деятельностью не занимался. Однако, несмотря на это, 2 января 1938 года ему был вынесен расстрельный приговор. Его брат, о. Иоанн Родимов, также неоднократно подвергался арестам и штрафам – в 1919, 1925, 1933 годах – и по приговору суда, не признав обвинений, был расстрелян 27 сентября 1937 года за руководство «контрреволюционной» группой священников.³

За распространение так называемых пораженческих слухов в конце 1930-х годов к ответственности было привлечено немало священнослужителей различных территорий Европейского Севера. Например, священник Александр Алексеевич Щеколдин д. Лопшеньга Приморского района Северной области по доносам агентов РО УНКВД Севобласти обвинялся

¹ Архив УФСБ по Вологодской области. Фонд прекращенных уголовных дел. Д. П-10662. Лл. 1, 19, 30, 36, 42, 54, 66, 255–268, 404–407.

² Архив УФСБ по Вологодской области. Фонд прекращенных уголовных дел. Д. П-10078. Лл. 1, 13, 25, 26.

³ Суворова С. Крестный путь пастыря // Архангельский епархиальный вестник. 2003, № 6. С. 13; Ее же. И нес крест свой протоиерей Иоанн Родимов // Архангельский епархиальный вестник. 2003, № 7–8. С. 13, 15.

Архиепископ Архангельский
и Холмогорский Антоний
(Быстров) (1858–1932) –
новомученик Церкви Русской

в том, что перед верующими говорил, что «большевики любят издеваться над религией, но народ ничем не снабжают, ведь большевикам скоро придет конец. Все газеты пишут, что скоро будет война». Его обвиняли также и в систематической агитации среди женщин и учащихся школ, а также в неверной трактовке государственной политики в отношении Церкви. Однако сам священник отрицал данные обвинения, указывая на то, что в проповедях обличал исключительно хулиганство, пьянство и сквернословие и призывал верить в Бога. Но приговор 17 октября 1937 года был традиционен – 10 лет ИТЛ. Реабилитирован священник был лишь в августе 1989 года.¹

В распространении провокационных слухов о конце света в деревнях Грибинского сельсовета Великоустюженского района Северной области, хранении портретов Николая II, высказывании монархических взглядов о реставрации старого строя и бродяжничестве обвинялся монах Соловецкого монастыря Прокопий Федорович Никулин, расстрелянный в октябре 1937 года. В сентябре 1937 года были приговорены к 10 годам ИТЛ священник Василий Николаевич Синявин и двое верующих-мирян д. Мольбище Вологодского района Севобласти за распространение слухов, что подавшие сведения о своей религиозной принадлежности для Всесоюзной переписи верующие будут лишены хлеба, а затем будут высланы на Соловки, но большевистская власть долго не просуществует и верующие восторжествуют во Христе.²

¹ Архив УФСБ по Архангельской области. Фонд прекращенных уголовных дел. Д. П-2593. Лл. 1, 14, 14 об, 21, 22.

² Архив УФСБ по Вологодской области. Фонд прекращенных уголовных дел. Д. П-14559. Лл. 1-16; Д. П-14596. Лл. 1, 15, 33, 42-44.

Похожими по составу «преступлений» были и дела многих священников Кольского Севера. 16 апреля 1931 года был арестован иеромонах (в 1896–1924 годах) Спасо-Преображенского Соловецкого монастыря, священник церкви Рождества Иоанна Предтечи села Оленица Мурманского округа Моисей Никитич Кожин. Ему вменялось в вину то, что он систематически проводил антиколхозную пропаганду, прикрываясь флагом религии. Он был осужден на три года ссылки якобы за срыв проведения колхозного собрания, а фактически за сбор подписей против закрытия местной церкви. Умер иеромонах Моисей 7 сентября 1931 года в Ленинградской больнице доктора Газа с диагнозом «скорбут (цинга), энтероколит». Иеромонах Моисей был канонизирован Русской Православной Церковью 30 июля 2003 года.

За проведение богослужений у себя на квартире и антисоветскую пропаганду был арестован и в декабре 1937 года расстрелян мурманский священник Арсений Михайлович Коноплев – реабилитирован в апреле 1989 года. В январе 1939 года в Мурманской тюремной больнице умер обвиненный за антисоветскую пропаганду и пораженческие настроения варзужский священник Николай Николаевич Гусев – реабилитирован в мае 1998 года. В июле 1940 года за антисоветскую деятельность был приговорен к ссылке в Красноярский край сроком на пять лет ранее уже отбывший пятилетний срок тюремного заключения по идентичному обвинению кандалакшский священник Федор Михайлович Миролюбов – реабилитирован в мае 1989 года. Умбский священник Григорий Евтихиевич Лисеенков в декабре 1937 года был расстрелян по приговору суда, обвинявшему его в распространении антисоветских слухов против Конституции 1936 года и активных действиях против мероприятий сельсовета по закрытию местной церкви, – реабилитирован в мае 1989 года.¹

Наиболее показательным по Мурманскому округу было дело священника Кольского Благовещенского собора Константина Михайловича Мелетиева, арестованного в августе 1937 года как руководителя контрреволюционной организации церковников, проводившего среди населения контррево-

¹ Список Собора Кольских святых // Православная газета Мурманской и Мончегорской епархии. 2003, № 12 (декабрь); Выписка из журнала заседания Священного Синода Русской Православной Церкви от 30 июля 2003 года под председательством Патриарха Алексия II // <http://www.pstbi.ru/bin/code.exe/frames/mcanon10.html?koi>; Канонизация // Православный молодежный портал Мурманской и Мончегорской епархии. <http://www.murmanspas.ru/index.php?type=special&church=1&r=prayers&id=77>; ГАМО. Ф. 140 (УФСБ по Мурманской области). Оп. 3. Д. 4634/2. Лл. 19–24; Д. 4634 (наблюдения). Лл. 1–3; Д. 1102/2. Лл. 28–47; Д. 3207 (наблюдения). Лл. 1–5; Д. 3207/2. Л. 28; Д. 5752/2. Лл. 52, 54, 58, 59.

люционную агитацию против ВКП (б) и Советской власти, распространявшего слухи о возрождении храмового строительства в соответствии с новой «сталинской» Конституцией. Отмечалось, что о. Константин заявлял, что Сталин разрешил открывать новые храмы, а местные власти чинят этому препятствия.¹ Примечательно, что его арест был произведен как раз в то время, когда коляне активно боролись за сохранение своего храма действующим, обращаясь с просьбами не только к руководству Мурманского округа и в Леноблисполком, но даже в ЦК ВКП(б). Роковую роль в обвинении священника сыграли и его отношения с видными представителями русского духовенства, стоявшими на позициях сохранения православия тихоновского направления – архиепископом Петергофским Николаем Ярушевичем и митрополитом Ленинградским Алексеем Симанским (будущим Патриархом Всея Руси Алексием I). В октябре 1937 года К. М. Мелетиев был расстрелян. Реабилитировали его лишь в мае 1989 года.²

На территории КАССР уже даже предварительные обсуждения третьей по счету Конституции 1936 года у большого числа духовенства также породили надежды на лучшее будущее. Священник П. Смирнов из с. Вырозеро Заонежского района во время обсуждения проекта Конституции СССР в 1936 году ходил по домам и убеждал колхозников, что, согласно статье 125, верующие имеют полную свободу религиозных шествий. Он также цитировал выдержки из доклада И. В. Сталина «О проекте Конституции Союза ССР» на VIII Всесоюзном съезде Советов (ноябрь 1936 года), где тот высказался против лишения избирательных прав «служителей культа». Кроме того, священник знакомил крестьян с настоятельно рекомендуемой тогда для чтения книгой Н. Островского «Как закалялась сталь», извлекая при этом из нее неожиданную мораль: «Корчагин – бунтарь и погиб от того, что не внял Господним предупреждениям, после чего Бог покарал его слепотой». Факты разъяснения духовенством республики пунктов новой Конституции и положений закона о выборах отмечались и в других районах. Так, председатель церковной двадцатки с. Княжая Губа Кандалакшского района колхозница Молтырева ответила агитатору, направленному разъяснять новый избирательный закон: «Я не пойду на кружок. Нам батюшка уже разъяснил Конституцию и новый избирательный закон».³

В некоторых делах 1930-х годов отражено мнение самих священников по поводу репрессий, чинимых в государстве, и Конституции 1936 года. На-

¹ ГАМО. Ф. 140 (УФСБ по Мурманской области). Оп. 3. Д. 5641/2. Лл. 1, 5.

² ГАМО. Ф. 140 (УФСБ по Мурманской области). Оп. 3. Д. 5641/2. Лл. 7–9, 12, 38–41 об, 43, 47.

³ Цит. по: Басова Н. А. Указ. соч. С. 227.

Холмогорский Успенский
монастырь

пример, один из свидетелей по обвинению священника г. Каргополя Ивана Алексеевича Шарецкого показал, что тот в июне 1937 года говорил: «Советское правительство нарочно придумывает всяких диверсантов, шпионов из заграницы с тем, чтобы выпущенная Конституция осталась на бумаге – под сукном». В результате по приговору Каргопольского РО УНКВД 21 декабря 1937 года о. Иоанн был расстрелян. В справке же о реабилитации, выданной его дочери в 1956 году, было указано, что он умер от крупозного воспаления легких 12.09.1941 в местах заключения, будучи осужденным на 10 лет ИТЛ, о чем был составлен документ в Архангельском горбюро ЗАГС. Реабилитировали его в декабре 1959 года.¹

Одним из нелепейших обвинений в отношении духовенства представляется дело священника с. Верховажье Северной области Федора Арсентьевича Кузьминского, которому 20 сентября 1937 года был вынесен расстрельный приговор. О. Федора обвинили в том, что наряду с пораженческой агитацией он восхваляет троцкистско-фашистскую банду! Сложно представить себе последнее, если учесть, что одним из идеологов уничтожения Русской Православной Церкви был Л. Троцкий.²

Одну из наиболее специфических групп следственных дел в отношении духовенства и верующих представляют дела сторонников Истинно-Православной Церкви, а точнее, иерофеевцев, действовавших на территории современной Вологодской области. Речь идет о так называемом иосифлянском движении, возглавлявшемся митрополитом Петроградским Иосифом (Петровых) и связанном с неприятием декларации Местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского). Самым громким делом по поводу праворадикально настроенных священников на Вологодчине стало дело иерофеевцев, весьма запутанное и до сих пор оставляющее ряд вопросов о взаимоотношениях священника Иерофея и местных властей. Наиболее подробно материал об этом движении отображен в деле «О контрреволюционной организации церковников С.-Двинского округа» (в шести томах). По этому делу в декабре 1929 года были привлечены к ответственности 39 человек – священники, монахи и монахини, церковные старосты,

¹ Архив УФСБ по Архангельской области. Фонд прекращенных уголовных дел. Д. П-9471. Лл. 1, 7–7 об, 22–23, 40, 56.

² Архив УФСБ по Вологодской области. Фонд прекращенных уголовных дел. Д. П-14225. Лл. 7–8, 19.

представители церковного актива, которые действительно не скрывали своего враждебного отношения к Советской власти за ее безбожную политику, преследование религии, духовенства и верующих, несправедливый суд в отношении последних. Летом 1929 года на религиозной почве благодаря деятельности иерофеевцев вспыхнуло три выступления женщин в Северо-Двинском округе – в Рослятино, Кумбисерском и Соловецком, которые закончились избиением советских и общественных работников. После смерти епископа Иерофея его последователи из мирян, церковного актива и священников продолжали выпускать журнал «Голос угнетенных» и газету «Тревога», распространять ее среди верующих, сопровождая эту работу призывами не вступать в колхозы, говоря о уже состоявшемся приходе на землю антихриста и скором конце света. Параллельно священники А. Углецкий и А. Щеголев вели агитацию против митрополита Сергия и его Декларации, обвиняя его в том, что он подкуплен Советской властью.

За действия, направленные против власти, 17 человек, проходивших по данному делу, были расстреляны в мае 1930 года, остальных приговорили к различным срокам заключения в исправительно-трудовых лагерях и ссылке в Северный край. Лишь шесть человек получили условные сроки наказания.¹ После разгрома актива «непоминающих» власть подчас стала без разбора арестовывать священников якобы за их принадлежность к той или иной группе иосифлян.

Целый ряд уголовных дел был заведен против сторонников ИПЦ в 1931–1933 годах. Причем подчас не совсем понятно, идет ли речь о сторонниках иосифлянства или же о наиболее непримиримых к Советской власти «сергианцах». Например, известно дело о контрреволюционной группировке правых сергиевцев (?), в обвинительном заключении в отношении которых сказано, что на их нелегальных собраниях «обсуждались вопросы борьбы с Соввластью, выработывалась тактика и методы к.-р. деятельности группировки; антисоветской агитации, направленной к противодействию проводимым Соввластью хозяйственно-политическим мероприятиям...»

В обвинительном меморандуме отмечалось, что данная группа возникла в 1927 году, являлась частью Северо-Двинского филиала ИПЦ в Великоустюжском районе, выступала за легализацию Патриаршей Церкви, но не разделяла политическую линию митрополита Сергия и его Синода. Священников Устюга – Александра Чижова, Клавдия Тюрина, Александра Зава-

¹ Архив УФСБ по Вологодской области. Фонд прекращенных уголовных дел. Д. П-10844. Т. 1. Лл. 7, 119–132, 158–159.

рина и прибывшего в конце 1928 года в Великий Устюг архиепископа Софрония и др. – обвиняли в подготовке народных волнений против Советской власти и даже в попытках восстановления монархического строя (!). Большинство священников и мирян из проходивших по делу 34 человек свою вину не признали. Материалами дела в данных обвинениях они фактически не изобличались в перечисленных преступлениях. Тем не менее, 16 человек были высланы в Севкрай на три года, а трое приговорены к 3 годам концлагерей.

Интересно, что фактически к группе «непоминающих», поддерживавших тесную связь с епископом Гдовским Дмитрием, относилось лишь двое священников Великого Устюга – Александр Углецкий и Михаил Шилов, расстрелянных в 1930 году. Епископ же Софроний, напротив, придерживался Сергиевской линии. Однако властям недосуг было разбираться в тонкостях церковного управления, они сочли нужным ликвидировать как организацию одним росчерком пера и тех, и других, приписав епископа к формально оставшимся в рядах сергиевцев священникам. Между тем, в показаниях одного из свидетелей по делу, священника И., пошедшего на сотрудничество с властью, прямо указывалось, что большинство духовных лиц и мирян боролось за принятие и распространение в Великоустюжском районе выгодной для государства Декларации митрополита Сергия. Но это уже ничего не меняло в вынесенном приговоре.¹

В череде антииосифлянских и антииерофеевских дел интересным представляется дело по обвинению епископа Варсонофия Васильевича Вихвелина, священников Трифона Георгиевича Пилюги, Иосифа Алексеевича Солодягина, Василия Алексеевича Лебедева и др. Все они в ноябре 1932 года обвинялись в организации группы ИПЦ во главе с бывшим викарным епископом Каргопольской епархии Докторовым и епископом Вихвелиным, проведении антисоветской деятельности, распространении контрреволюционной литературы, монархических взглядов, постройке скрытых келий, общении с валаамскими монахами, проживавшими в Финляндии, и т. п., и были приговорены к различным срокам наказания в ИТЛ – от 5 до 8 лет – и к разным срокам ссылки – от 3 до 8 лет. Однако В. В. Вихвелин называл себя сторонником старой патриаршей Церкви, не признающим никаких течений и не принимающим декларацию митрополита Сергия. Т. Г. Пилюга и В. А. Лебедев называли себя сторонниками ИПЦ, но не подтверждали связи с иерофеевцами. Несмотря на указание признания своей вины этими священниками в обвини-

¹ Архив УФСБ по Вологодской области. Фонд прекращенных уголовных дел. Д. П-10876. Лл. 296–300, 376–412.

тельном заключении, следует отметить, что в материалах самого дела не содержится ни одного подобного признания.¹

Последним по времени из известных автору статьи дел в отношении «правых» священников стало дело, начатое в ноябре 1941 года, – СПО УНКВД Архангельской области объявило о ликвидации в г. Архангельске и Карпогорском районе филиала ИПЦ с арестом 18 человек «монашесствующего элемента» бывшего Соловецкого и Сурского монастырей. Набор обвинений был стандартным: пораженческая деятельность, создание катакомбной Церкви, антисоветская агитация. Большинство проходивших по этому делу получило от 5 до 10 лет ИТЛ, трое были сосланы на 5 лет в Коми Республику, а два человека – А. Е. Мартьянова и А. К. Трухина – расстреляны.²

Подводя итоги весьма краткому на фоне сотен дел, хранящихся в государственных областных и республиканских архивах, архивах УФСБ по Европейскому Северу, обзору репрессивной политики государства в отношении православного духовенства, хотелось бы отметить несколько характерных для этой политики черт. Во-первых, осуществление репрессий было одним из продуманных направлений в антирелигиозной деятельности Советского государства, целью которого было искоренение религии из жизни общества. Во-вторых, уничтожение или изоляция духовенства от общества осуществлялись параллельно с закрытием церквей и часовен. К концу 1930-х – началу 1940-х годов на территории Европейского Севера практически не осталось ни одного действующего храма. В-третьих, репрессивная политика в отношении верующих и духовенства тесно увязывалась с курсом внутренней и внешней политики государства: священников практически всегда обвиняли в срыве конкретных мероприятий Советской власти – сопротивлении проведению в жизнь декрета о свободе совести и изъятию церковных ценностей в пользу голодающих, коллективизации, срыве выборов в Верховный Совет, в неудачах на фронтах. Последствия такой политики оказались губительны как для Церкви, потерявшей тысячи истинно верующих мирян и праведных священнослужителей, так и для общества, которое в силу нехватки образованных высококонкретных священников и разрушения нравственных общечеловеческих ценностей стало особенно остро ощущать кризис духовности во второй половине двадцатого столетия.

¹ Архив УФСБ по Архангельской области. Фонд прекращенных уголовных дел. Д. П-6573. Лл. 148–210.

² Там же. Д. П-8069. Лл. 280–325.

Епископ Неофит (Коробов): к вопросу о канонизации

БАКОНИНА Светлана Николаевна, младший научный сотрудник Научно-исследовательского отдела новейшей истории Русской Православной Церкви ПСТГУ (Москва)

У жительницы г. Шарья Костромской области Анны Макаровны Петровской сохранилась бумажная иконка святителя Николая, на обороте которой можно прочесть надпись: «Мне подарил владыка Неофит. Он замучен. 1929 г. Эта икона освящена у мощей св. Николая в Бар-граде».

История этой надписи стала началом дальнейших поисков и открытий, которые помогли нам не просто узнать о том, как жили православные люди в лихие советские времена, но и соприкоснуться с подвигом тех, кого сегодня называют подвижниками благочестия, новомучениками Церкви Русской.

Епископ Ветлужский Неофит (Коробов), упомянутый в надписи на иконе, запомнился современникам как человек твердой веры и святой жизни. В известной книге игумена Дамаскина (Орловского) «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия» хорошо переданы черты его характера – то, каким он остался в памяти людей: «Епископ Неофит был нищелюбцем и после каждой

службы, выходя из храма, раздавал милостыню. И не было никого из его многочисленной паствы, кто был бы им обижен или кем бы он пренебрег. В великие праздники он звал нищую и убогую братию к себе на обед. Юродивые и блаженные приходили к нему в любое время».¹

А вот как рассказала о епископе Неофите Анна Макаровна:

«Красивый был Владыка, прекрасной души человек. Мне было лет 14, когда я попала на его службу. Мама тогда отпустила в Ветлугу с дедушкой. Как приехали, сразу в храм пошли. Служил Владыка. На архиерейской-то службе я впервые была. Вот уж и помазание началось – я иду, смотрю на Владыку, он на меня. Видно, заметил незнакомую девочку. Он ведь очень детей любил. Матери несут младенцев, а он, бывало, и замечание какой-нибудь сделает, или скажет: “Ты бы нос-то ему вытерла”. А она и рада все исполнить. Подходим мы с дедушкой. Я перекрестилась, поцеловала Евангелие и икону, поклонилась Владыке, он меня помазал. А когда к руке его прикладывалась, спросил: “Девочка, ты откуда?” “Из Шарьи”, – отвечаю. “Ты приходи сегодня ко мне на обед”. “Я, – говорю, – не одна приехала, с дедушкой”. – “Ну вот с дедушкой и приходи”. Такое вдруг предложение неожиданное!..

Служба кончилась, и мы пошли к Владыке. За ним много молодых идет, певчие, ребят да девчонок человек 20, Владыку провожают. Я трушу, переживаю. Ростом-то высокая была, стесняюсь этого, отстаю понемногу. А Владыка из виду не упускает, подбадривает: “Девочка, девочка, иди сюда, поближе! Ты не стесняйся, здесь тоже высокие есть”. Как будто мысли мои прочитал. Квартира его была недалеко от собора. Пока шли, детвора набежала, окружили, а он всех конфетами угощает, печеньем. Каждого маленького погладит, поцелует.

Заходим в квартиру, перекрестились на иконы. Старушка-послушница, Женя ее звали, накрыла на стол. Владыка молитвы прочитал, улыбнулся, говорит: “Милости прошу к нашей трапезе!” А я от смущения ничего на столе не вижу, ничего не задеваю, стесняюсь. А кушать-то хочу. Владыка говорит: “Ну что же ты, девочка, угощайся!” Пару яиц подвигает, булочку с маслом и еще что-то. Я хоть и дрожу, а все выполняю, кушаю. “Как зовут тебя?” – спрашивает. – “Анна”. – “С кем ты живешь? Как учишься?” Рассказала, а он похвалил: “Хорошо, что приехала...” А потом вдруг говорит: “В следующий раз приедешь, владыки уже не будет”. Так вот сказал. А я не понимала – думала, что уедет куда...

¹ Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Т. 1. Тверь, 1992. С. 171.

Икона святителя Николая
с памятной надписью.
Из архива А. М. Петровской,
г. Шарья

А время-то у нас подходит, ехать надо. Проводил нас Владыка, благословил маленькой иконой святителя Николая и подарил мне этот образок на молитвенную память. На обороте там написано: “Освящена в Бар-граде у мощей”. Когда благословлял, то пожелал на прощанье, чтобы мы были такими же христианами, так как он нас сейчас видит. У меня слезы: очень уж добрый! Каждое слово у него для души.

Жизнь-то потом крутила. И перекреститься некогда, когда война была. Но подарок Владыки, образок святителя Николая, я всегда берегла, на шею носила, хотя и прятала. Тогда ведь строго было. Когда назначили старшим бухгалтером, на отчеты с собой в командировки возила. А теперь вот и владыке молюсь...»¹

Можно заметить, что этот замечательный рассказ во всем сходится с описанием характера епископа Неофита в книге игумена Дамаскина. И, кажется, все свидетельствует о том, что такой человек обязательно должен быть прославлен нашей Церковью в лике святых. Но почему же получилось так, что епископ Неофит, вся жизнь которого была подвигом и закончилась мученической кончиной, до сих пор не попал в число новомучеников Российских? Вероятно, потому, что не пришло еще время, и пока нет ответа на некоторые вопросы, устраняющие несоответствия условиям канонизации. Попробуем немного разобраться в этой проблеме.

Прежде всего, следует отметить то, что, причисляя к лику святых христианина, пострадавшего во время гонений XX века, Русская Православная Церковь, как правило, опирается на примеры почитания мучеников первых

¹ Интервью с Анной Макаровной Петровской от 16 июля 2006 года (г. Шарья).

Сщмч. Неофит (Коробов),
епископ Ветлужский, викарий
Нижегородской епархии
(1878–1937)

веков, святость которых узнавалась по одному только факту пролития крови за веру Христову. Однако митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий (Поярков), много лет бывший председателем Комиссии по канонизации, разъясняет, что в наше время возникла необходимость применять дополнительные критерии. Учитывая обстоятельства эпохи гонений XX века, Комиссия в каждом конкретном случае тщательно изучает архивные материалы, свидетельства очевидцев событий либо тех, кто, не будучи сам очевидцем, сохранил воспоминания об этих людях, их письма, дневники или

Анна Петровская. Фото 1920-х гг.

Анна Макаровна Петровская. Фото 2006 г.

какие-либо другие сведения. При этом наиболее важным предметом внимательного изучения являются материалы допросов.

«Все лица, пострадавшие в годы гонений, впоследствии были реабилитированы государством, – отмечает митрополит Ювеналий. – Власть признала их невиновность, но из этого еще нельзя заключить, что все они могут быть канонизованы. Дело в том, что лица, подвергавшиеся арестам, допросам и различным репрессивным мерам, не одинаково вели себя в этих обстоятельствах. Отношение органов репрессивной власти к служителям Церкви и верующим было однозначно негативным, враждебным. Человек обвинялся в чудовищных преступлениях, и цель обвинения была одна – добиться любыми способами признания вины в антигосударственной или контрреволюционной деятельности.

Большинство клириков и мирян отвергли свою причастность к такой деятельности, [они] не признавали ни себя, ни своих близких и знакомых и незнакомых им людей виновными в чем-либо. Их поведение на следствии, которое порой проводилось с применением пыток, было лишено всякого оговора, лжесвидетельства против себя и близких.

[В то же время] Церковь не находит оснований для канонизации лиц, которые на следствии оговорили себя или других, став причиной ареста, страданий или смерти ни в чем неповинных людей, несмотря на то, что и они пострадали. Малодушие, проявленное ими в таких обстоятельствах, не мо-

жет служить примером, ибо канонизация – это свидетельство святости и мужества подвижника, подражать которым призывает Церковь Христова своих чад».¹

Среди нескольких следственных дел, по которым проходил обвиняемым епископ Неофит (Коробов), решающим стало дело 1937 года. Но прежде чем коснуться этого периода и последнего года жизни Владыки, стоит более подробно остановиться на его биографии.

Если говорить об источниках, в которых отразились наиболее интересные факты из жизни подвижника, то основная часть сведений была обнаружена в таких архивах, как Российский государственный архив древних актов (РГАДА)² и архив Валаамского монастыря, большая часть которого находится в Финляндии на Новом Валааме. Ценным подспорьем в работе стала также книга краеведа из г. Шарья В. П. Овчинникова³ и упомянутое выше сочинение игумена Дамаскина (Орловского).

Как же начинался путь епископа Неофита – одного из верных служителей Церкви Божией? Кем он был до того, как оставил житейскую суету ради совсем другой жизни, полной неустанных трудов и забот, непомерных скорбей и небесной радости?

В миру он носил имя Николай. Родился 15 января 1878 года в селе Новоселки-Зюзино Ярославской губернии в крестьянской семье. Отца звали Алексей Михеевич, маму – Анна Егоровна. Образование Николай получил домашнее и, видимо, неплохое. Он хорошо пел, был грамотным. По другим сведениям, мальчик учился в народной земской школе.

Когда семья Коробовых переехала в Петербург, точно не известно. У отца в столице было собственное дело, он торговал мясом и зеленью, имел два магазина. С ранних лет сын помогал отцу, выполняя разные поручения. Но уже тогда его мысли были далеки от торговли. Сохранилось семейное предание о том, что из Петербурга Николай отправился на Валаам, решив навсегда остаться в монастыре. К огорчению молодого человека, его тогда не приняли.⁴ И только в возрасте 24 лет (в декабре 1902 года) он был опре-

¹ Ювеналий (Поярков), митрополит Крутицкий и Коломенский. О деятельности Синодальной комиссии по канонизации святых. Доклад 20 октября 2003 года.

² РГАДА. Ф. 1450 (Фонд Угличского Покровского монастыря). Оп. 1. Д. 89 (Дела монастырские: послужные списки настоятеля и братии, квитанции, расписки, счета, выписи о смерти, акты передачи имущества и изъятия церковных ценностей, переписка). Сведения об источнике предоставлены исследователем С. Н. Романовой.

³ Овчинников В. П. Возвращение к истокам: Дневник-исследование. Шарья, 2006.

⁴ Сведения предоставлены исследователем В. В. Амосовым.

делен на послушание в свиту Финляндского архиерейского дома в г. Выборге. Архиепископом Финляндским был тогда Николай (Налимов). Об этом архипастыре сохранились воспоминания как о человеке скромном, добром, трудолюбивом. Свое служение Церкви он начинал помощником инспектора и преподавателем в Санкт-Петербургской Духовной семинарии и, будучи еще в светском звании, пользовался исключительным доверием, любовью и уважением своих учеников. К нему обращались во всех трудных случаях и всегда находили добрый совет, утешение и даже материальную помощь. Вероятно, он и был духовным руководителем Николая Коробова, человеком, который оказал влияние на характер будущего епископа.

Прошение о пострижении в монашество Николай подал в 1904 году, однако дело снова затянулось. В октябре 1905 года архиепископа Николая сменил на Финляндской кафедре архиепископ Сергей (Страгородский), и почти год Николай Коробов послушничал в Архиерейском доме теперь уже под его началом. И, наконец, в феврале 1906 года он был зачислен в послушники Валаамского монастыря, а 11 марта 1906 года состоялось пострижение Николая Коробова в монашество с именем Неофит.¹ 3 апреля он был рукоположен во иеродиакона.

В феврале 1908 года резолюцией архиепископа Сергея иеродиакон Неофит был вновь переведен в Архиерейский дом с назначением на должность и. д. эконома. Характер отца Неофита проявился с самого начала нового служения. Уже в первом письме игумену монастыря Маврикию (Баранову), помимо распоряжений архиепископа, изложенных по долгу службы, он не медлил высказать и свою личную просьбу: «оказать отеческое снисхождение посланному послушнику Владимиру Аннину, не налагая на него никаких взысканий».² В чем провинился послушник Владимир, неизвестно, но заступничество за него отца Неофита показывает, насколько внимателен он был к ближним, как заботился о каждом, кто попадал в какую-либо трудную ситуацию. Такие просьбы, подчас о самых простых, житейских нуждах окружавших его людей, содержались почти во всех последующих письмах в монастырь.

В апреле 1909 года иеродиакон Неофит был утвержден в должности эконома, а немногим более чем через год, 24 июня 1910 года, состоялось его рукоположение в иеромонаха.

¹ Новый Валаам (архив Валаамского монастыря). Д. 84 за 1905 год («О зачислении 30 лиц указом в послушники сего монастыря»). Л. б/н.

² Новый Валаам (архив Валаамского монастыря). Д. 17 за 1908 года («О перемещении иеромонаха Викентия и иеродиакона Неофита в штат Финляндского Архиерейского дома»).

Епископ Неофит
с прихожанами

Надо сказать, что отца Неофита послушание в Архиерейском доме сильно тяготило, потому что дороже любого, даже самого почетного, служения он считал жизнь в монастыре. Ему приходилось только мириться с такими назначениями и с частыми перемещениями. По этой причине он несколько раз просил епископа отпустить его на Валаам. В ответ на очередное прошение об увольнении (от 1 декабря 1910 года) последовала резолюция Его Высокопреосвященства (от 21 сентября 1911 года за № 1156):

«Согласно неоднократному прошению, иеромонах Неофит освобождается, впредь до распоряжения, от должности эконома с причислением в братство Валаамского монастыря и награждается за усердную службу набедренником».¹

Вернувшись в монастырь, отец Неофит исполнял чреду священнослужения и пел на клиросе. Но такая радостная для сердца монаха жизнь продолжилась недолго. В 1912 году архиепископ Финляндский Сергей рекомендовал иеромонаха Неофита для сопровождения православных паломников на Святую Землю.

К празднику Пасхи в Иерусалим отправлялись тысячи русских богомольцев. Перевозка людей происходила в условиях крайнего переполнения пароходов, путь в Яффу и обратно длился весьма долго – от четырнадцати до пятнадцати дней в каждый рейс, тогда как при нормальных условиях этот период составлял девять-десять дней. Большинство богомольцев составляли крестьяне, путешествовавшие в третьем классе.

¹ Новый Валаам (архив Валаамского монастыря). Д. Ва:74 («Формулярная ведомость о настоятеле и братиях Валаамского монастыря за 1911 год»). Л. 104.

Несмотря на то, что в пути паломников ожидали большие трудности, с каждым годом число желающих посетить Святую Землю возрастало. Все чаще, особенно на обратной дороге, стали происходить несчастные случаи, в том числе со смертельными исходами. Немаловажной проблемой было на тот момент и то, что в долгом пути люди оказывались предоставлены сами себе. По этой причине в 1912 году председатель Императорского Православного Палестинского общества (ИППО) великая княгиня Елизавета Федоровна настояла на том, чтобы «для сопровождения паломников и их религиозно-нравственного руководства» было официально приглашено духовенство. И первым таким руководителем стал валаамский иеромонах Неофит (Коробов). В пути он вел дневник, впоследствии опубликованный под названием «От Одессы до Яффы и обратно. Паломнические заметки священника-руководителя».

Следует немного остановиться на этих заметках, которые сохранили мысли и чувства самого отца Неофита. Первая запись в дневнике сделана им 3 марта, в день отъезда. Отец Неофит подробно описывает последние часы перед отправлением и рассказывает о начале путешествия.

После погрузки вещей на пароход путешественников собрали в таможенный сарай, где перед ними выступил уполномоченный ИППО Михаил Иванович Осипов. Он сказал краткую речь о цели паломничества и представил отца Неофита. Затем началась выдача заграничных паспортов. Получая паспорт, каждый подходил к батюшке, прикладывался ко кресту и получал из рук священника маленькое Евангелие в синем переплете. Перед выходом пропели молитвы, что обнаружило среди паломников певцов. Для отца Неофита, знатока и ценителя церковного пения, это была первая воодушевляющая радость, обещающая возможность «править в пути службу Божию». Дальше он замечает: «Вглядывался я в лица паломников, стада моего духовного, – разнообразны они, но больше было простых хороших лиц, добрых, кротких, но есть и такие, которым невольно хотелось сказать: а вы-то куда!»

Наконец пустили на пароход. С чего же началось это незабываемое путешествие? Когда отчалили от берега, богомольцы стали по очереди подходить к отцу Неофиту за благословением. И вдруг с лебедки прямо на священника рухнул плохо прикрепленный груз. От удара отец Неофит упал, причем рука его была приподнята для благословения одного раба Божия, который и поднял батюшку, а потом, с земным поклоном, просил прощения, как будто был виновником происшедшего. В связи с этим случаем иеромонах Неофит написал в дневнике: «Промысл Божий спас от смерти. Но Го-

Богослужение на Валааме

сподь Бог по Своему милосердию все делает к лучшему, и если сохранил мне жизнь, то только потому, что не хочет смерти грешника».

Происшествие, конечно же, омрачило настроение паломников. В первые минуты в толпе пронеслось: «Монаха убило». Чтобы скорее уверить людей, что он жив, отец Неофит с посторонней помощью взошел на вахтенный мостик и показался всем, в том числе оставшимся на берегу. В себя он пришел только в каюте и проверил, насколько больно расшибло. «Слава Богу! – записал он в дневнике. – Все тело больно, но повреждений нет – лишь на голове на память растет огромная шишка». В каюту к батюшке стали один за другим приходить озабоченные люди – справиться о здоровье и о том, будет ли молебен. «Да, вот что значит человек с обязанностями: и похворать нет времени!» – мысленно вздыхал он.

Через час уже служили. Место для богослужения устроили в трюме, сделав из сундуков и ящиков подобие стола. Принесли свечи, книжки и все необходимое. Начали с молебна святителю Николаю с прошениями о путешествующих. Сразу подобрались певцы – знатоки пения были и среди мужчин, в основном ехавших до Афона, и среди молодых послушниц. Молились горячо, пели усердно. После молебна долго подходили ко кресту и пели знакомые молитвы, тропари Богородице и святым. Назначена была и всенощная. «Все рады, благодарят», – писал отец Неофит.

Ко всенощной по просьбе батюшки паломники принесли иконки, кто какие с собой вез. Их расставили на покрытом салфеткой обеденном столике и на железных связях трюма, а перед иконами поставили свечи, оказавши-

еся у паломников в избытке. И вот, перед ликами многих святых и различных чудотворных икон Пресвятой Богородицы и святителя Николая (а таких икон было больше всего), начали первую всенощную в море. Помогал отцу Неофиту иеродиакон Кирилл из числа богомольцев. Певцов распределили на два клироса. «Торжественное, восторженное пение, – писал об этом богослужении отец Неофит, – заставляло забыть неприглядность трюма, его специфическую духоту, все уходило созерцательно в себя, и мне думалось: каждый мысленно молится в храме, сияющем золотом и другими дорогими украшениями. Много давали чувства именно те иконочки, перед которыми мы молились: разнообразные по размеру и письму, все они были дороги каждому, как особая святыня, – благословение родителей и т. п., с которыми все православные не расстаются, уходя из родного дома; здесь были иконы с шнурами, шейные и просто в маленьких киотах».

По окончании всенощной, которая продолжалась три часа, батюшку отпустили нескоро, подходили под благословение, искренне благодарили за службу. Усталый, больной телом, но бодрый духом, чуть подкрепившись ужином, отец Неофит наконец отправился спать. Но от чувства, полученного во время общей молитвы, а может, от усталости, сна не было. Невольно он стал думать об удобствах будущих духовных руководителей паломников. «О, как бы хорошо было на пароходе иметь большую икону, а перед иконой аналогий, иерейское облачение, кадило, свечи, ладан, водосвятную чашу, богослужебные книги, и необходимы еще акафисты чтимым святым...»

А вот как описал отец Неофит день перед прибытием на Святую Землю, 16 марта.

«Утром были у Яффы. Безлюдье полное, никто нас не встречает, полная невозможность отомкнуться от берега, волна выбрасывает лодку обратно. Проходит день, вечер наступает, мы все качаемся, мучаемся в болезнях. Пароход превратился в госпиталь с тяжело больными. Иеромонах Гавриил, более крепкий, отслужил краткий молебен святителю Николаю. Только покажешься днем на палубе, как все просят помолиться, – у меня совсем силы нет. Облокотившись на нары перед святым Крестом и Евангелием и складнем иконы Божий Матери “В печалех и скорбех утешение” начали богослужение, пригласив, кто может, встать поближе, да и лежащих и сидящих и стонущих просил поусерднее молиться; совершил малое освящение воды в большом чайнике, с присовокуплением Апостола и Евангелия и прошений на ектении “о престании губительства и напрасные смерти”, окропил подходящих ко Кресту святой водою, а потом, поддерживаемый отцом Кирил-

Молебен у дуба Мамврийского

ту 1160 человек, отбыли в Россию. Но так как в действительности Дарданелльский пролив был закрыт, то первый пароход успел дойти только до Смирны, а второй – до Бейрута, где богомольцы, которых сопровождал отец Неофит, вынуждены были пробыть целых десять дней. В исключительных обстоятельствах, когда уставшие, мечтавшие о скором возвращении домой паломники готовы были возроптать на судьбу, забыв все радости незабываемого путешествия, отец Неофит продолжал заботиться о своей пастве.

За эту поездку он был особо отмечен Советом Палестинского общества. В отчете Совета было указано, что иеромонах Неофит «ежедневными богослужениями на пароходе суточных служб и акафистов, назидательными поучениями и чтениями, установлением говения, крестными ходами по Бейруту и торжественными богослужениями в одном из городских храмов с приобщением Святых Таин всех паломников» вносил в их среду «дух бодрости и подавлял всякого рода брожения среди недовольных, снискав всеобщую любовь и сердечную благодарность».¹

Хорошо зарекомендовав себя во время паломничества на Святую Землю, в апреле 1914 года отец Неофит был назначен настоятелем Николо-Александровского Бар-градского храма в Петрограде, состоявшего в ведении Императорского Православного Палестинского общества, и прослужил в нем до 1917 года. Вероятно, к периоду служения в этом храме относится и появление иконки святителя Николая, которой в 1929 году епископ Неофит благословил богомолку из Шарьи Аню Петровскую.

В начале 1918 года усилиями занимавшего тогда Владимирскую кафедру и возведенного уже в сан митрополита Сергия (Страгородского) отец Неофит оказался во Владимирской епархии и в очередной раз был определен экономом в Архиерейский дом. В апреле 1919 года он был посвящен в сан архимандрита и вскоре назначен настоятелем Ростовского Борисоглебского мужского монастыря, однако из-за невозможности прибыть к месту назначения от настоятельства пришлось отказаться. Будучи проездом в Петрограде, отец Неофит заболел тифом. По выздоровлении он вернулся в родные края (в январе 1920 года), где прослужил простым псаломщиком в одной из сельских церквей. В 1921 году он был зачислен в братство Угличского

¹ Геннадий Беловолов, прот. Икона Божией Матери «Невская Скоропослушница»: Историческое описание. Изд. 2-е, доп. СПб.: Изд-во «Леушинское подворье», 2005. С. 37–38.

На земле Ветлужской

Покровского монастыря, откуда откомандирован в село Малахово «для исполнения пастырских обязанностей». По разным селам и деревням он ездил до 1922 года, пока не был арестован Рыбинским ОГПУ. Через полтора-два месяца его освободили.

В 1923 году отец Неофит был переведен в Ростовский Авраамиев монастырь, а в 1924 году его снова арестовали сразу по нескольким обвинениям, из которых подтвердилось только одно – обвинение в «религиозной пропаганде».¹

В 1927 году, за три месяца до издания Заместителем Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополитом Сергием (Страгородским) печально известной Декларации о лояльности Советской власти, состоялась хиротония архимандрита Неофита во епископа Городецкого, викария Нижегородской епархии, которую возглавлял все тот же митрополит Сергий. Осенью 1926 года митрополит Сергий был арестован и, отбыв три с половиной месяца в тюрьме, освобожден 27 марта 1927 года. С этого времени он становится более самостоятельным в вопросах церковного управления и даже особо важные решения принимает независимо от Местоблюстителя, по сути, присваивая себе его права. Впоследствии, сохраняя сыновнюю преданность митрополиту Сергию и оказываясь его ближайшим помощником, епископ Неофит, однако, не принял политики своего наставника.

1 августа 1928 года последовал третий арест владыки. После освобождения он был назначен на свою последнюю кафедру – Ветлужскую, на которой прослужил около десяти лет. В августе 1937 года он вновь был арестован по

¹ См. Приложения. Документ 1.

Благословение епископа Неофита

обвинению в «контрреволюционной деятельности» и создании «церковно-фашистской, диверсионно-террористической, шпионско-повстанческой организации», с помощью которой он якобы «передавал шпионские сведения митрополиту Сергию для передачи разведывательным органам одного из иностранных государств». Епископ Неофит был арестован без санкции на арест и без материалов, которые могли бы свидетельствовать о какой-либо преступной деятельности. За отказ отвечать на вопросы следователя епископ был заключен в карцер и подвергся пыточному следствию. Через три месяца он был осужден без указания статьи и расстрелян.¹

Почему же даже мученическая кончина не послужила основанием для канонизации епископа Неофита, еще при жизни стяжавшего славу человека святой и праведной жизни? Ответ на этот вопрос содержится в материалах следственного дела, которое впоследствии было признано сфальсифицированным.²

В 1956 году следователь Герасимов, арестовавший и приговоривший к расстрелу епископа Неофита, сам был арестован за фальсификацию целого ряда дел по обвинению людей, причастных к мифической шпионской организации. Протоколы, на основании которых выносились приговоры, были составлены лично следователем. Подписи, по показаниям пострадавших, выбивались им и его помощником силовыми методами и различными пытками, доводившими арестованных до бессознательного состояния. В случае с епископом Неофитом подпись была просто подделана.

Об этом свидетельствует аккуратно выведенный автограф владыки под каждой страницей протокола. Четкий, ровный, почти каллиграфический почерк, который никак не мог принадлежать человеку, пережившему кар-

¹ См. Приложения. Документ 2.

² См. Приложения. Документ 3.

цер и пытки, да к тому же почти слепому. Вполне возможно и то, что дело было составлено позже, когда епископа Неофита уже не было в живых.

Все эти выводы основаны на документах, и будем надеяться, что Комиссия по канонизации святых Русской Православной Церкви примет их к сведению.

Приложения

Документ 1

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1925-го года, Января 14-го дня, Я, Уполномоченный 1-го отд. Яргуботдела ОГПУ Разказчиков, рассмотрев находящееся в моем производстве агентурно-следственное дело на гр. КОРОБОВА Николая Алексеевича (он же архимандрит Неофит), 47 лет, беспартийного, не судившегося, обвиняемого по 70 и 119 ст. ст. Угол. кодекса, нашел:

Из имеющихся в деле агентурных материалов усматривается, что гр. КОРОБОВ Н. А. (арх. Неофит), пользуясь присущим ему красноречием, старается проводить сугубую религиозную политику среди зараженной религиозным дурманом массы рабочих и крестьян, имеющую скрытую цель противопоставления общепроводимой Сов. властью политике в вопросе антирелигиозной пропаганды – религию.

В своей деятельности, не выступая открыто, арх. Неофит старается воздействовать и в устном и в письменном виде как на взрослое население, так и на детей о необходимости воспитания последних в духе религиозного благочестия, внушая мысль о вреде социальных учений, что явно противоречит принципу Сов. власти в вопросе веротерпимости.

Пользуясь, благодаря своему красноречию, большою популярностью среди населения, в особенности [у] женщин, внушая необходимость преподавания детям Закона божьяго, арх. Неофит старается противодействовать стремлению молодежи к участию в деле общественного строительства, страшая при этом религиозных матерей ответственностью, которую они должны понести якобы в загробной жизни за неверие своих детей.

Означенные сведения при проверке их следственным путем подтверждаются как опросом ряда лиц, так и показаниями самого арх. Неофита (КОРОБОВА), не отрицающего самого факта агитации, но старающегося провести это под флагом законности. (См. Л. д. 41).

Основываясь на приведенном выше и принимая во внимание вредное влияние, оказываемое арх. Неофитом (Коробовым) на окружающ[ую] его среду рабочих и крестьян, означенная личность вполне может быть причислена к разряду лиц социально вредных, а посему, руководствуясь приказом ОГПУ № 172 от 2/II-24 г., со своей стороны полагал бы:

Дело по обвинению гр. Коробова Н. А. (арх. Неофита) направить в 6-е Отделение ОГПУ для рассмотрения и передачи в Особое Совещание при Коллегии ОГПУ на предмет высылки гр. Коробова Н. А., в административном порядке, из пределов Ярославской губ. как социально вредный элемент.

Самого гр. Коробова, находящегося в заключении в каземате ЯРООГПУ, оставить содержащимся под стражей, перечислив содержанием за 6-м отделением СООГПУ.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Дело на «44» листах.

Уполномочен[ный] 1-го отделения: (Разказчиков)

НАЧ[АЛЬНИК] 1-го отделения: (Шувалов)

СОГЛАСНЫ:

НАЧ[АЛЬНИК] СОЧ: (Петров)

УТВЕРЖДАЮ: НАЧ[АЛЬНИК] ЯРГООГПУ (Винокуров)

УФСБ по Ярославской области. Д. С-4930. Л. 43 (47).

Машинописный подлинник

Документ 2

«УТВЕРЖДАЮ»

НАЧ. УНКВД ГОРЬК. ОБЛ.

МАЙОР ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ

(МИХЕЛЬСОН)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1937 года, августа « » дня, Я, П/Опер. Уполномоченного 7-го Отд[еления] 4 Отдела УГБ УНКВД Г/Области – НЕСТЕРОВ, рассмотрев следственные материалы по обвинению епископа КОРОБОВА Николая Алексеевича по ст.ст. 58-8 и 58-11 УК РСФСР,

НАШЕЛ:

Обвиняемый епископ КОРОБОВ Н. А. во время следствия ведет себя грубо, вступает в пререкания со следователем. Неоднократно пытался клеветать на органы НКВД и Советскую власть в вопросе правосудия. Отказался отвечать на поставленные ему (следователем) по существу дела вопросы.

ПОСТАНОВИЛ:

Обвиняемого епископа КОРОБОВА Н. А. заключить в карцер на 10 суток.
П/Опер. Уполномоченного 7-го отд.
4 Отдела УГБ (Нестеров)

СОГЛАСНЫ: НАЧ. 7-го отд. 4 Отдела УГБ
ЛЕЙТЕНАНТ ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ (Кострынин)
НАЧ. 4 ОТДЕЛА УГБ УНКВД ГОРЬК. ОБЛ.
КАПИТАН ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ: (Мартынов)

Государственный архив Нижегородской области. Ф. 2209. Оп. 3.
Д. 15896. Т. 1. Л. 129.

Машинописная копия с подписью Нестерова

Документ 3

Секретно
СПРАВКА

По архивно-следственному делу № 4857 по обвинению
КОРОБОВА Николая (Неофита) Алексеевича, 1878 г. рождения,
уроженца с. Новоселово Борисоглебского р-на
Ярославской области, из семьи торговца,
до ареста епископа Ветлужского, Горьковской епархии

КОРОБОВ был арестован Ветлужским Райотделением УНКВД по Горьковской области 6 августа 1937 года без санкции на арест и без материалов, которые бы свидетельствовали о его какой-либо преступной деятельности.

Лишь после ареста КОРОБОВА на него были получены показания от арестованных служителей религиозного культа бывш[их] попов Ветлужского и других районов Горьковской области о том, что КОРОБОВ являлся одним из руководителей антисоветской организации церковников.

Будучи допрошенным на предварительном следствии, а допрашивали его только дважды, 23 октября и 31 октября 1937 г., КОРОБОВ показал, что

он в 1932 году был завербован в состав церковно-фашистской организации митрополитом Сергием СТРАГОРОДСКИМ, по заданию которого им была создана в Ветлужском епископате антисоветская организация из служителей религиозного культа.

По заявлению КОРОБОВА, в основе работы созданной им организации лежала подготовка вооруженного восстания для свержения Советской власти и реставрации капитализма.

В этих целях, показал далее он, участники организации по его заданию вели антисоветскую агитацию, занимались вредительством в колхозах, готовили террористические акты.

Среди участников антисоветской организации завербованных им КОРОБОВ назвал: СОКОЛОВА Владимира Павловича – благочинного Уреньского района Горьковской области, ПЕТРОПАВЛОВСКОГО Александра Михайловича – благочинного Ивановского района (ныне Костромской области) и других.

Проходящие по архивному следственному делу № 4857:

Благовещенский А. И., Карпинский А. П., Жуковский М. А., Углецкий А. В., Весновский Г. И., Успенский В. И., Слободской В. Н., Скворцов А. П., Знаменский И. И., Зарницын А. И., Розанов И. В., Драницын В. Ф., Павлов-Тихомиров Д. П., Кислицын С. М., Ильинский В. В., Воздвиженский И. Н., Сахаров И. И., Воздвиженский Н. И., Сеготский А. П., Вячеславов М. А., Ширяев Ф. П., Соколов И. П., Гурина Е. Е., Замышляев И. Г., Соловьев А. В., Маланова Е. С., Соколова Н. И., Соловьев Г. П., монах Дорофей, монах Порфирий, Мигачев В. С., Смирнов С. З., Добров, Якутин, Преображенский, монах Тарасий, Сорокин, Разумов В. П., Чиркин П. М., Жуков П. В., Лебедева Р. А. и др. в показаниях КОРОБОВА не упоминаются. Из лиц, проходящих по арх[ивно-]след[ственному] делу № 3479 по обвинению Благовещенского и других КОРОБОВ упоминает в своих показаниях только ЧУДЕЦКОГО Алексея Ивановича – священника села Бельшево, который якобы готовил вместе с Казимировым М. М. убийство председателя Бельшевского сельсовета КУБАРЕВА, и ВОРОБЬЕВА Ивана Федоровича, который якобы в колхозе «Новая жизнь», с целью развала последнего, в 1936–37 гг. довел до истощения 29 лошадей, в результате чего они пали.

Однако эти показания КОРОБОВА (копия их прилагается) не конкретны, а поэтому вызывают сомнение в своей правдоподобности.

11 ноября 1937 года КОРОБОВ Н. А. был приговорен «тройкой» УНКВД по Горьковской области к расстрелу.

ПРИЛОЖЕНИЕ: упомянутое на одном листе.

СТ. СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДОТДЕЛА УКГБ при СМ СССР
по Горьковской области капитан (Шишкин)

7 января 1957 г.

г. Горький

СПРАВКА: Архивное следственное дело № 4857 хранится в УАО УКГБ
при СМ СССР по Горьковской области

капитан (Шишкин)

Приписка от руки: *Копия протокола допроса Коробова от 23 октября
1937 г., находящаяся в первом томе л. д. I-II, соответствует подлиннику.*

Подпись: капитан (Шишкин)

Государственный архив Нижегородской области. Ф. 2209. Оп. 3. Д. 6736.
Т. 2. Л. 64-65.

Машинописный подлинник

«Кто мы? Откуда?» Из истории спецпереселенцев

*КОРОЛЕВА Людмила Александровна,
прихожанка кандалакшского храма Рождества
Иоанна Предтечи, Мурманская область*

«Благодаря постоянной заботе Советского правительства о развитии экономики и производительных сил в Мурманском округе темпы роста населения из года в год возрастали. Так, с 1920–1939 гг. среднегодовой прирост населения составлял 14 600 человек, а с 1926–1939 гг. – 20 600 человек».

*Шашков В. Я. «Спецпереселенцы в истории
Мурманской области»*

«А девки-то где?
В замужье пошли.
А мужья-то где?
Все повымерли.
А могилы-то где?
Травой заросли».

Народная присказка

Беда нашего поколения – это отсутствие традиций, которые не перешли к нам от наших предков. Почему это произошло? Об этом наш разговор.

Страшный грех, когда у человека отнимают жизнь, цинично обвиняя его в несовершенных поступках. Еще более страшный грех, если эту жизнь отнимают за служение Богу. Кажется, нет ничего более ужасного. Поэтому стоит ли с печалью вспоминать о судьбах людей, которых всего лишь переселили на другое место обитания? Да, у них отняли собственность, но это дело наживное, ведь не убили же. Да, их заставили работать не там и не так, как они привыкли, но и к этому приноравливаешься, наоборот, это расширяет твои возможности и развивает способности. Послушайте, как о них теперь говорят. Не упоминая причины их переезда с родных мест, этих людей именуют строителями социализма, первопроходцами, основателями.

Так стоит ли их вспоминать как страдальцев земли русской? Ведь они не гнили в лагерях, не расстреляны, не загублены, не пропали в безвестности. Стоп. Прислушаемся к их голосам.

«В краю, куда их везли гуртом,
Где ни села вблизи, не то что города,
На севере, тайгою запертом,
Всего там было – холода и голода».

А. Твардовский

Казалось, в то время вся жизнь шла, согласуясь со строчкой главного гимна большевиков «весь мир насилия мы разрушим до основания». Нет, они решили разрушить не «мир насилия», а мир жизни, устоявшийся уклад, мир веры. 1922 год. В. Ленин поручил И. И. Скворцову-Степанову, «поскольку тот написал хорошую книгу об “Электрификации РСФСР”, написать книгу по истории религии и против всякой религии».¹

Электрификация и религия – в этих словах нет абсолютно ничего объединяющего. И все-таки они неразделимы. При строительстве ГЭС было затоплено очень много земель. В зону затопления попадали не только городки, села, пашни. «Намоленная нашими святыми, озаренная светом их святости земля тоже должна была скрыться в мутноватой воде мелководья, сквозь которую скорее угадываешь сейчас, чем различаешь, минувшую жизнь...»²

Вода покрыла дома предков, их могилы, церкви, в которых крестили и отпевали их. Под воду ушла жизнь целого поколения. Она, размывая клад-

¹ Коняев Н. Храм над водами. С. 1.

² Там же. С. 2.

Спецпереселенцы

бища и унося кости прадедов и прабабок, цементировала души молодых людей. «Церковники поют о бессмертии души, что же в этом бессмертного, вон плавает тлен и гниль тел ушедшего поколения, ничего не остается от нас на земле, мы живы только тем, что делаем и получаем сейчас, сию минуту». И души, теряя уважение и память, теряли веру. Страшный грех.

Кладбище, где лежат мои предки по линии мамы, ушло под воду на реке Шексна. Церковь, где их крестили, стоит полуразрушенная на самом берегу. А на реке Свирь не только кладбище, но и вся деревня, где жили предки по линии отца, церковь Илии Пророка исчезли под темными немymi водами. «Прервалась связь времен...» С кровью оторвали и выбросили память о предках, как исповедные книги из церкви.

Этого власти показалось мало, и людей стали отрывать от Родины. От малой, знакомой каждой тропинкой, каждой слезинкой, каждым камнем и щербинкой Родины. Пользуясь любым предлогом: доносом, решением местной власти, да просто так, потому что не понравились своей жизнью или недостатком, людей выгоняли из домов, не разрешая ничего брать с собой.

«Все переписали: 1 лошадь, корову, 3 овцы, 10 кур, самовар, чайник, часы, зеркало, шкаф – кулаки, в общем, богатеи. Дом был двухэтажный, хлев, амбар, баня, сарай, гумно, кузница маленькая, горн, наковальня. Поэтому и выгнали...» (из воспоминаний Маколкиной Н. А.).

«Сослали нас в январе 1931 года. Отец был на заработках, дома была одна мать. В деревне плакали, когда нас увозили, в ней жило много родни. Ключи от амбаров пришлось отдавать маме. С собой брать ничего не раз-

решили, только то, что надето на себя. Мне было шесть лет, и я не понимала, что происходит. Чтобы как-то запастись одеждой, на меня надели несколько платьев. А я беспокоилась, что пропала моя любимая гребенка. Кругом плачут, а я бегаю, гребенку ищу: “Где моя гребенка? Где моя гребенка?” (из воспоминаний Ивановой А. Н.).

«Ничего не разрешили взять с собой, я, тогда маленькая девочка, держала любимую куклу, но перед отправкой и ее вырвали из рук» (из воспоминаний Королевой З. А.).

Людей высылали семьями с маленькими детьми, которые порой даже не могли понять, что происходит, почему надо уезжать, почему все плачут, зачем это надо – оставлять родной дом.

«Когда нас сослали, мне было 4 года. Статья 38. Сослали семью – родители и 5 человек детей» (из воспоминаний Красильниковой А. А.).

«Сослали мать и 7 человек детей. Семен – 1912 года, Валентина – 1914 года, Дмитрий – 1916 года, Андрей – 1918 года, Петр – 1920 года, Антонина – 1922 года, Нина – 1924 года. Получилось так, что отец собрался в лес на дровнях за дровами. Уехал он, а на следующий день в дом пришла милиция, вызвали мать и сказали, что будут высылать» (из воспоминаний Маколкиной Н. А.).

«Нас было шестеро человек, из них трое детей. Мне было семь лет» (из воспоминаний Королевой З. А.).

«19 октября 1937 года по доносу был арестован отец и увезен из деревни. Матери было 26 лет. Разрешили работать ей только на скотном дворе» (из воспоминаний Караваевой А. Ф.).

Затем была неведомая дорога, дорога в неизвестность. И никто не знал, увидит ли когда-нибудь родную землю, свой, теперь уже ставший чужим, дом. Так был вырван целый пласт населения, коренного, с устоявшимися традициями, с вековым порядком жизни.

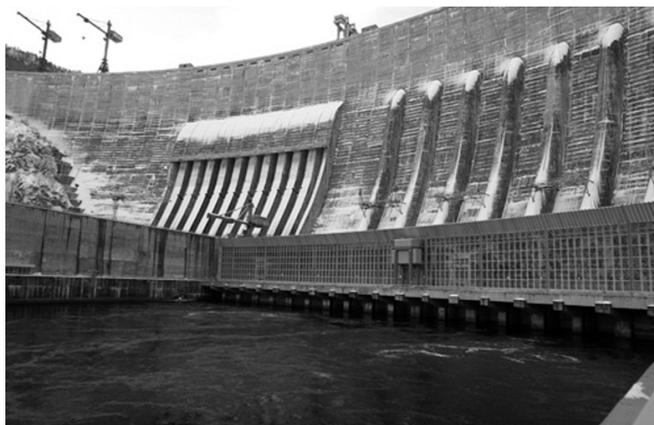
Получалось, что, выселяя крепкую часть населения из деревень, ломали хребет основному укладу жизни коренного русского народа.

А переселенцев ждали стройки социализма. В советское время (да и сейчас) застенчиво умалчивали, кто же был основной массой строителей социализма. А это были не только добровольцы, не только комсомольцы, а в основе своей спецпереселенцы, брошенные в горнило этих строек, как в моль, перемалывающий судьбы.

«Спецпереселенцы внесли значительный вклад в электрификацию Кольского полуострова. В сентябре 1930 года на разъезде Пинозеро высадились

Тоннель и канал

Нивская ГЭС

первые гидростроители. Им предстояло построить каскад из трех станций: Нива ГЭС-1 у Пинозера (25 тысяч кВт), Нива ГЭС-2 у Плесозера (60 тыс. кВт), и Нива ГЭС-3 у впадения реки Нива в Кандалакшский залив».¹

«Первые гидростроители...» Со спецпереселенцами обращались очень жестоко. Их перевозили в товарных вагонах. Мужчины и женщины, старики и дети ехали в страшных условиях, порой на весь вагон была одна параша, а печь для обогрева отсутствовала. Люди, сидя на полу, находились в пути до нескольких недель.

«Нас загрузили на пароход, и мы отправились в неизвестность. Что нас ждало, куда нас везли? Никто не знал. Приехали на железнодорожную станцию, посадили в телячьи вагоны. Так и отправили» (из воспоминаний Королевой З. А.).

«В директиве ОГПУ №32731 от 6 марта 1930 года подчеркивалось: “Семьи кулаков, не имеющие трудоспособных членов, на Север выселению не подлежат и в эшелоны включаться не должны. Впредь высланные семьи без выполнения этого требования будут возвращаться обратно к месту жительства. В указаниях по партийной линии имеется разрешение оставлять на местах женщин и детей выселяемых кулаков при согласии местных органов власти. Проследите за соответствующим исполнением этого условия”. Но в процессе депортации спецпереселенцев эти директивы не выполнялись».²

¹ Шаиков В. Я. Спецпереселенцы на Мурмане. Мурманск: Изд. Мурманского государственного педагогического института, 1993. С.76.

² Шаиков В. Я. Репрессии в СССР против крестьян и судьбы спецпереселенцев Карело-Мурманского края. Мурманск, 2000. С. 92.

«Далеко за круг Полярный
Меж больших огромных скал
Прибыл поезд под конвоем
Разоренных крестьян.
Ветер горный, дождь холодный
Встретил ужасом гостей,
Потащили вниз в палатки
Вещи, старых и детей.

...

Нас невинно осудили
За тяжелые труды.
Поля потом поливали,
Получали с них плоды.
Вот за это преступление
Нас и выслали сюды».

*(Из песни раскулаченных
крестьян-переселенцев)¹*

Людей выгружали в незнакомой холодной местности у грохочущей реки. Жить им предстояло в огромных палатках. Так появился на карте Мурманской области поселок Нивастрой – трудпоселок № 4. Вот как пишет о Кандалакше того времени Константин Паустовский: «... В Кандалакше ослепительные горы закрыли горизонт снежными серебряными куполами. У полотна дороги ревела непрерывным водопадом река Нива с черной прозрачной водой. Среди снегов, как огонь костра в пасмурный день, рвались по ветру красные флаги, и экскаваторы выдыхали высокие струи пара, – разворачивалась панорама строительства мощной гидростанции – Нивастрой». Одновременно с началом строительства ГЭС люди строили жилье – одноэтажные щитовые бараки. Сквозной коридор, огромная кухня, две уборные и по двенадцать жилых комнат с каждой стороны. Поначалу в комнатах также жило несколько семей. Взрослые в основном спали на полу, на кроватях дети и старики.

«Когда приехали на Ниву-2, жить пришлось в палатках, которые были разгорожены на несколько секций, посередине стояла печь-буржуйка. В каж-

¹ Шашков В. Я. Репрессии в СССР против крестьян и судьбы спецпереселенцев Карело-Мурманского края. С. 228.

Маколкина Нина Артамоновна

дой секции жила семья. Туалет был на улице... Мать очень удивлялась, когда получили манку, она глядела на нее и не знала, что с ней делать, впервые увидела эту крупу, в деревне ее не знали» (из воспоминаний Ивановой А. Н.).

«На Ниве-2 первое время жили в палатках. В них стояли нары, ночью на них спали, а днем постель закатывали и тут же ели. Когда построили первые бараки, комнату давали на несколько семей. В 12-метровой комнате жили 13 человек. Бараки были одноэтажные, щитовые, длинный коридор, 12 комнат с одной стороны, 12 с другой. В бараке двери у комнат были одинаковые, дети часто путали свою дверь и матери стали привязывать цветные тряпочки к ручкам дверей» (из воспоминаний Королевой З. А. и Красильниковой А. А.).

«Каждую неделю отмечались в милиции (НКВД) на Ниве-3» (из воспоминаний Маколкиной Н. А.).

«И скоро в одном из барачных комнат нам дали место в комнате. Мы спали на нарах. В комнате стояли две кровати, на них спали дети, взрослые укладывались на полу» (из воспоминаний Ивановой А. Н.).

Спецпереселенцы все прибывали, и вскоре небольшое поселение стало спецпоселком городского типа. «Спецпоселки – это масштабная и стройная система режимных поселений раскулаченных и выселенных семей, управляемых поселковыми и районными спецкомендатурами и отделами спецпоселений ГУЛАГа».¹ Так Советская власть заселяла Север. Я повторюсь, среди спецпереселенцев было много стариков и детей. Вначале, когда они жили в палатках и в перенаселенных бараках, смертность была очень большой. Трудно было выжить в такой атмосфере. Дети умирали из-за холода, недоедания, плохого медобслуживания. «Семьи раскулаченных, особенно дети, испытывали огромные трудности и лишения тогда, когда они прибывали на необжитые земли в огромном количестве. Они оказались в трагической ситуации. Их постоянно преследовали голод, холод, болезни, смерть».²

¹ Шашков В. Я. Репрессии в СССР против крестьян и судьбы спецпереселенцев Карело-Мурманского края. С. 106.

² Шашков В. Я. Спецпереселенцы на Мурмане. С. 56.

Н. А. Маколкина в районе
Нивы-2. Фото 1936 г.

Умирали оторванные от родного дома и потерявшие все старики. Им не было знакомо модное сейчас слово «депрессия», некогда им было думать об этом – работа, домашние дела, уход за малышней занимали весь день, но ночью сердце захватывала тоска по родному дому, краю, по родным могилам.

На кладбище Нивы-2 до сих пор можно найти могилы тех людей. Здесь лежат и мои тети; когда они умерли, им было четыре и три года. И сколько здесь таких могил... Многие уже затерялись, потому что уехали, или умерли, или погибли во время войны все родственники. Дети, лишённые детства, будущего, жизни. Эта земля, эти сосны хранят память о безымянных безвинных жертвах политических репрессий.

Но даже здесь люди не могли чувствовать себя в безопасности.

«Мать была очень религиозна, и в любое свободное время читала Библию, не скрывая это от соседей. Да и скрыть было трудно, жили в палатках, а затем в бараках. Нашелся кто-то и донес начальству. Семью выслали в Мурманск, откуда переправили в Кировск» (из воспоминаний Виссарионовой А. В.).

«По ночам бараки замирали. В любой момент мог появиться “черный ворон”, и тогда раздавался стук в чью-нибудь дверь и кого-то уводили в неизвестность, из которой уведённый больше не возвращался. Остальные вздыхали с облегчением: не к нам. Но утром было трудно и стыдно смотреть даже на ту дверь, из-за которой кого-то забрали. А забирали практически каждую ночь, и люди исчезали неизвестно куда. Это было уже не выселение, не ссылка, а стопроцентный расстрел» (из воспоминаний Королевой З. А.). И так все дни и годы.

Река Нива когда-то была очень бурной и многоводной. Находясь на привокзальной площади, люди порой не слышали друг друга из-за ее грохочущих вод. После ввода в строй гидроэлектростанции, когда воды были отведены в канал, река стала мелководной и достаточно «вкрадчивой». Сейчас даже трудно представить, какое впечатление она производила на людей в то далекое время.

Зоя Андреевна Королева
с братом

ГЭС строилась в труднейших условиях. Во-первых, это наш суровый климат: северное лето очень короткое, а весны и осени практически нет. Большой отрезок времени приходится на зиму. Но в строительстве перерывов не было, да и зачем, ведь рабочая сила не сокращалась, а прибывала. Во-вторых, трудные природные условия. Наша земля – не чернозем и не песок. Практически вручную, вгрызаясь в камень, людям пришлось строить отводной канал и саму станцию. На старых фотографиях видно, что основными орудиями труда строителей были кирки, лопаты, тачки. А предстояло «построить плотину с дамбой общей длиной 548 метров, высотой 13,5 метра, вырыть и забетонировать деривационный канал длиной почти 4,5 км, провести высоковольтную линию передач до Хибиногорска».¹

Вчерашним землепашцам и хлеборобам, рыбакам и охотникам пришлось стать машинистами, мастерами бетонной кладки, электриками и т. д. ГЭС необходимо было сдать к январю 1933 года. Но ошибки, допущенные при проектировании, и авария в июне 1932 года отодвинули сроки окончания строительства. К концу 1933 года были построены: плотина, канал, водосброс, станционный узел. Начался монтаж оборудования. Нивская ГЭС вступила в эксплуатацию 30 июня 1934 года в 19 часов 20 минут. В ознаменование этого 202 спецпереселенца были досрочно восстановлены в правах гражданства. В 1935 году ГЭС посетили А. И. Микоян и А. А. Жданов. В 1936 году накануне принятия Конституции СССР трудпереселенцы были восстановлены в избирательных правах, но должны были остаться в местах спецпоселений, так как паспортов им не выдавали.

¹ Шашков В. Я. Спецпереселенцы в истории Мурманской области. Мурманск: «Максимум», 2004. С. 148.

Валентина Рязина и Анна Рязина (Красильникова)

В 1936 году началось строительство самой крупной станции в Нивском каскаде – Нива ГЭС-3. Эта гидростанция является по своему техническому замыслу уникальной. Ее машинный зал находится на глубине 75 метров под землей.

С началом Великой Отечественной войны строительство было заморожено, возобновлено в 1946 году. Но первыми строителями, начавшими готовить строительную площадку, были именно спецпереселенцы, или, как они в то время назывались, нивастроевцы, строители ГЭС Нива-2. Вначале их привозили на работу рабочим поездом, и для семей, особенно детей, день делился на три части: утром рабочие волной двигались к железной дороге, затем день проходил в учебе, работе и играх, а вечером дети поджидали поезда и встречали своих по дороге домой. Поэтому одновременно с началом строительства ГЭС начали строить поселок Нива-3, предназначенный для строителей и работников гидроэлектростанции. Главная улица была названа в честь знаменитого в то время любимого народом и рано погибшего летчика Валерия Чкалова. Ее пересекали улицы Полярные, их было несколько и, естественно, они именовались 1-я, 2-я, 3-я, 4-я. По южной окраине протянулась аллея, названная в честь Сергея Мироновича Кирова, на которой позднее ему был установлен памятник. На улице Школьный проезд была построена первая школа № 5, в которую ходили и Зоя Андреевна Королева, и Анна Красильникова, а в 1947 году ее закончил мой отец, который потом оказался «врагом народа».

За три года со дня начала строительства была проделана колоссальная работа. Прокладчики тоннелей в труднейших условиях выдали «на гора» кубометры взрывной скалы. Если вам повезет и вы попадете в подземный машинный зал ГЭС-3, то сможете увидеть участок необлицованного подземного коридора, откуда наблюдают за подземной частью канала, и понять весь масштаб трудового подвига тех людей. Им просто приходилось «вгрызаться» в сплошной камень, чтобы прорубить этот канал.

Даже не сидя в тюрьме или лагере, люди не чувствовали себя свободными. Да, они жили в обыкновенных домах, ходили без конвоя, но, не имея паспортов, не могли распоряжаться собой. «Трудпоселенцы и их семьи не имеют права без разрешения комендатуры НКВД отлучаться за пределы поселка, в котором они проживают....».¹

¹ Шашков В. Я. Спецпереселенцы на Мурмане. С. 133.

Королева Зоя Андреевна

Красильникова А.

«Паспортов спецпереселенцы не имели, их стали выдавать только во время войны, а тех, кто имел паспорт, ребяташки между собой называли “вольные”. Так и говорили: “Вольные, вольные идут”» (из воспоминаний Ивановой А. И.).

Когда грянула война, страшное горе и испытание для нашей страны, у спецпереселенцев появилась надежда на лучшее.

«Во время войны родителей стали восстанавливать в правах, сыновья ради этого уходили на фронт добровольцами» (из воспоминаний Маколкиной Н. А.).

Некоторые семьи сослали дальше вглубь страны, как говорили сами вспоминавшие, эвакуировали, но на самом деле просто не хотели, чтобы простаивала рабочая сила, и отправили на строительство другой ГЭС.

«Во время войны, в 1941 году, были сосланы в Казахстан, в Усть-Каменногорск, на строительство гидроэлектростанции на Иртыше. Жили там в землянках. Зимой было очень холодно, сильные

морозы стояли. Как-то раз несла керосин и отморозила руки» (из воспоминаний Маколкиной Н. А.).

Спецпереселенцы, оставшиеся в Кандалакше, продолжали трудиться.

«Войну переживали трудно. Спасал огород да скотинка. Да, да. В то время по нивским пригородам гуляли на выпасе и коровы, и козы, и кони, а уж о курах и говорить не стоит, не было семьи, в сарайках которых не квохтали бы куры да не пели петухи. Днем работали, а потом бежали с девчонками в сопки, собирали ягоду – воронику, которую сдавали в госпиталь. Из нее готовили витаминный напиток для раненых. Как-то весной, почти ночью, стукнул кто-то в окно. Сначала все всполошились, испугались, а голос с улицы позвал: “Зоя! На работу, срочно! Начальник вызывает!” Что случилось? Я собралась и побежала. В закрытом помещении почты собрались только свои, сплошь девчонки да женщины. Сидели, переговариваясь, недоумевая. И услышали: “Идите в лес за елками да сосновыми ветками, будем украшать помещение”. – “А случилось-то что?” – “Тихо, пока никому ни слова, девочки, война кончилась. Победа”. И мы кинулись в лес, где еще лежал снег. Потом

с охапками веток, все в иголках, вернулись и до утра плели гирлянды, украшали портреты вождей. А утром и по радио объявили, что война закончилась, “Победа!” Сколько было радости, народ гулял и день и ночь» (из воспоминаний Королевой З. А.).

Даже после окончания войны, в то время, когда вся страна вздохнула с облегчением, а народ с эйфорией победителей с надеждой смотрел в будущее, они, спецпереселенцы, остались с клеймом невольников.

Детей в то время в поселке было очень много. Ребята из семей спецпереселенцев учились совместно с детьми свободных, не лишенных прав граждан, а вот в дальнейшем их дороги расходились. Последние уезжали поступать в высшие учебные заведения, а первым это было запрещено и приходилось идти работать, в лучшем случае их ждали средние учебные заведения.

«После окончания школы хотела поступить в Петрозаводский медицинский техникум, но не приняли как спецпереселенку. Даже до экзаменов не допустили» (из воспоминаний Ивановой А. И.).

«Уже в начале пятидесятых я поехала в санаторий в Кисловодск. Тогда даже в санатории необходима была временная прописка, и поэтому я сдала паспорт. И вдруг мне сообщают, что меня приглашают в отделение милиции для беседы. Оказывается, их заинтересовало, за что я сидела по статье 58. Я стала объяснять, что была сослана с родителями в семь лет, их как рабочих в правах восстановили, а меня как ребенка забыли, так эта отметка и осталась. Меня выслушали, о чем-то поговорили и разрешили прописаться» (из воспоминаний Королевой З. А.).

Все свои силы, умение, жизнь отдали эти люди для процветания нашего северного края. Но все годы Советской власти скрывали от нас их роль в истории нашего края, да, если сказать честно, и сегодня ее стараются замалчивать.

Были якобы в нашем крае герои – коммунисты, были добровольцы – строители, не было спецпереселенцев. О них никогда не говорят, когда отмечают юбилеи ГЭС, Кандалакшского алюминиевого завода, города. Коротка и неблагодарна человеческая память, особенно память руководителей нашей страны.

А что же оставили нам наши забытые властью бабушки? Перед хрущевскими гонениями на Церковь, которые разрушили то, что сохранило время даже во время войны, бабушки-спецпереселенки успели, в далеких, оторванных от родных мест семьях, приглашая на дом батюшек, крестить своих внуков. Так были крещены я и мой брат, а вместе с нами и другие дети, на

дому бабушкой из села Ковда, который приехал в Кандалакшу по приглашению для совершения таинств. Основы веры нам передать успели, а вот о прошлом своем старались не говорить, не вспоминать, тема эта была запрещенная. Так выросло поколение, у которого нет прошлого. Это наше поколение. Лишь немногие из нас пытались узнать, а что было раньше, кто наши предки, а почему мы оказались здесь. Да вот только узнавать стали поздно, слишком поздно, когда ушли к Господу наши дедушки и бабушки, которые могли бы рассказать правду. Правду по крупицам, по строчкам, по фразам нам приходится добывать у тех, кто был сослан малыми детьми. Но и эти крупички помогают восстановить картину, от которой муторно и пусто на душе. Получается, что мы поколение без прошлого, которое у нас отняли. Отняли основу, на которой зиждется вся человеческая жизнь. Слава Богу, оставили наши бабушки нам свою веру, она и помогает жить и связывать настоящее с прошлым. Вот я как устанавливаю имя какого-то своего предка, так и пишу его в поминальную записку. Пусть ушли под воду их могилы, но для Господа они живы, пусть будут живы и для нас, их потомков.

Библиография

1. *Николай Коняев*. Храм над водами.
2. *Шашков В. Я.* Спецпереселенцы на Мурмане. Мурманск: Изд. Мурманского государственного педагогического института, 1993.
3. *Киселев А. А.* ГУЛАГ на Мурмане. Мурманск, 2008.
4. *Шашков В. Я.* Репрессии в СССР против крестьян и судьбы спецпереселенцев Карело-Мурманского края. Мурманск, 2000.
5. Воспоминания Королевой Зои Андреевны, прихожанки церкви Иоанна Предтечи г. Кандалакша.
6. Воспоминания Красильниковой Анны, прихожанки церкви Иоанна Предтечи г. Кандалакша.
7. Воспоминания Маколкиной Нины Антоновны.
8. Воспоминания Ивановой Анны Ивановны.
9. Воспоминания Виссарионовой Анны Васильевны.
10. Воспоминания Караваевой Анны Филипповны.

Жизнь Глаголевых – свидетельство верности Христу

ЗАЛЕВСКИЙ Вадим Евгеньевич, директор
ТОВ «Часопис» издательства
«Дух и литера», г. Киев, Украина

Книжный знак серии
«Свидетели правды»

Одним из направлений деятельности киевского издательства «Дух и литера», которое я имею честь представлять на Феодоритских чтениях, посвященных мученикам XX века, является сбор и издание материалов, связанных с именами киевских подвижников XX века. Ради этого была инициирована книжная серия под общим названием «Свидетели правды». Началась серия с издания книги «Купина неопалимая» – текстов о. Александра Глаголева, которого, также как и его сына, о. Алексея Глаголева, мы особо чтим в силу одного простого и для нас отрадного обстоятельства. Дело в том, что само место наших трудов неразрывно связано с их памятью. Это дом на углу улиц Волошской и Ильинской, ныне 5-й корпус возрожденной в 1992 году Киево-Могилянской академии. А в начале XX века этот дом назывался «профессорским», так как в нем жила профессура Киевской

Памятная доска

Открытие памятной доски на стене Киево-Могилянской академии

Духовной академии, в том числе и семья Глаголевых. 30 января 2002 года на стене этого дома была установлена мемориальная плита, надпись на которой гласит, что в семье известного ученого, профессора и ректора КДА протоиерея Александра Глаголева, замученного в 1937 году, 2 июля 1901 года родился сын Алексей Глаголев, будущий праведник мира.

С бронзовой доски смотрят на нас лики двух священников – отца и сына, память о которых сегодня жива у многих киевлян, несмотря на десятилетия официального запрета на всякое упоминание о них, ибо они всей своей жизнью явили образ верности Христу и засвидетельствовали подлинную человечность, христианскую любовь к ближнему, явленную в самых бесчеловечных обстоятельствах.

Три четверти ушедшего трагического века охвачены жизнью, трудами и служением этих двух человек, воспринявших в свою жизнь дар священнического служения и оставшихся верными ему до конца своих дней. Кратко рассмотрим в вехи их жизненного пути, в то, как потрясения и испытания трагического XX века, выпавшие на долю современников, особым образом отразились в их личной жизненной судьбе.

О. АЛЕКСАНДР

О. Александр Глаголев был, пожалуй, одним из самых известных киевских священников за последнюю столетнюю историю города. Именно он стал прототипом отца Александра, героя романа Михаила Булгакова «Белая гвардия».

Протоиерей Александр Глаголев
(1872–1937)

дия», единственного персонажа, выведенного под собственным именем, как священника храма Николы Доброго. Кратко процитирую слова, принадлежащие герою романа:

*«Тяжкое, тяжкое время, что говорить, – про-
бормотал он, – но унывать-то не следует... – Уны-
ния допускать нельзя, – конфузливо, но как-то
очень убедительно проговорил он. – Большой грех –
уныние... Хотя кажется мне, что испытания бу-
дут еще. Как же, как же, большие испытания, – он
говорил все увереннее».*

Эти слова, приведенные Михаилом Афанасьевичем в романе, как он пишет в своих дневниках, исходя из личного опыта общения с Глаголевым, могут служить эпиграфом и к жизни самого о. Александра.

Родился он в 1872 году в Тульской губернии, в семье священника. В 1898 году окончил Киевскую Духовную академию со степенью кандидата богословия, а в 1900 году защитил докторскую диссертацию по теме *«Ветхозаветное Библейское учение об Ангелах»* и как сформировавшийся и уже известный библиист и гебраист возглавил в Академии кафедру Ветхого Завета. Именно в это время он записал следующее: *«Нужны нам более всего силы благодатные к следованию путем добродетели и святости – путем тесноты, скорби и страданий, столь чувственных для телесной стороны существа нашего, столь невыносимых для обыденной жизни нашей»*. 28-летний Александр Глаголев определенно уже видел «тесный путь», которым пройдут в XX столетии сотни и тысячи мучеников. Несомненно, и сам Александр Глаголев готов был пройти этим путем до конца.

Научно-богословскую и преподавательскую деятельность он вел до самых последних дней существования академии. С его именем связаны уникальные по своему содержанию научные исследования в области библиистики, библейской археологии и гебраистики. Но это был человек, органично соединявший глубокие познания с личным духовно-нравственным опытом. Еще на заре XX века ему довелось проявить подлинное мужество. Так, осенью 1905 года, будучи уже священником, во время начавшегося еврейского погрома в Киеве о. Александр, в полном облачении, с крестом в руках, выходит крестным ходом вместе со своими верными прихожанами навстречу

Зинаида и Александр
Глаголевы. Фото 1890-е гг.

разъяренной человеческой толпе и останавливает ее, увещевая не заниматься злым, нехристианским делом.

В 1909 году священник публикует работу «Ветхий Завет и его непреходящее значение в Христианской Церкви», в которой резко критикует попытки антисемитски настроенных авторов дискредитировать Пятикнижие.

Всероссийскую известность протоиерей Александр получил, когда был привлечен в качестве эксперта по известнейшему делу Бейлиса, обвиненного в ритуальном убийстве русского мальчика, и авторитетно засвидетельствовал, опираясь на глубокое знание еврейской традиции, полную абсурдность обвинений. Именно заключения о. Александра Глаголева легли в основу оправдательного приговора невинно осужденного человека. Почти через 10 лет, в 1922 году, на другом суде, над петроградским митрополитом Вениа-

мином (Казанским), человеком святой жизни, обвиненном в сопротивлении распоряжениям Советской власти, его адвокат Гурович заявит красным судьям, что он, еврей, счастлив засвидетельствовать уважение к русскому духовенству, отстаившему в лице священника Александра Глаголева правду на киевском процессе.

Священническое служение о. Александра было связано с храмом Николы Доброго на Подоле, в котором он проводил практически все свое время, ежедневно совершая богослужения. Замечательный дар проповедника и пастыря отовсюду привлекает к о. Александру сердца, ищущие «единого на потребу». Сохранился ряд свидетельств об о. Александре как о духовном пастыре. Одно из самых известных принадлежит перу священника Сергия Сидорова, который свои «Записки», книгу о встречах с замечательными иерархами и подвижниками Русской Церкви, открывает главой, посвященной именно о. Александру Глаголеву. Приведем два небольших фрагмента из его воспоминаний. Первое посвящено его первой встрече с о. Александром:

«В храм вошел небольшого роста священник с длинными прядями волос, слегка согбенный. Его лицо озарял особый свет. Он как бы ушел в радость молитвы и мира. Я не разглядел сразу черт его лица, но эта радость тихого мира сразу привлекла меня к нему. Священник подходил к ликам святых и просил у них молитвы. Он, кланяясь ликам, как бы брал у них благословение. Я никогда и ни у кого не видел такого яркого восприятия иного мира, как у него. Мне ясно стало, что в храме все живо, и образа глянули на меня живыми глазами. Я подошел под благословение к священнику. Он назвал себя. Это был отец Александр Глаголев».¹

Вспоминая празднование 30-летнего юбилея ученой деятельности о. Александра, о. Сергей приводит большой список собравшихся, отражающий необычайную широту человеколюбия юбиляра:

«Храм Доброго Николы был переполнен депутациями и молящимися. Литургию служило пятьдесят священников, возглавлял протоиерей Корольков, старейший профессор Киевской Духовной академии. Серебряной линией вытянулось духовенство во время молебна, более ста иереев – почитателей и друзей отца Александра молились с ним. Были все находящиеся в Киеве епископы, пел прекрасный хор. Католические патеры в лиловых султанах, протестантские пасторы, муллы, раввины, профессора и нищие, юноши и торговки подольские, студенты и крестьяне пригородных сел – все собра-

¹ Протоиерей Александр Глаголев // Записки священника Сергия Сидорова. М.: 1999. С. 7.

Церковь Николая Доброго
и фото о. Александра

лись в этот день выразить юбиляру любовь и уважение. Депутации говорили ему о его научных заслугах, указывали на стойкость его убеждений, но главное – преклонялись перед его безграничной любовью к людям».¹

Еще в 1912 году о. Александр записывает и публикует свою проповедь, произнесенную им во время пятничного богослужения на 3-й седмице Великого поста и посвященную крестному пути Христа Спасителя и Его последователей. Благодаря этому текст проповеди сохранился и был, наряду с другими, включен в книгу «Купина Неопалимая». Остановимся подробнее на тексте этой проповеди, т. к., вчитываясь сегодня в ее проникновенные строки, мы открываем для себя подлинный внутренний источник мужества и сил, которые помогли о. Александру перенести пришедшие в дальнейшем испытания.

В самом начале проповеди о. Александр отмечает, что история и картина страданий нашего Господа нигде не может быть воспроизведена с такой живостью, как во святом граде Иерусалиме, где «каждое место способно будить в душе христианина целый рой священных воспоминаний о последних днях и часах земной жизни Господа Иисуса Христа. Таков в особенности так называемый Страстной, или Крестный, путь, т. е. улица, по которой должен был идти Спаситель после осуждения от претории Пилата до Голгофы. Благочестивое предание не только указывает и определяет направление Страстного пути Господа, но и отмечает с великой подробностью отдельные места на этом

¹ Там же. С. 9.

пути, числом четырнадцать, которые были ознаменованы теми или иными событиями во время шествия Христа Спасителя на вольную смерть ...»¹

Тут уместно вспомнить, что за год до произнесения этой проповеди о. Александр Глаголев руководил паломнической экскурсией на Святую Землю студентов Киевской Духовной академии и оставил прекрасное описание всех посещенных мест, переизданное издательством «Дух и литера» и вошедшее в книгу «По святым местам: от Киева до Иерусалима».² Его перу принадлежит и очерк «Иерусалим», также вошедший в эту книгу. Оба текста отражают очень конкретное, глубокое и всестороннее знание о. Александром описываемых мест.

О. Александр говорит далее, что Крестный путь является символом всего искупительного служения Господа, т. к. крестоношение у Господа было делом целой Его жизни, начавшись от вертепа и яслей Вифлеемских и продолжаясь во все течение Его земной жизни. «Шествие по Страстному пути есть лишь завершение и как бы сокращение всего целожизненного крестоношения Подвигоположника нашей веры и нашего спасения. В этом и заключается тайна “Слова крестного”, всегда, на вечные времена воскрешающего в нашей душе образ величайшего, несравненного Страдальца – Богочеловека. И эта тайна полна неисчерпаемой благодатной силы и всегда способна производить всеисцеляющее действие на душу христианина при условии следования его за Христом по пути крестному».³

И, наконец, о. Александр выражает ключевую мысль: «Крестный путь Христа Спасителя должен отражаться и в жизненном пути каждого христианина: и жизнь верного последователя Христова тоже должна быть своего рода крестным путем – от колыбели до гроба».⁴

Слово и дело о. Александра Глаголева всегда были в неразрывном единстве. Сам он до последних своих дней и был таким верным последователем Христовым.

В первый раз о. Александр был арестован в 1931 году. Находясь в Лукьяновской тюрьме, уже в немолодом возрасте, он не терял расположения духа.

¹ Слово в пяток третьей седмицы Великого поста, при воспоминании страстей Христовых. Крестный путь Христа Спасителя и Его последователей // Священник Александр Глаголев. Купина Неопалимая. К.: Дух и литера, 2002. С. 42.

² По святым местам: от Киева до Иерусалима / Под ред. А. А. Глаголева. К.: Дух и литера, 2005.

³ Слово в пяток третьей седмицы Великого поста, при воспоминании страстей Христовых. Крестный путь Христа Спасителя и Его последователей // Священник Александр Глаголев. Купина Неопалимая. К.: Дух и литера, 2002. С. 44.

⁴ Там же. С. 44.

На могиле о. Александра

Даже в тюремной обстановке не иссякает запас его доброжелательности. На этот раз Глаголеву повезло – его выпустили. Но жизнь становилась все суровее. Сначала уплотнения, потом – выселения. Последнее убежище семьи Глаголевых – лестничная клетка колокольни, на которой они смастерили нечто наподобие комнатки с маленьким оконцем (из мебели были стол и большой сундук, на котором батюшка отдыхал в перерывах между службами). Еду готовили прямо на ступеньках, на керосинке. Но и сюда потоком идут люди за моральной поддержкой, утешением, помощью. Испытывая тяжелейшие превратности судьбы в предвидении своего близкого конца, о. Александр не оставлял главного дела своей жизни – молился, творил добро, приносил людям утешение.

Второй раз его арестовали в 1937-м. Этого кроткого, смиренного и добрейшего человека, противника всякого зла и насилия, обвинили в подготовке вооруженного восстания. Невозможно умолчать о последних его днях. По свидетельству сидевшего с ним в Лукьяновской тюрьме священника Кондрата Кравченко, 65-летнего священника за месяц с небольшим 18 раз подвергли жесточайшей пытке, но он ничего не подписал. 25 ноября, во время очередного допроса, он умер (согласно материалам дела, от сердечной недостаточности). Мучители делали все, чтобы скрыть информацию о своих жертвах. Намного позже об этом напишет внучка святого, Магдалина Алексеевна: «Мой отец (о. Алексей Глаголев) объяснял, что великомученики среди других христианских мучеников называются так потому, что их не только много мучили, но, умирая в коллизиях, на площадях, они воздействовали своим примером на других, и те, в свою очередь, принимали мученическую смерть. У наших мучеников не было свидетелей. Они были лицом к лицу со своими мучителями. Поэтому о них нужно говорить не ради них, а ради живых, подвигая их на добро».¹

¹ Магдалина Алексеевна Глаголева-Пальян. Воспоминания об отце Александре и отце Алексее Глаголевых и их окружении // Священник Александр Глаголев. Купина Неопалимая. К.: Дух и литера, 2002. С. 261.

О. АЛЕКСЕЙ

Алексей Глаголев

В годы сталинских репрессий были истреблены и брошены в лагеря сотни лучших пастырей Киева, в том числе и ближайший друг о. Александра Глаголева, духовник всех киевских священников, прот. Михаил Едлинский. Но их близкие, друзья, ученики не сгнули в одночасье, их семьи не исчезли в 1937 году.

Прямым продолжателем жизненного дела о. Александра стал его старший сын Алексей Александрович. Неудивительно, что, обитая в церковно-профессорском кругу с его своеобразной атмосферой, Алексей Глаголев впитал в себя ее лучшие благодатные веяния: трезвую ученость и ясную веру. И, конечно, с детских лет наблюдая сосредоточенную вдохновенную молитву своего отца, он не мог не видеть в этом служении высочайшее назначение человека на земле. Большое влияние на формирование Алексея оказали также еще два известнейших киевских пастыря пореволюционных лет. Первый – архимандрит Спиридон Кисляков, побывавший до революции на Афоне, затем много лет проповедовавший в Сибири. Его слово проникало вглубь самых ожесточенных сердец преступников, отбывавших каторгу. В Киеве о. Спиридон основал общину Иисуса Сладчайшего для бедняков, рабочих и просто изгоев, отверженных всеми людьми. Второй пастырь, оказавший глубокое влияние на Алексея Глаголева, – будущий новомученик, священник Анатолий Жураковский, объ-

О. Алексей Глаголев

единивший столичную интеллигенцию и студенческую молодежь, в общину которого он и входил. Оба эти пастыря стремились возродить древнехристианский образ жизни, сохранить свободу и высокое достоинство Православной Церкви. С этого времени целью жизни Алексея стало священство, но поначалу, внимая просьбе отца подождать до 40 лет, он отложил принятие этого служения.

Принадлежа к поколению последних выпускников Киевской Духовной академии, имея прекрасное образование, зная несколько европейских языков, Алексей, в силу своего происхождения, не

О. Алексей с женой и детьми

мог устроиться на работу. Более того, в 1932 году его арестовали и две недели продержали в заключении, но за неимением достаточных доказательств обвинение с Алексея сняли. Однако как сын служителя культа он был лишен права голоса, что давало ему возможность работать только на принудительных, неквалифицированных работах. При этом власть безбожников подвергла его вместе с ближайшим другом Георгием, сыном уже упомянутого прот. Михаила Еддинского, публичному остракизму, проведя их по центральным улицам города с табличками на груди: «*Дети врагов народа*».

Несмотря на тяжелое материальное положение своей семьи, на стесненные условия жизни (вместе с женой и двумя маленькими детьми после выселения в 1930 году из священнического дома он ютился то в сыром глубоком подвале, то в холодных комнатах неотопляемого дома), несмотря на все это Алексей всегда производил впечатление счастливого человека – необыкновенно светлого, жизнелюбивого, который шутил, не унывал и был добродушен со всеми (даже с теми, кто писал на него доносы). Но имея мягкий характер и обладая удивительным добросердечием, он, однако, был тверд и непреклонен, когда дело касалось принципиальных вопросов веры. Вовсе не отличаясь физической силой, будучи даже слабым, по виду хрупким интеллигентом в очках, он имел непоказное бесстрашие. На виду у всех Алексей в 1936 году нес на себе по улицам Подола крест, сброшенный с купола церкви Николая Доброго, и, несмотря на неоднократные угрозы, хранил его (как иконы и все вещи отца) у себя дома. Много раз воинствующие атеисты врываются к нему и требовали снять образ Христа Спасителя в терновом венце, установленный в окне, но он был непреклонен. Все, что он делал против общественного

Проповедь в храме

мнения, он делал сам, без громких слов, никого не агитируя, своими действиями утверждая свое отношение к настоящим ценностям.

Четыре года спустя после гибели отца в Лукьяновской тюрьме, как только это стало возможным, Алексей Глаголев по благословию схиархимандрита Антония Абашидзе принимает крест священнического служения. Это произошло в октябре 1941 года в уже оккупированном немцами г. Кременце, на сороковом году жизни, как того и хотел его отец. Возвращаясь в Киев, он добивается открытия двух храмов – святого мученика Иоанна Воина на Подоле и храма святой великомученицы Варвары.

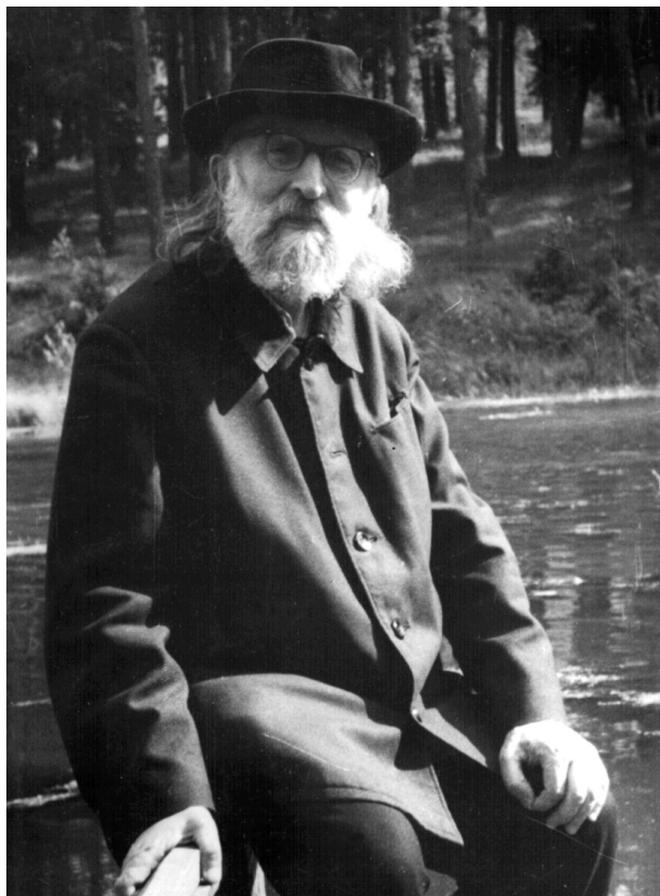
Когда в апреле 1942 года оккупационной властью в Киеве всем священникам был отдан приказ отслужить молебен в честь дня рождения Гитлера, единственным священником, осмелившимся не выполнить его, был о. Алексей.

И вновь мы не можем не вспомнить еще одну трагическую страницу из жизни еврейского населения Киева, символом которой стало урочище Бабий Яр – место, в котором проводились массовые расстрелы евреев. Следуя благородному примеру своего отца, с опасностью для жизни всей своей семьи, о. Алексей и его жена Татьяна Павловна приложили много сил и мудрости для спасения многих и многих преследуемых. «Какие же мы христиане, если не протянем руку помощи людям, которые терпят нужду, которым угрожает гибель», – так просто говорили они.

Несколько раз о. Алексей был жестоко избит гитлеровцами, однажды даже отправлен вместе с сыном в товарных вагонах в Германию, но им удалось, собравшись с последними силами, сбежать на одном из полустанков и вернуться в Киев.

Не станем подробно останавливаться на послевоенных годах пастырского служения о. Алексея, на испытаниях, выпавших в годы хрущевских гонений на Церковь. Отметим лишь, что, несмотря на множество злоключений, которые ему пришлось пережить, о. Алексей всегда был удивительно незлопамятен и хорошо относился ко всем, даже и к тем, кто обижал его и преследовал. Многие, впоследствии раскаявшись, приходили просить у него прощения. О. Алексей часто болел, перенес шесть тяжелых внутриполостных операций. 23 января 1972 года о. Алексей преставился ко Господу.

Протоиерей Алексей
Глаголев (1901–1972)

* * *

Подводя итог, мы можем сказать, что священническая династия Глаголевых в лице о. Александра и его сына – о. Алексея, их жизненный путь являют нам образ смиренной верности Христу и Его призванию вопреки всем веяниям времени, а также свидетельствуют о подлинной, глубочайшей человечности, выражающейся в деятельной любви к каждому человеку вне зависимости от его убеждений, вероисповедания, национальности, социального статуса, в сострадании к гонимым и нуждающимся. Они не были миссионерами, но своим образом жизни, своим милосердием к людям располагали окружающих ко Христу. Тем более драгоценно это свидетельство, что было явлено оно во времена неслыханного идеологического и физического насилия над человеческой жизнью, разрушения элементарных основ естественных взаимоотношений между людьми.

В завершение вновь обратимся к слову о. Александра Глаголева о крестном пути Спасителя и Его последователей, в котором мы, современные христиане, можем слышать голос мудрого пастыря, обращенный и к нам, живущим уже совсем в иных условиях.

«Ныне, братие, нет – по крайней мере, в нашем православном отечестве, – открытых гонений и преследований за веру и закон Христов. Но жизнь духа человека в своих глубочайших основах всегда одинакова. И мы должны, братие, помнить, что кроме внешних и грубо-насильственных искушений для нашей веры, отошедших теперь в область преданий, существует немало внутренних и более тонких искушений – главным образом, со стороны нашей собственной греховной природы, а затем – и от растлевающего влияния окружающей среды. Наши мысли и чувства, стремления и намерения окутаны столь густою паутиною грехов и пороков, что для обновления и возрождения нашего неизбежно требуется огненное очищение нашей духовно-телесной природы. Если уже ветхозаветный мудрец наставляет, что для приступающего служить Господу необходимо подготовить душу свою к искушению и к мужественному несению страданий, *«ибо золото испытывается в огне, а люди, угодные Богу, в горниле уничижения»* (Сир. 2, 1–2, 5), то тем более это должно иметь место в высшем новозаветном законе христианского совершенства. Лишь выстраданная истина, выстраданное нравственное благо имеют надежду оказаться истинною ценностью и в очах Божиих; явиться на всеиспытующем суде Божиим не деревом, сеном, соломою, а золотом, серебром, драгоценными камнями (1 Кор. 3, 12)».¹

¹ Слово в пяток третьей седмицы Великого поста, при воспоминании страстей Христовых. Крестный путь Христа Спасителя и Его последователей // Священник Александр Глаголев. Купина Неопалимая. К.: Дух и литера, 2002. С. 46-47.

Священномученик Варсонофий (Лебедев), епископ Кирилловский, и преподобномуче- ница Серафима (Сулимова), игуменья Ферапонтова монастыря. Исповедание веры

*НИКОЛЬСКИЙ Евгений Владимирович,
кандидат филологических наук, профессор
Российского Православного университета
имени Иоанна Богослова, г. Москва*

Октябрь 1917 года начал новую эпоху в истории Русской Православной Церкви – эпоху мученическую.

Новая власть не скрывала своих богоборческих целей. Уже в январе 1918 года был опубликован декрет об отделении Церкви от государства и переходе всего церковного имущества в собственность государства. Не замедлило и исполнение декрета.

27 февраля по требованию Кирилловского исполкома была произведена опись монастырского имущества. Было очевидно, что это начало посягательства новой власти на церковное достояние. 8 апреля приходской совет Ферапонтова монастыря с участием игуменьи Серафимы, предвидя возможность изъятия церковных ценностей, принял

постановление: «Все дела, касающиеся прихода и монастыря, должны решаться непременно через приходской совет... Никаких лиц, как частных, так и официальных, приезжающих в приходской Ферапонтов монастырь как для осмотра, так и для других целей, без уполномоченных приходского церковного совета не допускать» (II.1.221).

В мае 1918 года вновь должна была приехать комиссия Кирилловского исполкома, чтобы заново произвести опись ризницы и всего церковного имущества в Ферапонтовом монастыре.

6 мая после воскресной службы настоятельница обратилась к монастырскому священнику о. Иоанну Иванову с просьбой объявить прихожанам о готовящемся приезде комиссии. На проповеди священник обратился к народу:

– Православные! Сегодня или завтра к нам приедут какие-то люди производить опись монастырского имущества, но опись уже была произведена советом; допускать или не допускать их – ваше дело, но в случае, если будут обижать Церковь и сестер, – защитите.

Прихожане в ответ заявили:

– Оповестите нас или звоните, когда приедут, мы все придем и не дадим!

В тот же день во время всенощной в седьмом часу вечера в монастырь прибыло четверо членов комиссии, которые сразу потребовали настоятельницу, заявив, что приехали описывать церковное имущество, намереваясь тут же приступить к делу.

– Против описи ничего не имею, – ответила игумения, – но должна уведомить председателя приходского совета и уполномоченных...

Игумении удалось уговорить их приступить к описи на другой день с утра. Мать Серафима тут же послала за председателем приходского совета Кочуровым. Весть о прибытии комиссии в монастырь тут же разнеслась по всему селу. Перед монастырем стали собираться крестьяне, возмущенные действиями комиссаров.

Настоятельница пыталась успокоить народ:

– Комиссия только снимет копию с нашей описи и завтра же уедет.

– Не допустим описи! Не допустим их ночевать при монастыре!

Крестьяне подняли шум и стали выгонять из монастыря приехавших членов комиссии, употребляя при этом кулаки и поленья.

В это время в храме продолжалась вечерняя служба. Монастырский священник Иоанн Иванов, несмотря на шум и возникшую суматоху на монастырском дворе, не останавливал службы, тем не менее, не выдержав, он

Варсонофий (Лебедев),
епископ Кирилловский –
новомученик Церкви Русской

громко сказал в храме: «У Бога – вечность, у Бога – красота! А весь этот шум, все это – временное и преходящее».

Тем временем крестьяне поймали одного из членов комиссии. Остальные три члена поспешно бежали в сторону леса, им вдогонку кто-то несколько раз выстрелил. Когда о. Иоанн вышел из храма и увидел, что над пойманным готовится расправа, вступился за него. Несмотря на это, в Кирилловский совет депутатов сообщили о том, что изгнание комиссаров было вызвано антисоветской агитацией священника.

9 мая, в день празднования святителя Николая, о. Иоанн после крестного хода в соседнюю деревню Емишево вернулся вечером домой, где был арестован отрядом вооруженных красногвардейцев, прибывшим из Кириллова. При аресте его несколько раз ударили, не разрешили надеть теплую одежду. Он вышел в легкой рясе с иерейским крестом на груди.

Дорогой в телеге красноармейцы предложили священнику отречься от Бога, обещая взамен оставить его живым. Батюшка исповедал свою веру в Христа Спасителя, был заключен в кирилловскую тюрьму, ему предъявили обвинение в призыве народа к расправе над комиссией.

12 мая игуменую Серафиму вызвали в Кириллов в исполком для допроса и арестовали. Ее обвинили подстрекательстве к возмущению крестьян.

Накануне к ней явились около сорока крестьян и потребовали ключи от всех монастырских кладовых. Получив ключи, они пошли вместе с комиссаром осматривать кладовые. Нашли шестнадцать мешков овса, пятнадцать мешков ржи, которые тут же «реквизировали».

На другой день опять пришла толпа народа, возбужденная против обители комиссарами, и начала разграбление обители: ходили по кельям, забирали муку, даже сухари, взламывали сундуки, крали деньги, утварь, оскорбляли сестер. Грабеж продолжался два дня, привлекая новых мужиков возможностью дешевой поживы.

29 мая был спровоцирован еще один грабеж обители. Разгоряченные молодые парни, недавно вернувшиеся с фронта, угрожая сестрам, приказали им выселиться. В монастыре осталось восемь сестер. Грабители не оставили в обители ни зернышка хлеба.

Игуменя Серафима –
новомученица Церкви Русской

Лето пролетело в обычных делах и заботах, а осень для матери Серафимы стало временем «жатвы кровавой». Вместе с ней пострадал за Христа и епископ Кирилловский Варсонофий. 1/14 сентября Владыка был арестован.

В этот субботний день церковного Новолетия он вместе с археологом Александром Ивановичем Анисимовым¹ посетил Горицкий монастырь. На обратном пути Владыка спешил на всенощную в Кирило-Белозерский монастырь. За четыре версты до Кириллова за Богатырским полем владыку встретили два красноармейца, которые предъявили ему бумагу, где было написано: «Епископа Варсонофия предписывается арестовать и доставить в тюрьму». Владыку уже несколько часов разыскивал карательный отряд красноармейцев, прибывший из Череповца.

В день казни отряд палачей из двадцати и четырех мирян вывел его из тюрьмы и повел по направлению к Горицам. Вместе с епископом и игуменией были приговорены к расстрелу Николай Бурлаков, Анатолий Барашков, Михаил Трубников, Филипп Марышев.

В это время в Кирилловском монастыре началась ранняя Литургия. Владыка Варсонофий попросил дозволить ему причаститься Святых Таин на службе. Красноармейцы грубо отказали. Проходя мимо подворья Филиппо-Ирапского монастыря, находившегося недалеко от Кирилловской обители, Владыка поднял руку, чтобы помолиться на образ преподобного Филиппа на Святых вратах. Конвоир ударил его по руке прикладом ружья. Епископ ускорил шаг, услышав за спиной шуточки конвойных: «Не торопись, успеешь попасть в Царство Небесное».

Дорога пролегла по древнему пути, по которому сюда пришел еще сам преподобный Кирилл. Впереди шел архиерей в клобуке с посохом в руке, почти вровень с ним игуменья Серафима, за ними мирские. Владыка Варсонофий шел уверенно и торжественно, сознавая, что наступил решительный час призвания Божьего и он восходит на Голгофу.

Игуменья Серафима не могла поверить тому, что их ведут на расстрел

¹ Позже А. И. Анисимов и сам попал в число страдальцев, он был арестован органами НКВД и отправлен на Соловки, где в 1937 году его расстреляли.

без суда и следствия. Она думала, что их ведут на пристань в Горицы, чтобы отправить на пароходе в Череповец.

Старая горицкая дорога проходила рядом с монастырем по берегу Сиверского озера. Медленно шли узники, сопровождаемые конвоем. Благодатная молитвенная тишина, мир Христов сходил в души. Потянулась слева кромка воды. Так дошли до верстового столба, на котором было обозначено, что до Гориц осталось пять верст, а до Кириллова две. Здесь каратели приказали остановиться и свернуть с дороги направо.

Сомнений ни у кого не оставалось – ведут расстреливать.

– Вот и наша Голгофа, – сказал святитель Варсонофий игумении Серафиме, глядя на гору Золотуха.

Матушка Серафима покачнулась. Владыка подал ей руку и поддержал:

– Матушка, приободришься. Ты – лицо духовное, нам надо на смерть идти, не боясь, как на брачный пир, с веселием. Наступит время, когда нам с тобой завидовать будут.

Твердые слова Владыки благодатно подействовали на душу игумении, она овладела собой и со спокойным лицом стала восходить на гору Золотуху.

Приговоренных поставили у подножия горы, спиной к Кириллову монастырю. Матушка Серафима стояла рядом с Владыкой слева.

Один из приговоренных к расстрелу мирян стал резко выражаться в адрес палачей. Святитель остановил его: «По примеру Спасителя нам нужно всем все простить; в иную жизнь мы должны перейти в мире со всеми».

Игумения Серафима по монастырскому уставу имела обыкновение испрашивать прощение у своих сестер, земно кланяясь друг другу: «Простите меня, окаянную». В этот момент, глядя своим убийцам в лицо, она тихо произнесла обычные слова: «Простите меня, окаянную». Убийцам послышалось, будто игумения их называет окаянными. Тут же раздались выстрелы, и мученица упала на землю.

Затем палачи стали стрелять в мирян. После пяти залпов все мученики были убиты. Остался стоять только Владыка Варсонофий. Он продолжал молиться с воздетыми к небу руками. «Да опусти ты руки!» – кричал один из палачей. Святитель читал отходную по всем убиенным. Когда он произнес «Аминь», опустил руки и сказал: «Я кончил, кончайте и вы...»

С этими словами он повернулся к родной обители и благословил ее. Каратели подошли вплотную к архиерею и в упор выстрелили в него. Владыка упал на землю бездыханным.

Могилу мученикам заставили копать купцов.

Владыка лежал на земле лицом к небу, глаза были закрыты, руки и ноги согнуты, на голове был архиерейский клобук.

В могилу тела мучеников положили с осторожностью и бережностью: первым Владыку Варсонофия, ближе к монастырю, затем тело Николая Бурлакова, за ним – игуменю Серафиму, в ногах тела Анатолия Барашкова и Филиппа Марышева.

На рассвете 15 сентября жители Кириллова услышали выстрелы со стороны Золотухи. Многие устремились к месту трагедии. Палачи встречным людям говорили с насмешкой: «Бегите, бегите! Ваш воскрес! Через три года мощами объявится».

В тот же день братия монастыря во главе с наместником игуменом Феодоритом обратилась к властям с просьбой о разрешении по-христиански похоронить Владыку в монастыре. Власти сначала разрешили перенести тело епископа в ночь на 16 сентября, с четырех до шести утра. Когда монахини начали раскапывать могилу, неожиданно появились красноармейцы, стали стрелять в воздух и требовать, чтобы могила была зарыта. На письменное разрешение о перезахоронении, подписанное Волковым, которое показала братия, красноармейцы отвечали: «Мы всех волков перестреляем. Что нам исполнительный комитет!» Могила по их требованию была вновь зарыта.

На следующий день братия вновь получила разрешение в ночь на 17 сентября до шести часов утра перезахоронить тело Владыки Варсонофия и игуменни Серафимы с убиенными. Но и на этот раз в пять часов утра явились представители власти и вновь запретили раскапывать могилу.

В этот же день в обители преподобного Кирилла при закрытых Святых вратах епископ Мисаил (Крылов), проживавший на покое, совершил заочное отпевание убиенных.

Сразу после расстрела наместник Кирилло-Белозерского монастыря игумен Феодорит послал епископу Тихвинскому Алексию (Симанскому), викарному архиерею Новгородской епархии, телеграмму с сообщением о происшедших трагических событиях. В ответ была получена телеграмма из Новгородской епархии: «Испросите тело Владыки, перенесите в храм и ожидайте распоряжений; донесите подробно об обстоятельствах».

20 сентября в Новгороде состоялось заседание епархиального совета под председательством епископа Алексия, на котором было одобрено обращение епископа Алексия:

«Совершилась воля Божия о Преосвященном Варсонофии. В награду за

его благочестивую жизнь, за его усердие и твердость в несении иноческого подвига, за его кротость и незлобие и вместе ревность о Церкви Христовой дана ему от Господа величайшая награда еще здесь на земле, – удостоиться части избранных и сподобиться венца мученического. Житие его было честно и успение со святыми. Преклонимся пред неисповедимыми судьбами Божиими и, скорбя об утрате приснопамятного Владыки, возблагодарим Бога за то, что и в наши дни в назидание нам Он воздвигает светильников веры и благочестия. ... Взирая на скончание жителства его, да подражаем вере его».

23 сентября, на девятый день кончины кирилловских мучеников, в новгородском Софийском соборе была отслужена зауспокойная Литургия. Перед панихидой епископ Алексей обратился к молящимся со словом, посвященным памяти святителя-мученика и с ним пострадавших.

Послесловие

Свидетелями происшедшего оказались реставраторы древнерусской живописи, члены северной экспедиции, направленной в Белозерье.

Через несколько дней А. И. Анисимов написал И. Э. Грабарю о положении в Горицком монастыре: «На днях я снова был в Горицах и застал там великую панику <...> арестовали епископа и доставили в тюрьму, располагавшуюся в полуверсте от монастыря.

Здесь, в тюрьме, епископ Варсонофий встретил игумению Серафиму и других арестованных. Узники сознавали, что время и законы такие, что их могут расстрелять. Владыка на это сказал:

– Я не боюсь насильственной смерти, но я не смею думать, чтобы Господь нашел меня достойным мученической кончины.

Всю ночь Владыка в камере молился, совершал свою последнюю всенощную.

На следующий день, в воскресенье 2/15 сентября рано утром около пяти часов епископа Варсонофия, игумению Серафиму вывели из тюрьмы.

15 сентября 1918 года на рассвете были расстреляны епископ Кирилловский Варсонофий и игумения Ферапонтова монастыря Серафима. Расстрел произвели присланные из Череповца красноармейцы. Стреляли в спину. ... Это убийство было неожиданным не только для населения, но и для местного совдепа, члены коего говорят, что не они виновны в этой смерти и что последняя легла на них тяжестью. За те недели две, что я здесь, я не замечал со стороны Варсонофия какого-либо вмешательства в политику: он занят

был только церковными делами, хозяйством монастыря и был всегда прост, ровен и внимателен к запросам и требованиям местного совдепа. Уже две ночи подряд последний дает разрешение на вырытие тела епископа, игуменнии и остальных убитых из ямы, куда они были брошены, и две ночи подряд являются череповецкие красноармейцы и, отменяя разрешение совдепа своими силами, заставляют вновь закапывать трупы. Оба великих монастыря являются сейчас лишенными какой-либо власти и руководящего заведывания, что не может не тревожить меня в крайней степени».

Об общей атмосфере тех дней в уезде у членов северной экспедиции сложились самые мрачные впечатления: «Жизнь здесь, и раньше невеселая, превратилась в какой-то кошмар: чувствуешь себя запертым в тесный зловонный зверинец, где принужден испытывать все ужасы соседства с существами, коим нет имени».

В течение двух лет православные испрашивали разрешения перезахоронить тела убитых, но так его и не добились. Сохранилось письмо, составленное одним священником на имя главного вдохновителя красного террора. Читая эти строки, видишь, до какой крайности унижения было доведено духовенство уже к 1920 году. Приводим его полностью:

«Дорогой наш товарищ, друг народа, Владимир Ильич!

Надежда на Вашу безграничную доброту и справедливость дает мне смелость, по заповеди Христа “просите и дастся вам”, утруждать Вас всепочтительнейшею просьбою. В 1918 г. в сентябре были преданы расстрелу в г. Кириллове Череповецкой губернии епископ Варсонофий, Ферапонтова монастыря игуменния Серафима и с ними пять человек мирских лиц. Они лишены были погребения по обряду православной христианской Церкви и лежат до сих пор в общей могиле, вдали от кладбища, неотпетыми. От лица монашествующих, духовенства и граждан г. Кириллова, почитавших своего архиерея – отца Варсонофия, я осмеливаюсь Вас всепочтительнейше просить, хотя в виде “амнистии” дать разрешение нам останки этих жертв предать земле по православному христианскому обряду с переносом на свои кладбища. Признаюсь, местными властями было дано монахам Кирилловского монастыря 2–3 часа для перенесения тела епископа в монастырь, но последние что могли сделать в такой короткий срок?!

Будьте любезны и добры, дорогой наш правитель Владимир Ильич, разрешите отдать нам свой последний долг своему епископу и иже с ним. 1920 года 17 октября. Ваш покорный проситель и слуга Ковжской церкви Череповецкой губернии и уезда. И. д. благочинного, священник Алексей Колкачский».

На полях письма, кроме штампов делопроизводства, – пометы и резолюции:

«Т. Галкину», «Почему не могли перенести?», «Запросить Череповецкий губисполком обо всех обстоятельствах дела. Есть ли намерение у Кириллова (неразборчиво) в перенесении (далее неразборчиво)». Внизу листа штамп редакции «Революция и Церковь», куда было направлено письмо для публикации и осмеяния.

Просьба православных удовлетворена не была, позже на месте расстрела и погребения построили свинарник, который стоял там вплоть до недавнего времени: 17 декабря 1998 года, когда *на месте гибели мучеников* был установлен поклонный крест.

Приложение: из воспоминаний очевидцев

Из воспоминаний Белоножковой Авдотьи Лонгиновны, видевшей расстрел (деревня Карботка Кирилловского района, запись 1985 года, рукопись): «Прибежал парень, говорит, что сидите, когда на солдатском огороде расстреливают? Все и побежали. Горушка Золотуха ступенечками. Все стоят, а те бегают и говорят: “Не плакать. Плакать не велели”. Все мужчины, одна женщина. Игуменья Серафима идет, ног не подымает, волочет без палочки. С палочкой бы полегче. В архиерея двенадцать раз стреляли, не могли попасть, все стоял руки кверху. Один подбежал: “Опускай руки, а то – прикладом!” Молился. Как опустил, так и попали. Расстреляли шесть человек. < ... > Помню одного, кто расстреливал, из деревни Константиновка, – Алексей Утьшев, он в тот день и погиб, потонул, страх его взял. Озерцо бездонное. На Золотухе народу было много, никому не велели плакать. Игуменья была в одежде, на уголочке красная буковка. Яму выкопали, закопали парами».

Послушница Ферапонтова монастыря Александра Арлакова (г. Белозерск, запись 1984 года, рукопись) в те дни была на сборе подаяний; когда вернулась, ей рассказали монахини, которые следовали за матушкой, – ее келейница Мария и Александра Самойлова, письмоводительница: «Приехали люди на лошадях. Матушка перед этим поговела, причастилась, сидела за столом, ужинала. Они попросились к ней, сказали:

- Матушка, собирайтесь с нами.
- Зачем?

– Затем, что вы нужны в город Кириллов. Она, конечно, расстроилась. Оделась, поехала с помощницами. Посадили одну, сказали взять с собой подушку. А на рассвете в половине шестого повели за город, пешком – на расстрел, за Обшару. Яма была уже приготовлена. Матушка прихрамывала, шла с палочкой. Поначалу печалилась, а епископ Варсонофий утешал:

– Ты не скорби, а радуйся. Это очень быстро пройдет, не бойся, мы с тобой прямо в Царство Небесное пойдем».

Из рассказа протоиерея Валентина Парамонова: «Игуменнии попали в лицо, размозжило голову. В епископа Варсонофия, пока он стоял с воздетыми кверху руками, не могли попасть. Он за всех читал молитвы на исходу души. Ему кричали, чтобы опустил руки, били прикладом. Когда дочитал молитвы, сказал: “Теперь стреляйте”. Двенадцатым выстрелом его убили. Близким не дали похоронить убитых, их закопали в общую яму. Над телами расстрелянных надругались, положив по двое: на бедного клали богатого, а тело епископа Варсонофия положили на тело матушки Серафимы».

История лесозаготовок в районе п. Зашеек

БЕССОНОВА Ирина Викторовна, краевед-любитель, г. Полярные Зори, Мурманская обл.

Зашеек – это поселок в Мурманской области на озере Имандра. Он входит в городской округ Полярные Зори. В настоящее время его население 1042 жителя.

Леса, расположенные в этом районе, с 1898 года входили в состав Кандалакшского, а позже – Имандровского лесничества, которое было поделено на три лесные дачи: Бабинскую, Экостровскую и Масьельскую. Наиболее удалена от путей сообщения, существовавших в первой трети XX века, была Бабинская дача, находившаяся в западной части лесничества. Сейчас на этой территории располагаются площади Зашейковского, Енского и Ковдорского участковых лесничеств ГОУ «Зашейковское лесничество».

В годы Гражданской войны и интервенции лес в районе заготавливали для нужд железной дороги и населения, промышленных лесозаготовок здесь не производилось. Большая часть древесины шла

на дрова. В результате неплановых рубок этих лет лес вдоль железной дороги оказался достаточно изреженным.¹ В 1921 году вновь созданному гостресту «Северолес» в пределах Имандровского района было отведено 1 537 000 десятин* леса, и в 1922–1923 операционном году трест приступил к заготовкам в Карело-Мурманском крае.² Работа «Северолеса» была направлена исключительно на лесоэкспорт, и в 1925 году вся его деятельность по лесозаготовкам в крае была свернута и передана Кареллесу.³

В 1923 году часть Имандровского лесничества была передана в колони-зационный фонд Мурманской железной дороги, в том числе из Бабинской лесной дачи передано 447 707 десятин леса, из Экостровской – 563 438 де-сятин.⁴ Основным лесозаготовителем в районе стал 4-й участок «Желле-са» – лесного управления Мурманской железной дороги. Лес сплавлялся по Имандре в Зашеек, а оттуда на платформах перевозился на Кандалакшский лесопильный завод. До 1928 года включительно из-за острого недостатка местной рабочей силы Желлес вынужден был вербовать рабочих за предела-ми Мурманского округа. Так, на Имандровский сплав 1928 года необходи-мо было нанять 250 человек. Для работ на этом участке было выделено 50 человек из Кестеньгского, 100 человек из Лоухского районов и некото-рое количество рабочих из деревни Колвица Кандалакшского района Каре-лии.⁵ По крайней мере, в конце 1929-го и в 1930 годах лесозаготовительные и сплавные работы в районе выполнял УСЛОН по заказам Желлеса.

К 1929 году во всех точках Мурманской железной дороги от Лодейного поля до Тайболы уже появились лагерные пункты СЛОНа.⁶ В начале мая 1930 года 3-е отделение (лагерь) УСЛОНа, центр которого размещался на ст. Кандалакша, насчитывало 9700 человек заключенных, находившихся на лесоразработках в Колвицкой и Бабинской лесных дачах (Колвицкая и Ба-бинская дистанция) и на лесозаготовительных, лесоразделочных и лесопо-грузочных работах вдоль линии ж/д к северу от ст. Энг-Озеро до Мурманска, а также на работах в других районах края.⁷ Местные жители отлично знали о существовании лагерей, некоторые поступали туда на работу вольнонаем-ными. Заключенных называли «серыми бушлатами» по цвету одежды.

Достаточно обширный материал о структуре и деятельности командир-овок УСЛОНа опубликован в газетах «Новые Соловки» и «Переков-ка» – печатных изданиях Органа Управления СЛОН ОГПУ и Органа Управ-ления Соловецких и Карело-Мурманских ИТЛ. Это официальные издания

* Десятина = 10,9254 км².

Лесозаготовки

(хотя и предназначенные для распространения только внутри лагерей), и поэтому не отражают во всей полноте той несправедливости, что творилась в лагерях, где идея «перевоспитания трудом» показала свою жестокую обратную сторону.⁸ Совсем другой жизнь видится изнутри этой системы.⁹

Одна из командировок 3-го отделения находилась в пос. Зашеек. На Бабинской дистанции было несколько лесных командировок: Длинная Губа, Узкая Губа, Травяная Губа, Люкс-губа, Челм-озеро и Светлое озеро (все эти участки сосредоточены на северо-западе от нынешнего села Ены, в 1930-е находившегося в 81 км от железной дороги). В сплавной период на дистанции существовали командировки на Толве, Ерма (р. Коложна) и Пиренге. Самые удаленные участки – Люкс-губа, в 155 км, и Травяная Губа, в 140 км от станции Зашеек. Путь на Бабдачинские командировки начинался в Зашейке, откуда ехали гужевые обозы, а заключенные шли пешком и летом, и зимой; часть дороги зимой проходила озерами. Недалеко от селения Уполокша находился пост УСЛОНа, где регистрировались проезжающие и проходящие, менялись лошади, был ночлег. Партии заключенных иногда задерживались здесь на день.

На лесных командировках находились помещения надзор-состава, деревянные бараки для заключенных, отапливаемые дымными и угарными железными печками, каптерка, кухня, баня. В бане на Чалм-озере на двух моющих давали две шайки холодной воды и одну – горячей, что завхоз участка объяснял недостатком лагобслужги. На участке Светлое озеро заключенные жаловались в газету на небрежную выдачу хлебный пайков (выдавалось

1200 грамм по 3 куска в 400 грамм, которые засыхали). Случались перебои со снабжением керосином и продуктами. Многие болели цингой из-за отсутствия свежих овощей, в качестве противоцинготного средства предлагалось использовать прошлогоднюю бруснику и клюкву. Противоцинготные пайки выдавались только тяжелобольным. Были «совершенно недопустимые случаи сбывания больных цингой одного отделения другому. Так, например, 3-е отделение прислало в пункт Мурманск партию, назначающуюся на физические работы, и включило в нее свыше 70 цинготников».¹⁰ Не хватало обуви, вместо сапог выдавались ботинки, да и то малых размеров. К лету 1930-го на всех командировках отделения пришлось срочно строить сушилки, так как заключенным приходилось работать в сырости.

Удаленные участки Бабинской дачи отличались тяжелыми природными условиями. Вывозка, на которой в зиму 1929–1930 работало 529 лошадей, была нередко за 8–10 км. Не случайно эти болотистые и каменистые места были «доверены» УСЛОНу. Так, на отстающей командировке Люкс-губа вновь назначенный рукраб Воронин добился выполнения и перевыполнения плана на пяти участках, закрытых Желлесом и лесничеством из-за гористости. В честь успешного окончания работ на участке был устроен вечер самодеятельности, для заключенных организован праздничный обед из трех блюд и пироги. Большое внимание уделялось вопросам соцсоревнования как инструменту повышения производительности труда. По результатам декадного конкурса в марте победителем среди командировок Бабдачи стал участок Трав-губа, получивший в качестве премии радиоприемник. Развертывалось соревнование и внутри участков: между техперсоналом, между бригадами и т. д. Ударники соревнования могли пользоваться такими льготами, как право получения неограниченного количества хлеба, освобождение от поверок, получение лучших квартирных условий. Дневальные премировались за лучшее санитарное состояние жилья. Не соблюдавших чистоплотность заключенных переводили на худшие места в бараках.

По окончании зимних заготовок в преддверии сплавной кампании командировки начинали сворачиваться. Был закрыт участок Светлое озеро, частично эвакуирована Узкая Губа, оттуда вывезена рабочая сила, весь гужтранспорт и техинвентарь. С Чалм-озера все силы переброшены в новый подсобный лагерь.

В 1930 году между Желлесом и УСЛОНОм был заключен договор на проведение сплавных работ, а также на биржевые работы по выкатке из

Полуразрушенная пристань
в пос. Зашеек

воды, окорке, разделке и укладке лесоматериалов. По Бабинскому сплавному участку предполагалось сплавить 375 000 бревен и закончить все сплавные работы к 1 сентября. «Желлес», согласно договору, должен был обеспечить работы такелажем и оплоткой для кошелей, а также предоставить на Имандре две варповальные лодки и пароход («Двина»). Сплав проходил по водным системам Кулас-озеро, оз. Коложно, Верхняя Лива, Челм-озеро, оз. Светлое, Вумб-озеро, далее по Пиренгским озерам и реке Пиренге до ее устья на Имандре – на коренную головную запань, где производилась сортировка леса. По озерам лес сплавлялся кошелями, по рекам он проходил модем (врассыпную), причем на протяжении пути приходилось преодолевать четыре сложных порога: на реке Кулос, Ерма и два на реке Пиренге, а также тяжелый 40-километровый участок на реке Ливе. Из-за малоснежной зимы на реках возникли дополнительные сложности. Общая протяженность сплавного пути – 130 км. Сплав начался, как только тронулся лед, на 25 мая хвост сплава находился в Люкс-губе, а его начало на Челм-озере, в 80 км от пристани Зашейка. 22 июня голова сплава достигла Пиренги. Для ускорения работ УСЛОН перебросил на участки часть своего такелажа. На плотках сплава, если можно так выразиться, происходила эвакуация командировок. Туда погрузились все остававшиеся на участках: охрана, каптерки, ларьки, кухни, мед-околотки.

На этот период на командировках Толва и Пиренга были созданы мед-стационары, каждый из которых имел свой плавучий околоток. Как сообщает газета, санобработку рабочим проводили на Ерма, затем у Толвы, где на хуторе Рамонен были организованы прачечная и баня, и третью – на Пиренге. За весь сплав произошло всего два несчастных случая (вывихи), во что,

конечно, верится с трудом. В общей сложности люди провели на плотках по полтора месяца. О числе работавших на командировках дачи в середине 1930 года можно судить по косвенным данным: за время сплава было 11 случаев цинги, что составило около 1 % списочного состава, итого приблизительно получается 1100 человек.

На командировке в Зашейке производилась выкатка и разделка приплавленных бревен, преимущественно на дрова и пропс*, а также погрузка их на платформы. В связи с увеличением объема работ погрузка велась уже с двух бирж, старой и новой, протянувшейся на целый километр, к ней была проведена железнодорожная ветка длиной 2,5 км. «Желлес» и в дальнейшем планировал форсировать в этом районе лесоразработки, для чего предполагалось построить в Зашейке двухкранный лесозавод. С 1929 года часть леса вновь сплавлялась по реке Ниве до Кандалакши.¹¹

Все постройки для командировки в Зашейке производил Желлес, а это бараки, каптерка, ларек, канцелярия и другие. Из-за нехватки жилья для рабочих-заключенных летом 1930 был построен новый барак и раскинуто несколько палаток. После противопожарных мер, принятых УСЛОНОм, в Зашейке появилась пожарная охрана, своими силами отстроившая здесь новое пожарное депо и каланчу. Имелась прачечная, но в ней было темно при закрытых дверях, а при открытых – холодно, фартуков и ботинок прачкам выдано не было.

Заключенные получали денежные пайки. С ноября 1930 года предполагалось их отменить, но сохранить котловое довольствие, а желающим выдавать сухой паек (хлеб, рыбу, мясо, овощи, сахар, крупу, макароны, жиры, махорку), а также предоставить возможность дополнительно покупать продукты в ларьках за наличный расчет. Также шла речь о выдаче заключенным постельных принадлежностей.¹² Это на бумаге, а как было на самом деле?

Обязательной составляющей лагерной жизни была так называемая культурно-просветительная работа. На каждой командировке полагалось обустроить Красный уголок, снабдив его газетами и журналами. Из настольных игр были шашки и шахматы, имелись музыкальные инструменты. В Зашейке находилось помещение, с мая 1930 года использовавшееся в качестве клуба, при котором предполагали устроить качели, организовать спорткружок и футбольную команду. Здесь же проходили занятия школы ликбеза, работали драматический и музыкальные кружки. Впрочем, летом того же года это помещение из-за нехватки жилья было отдано под барак для рабочих, осво-

* Лесной материал в виде круглых, очищенных от коры бревен определенной длины.

Спецпереселенцы
на лесозаготовках

бождающихся после сплава, а в сентябре половина его отдана под женбарак. В клубе командировки Длинная Губа (лагерь № 1) также работал ликбез и кружки, силами заключенных поставлены миниатюры «Вор» и «Прежде и теперь». В Трав-губе организованы ликбез, юрбюро, морально-товарищеский суд и кружки: драматический, хоровой, музыкальный, политический, шахматно-шашечный. «Местный» драмкружок в течение февраля 1930 года поставил четыре спектакля с концертным отделением, в которых показали пьесы со «знаковыми» наименованиями: «Я умер», «Живой покойник», «Кривое зеркало». К слову, на Бабинской дистанции среди заключенных на конец апреля 1930 года было 67 неграмотных, 27 из них прошли школу ликбеза.¹³ Не оставались лагеря в стороне и от массовых акций по сбору средств. Так, в ответ на призыв Кандалакшского лесозавода № 4 среди заключенных проводился сбор денег на постройку тракторной колонны «Новые Соловки», в Зашейке было собрано 6 руб. 98 коп.¹⁴

На командировках работали редколлегии, выпускавшие стенгазеты. Так, в Зашейке кружком рабкоров из 11 человек издавалось «Лесное слово», в Узкой Губе – «Топор лесоруба», в Длинной Губе – «Сосна», в Трав-губе – «В лесах Лапландии». Материалы самые разные, от бытовых до тем всемирного масштаба. «Стенгазета – зеркало несложной жизни командировки... документ быта, ускользающего, нигде не фиксируемого лагерного

быта. ... Это яркое выражение живой общественности, отнюдь не обезкрыленной условиями заключения и принуд[ительного] труда».¹⁵

Отдельно можно сказать о кинообслуживании командировок. В период с 21 января по 1 февраля 1930 года кинопередвижка КПЧ*, прибывшая на Бабинскую дистанцию с фильмом о жизни лопарей «Лесные люди», показала 16 киносеансов, в том числе и на самых дальних участках. Впрочем, многие заключенные остались недовольны фильмом. С 26 февраля по 12 марта кинопередвижка обслужила 8 пунктов дистанции: Зашеек, Уполокшу, Длинную Губу, Узкую Губу, Травяную Губу, Чалм-озеро и Светлое озеро с фильмами «Казачи» и «Человек огня», показывая их в бараках и в помещениях надзор-состава. Примечательно, что некоторые сеансы посетили местные жители, причем некоторые из них впервые видели электрический свет и кино.

Совсем незначительная информация о зашейковской командировке находится в архивном фонде Ена-Бабинского сельсовета за 1930 год:

1. Протокол № 6 пленума Ена-Бабинского с/совета от 3.01.1930.

Слушали: «Мошникову, которая заявляла о [бес]порядках Услона, в уличении т[ако]вых в рубке леса на террит[тории] сельсо[вета]».

Постановили: «Предложить объездчику лесничества [об]следовать вырубку леса который похищается заключен[ными] Услона, составить акт о количестве похищен[ного] леса. Пору[...] в скором выполнении, Услону приостановить вырубку леса на территории сельсовета».

План работы Ена-Бабинского на 1-й квартал.

«Организовать добровольные общественные пожарные ... средства для обеспечения пожаров инвентарем ... Привлекая органы Желлеса и Услона т. к. последние имеют ряд построек на территории с/совета».

Председатель с/совета Филиппова.

2. Протокол № 13 общего собрания граждан дер[евни] Ена Ена-Бабинского с/совета от 7.04.1930.

Слушали: «Зачитки объявления прокурора 3-го участка АК ССР и по надзору за Услоном».¹⁴ Докладчик тов. Лукин.**

* Культурно-просветительская часть.

** Речь идет о случаях покупки вольным населением у заключенных УСЛОНа вещевого довольствия – хозоборудования и разного инвентаря, принадлежащего УСЛОНу.

Постановили: «Мы гр-не заслушав доклад, постановляем нижеследующее. Мы до сего времени не знали ничего об этом что можно покупать от заключенных каких либо вещей, а с сего числа постановили единогласно не один гр-н не будет покупать от заключенных каких бы не было вещей, а также и со стороны продовольственной, и еще единогласно постановили что если кто придет продавать заключенным вещей то согласны объявить».

Председатель Саткоярви.

Секретарь Лукин.

3. Протокол № 21 заседания Ена-Бабинского с/совета от 10.10.1930.

Слушали: «Устное заявление тов. Бархатова*, который гово[рит] что у [н]его порвали сетки. 9.10.30 сломали замок в амбаре и украли рыбу в количестве 4 пуда. Мною было заявлено дежур[ному] Услона чтобы сделали обыск. Но ни каких мер не приняли. Да и не [...] заявления поступают в с/совет о безобразии Услона».

Постановили: «Вопрос поставить перед общим собранием. В виду не принятия ни каких мер со стороны РИКа просить местную ячейку ВКП(б) ст. Зашеек о содействии».

Председатель Рыжкова.

Секретарь Никитин.¹⁷

Неизвестно, существовали ли лесные Бабинские и Зашейковская командировки в зимний сезон 1928–1929 и в 1931–1932 годах. Правление «Жел-леса» в 1932 году было преобразовано в трест «Севзаптранслес», который в 1934 году был передан в ведение Наркомата лесной промышленности СССР и в том же году ликвидирован. В 1932 году Зашейковский ЛТХ и Зашейковский лесозавод вошли в состав вновь образованного треста «Мурманлес» как самостоятельные единицы. Помимо вольнонаемных работников на этих предприятиях работали уже спецпоселенцы.

14.01.1940 в системе НКВД был организован Мончегорский ИТЛ и началось строительство комбината «Североникель». Объектами строительства был Мончегорский никелевый комбинат и Кандалакшский алюминиевый завод. Местами дислокации лагеря были станция Оленья и город Мончегорск. 28.04.1941 в связи с началом войны лагерь был закрыт.¹⁸

* Семья Бархатовых, саамов Екостровского погоста, проживала в Зашейке с конца XIX века. С. П. Бархатов, о котором идет речь, зачислен на колонизационный участок Нивореченский в Зашейке в 1925 году.

Фрагмент спутниковой карты. Показан район лесозаготовок УСЛОНа в Бабинской даче (лесозаготовительный сезон 1929–1930 гг.)

В феврале 1940 года Зашейковский лесокомбинат передан из состава треста «Кольстрой» в систему Мончегорлага и Управления строительства «Североникель» НКВД. Возникло еще одно отделение Мончегорского ИТЛ.

Начальником лагеря был назначен В. С. Козырев.¹⁹ В апреле – начале мая в штат ОЛП* в Зашейке приняты: начальник ЧОС, старший бухгалтер, инструктор УРЧ**, начальник АХЧ, технорук, старший десятник, кладовщик инструментального и фуражного складов, делопроизводитель, зав. погрузкой, счетовод, начальник санчасти, медсестра, курьер. В мае зачислен на денежное довольствие личный состав дивизиона ВОХРа, откомандированного в лагерь лесокомбината в количестве 36 человек, в июле в лагерь прибыло еще 17 бойцов. В мае принимается на работу обслуживающий персонал: зав. ларьком, повар. Позже в штате появились начальник КВЧ*** и зубной врач.

Заклученные ОЛП направлялись на временные работы в Кандалакшское отделение ИТЛ НКВД. В лагере организована строительная бригада, первоначально занятая постройкой зданий лагпункта на Восточной Губе, где находилась вторая биржа лесокомбината и большой лесоучасток. По большей части заключенные работали на лесозаготовках, на лесозаводе, на строительстве и ремонте зданий и различных объектов в поселках (напри-

* Отдельный лагерный пункт.

** Учетно-распределительная часть.

*** Культурно-воспитательная часть.

мер, строили стадион в Зашейке). Некоторые работы производились в ночное время.

Размещались заключенные в бараках полными бригадами вместе с бригадиром. За каждым баракком был закреплен дневальный. В июле 1940 на Восточной Губе и в Зашейке дислоцировалась колонна № 1, на 29 лесном квартале Восточной Губы – колонна № 2 (первоначально в составе 80 человек). К сентябрю картина несколько изменилась. В лагере выделена ПТЧ*. Бесконвойной колонне лесоучастка Восточная Губа присвоен № 1, законвоированной колонне того же участка – № 2, колонне в 29-м квартале Восточной Губы – № 3 и колонне на 28-м квартале лесоучастка Пиренга – № 4. Начальниками колонн назначены лица из числа заключенных. Бесконвойные заключенные имели специальные пропуска для передвижения к месту работ и обратно. Были в лагере и заключенные-женщины, организованные в отдельную бригаду на Восточной Губе.

Летом была сформирована бригада из шести рыбаков для постоянной ловли рыбы и распределения ее по лагпунктам. В первую очередь эта рыба должна была идти для охраны лагеря и на премиальные блюда рекордистам из заключенных.

Всего на начало 1-го квартала 1941 года на лесокombинате фактически работало 1269 человек спецсилы (заключенных), что составляло 43,6 % от всех работающих, на начало 2-го квартала – 1107 человек (42 %).²

Распорядок дня заключенных такой: в 6 утра подъем, развод в 7 часов, окончание работ в 19 часов, обед с 13 до 14. В месяц давалось три выходных. Для заключенных, занятых техучебой, рабочий день составлял 10 часов. На основании приказа по управлению ИТЛ и комбинату «Североникель» от 30.08.1940 за № 354 с 1.10.1940 установлен десятичасовой рабочий день с окончанием работ в 18 часов. Подъем в 5 утра, развод в 6, начало работ в 7.

Вольнонаемные работники должны были отмечать приход и уход с работы в особой тетради.

Под руководством заместителя начальника был создан штаб соревнования и ударничества для руководства и подъема трудового соревнования среди заключенных и соцсоревнования среди вольнонаемного состава. Аналогичные штабы созданы на лагпунктах и в колоннах. Заключенные поощрялись натуральными и денежными премиями за выполнение производственной программы, за добросовестное отношение к работе, примерное поведение в быту

* Производственно-техническая часть.

и на производстве и соблюдение лагерного режима. Натуральные премии – одежда (рубашки, гимнастерки и т. п.), премиальные блюда.

Наказания в виде лишения переписки и получения посылок на разные сроки, лишения вольного хождения после рабочего времени, штрафного пайка, общих работ, содержания в штрафном изоляторе (был таковой на 29 квартале) полагались за самые разные нарушения. А перечень происшедших нарушений такой: опоздание на развод, самовольная отлучка, нарушение режима, хищения, хулиганство, драки, распитие нелегально добываемого спиртного, отказ от работы, неподчинение администрации, вооруженное сопротивление, попытка побега.

Согласно приказу № 105 от 25.09.1940 по управлению комбината «Североникель», размещение заключенных по баракам происходило в зависимости от статейных признаков. Весь отрицательный элемент был собран в бригады усиленного режима и выводился на работу под усиленным конвоем.

В сентябре 1940 года по колоннам № 1, 2, 3 установлены должности а) по производственной группе: начальник колонны, технорук, нарядчик, нормировщик, статист, пекарь; и б) по группе хозлагкультобслуги: комендант, воспитатель, счетовод, лекпом, санитар хлебоборез, водовоз, банщик, сапожник, парикмахер, прачка, повар, статист, рабочий кухни, портной, дневальный, вахтер. Все эти должности, кроме должности медработника (лекпома), занимали заключенные.

С началом войны до конца июня 1941 года все заключенные были эвакуированы в Коми АССР. В 1946 году недостроенные здания бывшего лагеря на Восточной Губе были списаны ликвидационной комиссией лесокомбината и разобраны.²¹

Литература

¹ Летние лесозаготовки // Полярная правда. 1922, 3 августа.

² Лесохозяйственное районирование территории Северолеса // Северолес. 1923, № 7–8. С. 19.

³ Овчинников Н. Я. Карело-Мурманское лесное хозяйство и его перспективы в связи с заселением края / П/р. Г. Ф. Чиркина // Тр. Гос. НИИ землеустройства и переселения. М.–Л., 1928. Т. X. С. 56.

⁴ Постановление СТО РСФСР от 25.05.1923. Положение о колонизации Карельско-Мурманского края. Опубликовано на сайте <http://www.lawmix.ru>, Законодательство СССР.

- ⁵ ГОКУ ГАМО. Ф. И-177. Оп. 1. Д. 175. Л. 18 об., 19, 43.
- ⁶ *Солженицын А.* Архипелаг ГУЛАГ. М.: Инком. 1991. С. 63.
- ⁷ Из отчета комиссии А. М. Шанина коллегии ОГПУ об обследовании Соловецких лагерей. Опубликовано на сайте <http://www.alexanderyakovlev.org>.
- ⁸ Соловецкая печать (1924–1930 гг.) / Электронное издание АОНБ им. Н. А. Добролюбова.
- ⁹ *Киселев-Громов Н. С.Л.О.Н.* Соловецкий Лес Особого Назначения. Архангельск: Тур, 2009.
- ¹⁰ К цинге не были подготовлены // Новые Соловки. 1930, 20 мая.
- ¹¹ *Пионтковский Ю.* Первый опыт лесосплава по р. Ниве // Карело-Мурманский край. 1929, № 10. С. 17–18.
- ¹² Жизнь лагерей // Перековка. 1930, 22 октября.
- ¹³ Ликвидация неграмотности // Новые Соловки. 1930, 17 апреля.
- ¹⁴ Фонд постройки тракторной колонны // Новые Соловки. 1930, 27 мая.
- ¹⁵ Б. Стенгазета 3 отделения // Новые Соловки. 1930, 15 мая.
- ¹⁶ *Агеев.* Объявление прокурора 3-го участка АК ССР и по надзору за Услоном // Новые Соловки. 1930, 1 апреля.
- ¹⁷ ГОКУ ГАМО в гор. Кировске. Ф. Р-184. Оп. 1. Д. 1 б. Л. 10 об., 11 об, 17, 17 об., 26.
- ¹⁸ rosagr.natm.ru/gulag.php. Память ГУЛАГА.
- ¹⁹ ГОКУ ГАМО в гор. Кировске. Ф. Р-220. Оп. 3. Д. 6.
- ²⁰ ГОКУ ГАМО в гор. Кировске. Ф. Р-220. Оп. 1. Д. 6. Л. 10 об.
- ²¹ ГОКУ ГАМО в гор. Кировске. Ф. Р-220. Оп. 1. Д. 8. Л. 130–139.

Одна из бесчисленных историй страшного 1918 года

*ТЕРЕЩЕНКО Наталья Андреевна,
педагог, г. Афины, Греция*

В раннем детстве я часто слышала от своей бабушки страшный рассказ. Осенним вечером 1918 года на окраине ее деревни Подосиновец красные бандиты схватили священника из ее семьи, истязали, заставили копать себе яму и выстрелом в затылок убили. Он упал, но был еще жив, так его и закопали, живым. А вместе с ним – еще нескольких.

Моя бабушка, в замужестве Коковина Мария Федоровна, родилась в 1890 году в Петербурге, в культурной и обеспеченной семье. В доме на Троицкой, рядом с Невским, у Аничкова моста, прошло бабушкино детство. В начале 1900-х семья раскололась. В Петербурге остались мать с малышкой, чахоточным сыном и подающей надежды дочерью-певицей Мариинки. С отцом в дальнюю деревню Подосиновец, в 100 км от Великого Устюга, отправились моя бабушка с сестрой и братом. После скорой кончины отца, Федора Бетехтина, еще подростком, бабушка осталась за старшую. Встала на ноги, выучилась в Подосиновце на учительницу,

Яхреньгская Богоявленская
церковь

стала учить ребятишек на паперти Бычихинской часовни, а потом и в школе-избе Подосиновца. Марию Федоровну любили и уважали. Работала она в три смены всю свою жизнь – целых 50 лет. Имела высокие награды, а главное – преданность учеников, разлетевшихся по всей земле русской.

В 15 км от Подосиновца, в деревне Осаново, издревле проживало семейство Коковиных. На берегу северной речки с теплым названием Юг наш далекий предок Коковин построил деревянную церковь и основал погост Яхреньга. Согласно легенде, богомолец Коковин пришел из Новгорода и принес с собой древнюю икону святителя Николая с чудесами. Было это в начале XVI века, а в 1770 году его потомок Петр Михайлович Коковин на месте сгоревшей деревянной построил чудо великоустюжского барокко – Богоявленскую церковь, с теплым храмом внизу, освященным во имя Николая Чудотворца. Священниками в ней стали потомственные служители церкви – семья Прокошевых, также мои предки. Свою нелегкую службу несли они и в городе славном, Великом Устюге, и в далеких лесных деревнях – из века в век.

Вернулся мой дед Коковин Иван Владимирович с Первой мировой, из австро-венгерского плена, инвалидом. Уходил на войну в 1914-м – была Россия, Родина, за нее и воевал с иноземцами. Пришел в 1918-м – прежней России нет, Родина растоптана. Разгар Гражданской войны и красного террора, брат брата убивает.

Но ждет его невеста, бабушка моя, Бетехтина Мария Федоровна. Решили свадьбу сыграть – в «своей» яхреньгской Богоявленской церкви, как это водилось сотни лет, собираясь всей деревней, где каждый – родня другому.

Матушка Анна Дмитриевна
и о. Виктор Усовы

Подьяков (Подьяков)
Николай Николаевич

Осень – пора свадеб, да только жутко на земле, кровь льется – потеряли люди человеческий облик. Один день страшнее другого. Но служба в нашей церкви, как и в других, продолжается. Вопреки страху.

Матушка моего деда Прокошева Вера Андреева – священническая дочь. Двоюродная сестра, в девичестве Прокошева Анна Дмитриева, – также священническая дочь. Муж Анны Дмитриевны – яхренгской Богоявленской церкви священник Виктор Иоаннов Усов. Сын диакона, он окончил курс наук в Никольском духовном училище и Вологодской духовной семинарии. Анна также образованна – окончила курс наук в Устюжском епархиальном училище.

Во всех окрестных деревнях, да и по всей российской глубинке, роль священников в жизни поселян трудно переоценить. Храм, священнослужители являлись средоточием самой жизни – от рождения до ухода. Духовность являлась самой сущностью бытия русского человека, и вне веры жизнь не имела смысла.

Уровень образования, бесчисленные деяния во благо Церкви и паствы наряду с нелегкой повседневной работой делали практически каждого священника выдающимся деятелем, центром притяжения не только по духу, но и по всем аспектам

жизни прихожанина, истинным отцом, опорой.

Выдрать с корнем, уничтожить основу духовности, без которой человек – ничто. И тогда можно управлять этими сломленными людьми по своей воле. Какое чудовище замыслило это, кто и почему исполнял его волю?

Черные дни были совсем близко. Карательным отрядом осенью 1918 года в наших деревнях командовал лично уездный военный комиссар города Никольска Вологодской губернии – Конев, будущий маршал. Он только что вступил в партию большевиков и старался продемонстрировать свою преданность новым богоборческим идеям, отрекаясь от своих земляков и односельчан. Действовал Конев решительно – перед ним стояла задача как мож-

Щмч. Виктор Усов

но быстрее расправиться с теми, с кем еще недавно он преломлял хлеб. Нечеловеческой злобе и ненависти карателей его отрядов не было предела.

Сразу же схватили всех священников, а также тех, кого подозревали в контрреволюционном заговоре. Все эти люди были нашей родней.

Протоиерея подосиновской Богородице-Рождественской церкви, о. Николая Поддьякова, вдовца, больного в ту пору, в его собственном доме на виду его семерых детей изощренно истязали. К месту расстрела на окраине Подосиновца изверги понесли его, с множеством ранений, на

носилках. Сюда же согнали и других. Кто были эти нелюди? Как носила их земля и приняла в себя? Бедная наша земля...

Тех, кто держался на ногах, заставили рыть себе могилу. Но убийцы торопились – впереди их ждали другие жертвы. Выстрел в затылок – и жертва в яме, неглубокой, всех не вместить. Присыпают землей, а весной трупы похоронят по разным местам. Недострелянные мученики еще шевелились. Последним был Николай Усов. Его заставили совершить чин погребения (будто палачи способны были верить в святость таинства). Впереди, с угора, сквозь редкие сосны светилась река. Широкие заливные луга, тихое сентябрьское солнце – здесь было так привольно, так хорошо. Душа потянулась в эти дали – и отошла...

В 1979 году моя бабушка, Мария Федоровна Коковина, уже неизлечимо больная, захотела попрощаться с родными местами. Большой семьей мы отправились из Москвы на Русский Север. Бабушку еще помнили старожилы, вспоминали обо всем и, конечно, о расстреле священников в Подосиновце. Мы посетили Осаново, Подосиновец, Яхреньгу, еще не разрушенные жилые дома и школу. Долго стояли у запертой яхреньгской Богоявленской церкви. Особое чувство, чувство глубокой причастности, овладело мной, тогдашним подростком. Это была земля моих предков, уходящих в темную даль веков. Здесь они жили и радовались, строили церкви и служили в них, венчались и погибали смертью мучеников. Бабушка показала ту окраину сосновой рощи, место кровавого действия, страшного рассказа из моего детства, но ничем это место не было отмечено.

Прошли десятилетия. Мы давно живем в Греции, но по какому-то стран-

Табличка на месте расстрела

Место расстрела священников

ному велению нас все больше тянет туда, в наши деревни, на берега тихой речки Юг. Дочка-студентка занялась генеалогическими исследованиями, и вот назрело время нашего возврата. Моя 90-летняя мама не могла уже ехать с нами, да и мне спустя полвека было страшновато возвращаться в прошлое. Да и путь уж очень далек. Но дочка настояла, и мы, помолившись, отправились в длинную дорогу.

И вот чудо – каждый день и каждый час нашего паломничества по местам наших предков охранялся крепкой силой!

На кладбище яхренгской Богоявленской церкви мы искали могилы всех наших, Николая Усова – у алтарной части нижнего храма, но увы. Теперь на месте старых захоронений делают новые могилы. Церковь наша, красавица, давно разграблена и находится в самом плачевном состоянии. Мы подобрали в мусоре светло-зеленые с желтизной обломки уникальных изразцовых капителей, встречающихся только в церквях Русского Севера. Сложили их горкой в том месте, где когда-то был алтарь теплой церкви Николая Чудотворца, букет полевых цветов положили рядом – и наш простой памятник готов.

Подосиновский сосновый лес встретил нас щебетом птиц, послеполу-денное солнце мягко ложилось на стволы вековых деревьев. Никто не подсказал нам, где искать место расстрела, только одна женщина с коляской обронила: «В конце тропинки стоит какой-то крест».

Мы шли по этой тропинке медленно. Как описать наше душевное состояние? Страшные события бабушкиного рассказа происходили вот здесь – мы помнили их, будто были очевидцами. Душа просилась сюда. И вот наконец мы здесь. Конец дорожки. Крест на холмике. Кладем цветы. Но что-то главное – не это. Яма. Поросшая малиной яма. Здесь нет могил, здесь только

Поминальный крест

Руины алтаря теплого храма Николая Чудотворца. Апсида – предполагаемое место захоронения сщмч. Николая Усова

яма, куда падали они... За соснами блестит речка Юг, и красота кругом – неземная.

– Мам, смотри, – говорит Наташа. На соседней сосне прибита старая, но подправленная табличка. Спустя время почти все имена уже забыли, но место отметили. Спасибо тем, кто сделал это.

Теперь мы назовем все их имена – наших, и не только наших, родных – священников, замученных за веру и правду на этой земле. Упокой, Господи их души.

Протоиерей подосиновской Богородице-Рождественской церкви **НИКОЛАЙ ПОДДЬЯКОВ** – в августе 2000 года причислен к лику святых новомучеников и исповедников Российского Архиерейского собора Русской Православной Церкви

Протоиерей шолгской Троицкой церкви **ПРОКОПИЙ ПОПОВ** – в августе 2000 года причислен к лику святых новомучеников и исповедников Российского Архиерейского собора Русской Православной Церкви

Священник яхреньгской Богоявленской церкви **НИКОЛАЙ УСОВ** – в августе 2000 года причислен к лику святых новомучеников и исповедников Российского Архиерейского собора Русской Православной Церкви

Священник утмановской Михайло-Архангельской церкви **НИКОЛАЙ КУЗНЕЦОВ**

Священник шолгской Троицкой церкви **АВТОНОМ ГОЛОВКОВ**

Комплекс, посвященный Коневу,
и храм при нем

Бывший староста подосиновской Богородице-Рождественской церкви
крестьянин **ВАСИЛИЙ БЕТЕХТИН**

Сын псаломщика шолгской Троицкой церкви **ФЕДОР СОКОЛОВ**

24 сентября 2013 года исполнится 95 лет со дня расстрела священников
в Подосиновце. Мы верим, что люди, живущие здесь, вспомнят об этом.
Они придут на окраину подосиновской рощи с детьми и расскажут им
страшную историю, одну из многих и многих нашей многострадальной Ро-
дины, историю, которую нельзя забывать.

Источники

1. Метрическая книга яхренъгской Богоявленской церкви с 1865 по 1918. Гос. архив, Подосиновский филиал.
2. Метрическая книга яхренъгской Богоявленской церкви с 1816 по 1830. Гос. архив, Великоустюжский филиал.
3. Клировые ведомости по г. Никольску и Никольскому уезду, 1914 г. Гос. архив, Великоустюжский филиал.
4. Ф. 585. Оп. 44 дела 1-9. Опись яхренъгской Богоявленской церкви, включая метрические книги за 1780–1854 годы. Гос. архив, Великоустюжский филиал.
5. Краеведческий музей пос. Подосиновец.
6. Ревизские сказки по Никольскому Духовному правлению 1850 г. Гос. архив, Великоустюжский филиал.
7. Автобиографии моих предков и их устные рассказы.

Сохранение памяти о новомучениках и исповедниках российских на примере музея при храме иконы Божьей Матери «Всех скорбящих Радость» Санкт-Петербурга

*КОНДРАТЬЕВ Павел Алексеевич, корреспондент
ВГТРК «Мурман», г. Мурманск*

ВВЕДЕНИЕ

Наша христианская Церковь в прямом смысле слова стоит на крови мучеников: Божественная литургия совершается на **антиминсе**, в который, по древней традиции, зашивают мощи мучеников. И в течение практически всей своей истории Русская Православная Церковь заимствовала мощи для антиминсов у других Поместных Церквей.

Но пришел XX век, и все изменилось. В России наступил период, такой же кровавый и жестокий, как и во времена начала христианства и проповедей апостолов. В результате красного террора и гонений Советской власти в стране просияло в несколько раз больше святых, чем за предыдущие 900 лет существования Русской Церкви. Новые мученики – это наши современники и даже срод-

Скорбященская церковь
в Санкт-Петербурге.
Фото нач. XX в.

ники, ведь у многих из нас были в родне священники, монахи или прихожане, пострадавшие за веру. И этот факт должен быть определяющим в утверждении почитания новомучеников.

Но пока мы не наблюдаем их должного почитания среди православного народа. Мученик в понятии Церкви – это человек, который своей жизнью, пролитой кровью свидетельствует об истине христианской веры. Предавая забвению их подвиг, мы самовольно лишаем их помощи и поддержки. Таким образом, всенародное почитание новомучеников может состояться только через изучение их подвига.

Теперь дело их прославления за церковными людьми. Нет сомнения, что, задавшись этой целью, верующие единомышленники могут добиться желаемого. Например, создать музей, посвященный конкретным мученикам, пострадавшим в конкретном городе или селе. И водить в него детей и взрослых, рассказывать им о людях, которые еще недавно жили по соседству, ходили по тем же улицам и дворам, а теперь стоят рядом с Господом. Об одном таком примере я хочу рассказать.

ХРАМ

Есть в Санкт-Петербурге храм иконы Божьей Матери «Всех скорбящих Радость». Находится он на улице Шпалерной. Это храму больше 300 лет. В течение XVIII века в нем молились практически все правители России. Храм известен своей чудотворной иконой «Всех скорбящих Радость» и Музеем новомучеников, созданном в наши дни. В нем находятся экспозиции,

посвященные людям, жизнь которых была тесно связана с этим храмом, – священномученику Григорию и мученице Екатерине Петроградским.

Какой же подвиг сотворили эти мученики?

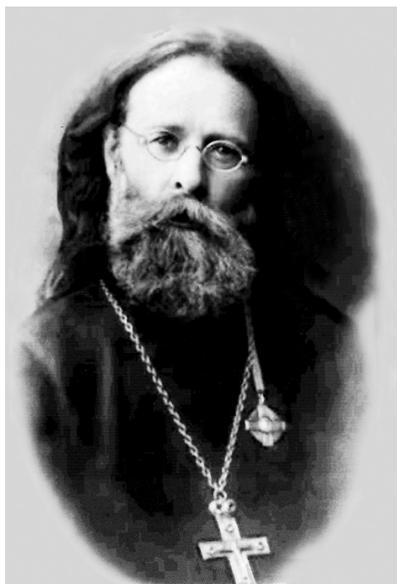
ГРИГОРИЙ ПЕТРОГРАДСКИЙ

Григорий Александрович Сербаринов родился 25 января 1880 года в Рязанской губернии. В 1905 году со степенью кандидата богословия Сербаринов завершает учебу в Санкт-Петербургской Духовной академии, а через три года принимает сан и начинает служение в домовых церквях Петропавловской больницы.

Со временем отец Григорий становится известным в столице священником. Патриарх Тихон назначил его в Комиссию по вопросу присоединения Англиканской Церкви к Православной, он вел беседы в полицейских домах Петрограда, назначался проповедовать в Казанском соборе, был избран членом Миссионерского Совета и кандидатом в члены Правления духовной семинарии.

Но все же главным в его жизни было пастырское служение. Начиная с 1912 года, в течение 10 лет, о. Григорий служил в церкви иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость».

В первый раз большевики посадили его в тюрьму в 1918 году. Просидел он 4 месяца. Через несколько лет арест повторился. Официальное обвине-

Сщмч. Григорий Сербаринов

ние гласило: «За то, что они организовывали нелегальные сборища, распространяли ложные слухи, создавая в народе настроения против обновленческого движения».

Прежде всего ГПУ интересовали связи духовенства с теми, кто проходил по делу расстрелянного митрополита Вениамина, а также где и как собирались деньги для осужденных и семей, пострадавших при изъятии церковных ценностей. И, конечно, их интересовало отношение к обновленческой церкви, которую органы ГПУ всячески поддерживали для развала Православной Церкви.

Однако тогда час Голгофы о. Григория еще не пришел. Его выслали на три года – сначала в Оренбург, потом в Уральск, оттуда – в казахский поселок Джамбет. Там он выучился на медицинского работника и стал работать фельдшером в местной больнице. В ноябре 1924 года священник был возвращен из ссылки досрочно по личному ходатайству Патриарха Тихона.

Новый арест последовал через 9 лет. В 1933 году священник встретился с бывшим сенатором Дмитрием Флоровичем. Беседовали они о положении Англиканской Церкви и жизни епископа Евлогия, находившегося за границей. Эта встреча и стала роковой: 3 января 1934 года о. Григорий был арестован по делу «евлогиивцев». Его обвинили в том, что он якобы состоял в контрреволюционной организации по сближению Православной Церкви с Англиканской.

На допросе о. Григорий виновным себя он не признал и был осужден на 5 лет исправительно-трудовых лагерей.

Его отправили этапом на Колыму, в бухту Нагаева. Заключенные там работали на строительстве дороги. Тяжелый физический труд подрывал силы людей, они погибали каждый день, а их место занимали новые страдальцы. Однако о. Григорий выжил: пригодились полученные ранее навыки медицинского работника. Его перевели работать фельдшером в лагерный медпункт.

В 1937 году протоиерея освободили, но ненадолго. В конце декабря 1937 года последовал новый арест, и уже по расстрельной статье. Он обви-

нялся в том, что «возвратившись из заключения, восстановил связь с духовенством, продолжал антисоветскую агитацию, используя религиозные предрассудки». Виновным о. Григорий, конечно, себя не признал.

Семейное предание говорит о том, что батюшке предлагали сохранить жизнь в обмен на снятие сана, но он остался тверд. Постановлением «тройки» НКВД священник был расстрелян 8 января 1938 года.

Его включение в Собор новомучеников и исповедников Российских состоялось 30 июля 2003 года.

ЕКАТЕРИНА ПЕТРОГРАДСКАЯ

Икона мч. Екатерины Арской

Мученица Екатерина Арская родилась в 1875 году в Санкт-Петербурге. Она была дочерью потомственного почетного гражданина, купца II гильдии Андрея Петровича Уртьева, ктитора храма иконы Божьей Матери «Всех скорбящих Радость».

Выйдя замуж за офицера Петра Арского, Екатерина полностью посвятила себя семье. Однако после событий октября 1917 года ее жизнь в корне изменилась. В 1920 году она потеряла всю свою семью: муж и дети умерли от дизентерии.

Последовавший за этим период жизни Екатерины Андреевны практически неизвестен. Вероятно, именно в это время Екатерина стала тесно общаться с членами «Александро-Невского братства». Никаких политических задач это общество себе не ставило, однако 18 февраля 1932 года Екатерина Арская и ее товарищи были арестованы. Их обвинили в том, что в течение ряда лет вели контрреволюционную пропаганду, направленную на организацию антисоветских элементов для борьбы с Советской властью. На допросах Екатерина отрицала вину, отказалась называть фамилии и давать показания. В итоге она была осуждена на 3 года лагерей.

После освобождения Екатерина Андреевна поселилась в городе Боровичи Новгородской губернии. Там она встретила тех, с кем проходила по делу «Александро-Невского братства».

Конечно, эти встречи не смогли не заметить карательные органы. 20 октября 1937 года Екатерина Арская была вновь арестована. Вместе со своими знакомыми она обвинялась в причастности к «единой контрреволюционной организации». По этому делу проходила и княжна Кира Оболенская.

Допросы и пытки вынудили некоторых подследственных, в том числе и священнослужителей, дать показания против себя и своих товарищей. Однако пытки не смогли сломить Екатерину Арскую и Киру Оболенскую. Нужные чекистам показания они не подписали.

10 декабря 1937 года особой «тройкой» УНКВД Екатерине Арской, княжне Оболенской и еще пятидесяти осужденным по этому делу был вынесен смертный приговор. Расстреляли их 17 декабря 1937 года.

МУЗЕЙ

Дни памяти новомучеников Григория и Екатерины Петербургских являются особыми праздниками храма иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» и совершаются с особой торжественностью.

Но одним поминанием на церковных службах память о новомучениках, к сожалению, не сохранить. Поэтому стараниями настоятеля храма священника Вячеслава Харинова и его паствы в начале 2004 года был открыт Музей новомучеников. Расположился он в одной из комнат квартиры Григория Сербаринова, находящейся в доме, пристроенном к храму.

В экспозиции музея представлены личные вещи мучеников, фотографии, документы и публикации, воссоздана домашняя обстановка конца XIX – начала XX веков. Все это собиралось по крупицам, с большой любовью и желанием сохранить для потомков.

Священник Вячеслав Харинов уверен, что любые находки, связанные с жизнью и деятельностью российских новомучеников, являются событием для историков и церковных людей. Ценность их объясняется не только содержанием, но и самим фактом «выживания» в ГУЛАГе, страхом обысков и смертельной опасности сохранять потенциальные «вещдоки». После ареста очередного обреченного родственники иногда старались сами избавиться от любых вещей, связанных с репрессированными «врагами народа». Поистине многие из предметов и вещей, принадлежавших жертвам режима, сами имели мученическую судьбу и сохранились подчас просто чудом и Божиим произволением.

Интерьер музея

Неоценимую помощь в создании экспозиции, посвященной мученице Екатерине, оказал ее родственник Дмитрий Вюнш-Арский. Он передал редчайшие фотографии и личные вещи Екатерины Андреевны, которые с огромным трудом сохранил его прадед Георгий Арский.

В стенах этого музея каждый из нас может видеть нетленную славу святых мучеников, приобщиться к их духовному опыту, воспользоваться им, а в случае скорбных обстоятельств – утешиться их подвигом. Если мы, конечно, хотим увидеть славу мучеников и учиться у них тому, как нужно прожить жизнь.

Трагедия России в XX веке. Судьба двух братьев

*ПОНИКАРОВСКАЯ (Печенкина) Анна
Дмитриевна, преподаватель, историк, краевед,
с. Утманово, Кировская область*

Судьба двух моих родных людей, двух братьев Печенкиных, оказалась неразрывно связана со старой фотографией и венком из желтых купальниц.

Бережит душу мне этот снимок, на котором запечатлен мой дед Иван Михайлович Печенкин (он слева) и его родной брат – Иноккентий, он в форме унтер-офицера Белой гвардии. Оба молодые, статные, рослые, сильные и красивые. Эта фотография сделана в 1919 году и, как нетрудно заметить, разделена на две половины. С этой фотокарточкой связана масса моих впечатлений и переживаний. Расскажу обо всем по порядку.

Мой дед, родившийся в 1890 году в деревне Печенкино, как и все печеняне, отличался высоким ростом, силой и порядочностью. В пятнадцать лет он уже принимал участие в строительстве железнодорожной станции в поселке Пинюг. С началом Первой мировой войны Иван Михайлович был призван в действующую армию, где служил в же-

Иван и Иннокентий
Печенкины. Фото 1919 г.

лезнодорожных войсках. Там он попал в плен и находился в Польше. Оттуда он вынес стойкое отвращение к селедке, которой кормили пленных в лагере, и любовь к различным польским выражениям, например: «дзенкуе пани», «колер чая» и другие. В Гражданскую войну он служил в Красной армии.

Его брат Иннокентий также был призван в армию, где получил звание унтер-офицера и за хороший голос был взят в хор, выступавший в Мариинском театре Санкт-Петербурга. Во время революции он оказался в частях, попавших под командование белых. И вот однажды, под Плисецком, в той братоубийственной войне, силы красных и белых встретились. В ночь перед

боем Иннокентий пересек линию фронта и присоединился к брату. Вот по поводу этой встречи и сфотографировались Иван и Иннокентий, но, прекрасно понимая, какие последствия может иметь это фото, снимок они разделили. И действительно, 23 октября 1937 года особой «тройкой» при НКВД Иннокентий Иванович был сослан на 10 лет на «Огненный остров», что находится в Вологодской области. Кстати, это наказание он отбывал вместе со священником утмановской Ильинской церкви Николаем Андреевичем Вотчинским. Обвинение было снято только в 1980 году.

Дядю Кешу я хорошо запомнила еще девчонкой. Мы жили в Утманово, а он в соседнем Печенкино. Приходил к нам в дом по праздникам хорошо одетым, высоким элегантным при шляпе и с тростью. Женат он не был, а женщин и жизнь очень любил, но с ним однажды случилось роковое несчастье. Дело было в 1956 году, тогда в праздник на Троицын день выдалась необыкновенная жара, и дядя, выпив очень холодного квасу, получил заворот кишок. Назавтра, в Духов день, мой дед Иван повез своего брата в районную больницу в Подосиновец. А мы с подружками собрались на лугу около дома и плели венки из желтых цветов – «баламолок». Я тогда решила отличиться и сплела большой-пребольшой венок, гордая и счастливая побежала домой показать его маме, а она всплеснула руками: «Ах, Анюта, что же ты наделала! Ведь дядя Кеша умер!» А ведь действительно, тот большой венок, что я сплела в Духов день, мог уместиться лишь на могиле... Оказалось, дедушка довез брата лишь до половины пути. Раньше в том красивом месте у речки была мельница, и оттого оно и сейчас называется «меленка». Как только они доехали до него, Кеша попросил Ваню остановить лошадь и скончался.

Хотите верьте, хотите нет, но на этом самом месте двадцать лет спустя, почти день в день, я родила в машине своего второго сына Славу. Про «меленку» всегда шла молва, что это место потерь и находок. Наш утмановский житель Владимир Иванович Меньшенин 12-летним мальчуганом тоже однажды принял в том месте роды у женщины, которую он вез в Подосиновский роддом из Б. Романово.

А что же с фотографией? В 2000 году две половинки все же нашли друг друга. В один из воскресных дней к нам пришли жители Печенкино и принесли снимок Кеши. Мы соединили обе части, и братья встретились. Символично, что на обратной стороне этого фото есть надпись «Свидание братьев Иннокентия и Ивана Печенкиных».

Лагерь польских военнопленных на Поное

*ЛОСКУТОВ Дмитрий Сергеевич, коренной житель
г. Кандакша, краевед, руководитель проекта
возрождения культуры Поморского мореплавания
«Путь Варлаама»*

Впервые о лагерях под Поноем мне привелось услышать от Елены Геннадьевны Белошеевой – бывшей заведующей Поморской библиотекой в поселке Умба.¹ Она рассказывала, что некогда слышала от местных жителей, будто возле села Поной на одноименной реке находился лагерь пленных поляков, которые строили дорогу, мощеную булыжником. И еще в районе Сосновки (Горло Белого моря) люди с азиатской внешностью в характерных длинных халатах вылавливали бревна из воды, что также запомнилось местным жителям.² Эти несчастные, вылавливавшие лес, подолгу стояли в ледяной беломорской воде.

¹ Ныне покойной.

² Видимо, речь идет о лесе, который приносило в Горло Белого моря с противоположного берега. К архангельским деревообрабатывающим заводам лес сплавляли плотами, на месте собирая его в огромные кошелки, которые часто разбивались непогодой. Отдельные бревна вследствие сильных отливных течений и попутного ветра прибывало к Терскому берегу. Это явление хорошо известно местным жителям. В Чаваньге, например, бревна для строительства собирали по берегу после больших штормов.

Мощеная дорога.
Фото И. Вдовина

Подтверждение этому неожиданному сообщению удалось получить совсем недавно. Путешествуя «Путем Варлаама», наша экспедиция в прошлом году достигла Сосновки, и там мы пораспрашивали о тех «загадочных лагерях». Местные жители несколько приоткрыли тайну, но вспомнили только поляков.

Готовясь к войне, Советский Союз старался прикрыть уязвимые места сетью укреплений. Безусловно, подобным «уязвимым местом» являлось Горло Белого моря, так как тот, кто контролировал Горло, контролировал выход из Белого моря в Мировой океан. Для этой цели на берегах и островах моря строились заставы, пункты связи, наблюдения, аэродромы, береговые батареи. На одной из таких строек и были задействованы польские военнопленные. Они строили аэродром на левом берегу реки Поной в 18 километрах от устья.¹

Польские военнопленные офицеры и иные граждане Польши с женами «жили за колючей проволокой в палаточном лагере, и жителям села Поной категорически запрещалось с ними общаться... На кителях мужчин были позолоченные эполеты, а жены офицеров при каждом удобном случае пытались менять свои золотые украшения на продукты у местных жителей».² «В этих северных лагерях была собрана в основном польская элита: видные общественные деятели, ученые, инженеры, журналисты, учителя, врачи. На каждого было заведено подробное досье. И во время разных вызовов к опе-

¹ Во время Великой Отечественной войны с этого аэродрома взлетали советские истребители для прикрытия кораблей союзников от нападения немецких самолетов.

² Фильм Ивана Вдовина «От Каневки до Сосновки» из цикла «Экспедиция». 2002.

Пакт Молотова – Риббентропа
в советских газетах

К ЗАКЛЮЧЕНИЮ ГЕРМАНО-СОВЕТСКОГО ДОГОВОРА О ДРУЖБЕ И ГРАНИЦЕ МЕЖДУ СССР И ГЕРМАНИЕЙ.

В течение 27–28 сентября в Москве происходили переговоры между Председателем Совнаркома СССР и Народным канцлером тов. Молотовым и Министером иностранных дел Германии г. фон-Риббентропом по вопросу заключения германо-советского договора о дружбе и границе между СССР и Германией.

В переговорах принимали участие тов. Сталин и советский полпред в Германии г. Плеханов, а со стороны Германии — германский полпред в СССР г. Шуховиц.

Переговоры закончились подписанием германо-советского договора о дружбе и границе между СССР и Германией и заключении протокола СССР и Германии, в таком составе подписала между г. Молотовым и г. фон-Риббентропом по экономическим вопросам. Ниже приводятся соответствующие документы.

ГЕРМАНО-СОВЕТСКИЙ ДОГОВОР О ДРУЖБЕ И ГРАНИЦЕ МЕЖДУ СССР И ГЕРМАНИЕЙ.

Правительство СССР и Германское Правительство имеют целью, близкого Польского государства расширяют исключительно как свои, между воюющими народами на этой территории и области народа, живущих там, мирно существующих, соответствующих их национальным особенностям. С этой целью они пришли к соглашению и следуют:

Статья I.
Правительство СССР и Германское Правительство устанавливают в качестве границы между обоими государствами границы на территории бывшего Польского государства линии, которая нанесена на прилагаемый при нем карту и более подробно будет описана в дополнительной протоколе.

Статья II.
Обе Стороны взаимно устанавливают в статье I границу обоим государствам интересов охватывающей и устранив всевозможные угрозы армия в это решение.

Статья III.
Наиболее важное государственное имущество на территории линии, указанной в статье I линия, принадлежит Германскому Правительству, на территории восточнее этой линии — Правительству СССР.

Статья IV.
Правительство СССР и Германское Правительство рассматривают взаиморавноправное использование как наиболее fruitful для дальнейшего развития дружественных отношений между своими народами.

Статья V.
Этот договор подлежит ратификации. Обмен ратификационных грамотами должен произойти возможно скорее в Берлине.

Договор вступает в силу с момента подписания.

Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках.

Москва, 28 сентября 1939 года.

За Правительство СССР
Д. Молотов.

За Правительство Германии
И. Риббентроп.

ративнику пленные и интернированные поляки поражались, как в НКВД хорошо знали их биографии, да и всю подноготную».¹

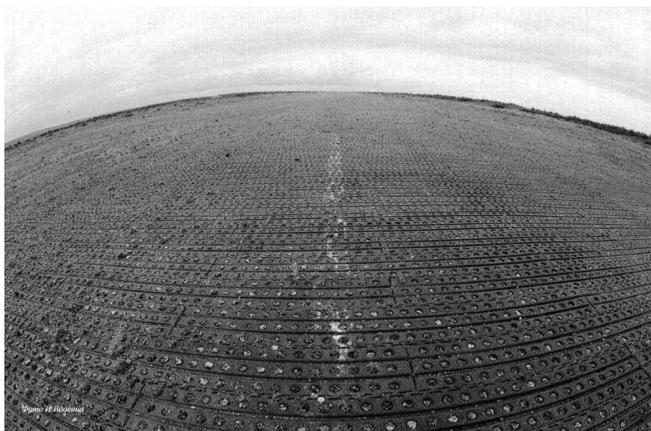
1 сентября 1939 года Германия напала на Польшу – началась Вторая мировая война. Руководствуясь секретным договором с немцами «... о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе...»,² Советский Союз ввел в Польшу войска. В наступлении участвовало 700 тысяч человек, 6000 орудий, 4500 танков, 4000 самолетов. Поход Красной армии на помощь «западным братьям» был кратковременным – всего 12 дней, но трофеи были огромными: свыше 900 орудий, свыше 10 тыс. пулеметов, свыше 300 тыс. винтовок, более 150 млн. патронов, около 1 млн. снарядов, до 300 самолетов и т. д. В плен Красная армия взяла около 450 тыс. военнослужащих, многие из которых были потом отпущены.³ По справке заместителя наркома внутренних дел комиссара госбезопасности 3-го ранга В. В. Чернышова «о количестве расселенных спецпереселенцев-осадников, беженцев и семей репрессированных (высланных из западных областей УССР и БССР) по состоянию на 1 августа 1941 года», численность спецпереселенцев оценивалась так:

¹ Киселев А. А. Очерки этнической истории Кольского Севера. Мурманск, 2009. С. 132.

² Секретный дополнительный протокол к договору о ненападении между Германией и Советским Союзом от 23 августа 1939 года: http://ru.wikipedia.org/wiki/Секретный_дополнительный_протокол_к_Договору_о_ненападении_между_Германией_и_СССР#cite_note-rogovinbook-5.

³ Крестьян Западной Белоруссии и Западной Украины, которые могли доказать, что они действительно были мобилизованы поляками, разрешалось освободить.

ВПП понойского аэродрома.
Фото И. Вдовина

1. Бывших военнопленных – 26 160.
 2. Осадников и лесников – 132 463.
 3. Осужденных и следственных – 46 597.
 4. Беженцев и семей репрессированных – 176 000.
- Итого: 381 220 человек.¹

«8 апреля 1941 года нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия отдал распоряжение № 00358 послать большую группу поляков, в прошлом (в основном) полицейских, «в район Мурманска на работы по строительству аэродрома». Нашлись документы и о том, сколько их было. По справке управления НКВД по делам военнопленных и интернированных (УВПИ), на 22 июня 1941 года на строительстве Северо-Печорской железной дороги находились 7 754 поляка и на строительстве аэродрома у Поноя – 4000».²

Помимо небольшой взлетно-посадочной полосы поляки построили и 18 км дороги от мыса Корабельный до аэродрома. В отдельных местах она выкладывалась камнями. Такие участки «бульжной мостовой» до сих пор находятся в хорошем состоянии. Судьба польских заключенных остается до конца невыясненной. «Когда в июне 1941 года фашистская Германия напала на СССР, район Поноя оказался вблизи зоны морских военных действий. Поляков пришлось срочно эвакуировать в среднюю полосу России. По одним данным, 2 тыс. человек попали в Суздальский лагерь, а 2 тыс. — в Южский. По другим, часть «понойцев» попала в Грязовец (крупный лагерь в Во-

¹ <http://memo.ru/history/polacy>.

² Киселев А. А. Указ. соч.

Секретный протокол к пакту
Молотова – Риббентропа.
Архив Президента РФ, Особая
папка, пакет № 34

СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ.

При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик именованные стороны обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер общих интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к следующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарва, Висла и Сана.

Вопрос, является ли в общих интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного общего согласия.

3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется с ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете.

Москва, 23 августа 1939 года.

В. Молотов
Г. Риббентроп

За Правительство
Германии
Г. Гинденбург

логодской области). А уже оттуда многие попали в Польскую армию Андерса, и их разбросало по всему белу свету».¹

Еще одним свидетельством пребывания польских военнопленных на понойской земле, помимо аэродрома и дороги, является кладбище, находящееся, по воспоминаниям, на левом берегу реки, где на могилах лежат неболь-

¹ Там же.

шие каменные плиты с надписями, сделанными готическим шрифтом. К сожалению, точное местоположение кладбища неизвестно.

Вспоминая упомянутую в докладе игумена Митрофана фразу, что «смерть двух человек – трагедия, а двух миллионов – статистика», хочется закончить статью письмом гражданина Великобритании Джерри Кубицы (Jerry Kubica), которое опубликовал на своей странице в «Живом Журнале» один из исследователей Кольского края Иван Вдовин. Привести это письмо представляется необходимым не только для того, чтобы проинформировать заинтересованного читателя о новых сведениях, но главное, чтобы «вернуть из цифр бездушной статистики» еще одну человеческую жизнь, напомнив тем самым о ее неповторимости, ценности и вечности ее бытия:

«... В 1939 году мой отец служил в Польской армии, был взят в плен Красной армией и отправлен в трудовой лагерь в город Мурманск, а затем переправлен в ГУЛАГ на реке Поной. Я думаю, что он работал на строительстве аэродрома, дороги и порта. Он, к счастью, выжил. Когда Германия напала на Советский Союз в июне 1941 года, отец был доставлен в Архангельский лагерь, а оттуда был направлен на юг, чтобы присоединиться к Польской армии, сформированной в России под командованием генерала В. Андерса. Он воевал с немцами в Италии и был ранен в битве при Монте-Кассино, после чего был переправлен в Англию. Моя мама и я были депортированы из Польши в Сибирь в 1940 году, но в конечном итоге в 1947 году мы добрались до Англии, где я живу до сих пор.

Сейчас для моих детей и внуков я работаю над темой «По следам наших отцов», чтобы они могли знать историю нашей семьи тех самых дней. Я уже приезжал в Россию, Казахстан и Узбекистан, и сейчас мне очень важно увидеть места, где мой отец находился на Кольском полуострове, и, в частности, увидеть польское кладбище по левому берегу реки Поной и все, что осталось после их работы в трудовых лагерях: тот аэродром и та дорога...»¹

¹ <http://ruslapland.livejournal.com/45855.html>.

«Они не пропали без вести».

Опыт работы по восстановлению памяти воинов, погибших в Великую Отечественную войну

БЕЛОВА Галина Николаевна, поисковик, храм
Рождества Иоанна Предтечи г. Кандалакша,
Мурманская область

«Война закончена лишь тогда, когда
похоронен последний солдат».

А. В. Суворов

1

Говоря о мучениках XX века, нельзя не вспомнить воинов, сложивших свои головы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, и снова почтить память тех, чья судьба скрывается за страшной фразой «пропал без вести».

В течение этой страшной войны погибло 26 миллионов 600 тысяч граждан Советского Союза. Из них пропало без вести (по официальным данным) около 5 миллионов (!) человек.

Основную часть этого числа составляют воины, оказавшиеся в немецком плену. Также многие погибли на поле боя в самые первые дни войны, и местом их упокоения стало чистое поле. Часть пропала без вести, так и не достигнув фронтов: гибли при бомбежке эшелонов. Были и такие, ко-

торые по прибытию на фронт даже не успели встать на учет в свои части: шли нескончаемые бои, и заниматься учетом пополнения не было возможности.

Одной из причин такого огромного количества оказавшихся в графе «пропавший без вести» является то, что в первые месяцы войны не было надлежащего учета «безвозвратных потерь». Шли столь тяжелые сражения, что погибали целые полки, дивизии и армии. Заниматься поиском и восстановлением судьбы каждого потерянного бойца не был ни сил, ни времени, ни возможности.

После войны «страна советов» не ставила первоочередной задачей поиск сведений о миллионах «пропавших», и об их трагических судьбах. Проникновенные слова поэтессы Ольги Берггольц: «Никто не забыт и ничто не забыто» – перешли в обязательный рефрен всех памятных мероприятий, но, увы, остались без государственного внимания. Атеистическое государство, отменившее у своих граждан наличие бессмертной души, тем более не интересовалось судьбой бранных останков погибших воинов. Это занятие полагали бессмысленной тратой времени и средств. Иные, амбициозные задачи выдвигала партия перед «строителями светлого будущего», где душам усопших, взывающим об упокоении и о погребении их тел, места не отводилось.

Все стало меняться в 90-х годах прошлого века. Когда поменялось отношение человека к Богу. «Вдруг» государство вспоминает о тех людских потерях, которые понес наш народ в ВОВ. Снимается гриф секретности с документов военных лет. Открываются двери архивов. В интернете один за другим «возникают» сайты, посвященные поиску восстановления судеб пропавших воинов. И главным событием является открытие сайта Центрального архива Министерства обороны «ОБД Мемориал» www.obd-memorial.ru (Обобщенный компьютерный банк данных).

Основная масса документов, представленных в «ОБД Мемориал», – это сканы (электронные фотографии документов) донесений о потерях личного состава РККА (Рабоче-крестьянской Красной армии), справки о погибших и пропавших без вести, а также описания и списки захоронений советских солдат и офицеров. Главная цель проекта – дать возможность миллионам граждан установить судьбу или найти информацию о своих погибших или пропавших без вести родных и близких, определить место их захоронения.

2

Только спустя время можно оценить весь путь, пройденный в поиске сведений о судьбе человека. А в самом начале мы знали только одно, что он – *воин СЕДОВ ИВАН*.

Солдаты Великой
Отечественной

Как большинство воинов ВОВ, так и наш дедушка, Седов Иван, «попал» в это пятимиллионное число «пропавших без вести». И в 2007 году мы (я и моя младшая сестра Надежда) «вдруг» решили «поискать» сведения о своем пропавшем дедушке. Все, что нам осталось в наследство из воспоминаний нашей мамы, Седовой Елены Ивановны, это то, что его зовут Иван, фамилия Седов, и что он «погиб в самом начале войны, в эшелоне, который ехал на фронт». Ни отчества, ни даты рождения, ни места рождения, ни места гибели, ни точной даты гибели, что немаловажно для памяти каждого человека, – нам ничего не было известно.

Сразу скажу: наш поиск «вылился» в долгих четыре года. И, как обратила внимание моя сестра, – мы искали столько же, сколько длилась сама Великая Отечественная война. И как начало войны принесло хаос, разруху и несогласованность в действиях в рядах Красной армии, так и наши первые месяцы поиска внесли непонимание, ссоры и раздор.

Для начала, чтобы искать человека, нужно знать его биографические данные: фамилию, имя, отчество, дату и место рождения. Любая «сопутствующая» информация может только ускорить ваш поиск. Здесь может пригодиться все: фамилии, имена, отчества родственников; профессия вашего воина до войны; и особенно семейные воспоминания о письмах с фронта. Переговорите со всеми родными и близкими, посмотрите старые фотографии. Информация может прийти оттуда, откуда вы ее не ждете. Так было и с нами. Ведь в самом начале поиска мы знали только два слова – Се-

дов Иван. К сожалению, ни наша мама, ни кто-либо из родственников в Архангельске уже не могли нам сообщить больше, чем мы знали. И нам пришлось потратить время, чтобы по крупицам восстановить информацию о дедушке. Спустя время мы узнали, что наш дедушка – Седов Иван Николаевич, 21 сентября 1910 года рождения, уроженец Мологского района, Городецкого сельсовета, д. Василисово.

Следующий шаг – это обращение к вышеупомянутому сайту «ОБД Мемориал». Но найденные сканы не помогли нам «тут же и сразу» выявить место гибели нашего деда. Два года мы просто «топтались» на месте. Ни у меня, ни у моей сестры не было опыта в поиске восстановления судьбы человека. И вместо поиска сведений о судьбе нашего деда я начинала собирать сведения о пропавших эшелонах.

Все стало меняться после разговора с игуменом Митрофаном (Баданиным). Не знаю, почему, но у меня сначала не хватало духу поговорить с батюшкой об этом поиске, который я вела. Видимо, хотелось похвастаться достигнутыми успехами, однако пришлось просить помощи. На всю жизнь я запомнила слова отца Митрофана, сказанные тогда: «Надо помолиться, и он сам отзовется». Сначала мне показалось, что это лишь красивая метафора, и только спустя время я вспомнила наш разговор и поставила свечу в храме: «Упокой, Господи, душу раба Твоего, воина Иоанна!» И с тех пор начала постоянно молиться об упокоении деда.

И стали открываться новые возможности. В первую очередь, появились важные контакты с так называемыми «поисковиками» через Интернет. «Поисковики» – так условно можно назвать всех тех, кто неравнодушен к судьбам пропавших солдат. На сайтах, посвященных ВОВ, таких людей оказалось неожиданно много. Просто надо не стесняться и спрашивать. У них, у «поисковиков», много больше опыта, и зачастую они «видят» в сканах старых документов то, что для обычных людей может показаться «бесполезной информацией». Не скажу, что мне сразу помогли найти нужную информацию об обстоятельствах гибели нашего деда. Но нам помогли выбрать направление нашего поиска! Информации оказалось так много, что я не знала, за что хвататься. И снова разговор с о. Митрофаном: как быть? И снова мне помог совет батюшки: «Постарайтесь в Вашем поиске быть последовательными». Мы так и действовали. Написали запрос в Архангельский военкомат. Пришел ответ: «... Данных нет. Обратитесь в Вологодский военкомат». Мы написали в Вологодский... И так шаг за шагом продвигались в нашем поиске.

В общем итоге мы отправили 14 официальных запросов, не считая электронных сообщений. Центральный архив Министерства обороны; Архангельский, Вологодский и Коми военкоматы; Архангельский, Вологодский и Ярославские архивы; Военно-Мемориальный центр в г. Москве; Архив политической истории. Все эти организации «выстроились» в цепочку нашего поиска. Иногда запросы приходилось повторять, потому что менялась информация о нашем дед. Но у всех запросов было одно общее правило: благодарность. На каждом официальном запросе мы от руки делали приписку: *«Просим не оставлять нашу просьбу без внимания. Любая информация очень важна для нас. Заранее благодарим за помощь и понимание»*. Этому «золотому правилу» научила нас наша мама. Людей надо благодарить, даже если они для вас ничего не сделали, а просто выслушали. Благодарите! Ведь они могли и этого не делать.

И вот наконец, в Светлую Седмицу 2011 года, мы «вышли» на предполагаемое место гибели нашего деда – «Невский пятачок», что существовал на Ленинградском фронте. Долгий четырехлетний путь поиска подходил к концу. 2 мая я написала официальное письмо в «Ленинградскую комиссию поиска и увековечивания воинов, погибших в годы ВОВ» с просьбой подтвердить или опровергнуть, действительно ли наш дед Седов Иван Николаевич погиб на Ленинградском фронте. Уже по опыту я знала, что ответ нужно ждать месяц-полтора. Ответ пришел на мой электронный адрес 8 мая, но я не ждала такой оперативности, и проверила почту только 9 мая (!). В письме сообщалось: *«... Ваш дед, политрук Седов Иван Николаевич, последнее место службы ОЛТБ НОГ ЛФ (отдельный танковый батальон плавающих танков Невской оперативной группы Ленинградского фронта) погиб 26 сентября 1942 года при форсировании реки Невы в районе Невской Дубровки... В начале сентября 1942 года Невская оперативная группа (НОГ) Ленинградского фронта получила задачу: “силами 46, 70, 86-й стрелковых дивизий и 11-й стрелковой бригады форсировать реку Нева в районе Невской Дубровки, прорвать оборону противника, установить связь с 8-й армией и во взаимодействии с ней уничтожить Синявинскую группировку немцев”. Для выполнения этого плана войска НОГ усиливались танковыми частями, в числе которых был и отдельный батальон легких танков (ОЛТБ). Операция по форсированию Невы началась ночью 26 сентября 1942 года. ... Немцы, заметив переправу, открыли артиллерийский и пулеметный огонь. Все машины были подбиты и пошли ко дну. Их экипажи попытались вплавь*

**переправиться на правый берег, но в воде были расстреляны немцами. Седов Иван Николаевич погиб во время этой переправы. Как это ни при-
скорбно, но Нева стала местом упокоения тысяч советских солдат. Его
имя занесено в Книгу памяти и в дальнейшем будет увековечено на во-
инском мемориале».**

Вот так общегосударственный праздник «День Победы» стал и нашим Днем Победы тоже! Божией милостью мы «влились» в общую судьбу героев. И с тех пор, может с чрезмерной гордостью, я говорю всем своим друзьям и близким: наш дедушка, политрук Седов Иван Николаевич, погиб холодной ночью 26 сентября 1942 года при переправе на «Невский пятачок» в очередной прорыв блокады Ленинграда. Но он НЕ пропал без вести!

3

Свой небольшой опыт поиска сведений о судьбе человека хочется адресовать тем, кто равнодушен к судьбам погибших солдат.

В интернете много полезной информации для организации поиска. Но все сайты предупреждают: искать человека, пропавшего в годы Великой Отечественной войны, очень и очень сложно. Особенно это касается воинов, погибших в 1941–1942 годах: «Если Ваш родственник пропал без вести во время Великой Отечественной войны, то будьте готовы к длительной и кропотливой работе» (www.soldat.ru). Возможно, как в нашем случае, вы не найдете точного места захоронения вашего воина. Но вы, возможно, сможете восстановить день его памяти, день его сугубого поминовения, что чрезвычайно важно для души воина.

И еще один важный момент, помните: «То, «что человекам невозможно, возможно Богу» (Мф. 19, 26, Мк. 10, 27, Лк. 18, 27). Итак, если Вы полны решимости и веры, что Бог вас не оставит, смело принимайтесь за дело! И помните: они НЕ пропали без вести! Нужно только постараться отыскать эту весточку. Бог Вам в помощь!

В работе используйте материалы сайтов:

www.obd-memorial.ru – сайт Центрального архива Министерства обороны РФ – Обобщенный банк данных. Содержит информацию о защитниках Отечества, погибших и пропавших без вести в период Великой Отечественной войны и послевоенный период.

www.soldat.ru – сайт Архангельского социально-мемориального центра «Поиск». Содержит справочную информацию, посвященную ВОВ. На форуме сайта можно задавать вопросы «поисковикам».

www.kremnik.ru – сайт Музея-Мемориала Великой Отечественной войны в Казанском Кремле Республики Татарстан. На сайте создана картотека погибших и пропавших без вести воинов. Картотека постоянно в режиме редактирования (пополняется новыми именами).

[отечестворт.рф](http://otечестворт.рф) – сайт Общественной молодежной организации «Объединение Отечество». Отличительная особенность сайта в том, что на нем создана компьютерная база данных более четырех миллионов имен погибших и пропавших без вести воинов... по результатам поисковых экспедиций. Это единственный сайт, который контактирует со всеми поисковыми отрядами РФ. www.npmuzei.org/index/muzej/0-13 – сайт музея «Невский пяточок» в г. Невская Дубровка.

Благодарю всех, кто помогал нам продвигаться в нашем поиске. Кто помог преодолеть неуверенность, сомнения и лень. Всех тех, кто помог поверить в свои силы: игумена Митрофана (Баданина), Ивлева И. И. (создателя сайта www.soldat.ru), Осипова А. И. (директора музея «Невский пяточок»), Марданшину Хатиру Мансуровну (создателя сайта www.kremnik.ru) и многих других, чьи имена скрываются за никами в форуме «Солдата».

Приложение:

Все началось с этой фотографии. На ней наши бабушка и дедушка – Седовы Лидия и Иван (предположительно 1940 г).

История церквей Терского района в 1920–1930-е годы в архивных документах

*ПИВОВАРОВА Татьяна Викторовна, начальник
отдела ИАДиИПС государственного архива
Мурманской области, г. Кировск*

Удовлетворить все возрастающий интерес к истории российского православия во многом призваны архивы, хранящие документы государственных органов и других светских учреждений и организаций, в которых имеются сведения по истории Церкви. Фонды Государственного архива Мурманской области в г. Кировске являются важным источником сведений по истории Церкви на Кольском полуострове.

Документы по истории Церкви на Мурмане после установления Советской власти отложились в основном в фондах исполнительных комитетов местных Советов.

Мы обратимся к документам архивных фондов Терского райисполкома, исполнительных комитетов всех сельских Советов, располагавшихся на территории Терского района.

Наше выступление посвящено 30-м годам прошлого столетия. Это один из самых трагических периодов для российского православия.

В 30-е годы Сталин завершал построение монолитного тоталитарного государства. В таком государстве не было места для Церкви.

Постановление ВЦИК
о религиозных объединениях

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ РСФСР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 8 апреля 1929 года

О РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров РСФСР постановляют: 1. Под действие Декрета Совета Народных Комиссаров РСФСР от 23 января 1918 года об отделении церкви от государства и школы от церкви (Собр. Узак., 1918, N 18, ст. 263) подходят церкви, религиозные группы, толки, религиозные течения и прочие культовые объединения всех наименований. 2. Религиозные объединения верующих граждан всех культов регистрируются в виде религиозных обществ или групп верующих. Каждый гражданин может быть членом только одного религиозно - культового объединения (общества или группы). 3. Религиозное общество есть местное объединение верующих граждан, достигших 18-летнего возраста, одного и того же культа, вероисповедания, направления или толка, в количестве не менее 20 лиц, объединившихся для совместного удовлетворения своих религиозных потребностей. Верующим гражданам, которые в силу своей малочисленности не могут образовать религиозного общества, предоставляется право образовать группу верующих.

Суть антирелигиозной политики государства была четко определена в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года «О религиозных объединениях».

Гонения теперь проходили на более высоком уровне, с использованием всей мощи тоталитарного государства.

После выхода в свет указанного постановления и постановлений НКВД РСФСР от 1 октября 1929 года о правах, обязанностях и регистрации религиозных объединений в исполкомы стали поступать документы для регистрации религиозных обществ: заявления, списки учредителей, в отдельных случаях – анкеты служителей культа. Обратимся к этим информационно насыщенным архивным документам, которые являются характерными для каждого церковного прихода.

Перед нами заявление граждан села Умба в административный отдел Терского райисполкома. Читаем: «Для совместного удовлетворения религиозных потребностей мы, граждане, в количестве 20 человек, принадлежащих к православному вероисповеданию, решили организовать общество верующих, район деятельности которого будет распространяться на село Умбу. В соответствии с постановлением ВЦИКа и СНК РСФСР от

Заявление граждан села Умба
об организации общества
верующих, 1929 г.

В Юстициальной палате Отдела Терского РИИЭ

Заявление.

Для сведения Юстициальной палаты публич-
ной мол. 27-м в комиссию 20 человек Юстициальной
православному вероисповеданию решили организовать
во верующих район административной территории Судет рас-
пределенной на село Умбу

В соответствии с постановлением ВЦИК и СНК
РСФСР от 31/12 29 года о сватичестве объединений и
творения НК ВД от 1/11 29 года за № 228 о правах и
обязанностях религиозных объединений просим за ре-
шительность об-во под названием "Умбское об-во
верующих"

Приложение: Список Учредителей по установленной форме

08.04.1929 за № 328 о правах и обязанностях религиозных объединений просим зарегистрировать общество под названием «Умбское общество верующих».

Приложение: Список учредителей по установленной форме. Такие заявления поступили в административный отдел Терского райисполкома от жителей всех сел Терского района.

Архивное дело Умбского
общества верующих

Дел. № 1000 № _____
Мурманск и Олларкия

форма № 88.
С лишением
для лишения
свободы.

Администрация палаты Отдела Терского
(Наименование учреждения)
районного Уполномоченного Юстиции

ДЕЛО № 2

о Умбском обществе
верующих.

ито „1“ Октября 1929 г. Возобновлено „ “ 19
чено „1“ Января 1930 г. Окончено „ “ 19 г.

На _____ листат.

В 1929–1931 годах были зарегистрированы общества верующих Варзутской Петро-Павловской общины, Тетринское, Кашкаранское, Кузнецкое, Кузоменьское, Порьягубское, Оленицкое, Чапомское, Чаваньгское, а также общества верующих, распространяющего свою деятельность в с. Пялица и д. Пулоньга.

В распоряжение местных органов власти попадали исчерпывающие сведения о составе религиозных обществ, их исполнительных ревизионных органах и служителях культа, что было практически необходимо для надзора за их деятельностью со стороны государства.

Затем надзор перешел в контроль, а потом и во вмешательство в религиозную жизнь верующих со стороны местных органов.

Список учредителей Умбского религиозного общества

№ п/п	СПИСОК УЧРЕДИТЕЛЕЙ				РЕЛИГИОЗНОГО ОБЩЕСТВА			
	ФИО, имя и отчество	Место рождения	Создано в каком году	Обстоятельства, при которых создано в 1924 г.	Учредительский капитал	Капиталовое положение	Время проведения 1-й ревизионной сессии	Состояние в настоящее время
1	Костин							
2	Алексей Иванович		1924	1924	1924	С.О.Н.К.	1931	—
3	Александр		—	—	—	С.О.Н.К.	1921	—
4	Александр		—	—	—	—	1922	—
5	Александр		—	—	—	—	1922	—
6	Александр		—	—	—	—	1922	—
7	Александр		—	—	—	—	1922	—
8	Александр		—	—	—	—	1922	—
9	Александр		—	—	—	С.О.Н.К.	1926	—
10	Александр		—	—	—	—	1924	—
11	Александр		—	—	—	—	1926	—
12	Александр		—	—	—	—	1922	—
13	Александр		—	—	—	—	1922	—

Общества верующих заключали договоры с райисполкомом о праве открытия общества верующих, прилагали списки верующих. В соответствии с этим договором верующие получали в бесплатное и бессрочное пользование находящиеся в селах Терского района Мурманского округа здания культа, предметы культа по особой заверенной подписями описи на определенных условиях. Что же это были за условия?

Во-первых, члены обществ верующих обязаны были беречь переданное им народное достояние и пользоваться им исключительно по назначению. Во-вторых, здания культа и находящиеся в них предметы культа использовать исключительно для удовлетворения религиозных нужд. В-третьих, в принятых зданиях культа не допускать политических собраний, враждебных Советской власти; не допускать раздачи или продажи книг, брошюр,

Договор граждан с Порьягубским сельсоветом о принятии в пользование здания культа и церковного имущества от 24.01.1931

Д О Г О В О Р

Мы нижеподписавшиеся, гр-не села Порья Губа Мурманского Округа Терского района имеющие в нём своё местожительство, заключили настоящий договор с Советом Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов в лице его полномочного представителя Начальника Терского РАО Вольшакова Алексея Илларионовича в том, что сего числа 24 месяца января 1931 года приняли от Совета в лице Начальника Терского РАО Вольшакова в бесплатное пользование находящееся /указать место нахождения/ в селе Порья Губа Терского района Мурманского Округа здание культа, состоящее из деревянного здания с предметами культа по особой, нами заверенной своими подписями описи, на нижеследующих условиях:

1. Мы, нижеподписавшиеся граждане, обязуемся беречь переданное нам народное достояние и пользоваться им исключительно соответственно его назначению, принимая на себя всю ответственность за целостность и сохранность врученного имущества, а также за соблюдение всех иных, лежащих на нас по этому договору обязанностей.

2. Зданиями культа и находящимися в них предметами культа, мы обязуемся пользоваться и предоставлять их в пользование всем нашим единоверцам исключительно для удовлетворения религиозных потребностей.

3. Мы обязуемся принять все меры к тому, чтобы врученное нам имущество не было использовано для целей, не соответствующих ст.1 и 2 настоящего договора.

В частности, в принятых нами в заведывание зданиями культа обязуемся не допускать:

- а/ политических собраний враждебного Советской власти направления;
- б/ раздачи или продажи книг, брошюр, листовок и посланий, направленных против Советской власти или её представителей;
- в/ произнесение проповедей и речей, враждебных Советской власти или её отдельным представителям;
- г/ обязуемся подчиняться всем распоряжениям местного Совета относительно распорядка пользования колокольнями;

листовок и посланий, направленных против Советской власти или отдельных представителей. По договору о пользовании молитвенным помещением верующие обязуются беспрепятственно допускать уполномоченных городских Советов или волостных и районных исполнительных комитетов или сельских Советов. Несложно заметить, что в каждой статье проявляется преимущественное право местных органов – за ними всегда последнее слово. И таких пунктов было 12. Отмечу также, что, исходя из содержания этих договоров, члены обществ верующих обязаны были из своих средств производить оплату всех расходов по содержанию зданий культа и находящихся в них предметов, за текущий и капитальный ремонт, отопление, страхование, охранение (так в документе). За невыполнение договорных обязательств подписавшие его несли уголовную ответственность, а сам договор аннулировался.

На деле страховое обложение церквей, особенно в сельских местностях, иногда достигало таких размеров, что лишало общину возможности пользоваться церковным зданием.

Итак, архивные документы показывают, в какое униженное положение была поставлена Церковь самим законом и как этот закон усугублялся действиями конкретных органов на местах.

Оглавление к описи церковного имущества в варзугских храмах от 15.03.1929

№№ 11.11 лист.	№№ ст. ст. районной книжки.	Оглавление описи.	Стр. книжки.
<i>Часть первая.</i>			
<i>Краткое описание храмов.</i>			
I.	1.	Ногемский храм	1.
	2.	Воспито-Савватиевский	2.
	3.	Петро-Павловский	2.
	4.	Иконописный храм	2.
<i>Часть вторая.</i>			
<i>Опись имущества, находящегося в Ногемском храме.</i>			
II.	1.	Алтарь Ногемской церкви	3.
	2.	Преддверный иконостас	5.
	3.	Иконы	8.
	4.	Воскуривки	8.
	5.	Каликидница	8.
	6.	Лампада	8.
III.	1.	Иконостас в Воспито-Савватиевской церкви	9.
	2.	Алтарь в приделе Иоанна и Савватия	9.
	3.	Иконы в церкви	11.
	4.	Алтарь в приделе Абрамаса	11.
	5.	Преддверный иконостас его	11.
	6.	Иконы в церкви св. Абрамаса	12.
	7.	Иконы в приделе: а) св. Василия б) св. Абрамаса	13.
	8.	Воскуривки	13.
	9.	Каликидница	13.
	10.	Лампады для возжигания свеч	13.
	11.	Разная посуда	14.
IV.		Иконописки	14.
V.		Сграда	15.
VI.		Богослужебные книги	15.
<i>Часть третья.</i>			
<i>Опись ризницы.</i>			
I.	1.	Антикингия	16.
II.	2.	св. Евангелия	16.
III.	3.	Нагрудные платки Ареопы	16.

Ценным источником для изучения материального положения Церкви и духовенства являются имеющиеся в фондах исполкомов описи церковного имущества.

В архивных документах Терского райисполкома имеются описи имущества практически каждого прихода. Например, одна из самых больших и подробных описей – это опись имущества церковью села Варзуга. Некоторые страницы ее вы видите на слайдах. Она состоит из 6 частей.

Первая часть – краткое описание храмов, вторая – опись имущества Успенского храма, третья – описание ризницы, четвертая и пятая части содержат сведения о храмах святых апостолов Петра и Павла, находящегося в нем имущества, ризницы, а шестая – описание книгохранилища.

Значительна по объему (17 листов) и опись недвижимого и движимого

Из описи книг духовного
содержания

	Два сводника и шрифтыва на 1 листе Неручко-Свердловскому Оброзу Св. Духа.	5.	
	2. Показание книги двупенного писания.		
31.	2. Три Библии на славянском языке.	3.	
32.	3. Библия на русском языке (разночтенная) сд. переплетена.	1.	
33.	4. Четверо евангелия на славянском языке.	4.	
34.	5. Два евангелия на Римском и Нерубинском (от евангелия Матфея) языках.	2.	
35.	6. Преподание на русском языке.	1.	
	Главы III		
	1. Писания св. Отца и прочие книги духовного содержания.		
36.	1. Святоотеческих книг 65 названий - томов.	65	
	2. Книги исторические, руководствительные, заурядные и проч.		
37.	2. 48 названий и томов. Список из книг после недавней ереминой погребенной и уничтоженной. Мотивация книг Погодинского прихода в 1783 г. по 1820 г. передана в Русско-Исторический Архив в Москве в декабре 1820 года, и все прочие книги и дела из этого списка в Московском архиве в полном объеме по 1822 год 20 июля 1825 года.	48.	4/0

Хотелось бы особо подчеркнуть тот факт, что на территории Терского района было воздвигнуто довольно много церквей, и еще следует добавить к их числу немалое количество часовен. И это неслучайно. На Севере религия имела особенно прочные корни. На бурном полярном море и на необъятных пустынных просторах тундры людей постоянно подстерегала опасность, нередко их жизнь висела на волоске. Сам промысел, требовавший огромного труда и усилий, зависел от случайности природы. Это рождало чувство неуверенности в своих силах, зависимости человека от Всевышнего. Желая заслужить милость Бога, крестьяне на собранные ими деньги строили храмы, ставили кресты, отмечали религиозные праздники, соблюдали посты, молились перед иконами, делали вклады в монастыри.

Согласно списку, функционирующих молитвенных зданий по Терскому району за 1934 год действовали следующие церкви: в селе **Умба** Воскресенская, в **Тетрино** 2 церкви – Святой Троицы и святого Василия Великого; в **Кузомени** 3 церкви – Дмитриевская (во имя святого великомученика Дмитрия Солунского), Сретенская (во имя Сретения Господня), Покровская (во имя Покрова Пресвятой Богородицы); в **Варзуге** – Никольская, Петро-Павловская, Успенская; в **Кашкаранцах** – Тихвинской Божьей Матери; в селе **Порья Губа** – Никольская; в **Оленице** – церковь Иоанна Предтечи, в **Кузрее** – Сретенская; в **Чапоне** – Видения Пресвятой Богородицы; в **Чаванье** – Михайловская и церковь Трех Святителей; в **Пялице** – Никольская церковь.

В феврале 1930 года государство предоставило право на закрытие молитвенных зданий краевым и областным Советам (ранее это мог сделать лишь Президиум ВЦИК), что развязывало руки «местной инициативе».

В Ленинграде и Ленинградской области (до мая 1938 года Мурманский округ входил в состав Ленинградской области) кампания по закрытию церквей началась несколько позже, чем в других местах, но по интенсивности она была очень активной. Мурманский округ поражает количеством закрытых храмов.

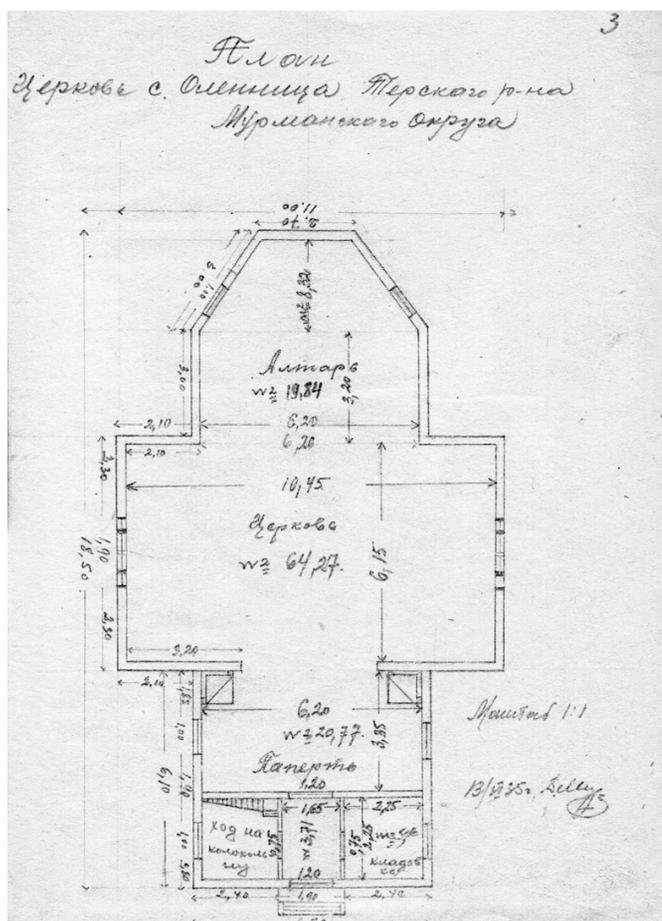
В архивном фонде Терского райисполкома имеются многочисленные решения о закрытии церквей и часовен в 30-е годы. В вопросах закрытия церквей представители органов власти на местах проявляли, можно сказать, очень большое рвение. Из протокола заседания Президиума Терского райисполкома от 26.04.1930 № 55 узнаем, что «имеются случаи перегибов в закрытии церквей без постановления общих собраний о передаче церквей (Варзуга), что объясняется неясностью в этом вопросе, отсутствием разъяснения со стороны административного отдела».

Одновременно по стране разворачивалась «антиколокольная кампания».

Осенью 1929 года Президиум ВЦИК принял еще одно антицерковное постановление, в котором, в частности, говорилось: «Колокольный звон нарушает бытовые условия масс, мешает труду и отдыху». А 15 декабря секретариат ВЦИК постановил «предоставить право регулирования колокольного звона горсоветам и райисполкомам». На местах, так сказать, «правильно поняли» это решение и принялись в массовом порядке снимать колокола.

В архивном фонде Чаваньгского сельского Совета имеется очень интересный документ – решение Президиума Ленинградского областного ис-

План церкви с. Оленица,
построенной в 1895 г.

полнительного комитета от 04.02.1935 о прекращении колокольного звона в городах и сельских местностях. В этом перечне значится и Мурманский округ Ленинградской области. Читаем: «Колокольный звон в поименованных выше районах прекратить с 7 февраля 1935 года. РИКом провести соответствующую массовую работу среди населения и проследить за выполнением настоящего постановления».

А вот перед нами материалы по вопросу закрытия Оленицкой церкви. Читаем справку председателя Оленицкого сельсовета от 25.06.1935, в которой указано, что с 1931 года церковь закончила работу в связи с арестом попа, дьяка и старосты за классовую вылазку против коллективизации (в списке лиц, лишенных избирательных прав в 1927–1928 годах, духовным служителем религиозного культа с. Оленица значится КОЖИН Моисей). Имеется выписка из протокола общего собрания граждан с. Оленица от

Письмо о включении Успенского храма с. Варзуга в список охраняемых памятников, 1935 г.

Председателю Варзугского Совета
355.
Терский Районный Совет сообщает, что Успенская церковь находящаяся в с. Варзуга состоит под государственным охраной и в соответствии с постановлением Президиума Ленинградского областного совета от 14.05.1935 г. по Ленинградской области, об охране исторических памятников предлагается Вам принять на себя инициативу в охране ~~этой~~ Успенской церкви указавшей церкви

Зав. Районо Бувин
наб. секретарь

05.05.1935 о передаче церкви под культурное учреждение (под клуб), а также протокол пленума Оленецкого сельского Совета от 14.05.1935 о передаче церкви под клуб, акт осмотра здания церкви от 12.07.1937.

Такие решения общих собраний граждан сел Терского района и исполнительных комитетов сельских Советов были приняты повсеместно, во всех населенных пунктах.

Однако следует отметить, что еще в 1935 году Успенская церковь на Прецистенском берегу села Варзуга была включена в список охраняемых исторических памятников по Ленинградской области, поэтому избежала уничтожения и разграбления.

В составе документов архивных фондов Терского райисполкома, исполнительных комитетов всех сельских Советов, располагавшихся на территории Терского района, имеются анкеты некоторых священнослужителей, списки лиц, лишенных избирательных прав, протоколы общих собраний граждан, заседаний сельских Советов. Материалы этих документов позволяют сделать вывод, что преследование духовенства было частью антирелигиозной политики государства.

В решении этого вопроса представители Советской власти на местах использовали разные методы. Например, лишение избирательных прав служителей культа. В протоколах общих собраний граждан сел Терского берега за 1924–1927 годы есть именные списки лиц, лишенных избирательных прав. Среди них служащие религиозного культа Гусев Николай, Коварнин

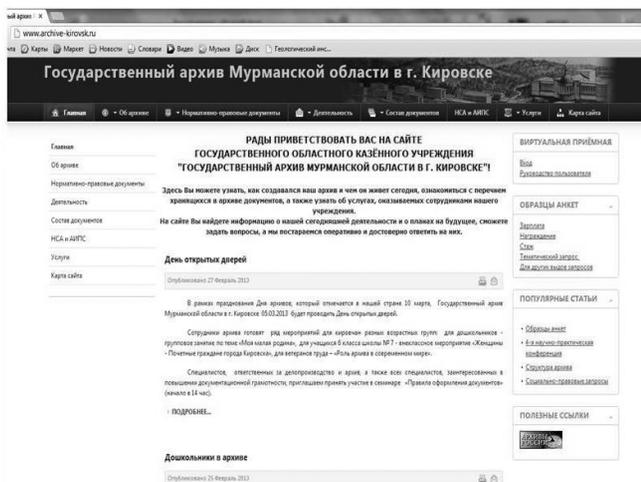
же говорят архивные документы. Из протокола общего собрания граждан с. Умба от 06.05.1924 № 23 следует, что у священника Попова А. А. «прежний надел промысловый и сенокосный лично отобрать, но дабы не выкинуть за борт его трудоспособное семейство и не ломать порядок общего распределения промысловых угодий в 1924 году, таковой надел в текущем году оставить за его трудоспособными членами семьи. Дальнейшее обеспечение священника должно лечь на культ верующих».

Служители культа, находившиеся в категории «лишенцев», лишённые медицинского обслуживания и продовольственных карточек, в массовом порядке подвергались арестам, заключению, ссылкам, а иногда и расстрелу.

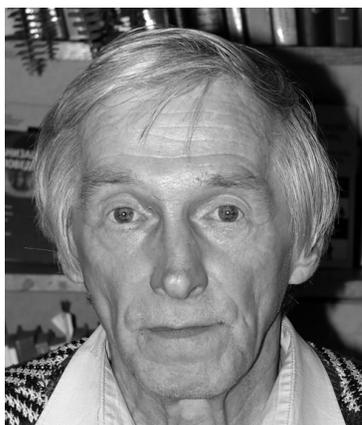
Итак, в документах Государственного архива Мурманской области в г. Кировске содержится, как уже отмечалось, немало документов, позволяющих восстановить некоторые страницы истории православных храмов, расположенных на Терском берегу.

У Кировского государственного архива есть сайт в интернете (<http://archive-kirovsk.ru>), где каждый желающий может познакомиться с составом документов, хранящихся в наших архивных фондах.

Главная страница сайта
ГОКУ ГАМО
в г. Кировске

Информация о расстрелянных под Кандалакшей священниках по «Книге памяти Каскада Нивских ГЭС» и «Поминальной книге Карелии 1937–1938 годов» и общая статистика

*ОРЕХОВ Владимир Викторович, заведующий
Музеем истории Каскада Нивских ГЭС
филиала «Кольский» ОАО «ТГК-1»*

1. Суворов Алексей Владимирович, 1889 г. р., место рождения: с. Шабур Никольского района Вологодской области, русский. Священнослужитель. Проживал в г. Кандалакша Мурманской области. Арестован 20.01.1933. Осужден 07.05.1933 «тройкой» ОГПУ Ленинградского военного округа по ст. 58-10 УК. Приговорен к 10 годам ссылки. Реабилитирован 17.09.1959 Военным трибуналом Северного военного округа.

2. Казанский Сергей Иванович, 1881 г. р., место рождения: г. Устюжна Ленинградской области, русский, трудпоселенец, кучер. Служитель культа

(священник). Проживал в п. Нивастрой (строительство Каскада Нивских ГЭС) Кандалакшского района. Арестован 28.09.1937. Осужден «тройкой» НКВД КАССР 08.10.1937 по ст. 58-2-10-11. Расстрелян 19.10.1937 под поселком Кандалакша. Реабилитирован Мурманским облсудом 20.05.1958 г.¹

3. Красильников Александр Алексеевич, 1888 г. р., место рождения: д. Климо-Заборье Северного края; русский, священник. Проживал в д. Ковда Кандалакшского района. Арестован 27.03.1933. Приговорен «тройкой» ОГПУ Ленинградского военного округа 07.05.1933 по ст. 58-10 к 10 годам ссылки. Реабилитирован Военным трибуналом Северного военного округа 17.09.1959.

4. Аколин Арсений Назарович, 1894 г. р., место рождения: д. Бузаково Вологодской области; русский, служитель культа. Проживал в пос. Нивастрой (строительство Каскада Нивских ГЭС). Арестован 12.11.1937. Осужден «тройкой» УНКВД Ленинградского округа 31.12.1937 по ст. 58-2-10-11. Расстрелян 11.01.1938. Реабилитирован Мурманским облсудом 30.12.1956.

Справочный материал по расстрелянным под Кандалакшей в 1937–1938 гг.

В «Поминальной книге расстрелянных под Кандалакшей» 1937–1938 гг. указаны фамилии граждан Российской Федерации, Белоруссии, Украины и Финляндии, которые стали жертвами политических репрессий в период «Большого террора».

Конкретное место расстрела граждан этих стран не установлено (поиски в архивах продолжаются). По некоторым непроверенным источникам, их расстреливали в тюрьме, находящейся в Кандалакше в районе улицы Набережной, на месте гостиницы «Сполохи», по другим сведениям – в районе здания нынешней администрации города.

По состоянию на 01.10.2013 были установлены имена почти 100 человек, расстрелянных под поселком (городом) Кандалакша.

¹ Сын – Казанский Федор Сергеевич, капитан флота, г. Мурманск. Дата смерти неизвестна. Внук – Казанский Сергей Федорович, окончил Мурманский ГПИ, мастер спорта по фехтованию. Служил в армии в 1970–1972 гг. Работал инструктором по спорту на Мурманской ТЭЦ. Умер в 1996 г.

Все они были уничтожены (расстреляны) в период действия Приказа НКВД № 00447 (оперативного приказа народного комиссара внутренних дел СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов») – это был секретный приказ НКВД от 30 июля 1937 года.

На основании этого приказа с августа 1937 по ноябрь 1938 года 390 тысяч человек было казнено, 380 тысяч человек было отправлено в лагеря ГУЛАГа. Установленная первоначальная «квота» – репрессировать 268,95 тысяч человек, из которых 75,95 тысяч расстрелять, – была превышена в несколько раз.

Операция по этому приказу стала крупнейшей массовой операцией «Большого террора».

Количество расстрелянных только под Кандалакшей, с указанием национальности погибших, составило: русских – 40 человек, финнов – 19 человек, карелов – 26 человек, эстонцев – 4 человека, украинцев – 4 человека, белорусов – 2 человека, татар – 1 человек, поляков – 1 человек.

Итого: 97 человек восьми национальностей.

Источники:

1. Поминальные списки Карелии, часть 2. 1937–1938 гг. Уничтоженная Карелия. Большой террор. Петрозаводск, 2002.

2. Книга памяти жертв политических репрессий Мурманской области (20-50-е годы). Мурманск, 1997.

3. Книга памяти жертв политических репрессий Каскада Нивских ГЭС филиала «Кольский» ОАО «ТГК-1». Кандалакша, 2011.

Нивская ГЭС: 1928–1934 гг.

Скорбные вехи

*ОРЕХОВ Владимир Викторович, заведующий
Музеем истории Каскада Нивских ГЭС
филиала «Кольский» ОАО «ТГК-1»*

Река Нива, берущая свое начало в озере Имандра – самом большом озере Кольского полуострова, и впадающая в Кандалакшский залив Белого моря, относится к горным рекам. Несмотря на свою малую протяженность – всего 34 км, – она имеет несколько крупных порогов (Юрьев, Разбойник и т. п.) Перепад высоты от истока реки (от озера Имандра) до Кандалакшского залива составляет 127 метров. Если оценивать высоту перепада реки, достаточно вспомнить, что высота шпиля Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге – 120 м. С восточной части река защищена холмами и горами, высота некоторых из них достигает от 300 до 700. С западной стороны река протекает в более равнинной местности с небольшими хвойными лесами и болотами, правда, имеются небольшие возвышения в виде отдельных скальных выходов.

Река Нива известна давно, главным ее богатством была красная рыба – семга. По некоторым историческим источникам, семга поставлялась прямо к царскому столу во времена правления Ивана Грозного.

В 1928 году на берегах реки Нива в Кандалакшском районе побывал выдающийся русский ученый геолог, знаток Хибин – академик Александр Евгеньевич Ферсман. В его задачу входило определить возможности использования развития района на базе апатитовых руд Хибин. В 1931 году под руковод-

Разработка глубокой выемки
на строительстве канала,
27 марта 1932 г.

ством академика Ферсмана были проведены работы по исследованию Кандалакшского района в связи с изысканием глин и пород для строительства треста «Апатит». В результате исследования были намечены площадки для строительства Северного химического комбината. ВСНХ, Совет Труда и Оборон у утвердил постройку комбината на площадке Нижняя Кандалакша.

О грандиозном строительстве Северного химического комбината уже можно судить по тому, что общая сумма строительства составляла 300 000 000 рублей. В первую очередь предусматривалось построить алюминиевый завод производительностью 1 000 000 тонн окиси алюминия. По срокам, завод должен быть пущен в первом квартале 1933 года. Во вторую очередь предусматривалось строительство фосфорного завода с производительностью 100 000 тонн фосфорной кислоты. Проектировщики рассчитывали, что «хвосты», которые будут образовываться от производства окиси алюминия и кислот, явятся сырьевой базой для намеченного к постройке цементного завода с производительностью 2,5 млн бочек в год и стекольного завода.

Из маленькой рыбацкой деревушки на севере Карелии Кандалакша должна была стать во второй пятилетке социалистическим городом с населением 80-100 тыс. человек. Но для строительства таких производственных предприятий требовались соответствующие энергетические мощности. Решить проблему была призвана Нива. Силу ее течения постановили использовать для вращения лопастей генераторов.

По первому варианту гидростроителями предусматривалось возвести одну ГЭС мощностью 150 Мвт в нижней части русла реки Нива в районе

Спецпереселенцы на строительстве каскада Нивских ГЭС в 1932 г.

Нижней Кандалакши. Для этого нужно было соорудить плотину высотой 25 м, поднять Пинозеро до уровня озера Имандра, затем открытым каналом и шестикиллометровым тоннелем подвести воду к Белому морю на горизонт отметки 127 м и с этой высоты сбросить весь расход реки Нива в Кандалакшский залив; но план пришлось изменить...

1928–1929 годы. На железнодорожную станцию Пинозеро прибыли первые изыскатели и буровой отряд Энергостроя. Изыскания, исследования и бурение по обеим берегам реки проводились под руководством инженера Вокушевского. Работы проходили в тяжелых, неблагоприятных климатических условиях Крайнего Севера, при скудных запасах не только продовольствия, но и технических средств. Для проведения работ Вокушевский привлек местных жителей из деревни Пинозеро, которые с опаской и осторожностью относились к этому проекту, так как хорошо знали крутой нрав Нивы.

Для сооружения грандиозной плотины требовалось прочное основание – твердая порода, которая позволила бы соединить оба берега реки. Но проведенные изыскания и бурения не дали результатов, которых с нетерпением ожидали гидротехники и строители. Поиски твердой материнской породы не увенчались успехом. Поочередно подводил то левый, то правый берег. Таким образом, пришлось распрощаться с первым вариантом, на стороне которого были абсолютно все: проектировщики, изыскатели, рабочие, гидротехники, заканчивая Энергоцентром ВСНХ СССР, и перейти ко второму, который учитывал, что река Нива, протекая Пинозеро и Плесозеро, образует три ступени. Специалисты под руководством инженера Вокушевского предложили поставить на порогах Нивы три гидростанции: первую

ГЭС мощностью 26 тыс. кВт у Пинозера, вторую ГЭС мощностью 60 тыс. кВт у Плесозера и последнюю ступень мощностью 155,5 тыс. кВт возле впадения реки Нива в Кандалакшский залив Белого моря.

На XV съезде ВКП (б) в 1927 году было принято решение о коллективизации сельского хозяйства. С этого времени по всей стране проводилась сплошная коллективизация, которая вызвала массовые восстания и бунты крестьян против раскулачивания и выселения со своей земли, начался массовый выход крестьян из колхозов.

1930 год. В январе в ходе коллективизации ЦК ВКП (б) дал ОГПУ полномочия по внесудебному рассмотрению дел. По данным ОГПУ, количество крестьян, которые вышли из колхозов к началу 1930 года, составило около 5,0 млн человек. Бунты и восстания крестьян жестоко подавлялись. Начались массовые аресты крестьян и закрытие церквей. Все крестьянство в стране оказалось поделено на категории. Крестьяне, принявшие участие в «контрреволюционной деятельности», немедленно отправлялись в лагерь или спецпоселения, в случае сопротивления – «расстрел на месте», а членов их семьи немедленно высылали «по этапу» в отдаленные края, имущество конфисковывали.

Сложная обстановка в стране не помешала Ленинградскому совнархозу, Совету Труда и Оборона, а также Энергострою в январе 1930 года вновь направить на Ниву гидрофизическую экспедицию под руководством профессора В. Я. Альтберга отдела инженерной геологии изыскательского сектора Ленинградского отделения Гидроэлектростроя для продолжения работ. Ленинградский совнархоз выделил тресту «Апатит» на капитальное строительство 10 млн рублей, часть средств из которых были предназначены для строительства Нивской ГЭС.

В марте 1930 года выходит знаменитая статья Сталина «Головокружение от успеха», в которой он свалил всю вину «за перегибы» при проведении коллективизации на местных активистов. Одновременно с этим 20 мая 1930 года ВЦИК и СНК РСФСР принимает Постановление о мерах по «социальной защите», которое включало 14 пунктов, «главными» из которых были:

а) объявление врагов трудящихся с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР и обязательным изгнанием из его пределов;

б) лишение свободы в исправительно-трудовых лагерях в отдаленных местностях Союза ССР;

- в) лишение свободы в общих местах заключения;
- г) принудительные работы без лишения свободы;
- д) поражение политических и отдельных гражданских прав...

Этим же Постановлением были определены «Учреждения для применения мер социальной защиты исправительно-трудового характера»:

- исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ);
- дома заключенных для осужденных к лишению свободы;
- трудовые колонии открытого и закрытого типа.

29 мая 1930 года вышло Постановление Президиума ВСНХ СССР и Совета Труда и Оборона, согласно которому необходимо было срочно приступить к строительству ГЭС на реке Нива. Группа изыскателей Гидроэлектростроя приступила к выбору строительной площадки будущей Нива ГЭС-II – первенца Нивского каскада.

В июле 1930 года на железнодорожную станцию Пинозеро прибыла первая группа специалистов, инженеров и рабочих с Днепростроя во главе с инженером М. К. Степанченко общей численностью 100 чел. Группа приступила к начальному этапу работ по подготовке стройплощадки и прокладке дороге к ней. В составе группы были и те, кому уже вынесли наказание согласно Постановления «о мерах по социальной защите» – направление на принудительные работы без лишения свободы.

Уже в **августе 1930 года** Приказом треста Энергострой № 70 от 18 августа 1930 года было создано строительное управление Нивастрой. Начальником управления был назначен инженер М. К. Степанченко, которого в дальнейшем осудят по знаменитой 58 статье и отправят в Норильлаг, где он будет продолжать жить до 1956 года, работая в проектной конторе Норильского комбината в качестве главного инженера проекта.

В сентябре 1930 года полным ходом проводились подготовительные работы: произведены вырубка леса и кустарников для подготовки площадки для приема материалов и техники, вырубка леса для прокладки дороги к месту будущего поселка и стройплощадке основных сооружений.

В октябре 1930 года на станцию Пинозеро Мурманской железной дороги прибыла первая большая группа рабочих в количестве 200 человек под руководством С. Ф. Сиротова. В составе группы были уполномоченный ОГПУ и сотрудники рабоче-крестьянской милиции. Группа сразу же приступила к строительству поселка Нивастрой. У сотрудников ОГПУ и милиции была другая задача – подготовиться к приему первой группы спецпоселенцев.

1 декабря 1930 года приказом № 20 треста Энергострой главным инженером строительного управления Нивастрой был назначен инженер С. Р. Медведев, который в 1937 году станет первым начальником строительства Нива ГЭС-III. В этом же месяце Постановлением ВСНХ СССР Нивастрой будет отнесен к числу 29 ударных строек СССР.

В **декабре 1930 года** на строительную площадку Нивастроя прибыла первая партия спецпереселенцев в количестве 1200 человек. Первые прибывшие сюда спецпереселенцы были раскулаченными крестьянами (по Постановлению СНК и ЦИК СССР от 01.02.1930) из Новгородской, Псковской, Вологодской и Ленинградской областей, а также ряда других регионов.

Из воспоминаний свидетелей и очевидцев процесса «раскулачивания» Уполномоченные ОГПУ совместно с милицией и местным колхозным активом в каждой деревне прошли по дворам с заранее составленным списком и приказывали собираться, одеваться и погружаться на подводы, а в большинстве случаев просто с постельными принадлежностями, бельем и запасом продуктов пешком отправляться в дальнюю дорогу, прихватив с собой и инструмент (топоры, пилы и т. п.).

С плачем старух и детей, во главе со взрослыми, вся семья собиралась в дальнюю дорогу под бдительным оком активистов, сажая малых детишек на подводы и подсаживая к ним старух, старшие в семье брались за руки и молча шли на близлежащую железнодорожную станцию днем и ночью, в дождь и снег. А на станции их уже ждала охрана, которая загоняла в вагоны по 12-16 человек (в некоторых случаях по 18-20), вагоны закрывались на засовы и отправлялись в неведомую даль.

По пути следования один раз в двое-трое суток поезд останавливался в каком-либо тупике, открывались двери товарных вагонов, пересчитывались люди, умершие хоронились рядом с железной дорогой, и состав вновь отправлялся в бесконечную дорогу на Крайний Север. Для оправления естественных потребностей прямо в полу вагона была прорезана небольшая дыра, в отверстии которой мелькали шпалы железнодорожной магистрали.

1931 год. Голод в стране набирает обороты. Как указано в книге Виктора Выгодского «Канувшее время?», за период 1930–1931 годов в отдаленные районы уже было выслано 1,8 млн крестьян («кулаков» и «подкулачников»). В ссылке и на поселении уже умерли сотни тысяч, и это только от голода.

1 января 1931 года ОГПУ РСФСР принимает решение о переходе всех лагерей, колоний и спецпоселений на полную самокупаемость. Идеологом

нового подхода стал Натан Френкель (в 1931 году начальник работ Беломорстроя), который говорил: «От заключенного нам надо взять все в первые три месяца, а потом ни он, ни его труп нам не нужен!»

23 апреля 1931 года Правительство Карелии предложило Управлению Нивастроя выбрать окончательную схему и в 10-дневный срок утвердить проект через Энергоцентр и ВСНХ СССР. **3 мая 1931 года** окончательный проект утвердили. Было вынесено решение об использовании реки Нива в три ступени, так как топографические и геологические условия продиктовали именно такую схему. Так была определена и навсегда обозначена судьба гидроэлектростанций на Ниве, а вместе с ней судьба и трагедия целого поколения людей, вольно или невольно связавших свою жизнь со строительством и эксплуатацией Каскада Нивских ГЭС.

Началом развития и создания Кольской энергетической системы послужило строительство Нива ГЭС-II. Технической особенностью строительства первой ГЭС на Кольском полуострове явилось то, что исследования, изыскания, проектирование и строительство шли почти одновременно. К началу строительства еще не были выбраны вариант и место постройки гидростанции, а срок пуска был уже назначен – 1 января 1933 года.

В **мае 1931 года** были уже вывезены первые тачки с котлована. Началось строительство камнедробильного завода и бетонного хозяйства Нивастроя. Работающие невесело шутили по поводу этой «малой механизации» – «ОСО – две ручки и колесо», а на ББК (Беломоро-Балтийском канале) про нее была сочинена частушка:

Маша, Маша, Манечка,
Работнула тачечка.
Мы приделаем ей крылья,
Чтоб всех прочих перекрыла.

В **июне 1931 года** в связи с расширением работ и необходимостью в специалистах, а не только землекопов, на Нивастрое были организованы первые курсы по подготовке кадров – рабочих технических специальностей. Одним из первых преподавателей на этих курсах стал Акимов Сергей Сергеевич – инженер, бывший капитан второго ранга, командир эсминца «Поспешный» Черноморского флота в годы Первой мировой войны, сын адмирала царского флота, которого в 1930 году обвинили «в руководстве контрреволюционной повстанческой организацией» и осудили на 10 лет поселения на Нивастрое. Он участник пуска всех четырех агрегатов Нива ГЭС-II.

В июне 1931 года на Нивастрой прибывает самая большая партия спецпереселенцев – более 5000 человек, которые сразу же прикреплялись к спецкомендатуре ОГПУ трудпоселка Нивастрой. По данным ОГПУ, численность населения трудпоселка на этот момент составляла уже 10,0 тыс. человек. Одновременно со спецконтингентом прибывали вольнонаемные специалисты и рабочие, которые вербовались через «наемную контору Нивастроя» в Ленинграде.

Начиная с сентября 1931 года наступили самые тяжелые времена в жизни Нивастроя. Численность населения на строительной площадке увеличилась до 12,0 тыс. человек, из которых только 4 тыс. были непосредственно связаны со строительством. Как отмечалось в Протоколе заседания Управления строительства и Поселкового Совета от 2 октября 1931 года, «8,0 тыс. человек-иждивенцев на строительной площадке – это колоссальная нагрузка, которая не только удорожала стоимость строительства», но и требовала от руководителей стройки разделить рабочее снабжение и распределить его и на «сидящих на шее строительства иждивенцев». При этом надо было учесть, что из 8,0 тыс. «иждивенцев» 2080 были дети.

Эпидемия сыпного тифа и резкий рост простудных заболеваний с наступлением холодов могли привести к прекращению работ на строительной площадке Нивастроя. Как было отмечено в Докладной записке «О санитарно-эпидемическом состоянии поселка Нивастрой», подготовленной специалистами-эпидемиологами Наркомздрава Карельской АССР т. Романенко и т. Бейлиным, «основной причиной эпидемии (сыпного тифа), а также роста смертности является полное отсутствие коммунально-бытовых и жилищных условий рабочих и переселенческой группы населения».

Жилищные условия были просто ужасными. К декабрю 1931 года из всех вольнонаемных рабочих только 858 человек пользовались площадью 5 кв. м на человека, около 2000 человек проживало на площади 3 кв. м на человека, а остальные вольнонаемные и спецпереселенцы по-прежнему жили в основном в палатках, где приходилось 1,1–1,6 кв. м на человека. Часть палаток была летнего типа, которые даже не окапывались. Большинство же деревянных строений разделялось на семейные комнаты. Нередко в комнате 10 кв. м жила семья из 10 человек и более, в таких случаях устраивали двух ярусные нары. В августе с наступлением холодов резко возросли смертность и заболеваемость, возросло число побегов со строительства. По данным ОГПУ, только в августе умерло около 200 детей, не считая взросло-

го населения. К августу 1931 года резко сократилась численность рабочей силы. К ноябрю 1931 года смертность достигла самых высоких показателей, по некоторым данным, за каждые 10 дней умирало около 100 человек (отчет ОГПУ Нивастроя за 2-е полугодие 1931 года).

В октябре 1931 года поступили первые четыре паровых экскаватора из Чехословакии. Первый экскаватор был смонтирован за 320 часов. На строительстве ГЭС и поселка работали 1909 человек по найму и 2505 спецпереселенцев. К 1 октября на технических курсах было подготовлено 272 человека по различным специальностям: машинисты, кочегары, десятник по бетонным и земляным работам. Проживало на тот момент в поселке 12,0 тыс. человек, в том числе 6200 спецпереселенцев, из которых 3452 человека проживало в палатках и шалманах.

В конце 1931 года на Нивастрое возникла эпидемия брюшного и сыпного типа, только в октябре за врачебной помощью обратились 7000 человек и умерло более 150.

В декабре 1931 года план переноса Мурманской железной дороги срывался из-за частых поломок экскаватора и плохой организации работы. В основном работы проводились вручную, вместо 40–50 тыс. куб. м было вынуждено 1000 куб. м. Создали комиссию по расследованию причин такой работы, которую возглавило ОГПУ вместе с руководителями строительного управления. Сроки переноса железнодорожной магистрали были сорваны.

Впервые в конце 1931 года, а особенно в 1932 году на Нивастрой прибыли заключенные из Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОН) и Беломоро-Балтийского канала (ББК), которых передали управлению Нивастроя по договору в аренду. Срочно была выделена зона для заключенных, обнесенная тройной колючей проволокой с вышками. Заключенные рыли деривационный канал и строили дорогу Нивастрой – Кандалакша, валили лес для нужд стройки. Среди заключенных были крестьяне, священнослужители и уголовники.

В 1932 году Нивастрой посетил заместитель наркома и прокурора Карело-Финской ССР Андреев. Вот что писал он в своем отчете: «На 18 января 1932 года в поселке Нивастрой из 1466 семей спецпереселенцев (6166 человек) в палатках проживало 338 семей в количестве 1360 чел...», т. е. в экстремальных условиях проживало почти 40 % спецпереселенцев.

Коммунальное обслуживание не только построенных домов и общежитий, но и интерната и детских яслей было безобразным: воду подвозили с поддержкой на сутки, а то и более, а дрова поставлялись до трех суток. В про-

токоле совместного заседания Поселкового Совета и партбюро Нивастроя от 18 декабря 1931 года указывается: «воду доставляли в бочках из реки Нива, а в начале 1931 года воду набирали вблизи сточных вод бани и прачечной, а также конюшни Здравобъединения Нивастроя. Но даже это количество воды не обеспечивало потребности поселка, а поэтому население поселка добывает воду ведрами, беря ее из каналов или грязных луж, вычерпывая ее банками из-под консервов или разливными ложками».

Необеспеченность спецодеждой и теплой одеждой была вопиющей. Некоторые «ходят почти босиком, т. к. свою обувь и одежду износили. Отмечены случаи, когда люди полученные рукавицы, за неимением обуви, надевали на ноги», – информировал Андреев. В рваных сапогах и валенках работали в заболоченных местах; отсутствовали средства защиты на камнедробильном и бетонном заводах Нивастроя, что зачастую приводило к повреждению глаз и кровохарканию и на долгое время выводило рабочих из строя.

В результате полного отсутствия детского питания, чрезвычайно тяжелого положения с жилищами и вследствие тяжелых климатических условий во второй половине 1931 года детская смертность была очень высокой. Только с августа по декабрь 1931 года умерло 273 ребенка, а за последние три месяца 1931 года на Нивастрое умер почти каждый двадцатый.

В **марте 1932 года** администрация «Нивастроя» признала: «В настоящее время цифра рабочих-спецпереселенцев, занятых на производстве, гораздо ниже первоначальной».

Строительство гидроэлектростанции в **1932 году** складывалось тяжело. Ошибки, допущенные проектировщиками, привели к аварии при перекрытии русла реки Нива в июне и оттянули срок сдачи объекта. Кроме этого, недостаток снабжения продовольствием, одеждой и обувью еще более ухудшил жизнь спецпереселенцев.

С наибольшим размахом работы по строительству станции развернулись в **1933 году**. В этом году была выполнена основная часть работ и сданы важнейшие объекты строительства: плотина, канал, водосброс и станционный узел. Начался ускоренный монтаж оборудования, которое поставлялось с ленинградских заводов. Основная часть монтажных работ была завершена в первой половине 1934 года, а **30 июня 1934 года в 01 час. 20 мин.** Нивская ГЭС-2 вступила в эксплуатацию.

Густав Шпет: жизнь и гибель русского философа

СИНИ Стефания Ирене, доктор филологических наук, профессор Университета Восточного Пьемонта, г. Верчелли, Италия

Мой доклад посвящен грубо вычеркнутой из жизни и почти забытой потомками замечательной личности – Густаву Густавовичу Шпету. Его казнь в Сибири в 1937 году и последующий долгий запрет на публикации трудов надолго стерли из науки его имя, а ведь его научный вклад – огромен: его философское творчество по праву сопоставимо с творчеством Николая Бердяева и Семена Франка. Этим его коллегам удалось донести свои открытия до человечества, так как они эмигрировали (если точнее – их выслали), Шпет же принципиально остался на родине и трагически погиб.

Пусть он и не был религиозным мыслителем или же священнослужителем, история его жизни может быть причислена к печальным свидетельствам судьбы, разрушенной насилием порочного, антихристианским режима. Густав Густавович не желал изменять своим «идеалистическим» философским воззрениям; более того, он верил, что сила правды, культуры, чистых идей, гуманитарных и христианских ценностей победит зло безбожия, и мир сможет возродиться от подобного ужа-

са. Но этого не произошло на его веку. Тяжелый пресс тоталитаризма раздавил этого замечательного человека, однако его мысли все-таки остались с нами, и наша задача – сберечь их и вернуть людям.¹

Густав Густавович Шпет (1879–1937) – один из самых выдающихся философов XX века. Необыкновенно разносторонний ученый – логик, лингвист, эстетик, историк, психолог, этнолог, литературовед, театровед, он создал много трудов на стыке этих наук, работая на самом высоком уровне во всех этих областях, будучи в состоянии полноценно оперировать ими и рассматривать их во взаимоотношениях.² Он одним из первых заложил базы семиотики, герменевтики, философии языка. Густав Густавович также первым применил феноменологию к общественной жизни, предопределив поворот от феноменологии к герменевтике. В целом он являлся русским ученым, который поднялся на уровень мировой философии.

Перечислим его основные труды. Это «Явление и смысл» (1914); «История как проблема логики» (1916); «Герменевтика и ее проблемы» (1918); «Очерк развития русской философии» (1922); «Эстетические фрагменты» (1922–1923); «Внутренняя форма слова» (1926); «Введение в этническую психологию» (1927) и много других. В конце 1920-х годов ему запрещают публиковаться, в 1935–1937 годах он – в сибирской ссылке, где и был в итоге расстрелян.

Густав Густавович родился в Киеве 7 апреля 1879 года в обрусевшей семье поляков. Его дед, выходец из небогатой польской шляхты, был «посесором», как это тогда называлось в Западной Украине, то есть служил управляющим панским имением. Вхождение в жизнь было трудным: его мать, Марцелина Осиповна Шпетт, родила ребенка вне брака и переехала в укра-

¹ В последние годы я занимаюсь творчеством Шпета и заканчиваю перевод ряда его сочинений на итальянский язык. Мне удалось хорошо познакомиться с его трагической судьбой, и я вкратце о ней расскажу. Я рада, что буквально в этом году и широкая русская общественность узнала многое о Шпете благодаря прекрасному документальному фильму «Дочь философа» – это интервью с дочерью философа, Мариной Густавовной Шпет, которой сейчас почти 100 лет!

² Для более глубокого знакомства с биографией и творчеством Г. Г. Шпета отсылаю к нескольким недавно появившимся монографиям, в хронологическом порядке: Сб. Шпет в Сибири: ссылка и гибель. Томск: Водолей, 1995; Щедрина Т. Г. «Я пишу как эхо другого...» Очерки интеллектуальной биографии Густава Шпета. М.: Прогресс-Традиция, 2004; Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания / Ред. В. А. Лекторский, Л. А. Микешина, Б. И. Пружинин, Т. Г. Щедрина. М.: Языки славянских культур, 2006; Gustave Chpet et son héritage aux sources russes du structuralisme et de la sémiotique / Ed. M. Dennes // «Slavica Occitania». Numéro 26. Toulouse, 2008; Gustav Shpet's Contribution to Philosophy and Cultural Theory / Ed. G. Tihanov. West Lafayette, Indiana: Purdue University Press, 2009; Густав Шпет и его философское наследие. У истоков семиотики и структурализма / Науч. ред. Т. Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2010.

инскую столицу, став швеей. Ее друг и родственник Иван-Густав-Болеслав Шпетт усыновил мальчика, который поступил в киевскую гимназию. В 1898 году Густав стал студентом физико-математического факультета Университета святого Владимира, однако за участие в студенческих волнениях был исключен от университета и выслан (на краткое время) из Киева. После возвращения домой он восстановился в университете, но теперь выбрал отделение философии историко-филологического факультета.

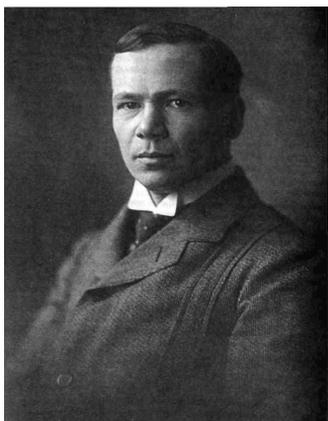
Этот выбор стал судьбоносным: на философском отделении Шпет познакомился с профессором Г. И. Челпановым¹ и стал учиться в рамках его семинара. Именно при этих обстоятельствах он сформировался как ученый.

Еще перед выпуском из университета философ опубликовал свои первые тексты. После окончания университета он начал работать в киевской гимназии, где читал логику (кстати, Анна Ахматова, тогда еще Горенко, училась у Шпета). Однако в Киеве ученому становилось «тесно»: уже в 1907 году он покинул украинскую столицу ради Москвы, вслед за своим «маэстро» Челпановым, возглавившим тогда вновь созданный Психологический институт при Московском университете. В 1907–1911 году Шпет читает лекции в Московском университете, в Народном университете Шанявского, на высших женских курсах, в городской гимназии и в педагогическом институте. Удивительно, но среди его учениц тогда в Москве оказалась и Марина Цветаева!

В те же годы у Шпета сформировался обширный круг научного и художественного общения: это писатели, музыканты, актеры, университетские профессора, философы. Он знакомится и сближается, например, с поэтами-символистами Валерием Брюсовым и Юргисом Балтрушайтисом. Густав Густавович работает в литературно-издательском кружке «Мусагет» и в целом в театральной среде Москвы. Его запоминают как человека яркого, с прямым и искренним характером, иногда колючим.²

¹ Георгий Иванович Челпанов (1862–1936), замечательный психолог, философ, педагог, профессор Киевского (1897–1907) и Московского (1907–1923) университетов по кафедре философии. В Москве в 1912 году основал новаторский Психологический институт при Московском университете. Автор трактатов по психологии и философии: «Мозг и душа», «Введение в философию», «Психология и школа», «Введение в экспериментальную психологию», «Очерки психологии», учебники по психологии и логике и др. На протяжении полувека после смерти труды Челпанова не переиздавались. См. о нем: www.chelpanov.org.

² «В то время сложился образ Г. Г. Шпета – яркого собеседника, горячего и безжалостного спорщика». *Поливанов М. К. Жизнь и труды Г. Г. Шпета // Шпет в Сибири: ссылка и гибель / Сост. М. К. Поливанов, М. Б. Сербренников, М. Г. Шторх. Томск: Водолей, 1995. С. 11.*

Шпет Густав Густавович (1879–1937) – русский философ, психолог, теоретик искусства, переводчик философской и художественной литературы

С 1910 года русский мыслитель начинает посещать заграничные университеты: в летние месяцы он работал в парижской Сорбонне, в Эдинбурге. Наконец, в 1912 году он на несколько семестров приезжает в Геттинген к Эдмунду Гуссерлю, став его увлеченным и любимым учеником и, более того, близким другом (с выдающимся немецким философом, создателем феноменологии, он потом часто переписывался).

Вернувшись в Москву, в 1913 году Густав Густавович вступает в брак с Натальей Константиновной Гучковой, племянницей известного политического лидера тех лет Александра Гучкова. В 1914 года выйдет его монография «Явление и смысл», где представлена интерпретация гуссерлевских «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии». В 1915 году Шпет публикует «Философское наследие П. Д. Юркевича». В 1916 году выйдет его магистерская диссертация «История как проблема логики».

Драмам и трудностям революционной эпохи он противопоставил труд: в 1917–1918 годах им написано «Введение в этническую психологию» и «Внутреннюю форму слова» (оба опубликованы в середине 1920-х годов); в 1918 году – фундаментальное сочинение «Герменевтика». В 1919 году он издает два обширных тома философского ежегодника «Мысль и слово», наполняя их собственными текстами.

В начале 1920-х годов, при частной издательской инициативе времен НЭПа, философ опубликовал монографии о Лаврове и Герцене, «Очерк развития русской философии», наконец, три выпуска «Эстетических фрагментов» (1922–1923).¹ Другой важный этап: в 1919–1920 годах Густав Густавович участвовал в работах Московского лингвистического кружка (московская ветвь русского формализма), членами которого были Роман Якобсон, Григорий Винокур, Борис Ярхо и другие замечательные языковеды и филологи.

В целом влияние Шпета на русскую, и затем европейскую филологию,

¹ Именно последний труд Шпета, «Эстетические фрагменты», я с моей коллегой Маргаритой Де Микиель из Университета г. Форли перевела на итальянский и сейчас заканчиваю его подготовку к печати.

в частности, на теорию литературы, очень важно, хотя и было надолго забыто. Как писал Виктор Эрлих, именно Шпет послужил посредником между феноменологией и формализмом.¹ Дело в том, что и формализм, и феноменология связаны поиском строгих критериев, по которым стремятся определить свой собственный объект исследования. Обе школы ищут специфичность их объекта: литературы с одной стороны и эстетического объекта с другой.

Напомню, что Шпет впервые употребил в русской литературе термин «семиотика» (в работе «История как проблема логики», 1916) и развивал семиотический подход, который позднее лег в основу работ Московского лингвистического кружка. В его «Эстетических фрагментах» читаем его анализ «структуры слова *in usum aestheticae*». Более того, понятие «структуры» применяется Густавом Густавовичем также к культурным процессам, как это произойдет только через несколько десятилетий. Следовательно, уже в 1922 году, за семь лет до Пражских тезисов (Н. Трубецкой, Р. Якобсон и др.) и за сорок лет до рождения французского структурализма мы видим у Шпета такой глубокий лингвистический и семиотический анализ, который сопоставим со зрелым структурализмом и новыми горизонтами Тартуской школы Ю. Лотмана.

С другой стороны, лингвистическая мысль, которую Густав Густавович представляет, в частности, во «Внутренней форме слова», приближается, несмотря на очевидные различия, к философии языка таких религиозных философов, как о. Павел Флоренский, о. Сергей Булгаков и Алексей Лосев. В частности, Шпет разделяет с философами, защитниками имяславия, гумбольдтовский «энергетический» момент, то есть рассмотрение языка (уже у Гумбольдта и у Поттебни) не только как вещи («эргон»), но и как генезиса, как объединительной и формирующей деятельности духа («энергея»)². Итак, в его мысли имеются «и элементы, не сводимые к структуралистской парадигме и философски более глубокие». Изучая его философскую работу, мы даже «можем считать дескрипцию религиозного опыта на базе гер-

¹ Erlich V. Russian Formalism. History, Doctrine. The Hague: Mouton, 1965; рус. пер.: Эрлих В. Русский формализм. История и теория / Пер. с англ. А. В. Глебовской. СПб.: Академический проект, 1996.

² Иоффе Д. Пассивное противостояние диамату на пути к онтологии и феноменологии: Имяславие (Лосев –Булгаков – Флоренский) и критическое неогумбольдтианство (Густав Шпет) / Ред.-сост. Е. Добренко, Д. Иоффе // Russian Literature: Special Triple Issue “Philology under Stalin”. Amsterdam, 2007.

меневтико-феноменологической парадигмы одним из намечавшихся заданий проекта Шпета».¹

Что же происходит в 1920-е годы в уже советской Москве? Сначала вроде бы работа философа продолжалась. Он организует при университете Кабинет этнической психологии, выдвигает проект «Биографической библиотеки философов» и серии «Моралисты». Однако в академический 1921/1922 год, как и Челпанов, Шпет был уволен из университета – комиссией «воинствующего» марксистского историка М.Н. Покровского.

Но интеллектуальная и общественная жизнь как будто еще продолжается: он создал Институт научной философии и встал у его руководства, а в Петрограде учредил Свободный союз художественной и университетской интеллигенции. С середины 1920-х годов Шпет работает как вице-президент в Российской (позже Государственной) Академии художественных наук (ГАХН), где возглавляет философское отделение.

Это учреждение на краткий миг представило некий волшебный момент в русской культуре.² Шпет нашел тут богатую почву для своей философской мысли. Он читает курсы и лекции, встречается с такими блестящими людьми, как Кандинский, Станиславский, Лосев, о. Павел Флоренский. Театр, изобразительное искусство, музыка, психология, кино, лингвистика, поэзия – все его занимало и волновало. Среди докладов Шпета: «Проблемы современной эстетики», «Характер современной эстетики», «Театр как искусство». ГАХН – это не только встречи и семинары, но и публикации: сам Шпет публикует работу «Внутренняя форма слова», где дает анализ философии языка Гумбольдта. Мыслитель координирует работу разных семинаров; в мае 1922 года, именно в ГАХНе, он встретит Николая Бердяева, который представит доклад на тему «Конец Возрождения в современном искусстве».

И именно вместе с Бердяевым Шпет фигурировал в списках на высылку

¹ Хоружий С. С. *L'intentionnalité dans la pratique spirituelle...* С. 359–371. Рус. текст: К пределам феноменологии: Шпет, Гуссерль и интенциональность в мире духовной практики, см.: http://synergia-isa.ru/?page_id=4301. Хоружий пишет: «Мы не просто установим, что “в рамках феноменологической установки” (правда, с ее определенным обобщением) возможно “описывать и анализировать” исихастский опыт. Как выяснится, имеет место нечто большее: сам этот опыт, будучи методичным и отрефлектированным изначально, “в себе”, в своей собственной, имманентной организации чрезвычайно близок к структуре феноменологического (интенционального) опыта. <...> Лапидарно выражаясь, феноменология есть естественный язык духовной практики».

² О замечательном феномене ГАХНа см.: <http://dbs.rub.de/gachn/index.php?pg=17&r0=3&l=ru>.

из страны в 1922 году (а также вместе с Семеном Франком, Федором Степуним и другими философами). Однако Шпет приложил все усилия к тому, чтобы его из списков пассажиров «философского парохода» вычеркнули... Помог ему в этом нарком просвещения А. В. Луначарский, с которым мыслитель был знаком еще до революции.

Как сообщает внук философа, выдающий физик М. К. Поливанов, «европеец и космополит по привычкам, образу жизни и умственным интересам», все-таки Шпет «не хотел эмигрировать из России. В первый раз в его записных книжках эта тема возникает во время беспорядков 1905 года. Он предвидит, что развивающийся в стране хаос затруднит работу. И все-таки делает вывод, что, несмотря на трудности, надо продолжать работу в этой стране. После 1917 года перед ним дважды возникала реальная возможность эмиграции. Его старый друг, поэт Юргис Балтрушайтис, после того как Литва стала независимой, приехал в Москву в качестве посла Литвы. Он предлагал выписать всей семье литовские паспорта, и Шпет мог бы переехать в Литву. Второй раз – именно в 1922 году, когда на так называемом “философском пароходе” много русских ученых были осуждены на высылку».¹

Если же говорить о научном вкладе Шпета, то в целом – в поразительном многообразии тем и дисциплин – можно, как мне кажется, выделить у него две основные линии мышления: 1) усвоенное от Гуссерля представление о философии как строгой науке; 2) постоянный интерес к способу социального бытия людей в исторической конкретности.

Скажем прямо, читать книги и статьи Шпета очень непросто. В отличие от большей части своих современников, он нисколько не был популяризатором, публицистом или жизнеучителем. Он являлся, по словам Поливанова, «ученым философом “немецкой” научной школы, вероятно, единственным в такой мере в русской традиции. Он считал философию именно наукой. Настоящей строгой, серьезной наукой, у которой есть свой язык, свой понятийный аппарат, свои достижения, созданные за многие века развития. С его точки зрения, вся философия от Платона и до его современников – это все одна и та же развивающаяся определенная наука».²

В новом фильме «Дочь философа» приводится такой знаменательный диалог. Марина Густавовна спрашивает: «Папа, что такое философия?» Отец отвечает: «Философия – это наука наук».

¹ Поливанов М. К. Указ. соч. С. 12.

² Там же. С. 6.

Если раскрыть этот афоризм, то Шпет говорил о разумении живого и полного целого как о задаче, стоящей перед современной философской наукой. Как пишет Т. Г. Щедрина, одна из более авторитетных исследователей мысли Шпета, если для искусства Шпет «обосновывает необходимость непосредственного восприятия, непосредственные формы знания, то для философии ставит на первом месте рефлексию, а непосредственное переживание и проживание знания не признает актуальными».¹ В своих работах он часто выступает против распространения иррационализма в Европе и России, разных «философий жизни», поддержанных «переживальщиками»; он поднимает голос против различных видов теософии, которые обещали спасение на Востоке, или тех пессимистов, что верили в несостоятельность и бесперспективность разума и слова. Философия для Шпета – «строгая наука», как для Гуссерля. Но это наука, которая не закрывается сама в себя, в свою башню из слоновой кости; она, наоборот, открыта конкретным человеческим отношениям, конкретным формам культуры, истории.

Подчеркнем, что «научная или, как называет ее Шпет, “положительная” философия не является оппозицией религиозной философии, как у нас часто сегодня полагают, понимая под научной философией традицию, идущую от “позитивной” философии Конта. Шпет называет такую “позитивную” философию “привативной”, отрицательной. Смысл философии как науки раскрывается у Шпета через понятие “культурно-историческое сознание”, в котором вырабатывается определенная концептуальная сетка основных понятий культуры. Научная философия обращается к истории и культуре, для того чтобы понять себя и свое возможное будущее».²

Для философа важно не индивидуальное, изолированное сознание, а обшее и поэтому общественное, сознание, живущее в истории.

В русле собственной философской работы Шпет стремится к исправлению недостатков в феноменологии. «Он замечает, что в классификации, которую предлагает феноменология, упущен важный самостоятельный вид бытия – бытие социальное. Все последующие темы Шпета – история, язык, этническая психология, герменевтика – станут философскими исследованиями именно этого рода бытия».³

¹ Щедрина Т. Г. Материалы круглого стола. Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания. К 130-летию Г. Г. Шпета. Встреча вторая. «Вопросы философии», 29.07.2010. http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=161&Itemid=52.

² Там же.

³ Поливанов М. К. Указ. соч. С. 16.

Густав Шпет.
Тюремная фотография

Дополним сказанное цитатой самого мыслителя. Он говорит в «Эстетических фрагментах»: «Как всякая вещь, даже в природе, не только есть вещь, похожая на другие или отличная от них, но еще имеющая и носящая на себе свою историю. Смысл есть также исторический, точнее, диалектический аккумулятор мыслей, готовый всегда передать свой мыслительный заряд на должный приемник. Всякий смысл таит в себе длинную “историю” изменений значений (*Bedeutungswandel*). Не нужно в принципиальном рассуждении понимать эту историю эмпирически, слишком эмпирически».¹

Итак, рассматривая феноменологию с точки зрения историзма, философ совершает «герменевтический поворот», который характеризует философию большей части XX века (в те же годы Мартин Хайдеггер проделал подобный путь).

...Вернемся к эпилогу его биографии.

Научная деятельность Шпета в «красной» Москве казалась все более подозрительной. Советская печать атакует ГАХН; сначала Академию «чистят», а потом, в 1929 году, закрывают, а ее членов увольняют. В 1930 году Шпета публично обвиняют в том, что в стенах ГАХН он создал «цитадель идеализма». Его лишают возможности заниматься научной деятельностью. С большим трудом он добивается возможности работать как переводчик, сотрудничает с Мейерхольдом и Таировым, по приглашению Станиславского преподает в Высшей академии актеров. Он еще трудится, правда, не по специальности, переводит с английского – Байрона, Диккенса (пишет прекрасные комментарии к «Посмертным запискам Пиквикского клуба»), Теккерея и, больше всего, Шекспира.²

Однако судьба его идет к трагической развязке.

В марте 1935 года его арестовывают как якобы участника контрреволюционной группы в пользу фашисткой Германии (одновременно были аре-

¹ Шпет Г. Г. Эстетические фрагменты. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры / Отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М.: РОСПЭН, 2007. С. 240–241.

² Густав Шпет и шекспировский круг. Письма, документы, переводы. М. –СПб.: Петроглиф, 2013; Щедрина Т. Г. Четыре письма Л. Б. Каменеву, или Роль Густава Шпета в переводах Шекспира // Новое литературное обозрение. 2008, № 92. Интернет-версия: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/92/sh9.html>.

стованы его коллеги по ГАХНу). Шпета тогда приговорили к пяти годам ссылки в далекий Енисейск. В изгнании Густав Густавович продолжает работать, переводить (огромный трактат «Феноменология Духа» Гегеля, который выйдет без его имени), писать. Пишет много писем, особенно к детям. В этих письмах мы видим трепетного отца (вспомним, что ему самому не дано было познакомиться со своим отцом), который хочет выражать всю свою любовь к детям, который все хочет знать об их жизни, спрашивает всякую деталь, описывает природу разных времен года, книги, людей. В этих письмах, нежных и трогательных, мы видим, как ожидание письма от родных является для ссыльного источником надежды и радости. И видим также, как, несмотря на цензуру, сила его веры побеждает отчаяние.¹

В конце 1935 года Шпет добивается перевода из Енисейска в университетский Томск. Здесь, однако, сильнее и контроль НКВД: он тщательно следил за всеми «контактами» Шпета и не допустило его ни до университета, ни даже до библиотеки. В 1935 году выходит второе издание «Трудных времен» Диккенса, однако, как и в 1936 году, в первом по счету томе «советского» собрания сочинений Шекспира имя ссыльного переводчика даже не указывают. Он пытается продолжать работу – снова переводить Гегеля, а также поэму «Энох Арден» Теннисона и тексты Беркли (последний труд выйдет в 1959 года, однако также без имени переводчика).

Наступает трагический финал. 27 октября – новый арест в Томске, по обвинению в принадлежности к «офицерской кадетско-монархической повстанческой организации». Уже через три недели, 16 ноября 1937 года, Шпет был расстрелян. В 1956 году родственники получили свидетельство о смерти Шпета якобы от воспаления легких в 1940 году – ложь на официальном, государственном бланке, а также свидетельство о его реабилитации из-за отсутствия состава преступления. Правду семье Шпета сообщили только в 1990 году.

Перед нами еще одна история мученичества, хотя и не клирика или монаха, а «только» ученого. После долгого забвения его судьба стала известна. От этого человека остались и его работы, которые пережили ужасы тоталитаризма и которые мы можем теперь читать. Они свидетельствуют о торжестве разума, силе слова и веры, восстающих из праха мрака и насилия.

¹ Шпет в Сибири... Несколько писем см: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?num=1387&t=page>.

Один из многих

*КОРОЛЕВА Людмила Александровна,
прихожанка кандалакшского храма Рождества
Иоанна Предтечи, Мурманская область*

«...Они все предстательствуют за Россию Тому, Кому и принадлежит власть прославлять праведников и восставлять грешников».

*Собор новомучеников
и исповедников российских.*

«Энциклопедия православной святости»

«— Расскажите мне о бабушке.

— О бабушке? Ну что же, слушай. Твой бабушка святой. Нет, не в том смысле святой, в каком обычно говорят о человеке добром, незлобивом, готовым жертвовать собой ради других, он действительно святой. Он канонизирован и прославлен в сонме новомучеников и исповедников Русской Православной Церкви XX века...»

Все мы знаем, что решением Православной Церкви были причислены к лику святых многие из

тех, кто погиб в период становления Советской власти. Кто же эти люди, за что они удостоены такой великой чести? Мой рассказ об одном из них. В основу этой истории легли воспоминания дочери Полиена Александровича Соколова, которая написала их по просьбе ее племянницы, моей землячки.

Вологодчина. Природа этой губернии разнообразна и хороша собой. Здесь много лесов с дремучими, непосещаемыми людьми местами, озер, болот, рек и речушек, рядом с которыми пе-

Полиен Александрович Соколов

стреют поля, пустоши, заливные луга. Давно человек избрал эти места для своего расселения, вот и появились здесь деревеньки, хуторки, села и поселки. В каждом исстари стояла церковь или часовенка. А сколько монастырей раскинулось на этих просторах, не счесть. От одного из самых больших – Кирилло-Белозерского, до тех, о которых осталась в сердцах людей только память, как Леушинский, ушедший под воду Рыбинского водохранилища. Так получилась, что судьбы двух людей, о которых я буду рассказывать, связаны именно с этими монастырями. В Леушинском монастыре служил отец одного из них, в Кирилловском уезде жила семья другого.

«Мой отец, Полиен Александрович Соколов, родился в деревне Попово...»

В конце XIX века на хуторе Черная Поляна Кирилловского уезда Новгородской губернии в своем доме с садом проживал подданный Российской империи Александр Соколов. Семья была достаточно большая, четверо детей: три сына – Полиен, Александр, Павел – и дочь Мария. Все три сына окончили Новгородскую духовную семинарию. Дочь Мария вышла замуж за священника Полянского. Таким образом, они выбрали одну стезю, одну дорогу – служение Богу.

В Вологодской губернии жила и семья Светловских. Были они выходцами из Польши. Когда-то глава семьи был сослан в Вологодскую губернию и обосновался в деревне Логиново, относившейся к Дарвинскому заповеднику. В то время, о котором идет речь, в родовом гнезде жил Александр Светловский, принявший сан священника и служивший в Леушинском монастыре. Он преподавал Закон Божий в женской учительской гимназии, которую окончили и его дочери Мария и Надежда. Кроме них в семье был еще сын Владимир.

«В первую империалистическую войну она сбежала из Леушина на фронт....»

Мария Александровна
Светловская-Соколова

Когда началась Первая мировая война, многие из молодых поданных Российской империи добровольцами отправились на фронт. Стал военным и Владимир Светловский и вскоре оказался в действующей армии. Вопреки родительской воле бежала на фронт и его сестра Надежда Светловская. Она стала сестрой милосердия и испытала все ужасы войны. Там, на фронте, она встретила свою любовь и вышла замуж за бывшего учителя Семеновского. За этот дерзкий поступок отец лишил ее приданого, но *«сестра впоследствии отдала ей ее половину»*. Когда молодые вернулись с фронта, в Леушинском монастыре была уже детская колония для малолетних беспризорников. Надежда с мужем стали там воспитателями.

«Когда отец на фронте познакомился с Владимиром Светловским....»

Ушел на фронт Первой мировой войны и Полиен Соколов. На родине он оставил невесту Ольгу Василькову, девушку рослую и красивую, которая

очень его любила. Но война приняла затяжной характер, и на ее извилистых путях столкнула судьба поручика царской армии Полиена Соколова и Владимира Светловского. Они подружились, да так крепко, что когда Владимир пригласил нового товарища во время отпуска посетить его родное гнездо, тот согласился. Оказалось, что они оба из Вологодской губернии и их усадьбы разделяло, по современным понятиям, не такое уж большое пространство. Так Полиен Александрович оказался в Логиново, в доме Светловских. Ему понравилось место, где стоял дом, красота природы, чем-то походившей на ту, что окружало его с детства, понравилась семья друга, но более других его сестра Мария. Влечение к этой девушке возникло практически сразу, и оно оказалось взаимным, они полюбили друг друга. Эта встреча изменила всю его жизнь, и вскоре Ольга была забыта, а Мария стала женой Полиена Александровича.

К этому времени он покинул службу и принял сан священника. Жили они одно время в деревне Поповка Вашкинского района Вологодской губернии, которая стояла на берегу Белого озера, там родились и их дети, сын и дочь. Там же похоронен их первенец, сын Володя, который умер в младенчестве.

Позже они переехали в село Волокославинское, где Полиен Александрович продолжил свое служение. Дом, предназначенный для священнослужителей, был большой, с садом, в котором стояли ульи. Пчелами и садом священник занимался сам. Но после революции дом отобрали, расположив там гармонную мастерскую, и семье пришлось переехать на другую сторону реки, где они обосновались в небольшом домике.

«Отца все время склоняли отказаться от сана, обещали работу...»

Жена Полиена Александровича все время уговаривала мужа отказаться от сана. Жизнь была очень тяжелой и опасной для людей, связанных своей службой с прошлым режимом. К этой категории, конечно, более всего относились священнослужители и бывшие офицеры. Полиен же Александрович принадлежал и к той и к другой категории. И служения своего оставлять не собирался.

Неоднократно обращались к нему и представители новой власти, обещая, если батюшка откажется от сана, предоставить ему хорошую работу. Например, предлагали стать заведующим почты, так как человек здесь был нужен грамотный, а таковых в деревне было немного. Но он никогда даже не предполагал мысли, чтобы отречься от сана, хотя, по утверждению своей дочери, «фанатиком религии» не был.

В первые послереволюционные годы о. Полиена часто приглашали на диспуты на тему «Есть ли бог?» Приезжали лекторы даже из Вологды, но так и не смогли убедить не только священнослужителя, но и его паству в отсутствии Господа. Батюшка спокойно и убедительно отвечал на самые каверзные вопросы, которые ему предлагали. Его спокойствие передавалось пастве и вводило в смущение атеистов.

Эта спокойная уверенность в своих убеждениях, его стойкая позиция и были основной причиной арестов, а позднее и приговора, а не «пропаганда против колхозов», как было обозначено в деле.

Мария, жена священника, вскоре сильно заболела и умерла, оставив батюшку с маленькими детьми на руках. Жить стало еще сложнее, ведь тень ареста все время маячила где-то за плечами, и тогда на помощь к нему пришла бывшая монахиня Клавдия Андриановна Борисова, которая позднее служила дьяконом при Полиене Александровиче в Волоховской церкви, она стала помогать ему, ухаживая за ребятишками. И здесь судьба оказала Полиену Александровичу непрошеную услугу, которая помогла на определенное время отсрочить печальную развязку его жизни.

Пришло письмо от его бывшей невесты Ольги, которая с семьей – детьми и больным мужем – жила на Урале. Она приглашала батюшку на проживание к себе. И Полиен Александрович с сыном уехали в Пермскую область. Дочь его позднее привезла верная Клавдия Андриановна. Но жить в семье Ольги Полиен Александрович не остался, хотя видел, что она по-прежнему любит его, а переехал на службу в другое место, в Сибирь, в город Курган, к своему бывшему дьякону. Последний, отойдя от служения в Церкви, в годы НЭПа организовал с женой небольшое дело по пошиву плащей и жил достаточно неплохо в своем доме на улице Всеобуча. Человек он был добрый и принял батюшку в своем доме. Так началось пасторское служение Полиена Александровича в Сибири. Вдали от центра страны жить было немного спокойнее. Для семьи то время было спокойное и сытное. Об этом можно судить по воспоминаниям дочери Полиена Александровича: «Вся семья лепила пельмени, целые мешки, потом выносили в сени, там страшные морозы

зимой. Черного хлеба не было, все белые калачи. Я разревелась, что хочу черного хлеба. Отец пошел на вокзал и у приезжих купил каравай черного хлеба. Я ела и никому не давала».

«Пришло письмо с родины из Кирилловского района, все прихожане приглашали его приехать служить в Волоховской церкви...»

Вполне возможно, все было бы по-другому, останься батюшка в Кургане. Но в Сибири в то время процветало «обновленчество», раскольниковское движение, в основе которого лежала попытка приспособиться к изменениям жизни в связи с укреплением Советской власти. Священники, приверженцы «обновленчества», ходили в штатском, вносили изменения в чин богослужения, в уклад церковной жизни, и это очень не понравилось Полиену Александровичу. Поэтому когда пришло письмо от его прихожан из Кирилловского уезда Вологодской губернии, которые приглашали его вернуться служить в Волоховской церкви, он принял решение ехать. Уезжали налегке, все громоздкие вещи остались у Ольги, батюшка был уверен, что она вышлет все контейнером позднее. Но в то время было очень опасно не только ездить в поездах но, тем более, отправлять куда-то вещи. Когда пришел контейнер, в нем оказалась лишь чужая старая швейная машинка и какой-то груз для веса. Так пропало все имущество. Хотя это большой роли уже не играло: началось время коллективизации, и излишки отбирали у всех.

«Я лежала при смерти, но все слышала. Меня осветили фонариком.....»

К трудностям обыденной жизни прибавились заботы о семье сестры Марии Александровны, в то время вдовы священника. Она с двумя сыновьями, Николаем и Антонием, приехала к брату, и он устроил ее жить в келье при церкви.

Хотя все имущество священника пропало, кое-что от приданого жены осталось, это были небольшие золотые вещи. Кто их видел, кто донес, навсегда останется загадкой. Но приехали как-то ночью с обыском, и приехали именно за золотом Марии Светловской. Мария Александровна Полянская попыталась убедить всех, что это ее имущество, но приехавшие только рассмеялись: «Нет, у вас ничего с собой не было, мы знаем. Это вещи Светловской», и увезли последнее.

Дочь батюшки в это время сильно болела, лежала практически при смерти, ее осветили фонариком, пошептались и уехали, не оставив ни расписки,

Страничка воспоминаний

8 а Ольга вызвала Полюну. Тогда я увидела отца, то этот разговор ему понравился.

Отец тогда, оставив имущество и сохранение, уехал в Сибирь к бывшему своему сылку в в. Кирган. Тот стал в Киргане, уже в том году дошел на ф. Всабука, шили с овечьей шерсти (это в г. Знаю), виллы хорошо.

Отец служил в церкви че-то в селе. Я помню как мать сомовилась пеленочкой. Вся семья лепила пеленки все лето лето, потом выносили в сена, мать стирала в керосин, керосин, керосин, керосин, всё было, всё было, всё было. Я разревелась, это было керосин, керосин. Отец пошел на вокзал, и у проезжей купил карман керосин, керосин, керосин, керосин, керосин, керосин.

Она мать бегло все - то месяце, обновилась. Полюна родилась в "штатской одежде" а т.р. Откуда это не нравилось. В это время привезли письмо с родины из Кирганского р-на, все приехали, приехали, это приехали, приехали в Волоховской деревни. Он с мамой поехал, но вещи оставил в Перми у Ольги Васильевны, он прошил перемотать как конструктор, вещи, потом приехали, но маме была одна светлая шовчанка, не маме и все - то друзья все. Так пропали все. На все это и пришло, то маме с братом и никого не оставалось, т.к. мамин кошелек и опасы имущества.

Полюнская Мария Александровна - сестра отца. Она была вдова, у ней

ни свидетельства об изъятии. Остальное «барахлишко» забрал позднее комбед.

Как ни тяжело и трудно было жить, Полиен Александрович никогда не отходил от Церкви. Он очень душевно относился к своим прихожанам, помогал им всем, чем мог. Свои дети были маленькими, средств к существованию практически не было, а батюшка устроил подросткам деревни Попово «гигантские шаги», установил их около церкви, и вечером туда приходило много молодежи – кататься. Паства отвечала ему тем же. Его очень любили. А Клавдия Борисова, верный друг и помощница, продолжала помогать батюшке по дому и смотреть за детьми. И ей этого не простили.

«А он как знал, все равно ему бы не простили, что он был офицером в царской армии...»

Когда Полиена Александровича посадили в первый раз, вместе с ним забрали и его помощницу Клавдию Борисову. Он отбывал свой срок где-то на «Свирьстрое», ее послали на Соловки. Там она обучала бригаду бывших проституток плести кружева. Так как справлялась она со своей работой отлично, через три года ее отпустили с хорошими документами.

Батюшка был арестован дважды: в 1930 году он получил три года ИТЛ (исправительно-трудовых лагерей), в 1937 году за участие в контрреволюционной организации церковников был заключен в тюрьму. Между арестами, прекрасно понимая, чем это может грозить ему в дальнейшем, возвращался к служению в церкви. Когда Полиена Александровича забрали второй раз, в деле было написано, что он «сознался» в том, что состоял в какой-то группе, но это была сомнительная правда.

Во время второго ареста он отбывал заключение в тюрьме города Белозерск. 4 октября 1937 года «тройкой» УНКВД Ленинградской области он, как участник антисоветской организации церковников, был приговорен к расстрелу. Расстрелян Полиен Александрович Соколов 9 октября 1937 года.

«Очень сожалею, что не пришлось почитать “Дело отца, я бы увидела, где есть доля правды, а где «липа»».

Все, что происходило в то трудное для нашего православного народа время, – планомерное истребление духовенства, изъятие церковных ценностей, разрушение церквей, было хорошо продуманной и организованной акцией. Ведь еще 19 марта 1922 года Ленин написал свое знаменитое письмо в Политбюро о необходимости решительно провести в жизнь декрет ВЦИК об изъятии церковных ценностей: «Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше...»

Из обвинительного заключения Полиена Александровича Соколова: «Обвиняется в том, что, являясь активным членом контрреволюционной организации церковников, в которую был завербован обвиняемым Савичевым, проводил контрреволюционную работу, направляя свою деятельность на развал колхозов и подрыв проводимых мероприятий Советской властью и ВКП (б)».

«Когда его уже расстреляли, еще долго ходили слухи, что его сослали на Дальний Восток...»

Семья, прихожане не могли поверить, что больше никогда не увидят своего батюшки. В дом приходили люди и рассказывали, что видели его то в одном, то в другом месте. Но это была неправда.

А что же с детьми батюшки? Ведь мы знаем, что дети осужденных часто сами пропадали или их отправляли в детские дома, где у них стирали последнюю память о родных.

Полиен Александрович всячески пытался спасти своих детей. Когда после избиений и пыток его допрашивали, он отвечал одно и то же: вдов, детей не имею. И лишь когда силы иссякли, подтвердил, что у него есть сын и дочь. Но дети в это время уже были вне опасности.

Дочь его забрали на проживание крестьяне Кононовы из деревни Попово.

А сына Анатолия забрала сестра батюшки. Он отучился 7 классов в Кириллове, в восьмой его не взяли. От расстройств он пошел пешком в Волхов, дело было осенью, и когда, устав, он уснул у дороги, простудил ноги и потом долго лечился. Во время Великой Отечественной войны, как и все молодые люди, ушел на фронт. Там его серьезно ранило, осколки извлекли все, кроме одного, но этот один был очень опасен, и на этой почве у Анатолия отнялись ноги и правая рука. Он долго лечился в клинике ВИЭМ в Москве, но последствия остались на всю жизнь. Инвалидности добиваться не стал, хотя ходил с палочкой. Работать пошел механиком и обслуживал три лесопункта: Ниловцы, Улома, Сизьма. В Уломе познакомился с хорошей девушкой Анной, которая работала мастером в лесу. Вскоре они поженились, и их дети теперь наши современники. В Кандалакше живет внучка Полиена Александровича, дочь его сына Анатолия, Ольга.

Давно все ушло, все кануло в лету. Так и осталась неизвестной судьба Владимира Светловского, как и многих, многих из тех, кто остался верен своей присяге, своему делу, своему служению. Медленно ворочается колесо истории, слишком медленно, но когда-нибудь и оно принимает заветное положение и правда выходит наружу, забытые имена восстанавливаются, а люди, не предавшие свою веру, становятся святыми. Как Полиен Александрович Соколов. Один из многих.

Подвиг новомучеников и исповедников XX века в программе воскресной школы

ГРАЦИАНОВА Наталья Петровна, заведующая учебной частью епархиальных катехизаторских курсов во имя св. Феодорита Кольского, г. Мурманск

Двадцатый век в истории Русской Православной Церкви оказался периодом великого испытания. Это было время мученических подвигов миллионов христиан. Несмотря на тьму богоотступничества, на попрание Закона Божия, когда, по слову Писания, настали дни, в которые «*путь истины сокроется, и вселенная оскудеет верою*» (3 Езд. 5, 1), Господь наш Иисус Христос по неизреченному милосердию укрепил Церковь Свою, явив нам великих угодников Божиих.

С любовью и благоговением обращаемся мы сегодня к подвигу новомучеников Церкви Русской.

Новомученики – христианские святые, принявшие мученическую кончину в относительно недавнее время от рук представителей иных религий или современных атеистических режимов. На-

зываются так в отличие от мучеников, которые были умерщвлены в ходе гонений на христиан в Римской империи в I–IV веках. Термин впервые появился в Греческой Православной Церкви (Константинопольский Патриархат) в конце XV века.

В их жизненном пути новомучеников, исполненном страдания и скорби, православные христиане находят образ веры, пример жертвенной любви к Богу и ближним, опору в переживаемых испытаниях.

Канонизация новомучеников и исповедников Церкви Русской XX века, осуществленная Архиерейским юбилейным собором в августе 2000 года, бесспорно, является одним из величайших событий за всю историю бытия Русской Православной Церкви. Нам, очевидцам этого события, может быть, еще не вполне ясно, какие духовные перспективы открываются для нас в узнавании подвига неисчислимого сонма подвижников веры.

Подобно святым апостолам, они на своем исповедническом пути претерпели все скорби и мученическую смерть за Христа, явив себя *«как служители Божии, в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах, в чистоте, в благоразумии, в великодушии, в благодати, в Духе Святом, в нелицемерной любви, в слове истины, в силе Божией, с оружием правды в правой и левой руке»* (2 Кор. 6, 4–7).

Жизнь и подвиг мучеников и исповедников Церкви Русской, их твердое стояние в правде, мужественное исповедание веры явились *светом миру и солью земли* (Мф. 5, 13–14). Освященный Архиерейский собор, проходивший в юбилейный год 2000-летия Рождества Христова, принял решение об общецерковном прославлении новомучеников и исповедников Церкви Русской XX века, *«поименно известных и донныне миру неявленных, но ведомых Богу»*.

В 2000 году в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской было прославлено 1097 подвижников, их подвиг был изучен и препятствий к их канонизации не встретилось. Но поскольку пострадавших за веру Христову в XX веке несоизмеримо больше, то отцы собора постановили: *«В послесоборное время поименное включение в состав уже прославленного Собора новомучеников и исповедников Российских совершать по благословению Святейшего Патриарха и Священного Синода, на основании предварительных исследований, проведенных Синодальной Комиссией по канонизации святых»* (пункт № 14 Деяния о канонизации новомучеников и исповедников Российских XX века).

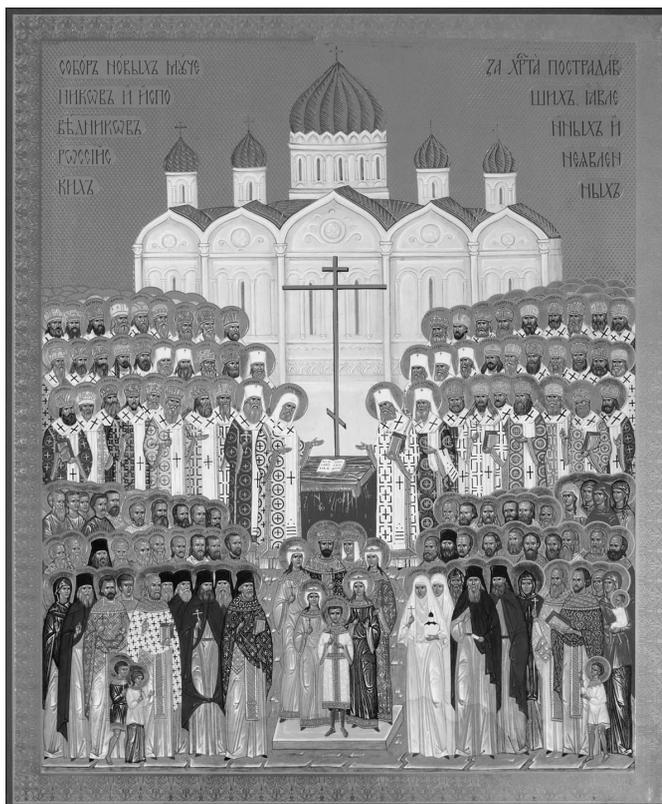
Тропарь, глас 4-й

Днесь радостно ликует Церковь Русская,
яко мати чада, прославляющи новомученики и исповедники своя:
святители и иереи,
царственные страстотерпцы,
благодарныя князи и княгини,
преподобныя мужи и жены
и вся православныя христиане,
во дни гонения безбожнаго
жизнь свою за веру во Христа положившия
и кровью Истину соблюдашия.
Тех предстательством, Долготерпеливе Господи,
страну нашу в Православии сохрани
до скончания века.

Русская Православная Церковь празднует Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской, от безбожной власти за Христа пострадавших, 25 января старого стиля в случае выпадения этой даты на воскресенье либо на ближайшее воскресенье к ней. Эта дата – 25 января – день мученической кончины (в 1918 году) митрополита Киевского Владимира – установлена Всероссийским поместным собором 1917–1918 года как день поминовения всех пострадавших за Христа от безбожного режима.

Какой урок можем вынести мы из пережитого Церковью Христовой в XX веке? Ответить за нас может священномученик Иларион, архиепископ Верейский: «В эти годы лишь окрепла моя вера в Церковь и утвердилось сердце мое в надежде на Бога... Когда очень многое из дел человеческих оказалось построенным на зыбучем песке... Церковь Божия стоит непоколебимо, лишь украшенная, яко багряницею и виссом, кровью новых мучеников. Что мы знали из церковной истории, о чем читали у древних, то ныне видим своими глазами: Церковь побеждает, когда ей вредят... Не веруем только, но и видим, что врата адовы бессильны пред вечным Божиим созданием. Среди ветров лжеучений, среди мутных яростных волн злобы, лжи и клеветы неистовых врагов как скала стоит Церковь...» Новые мученики Церкви Русской, во главе с безвинно убиенной царской семьей, засвидетельствовали, что побеждать врагов Божиих можно и нужно смирением, кротостью, любовью и состраданием. Молитва за врагов – вот тот грозный меч, которым новомученики и исповедники Церкви Русской победили. Рас-

Икона «Собор новомучеников
и исповедников Церкви
Русской»

стрелянные и замученные в застенках, но ни на йоту не поступившиеся истинами Православия, они выиграли битву за Святую Русь, за Русь Небесную.

«Для воспитания молодежи жизненно необходима популяризация подвига новомучеников, – считает председатель Синодального информационного отдела Владимир Легойда. – Красивые слова о нравственном воспитании не работают, сколько бы их ни произносили. Тысячу раз скажи халва – слаще во рту не станет», – сказал он в ходе заседания Гражданского форума Общественной палаты Московской области на секции «Патриотическое воспитание, молодежная политика и спорт». И одних слов недостаточно, нужен личный пример нравственного поведения в общественной и личной жизни. «Новомученики – ярчайший пример веры и верности. Это были живые люди, которые боялись мучений и смерти. Но они оказались готовы умереть за то, во что верили».

Именно в воскресной школе можно наиболее полно познакомить православную молодежь с подвигом мучеников и исповедников XX века.

В процессе знакомства с вероучительными предметами основной ступени, такими как «Священное Писание: Ветхий и Новый Заветы»; «Православное богослужение» («Литургика»); «Основы православного вероучения» («Катехизис»); «История Христианской Церкви», «Христианская этика», можно включать и «Жизнь и подвиг новых мучеников Церкви Русской».

При изучении Священного Писания Ветхого и Нового Заветов примеры жизни мучеников и исповедников помогут достижению важных целей:

- формирование целостной христианской картины мира;
- формирование ценностных ориентиров в ходе ознакомления с нравственным учением Господа Иисуса Христа;
- применение знаний и представлений о нравственном законе в личной жизни для христианского самосовершенствования;
- воспитание нравственных чувств.

Использовать приобретенные знания учащиеся и выпускники воскресных школ смогут в практической деятельности и повседневной жизни для понимания процессов, происходящих в нравственной жизни современного общества.

При освоении «Основ православного вероучения» / «Катехизиса» включение в программу рассказа о новомучениках будет направлено на достижение следующих целей:

- формирование православного мировоззрения и жизненной позиции православного христианина;
- освоение знаний, касающихся православного вероучения;
- овладение навыками добродетельной жизни;
- формирование системы ценностей, основанных на православном мировоззрении;
- применение полученных знаний для духовного самосовершенствования и приобщения других к православной вере, традиции и культуре;
- воспитание религиозных чувств, любви, сострадания к окружающим.

При изучении «Истории Христианской Церкви» включение биографий новых мучеников поможет:

- воспитанию патриотизма, уважения к истории и традициям Церкви и Отечества;
- освоению знаний о важнейших событиях, процессах отечественной и всеобщей церковной истории, их взаимосвязи с гражданской историей;

- овладению методами исторического познания, умения работать с источниками исторической информации;
- формированию представлений о важности исторической роли Русской Православной Церкви в истории России.

Прославляя подвиг новомучеников, Русская Православная Церковь уповает на их предстательство и молится: «Да пробавит Господь милость Свою на нас и даст всем нашим соотечественникам время на покаяние, зажжет в их сердцах огонь веры, ревность о возрождении Руси Святой, нашего земного Отечества».

Служение Церкви, исповеднический и мученический подвиг священника Павла Флоренского

ПАВЛЮЧЕНКОВ Николай Николаевич, старший научный сотрудник Научного центра истории богословия и богословского образования, старший преподаватель ПСТГУ, кандидат богословия, г. Москва

В этом выступлении мне хотелось бы сосредоточить внимание прежде всего на том характере исповеднического подвига в служении Христу и Церкви, который проявляется во внешне спокойной обстановке, когда нет физических гонений на веру и не льется кровь мучеников. Когда мы говорим о мучениках и исповедниках российских, пострадавших от безбожного (а лучше сказать, богоборческого) режима в XX веке, мы всегда имеем в виду людей, которым Промысел Божий судил жить в очень тяжелое в духовном отношении время. К сожалению, до сих пор еще встречается очень упрощенное представление о 1917 годе как о некоей рубежной дате, до которой в духовном отношении в истории России в целом было все в порядке, а после начались кровавые гонения на верующих. Когда же указывают на недостатки в духовной жизни народа до февральского и октябрьского переворотов, то, как правило, ругают Петра I и все его преобразования, приведшие, в конечном итоге, к расцерковлению российской интеллигенции. При этом

очень редко внимание обращается на поистине страшные масштабы и глубину этого расцерковления, на свидетельства потери живой веры также и в простом народе, на самый корень того, что происходило в жизни русских православных людей до 1917 года. Этот «корень» можно охарактеризовать как почти всеобщее обмирщение, движение всего человеческого существа, его ума, сердца и воли только по «горизонтали», среди земных предметов, с почти полной потерей ориентации на «Небо», на «жизнь будущего века». Как трудно в такой обстановке сохранить подлинные духовные устремления, хорошо показывают, например, отрывки из частных писем святителя Игнатия Брянчанинова. Из них хорошо видно, что речь может идти не о какой-то сознательной антицерковной и антихристианской деятельности; людям просто стала «неинтересна» Церковь, «неинтересен» Христос, у них есть множество иных, более привлекательных, направлений деятельности. Они (в том числе и монахи) не только сами возвращаются в чисто мирских проблемах, но даже искренне не понимают того, что у кого-то может быть «искание вечного».¹

Флоренский вступал в самостоятельную жизнь в обстановке, когда сам выбор молодого ученого-интеллигента в пользу Церкви был исповедническим подвигом, и происходило это вовсе не после 1917 года, а в самые первые годы XX века. Флоренский родился в 1882 году в семье русского инженера-строителя и представительницы древнего армянского дворянского рода. Оба – отец и мать – только номинально принадлежали к своим вероисповеданиям, семья была подчеркнуто светской с такими неписаными правилами, согласно которым говорить о Боге и религии в доме было неловко и даже неприлично.²

В первый раз маленького Павла причастили в Русской Православной Церкви в 7-летнем возрасте только в связи с необходимостью сбора бумаг для поступления в гимназию. Когда на рубеже веков, в 1899 году, в нем произошел внутренний переворот, когда в своих поисках истины он обратился от науки к религии, он натолкнулся на непонимание в семье и даже на угрозу потерять материнское благословение. По желанию отца и матери тогда он все же поступил в Московский университет, где, постепенно взрослея, укрепился в противостоянии различным и очень сильным искушениям. Пути

¹ Собрание писем святителя Игнатия Брянчанинова, епископа Кавказского и Черноморского / Сост. игумен Марк (Лозинский). М.–СПб., 1995. С. 407.

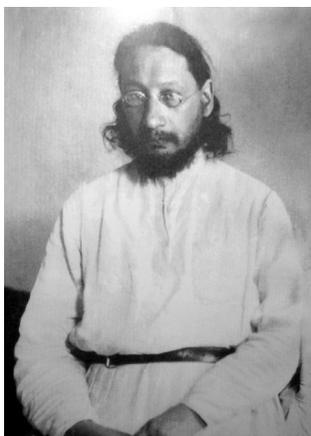
² См.: Павел Флоренский, *свящ.* Детям моим. Воспоминания прошлых дней. М., 1992. С. 117.

Флоренский Павел Александрович в 1903 –1904 гг.

Флоренского пересекались тогда со многими представителями российской интеллектуальной элиты, которые вели духовные поиски в разных направлениях, обходя при этом Церковь как нечто, в лучшем случае, ничего не значащее, а в худшем – прямо враждебное духовному развитию и самореализации человека. Искали в спиритизме, в оккультизме, изыскивали свои собственные пути, а в Церкви видели лишь старый, отживший и реакционный институт, неспособный дать человеку ничего, кроме сухих нравственных наставлений и организационных заповедей, в том числе хотя бы раз в неделю «отслушать» Литургию.

В годы учебы в Московском университете (1900–1904) Флоренский близко познакомился с А. Белым. Это был, может быть, самый близкий по духу друг его юности; они вместе поначалу искали монашества, но затем их духовные пути разошлись: А. Белый увлекся антропософией Р. Штайнера. Также достаточно близким было знакомство Флоренского с Мережковскими – наверное, наи-

Флоренский в 1920-е гг.

более известными тогда в России проповедниками т. н. «нового религиозного сознания» и эпохи «Третьего Завета». Вся эта проповедь обставлялась не только критически-пренебрежительным отношением к «официальной» Церкви, но и попытками создать свою собственную «мистическую» Церковь со своими ритуалами и «тайнствами». В какой-то момент Мережковские, особенно З. Гиппиус, были уверены, что они уже заполучили в свои ряды молодого энергичного мыслителя-мистика (каковым и на самом деле был тогда Флоренский). Но их ожидало разочарование (и мне хотелось бы здесь добавить – такое

же разочарование, которое в образе Флоренского испытывают до сих пор атеисты и антицерковные деятели: они не могут не признать во Флоренском крупного ученого-энциклопедиста и мыслителя, и их антирелигиозную и антицерковную позицию обличает сам факт возможности совмещения в одном лице этих качеств с православным священством). Сохранился чер-

О. Павел Флоренский
с матушкой Анной Михайлов-
ной Гиацинтовой и сыном
Василием. Всего у Флоренских
было пятеро детей

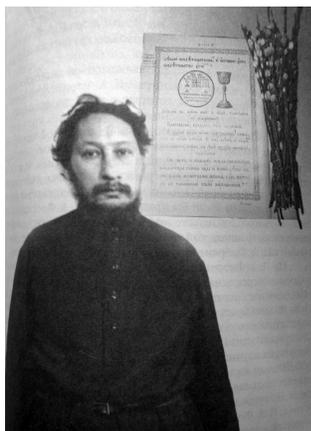
новик письма Флоренского Мережковским, который, по всей видимости, относится к рубежу 1904–1905 годов. В письме 22-летний Флоренский оставляет за ними право на их личную, как он пишет, «интимно-религиозную» жизнь, а о себе говорит так: «Для меня ясно только то, что я должен быть в Православии и должен бороться за него. Если Вы будете нападать на него, то, быть может, я буду бороться с Вами».¹

Чуть позже в письме к А. Белому он пояснил причину своей позиции: за «тысячами» недостатков во внешней, наблюдаемой всеми жизни Русской Церкви он увидел и глубоко прочувствовал лежащую в глубине ее Святыню. «И тогда я понял, – пишет он, – что уже не выйду оттуда, откуда увидел все это... Если я виноват ... что воспринимаю жизнь и святость за толстой корой грязи ... если грешно любить святое, то я действительно виноват перед всеми, кто расходится со мною. Но только могу сказать им: я могу притвориться, но не могу перестать чувствовать то, что чувствую».²

Это живое внутреннее ощущение святости Церкви ведет Флоренского далее к совершению исповеднического поступка, еще гораздо более трудного и значимого, чем свидетельство перед своими друзьями-символистами. Он вопреки воле родителей совершает беспрецедентный по тем временам поступок: в то время, когда, следуя уже общей тенденции, наиболее талантливые и, как мы теперь говорим, «продвинутые» представители «духовного» сословия, отучившись в семинарии, поступали в светские университе-

¹ Павел Флоренский и символисты. М., 2004. С. 515.

² Там же. С. 470–471.

О. Павел Флоренский

ты, Флоренский, закончив светский университет, оставляет открывавшуюся ему карьеру ученого-математика и поступает в Московскую Духовную академию.

Как можно видеть из его записей, курсовых сочинений и конкретных действий этого периода (период учебы в МДА, 1904–1908), он менее всего был заинтересован в т. н. «церковной карьере»; его даже не особо заботил сам факт получения систематического богословского образования, поскольку, по собственному признанию, все нужные ему знания он получил самостоятельно, из книг, опытов и наблюдений.¹

Это был деятель, опытно познавший спасительную силу жизни человека в Церкви и поставивший своей главной целью раскрыть это опознание для расцерковленного общества в России начала XX века.

Мне представляется, что только с учетом этого обстоятельства получают свое объяснение многие, довольно странные факты из жизни Флоренского. Я перечислю только некоторые из них:

– за Флоренским ходит «слава», мягко говоря, нестандартного для Церкви служителя, а ректор академии епископ Феодор (Поздеевский), один из будущих подвижников, отстаивавших Церковь в годы Советской власти в Свято-Даниловом монастыре, всячески покровительствует Флоренскому и делает все для того, чтобы Флоренский защитил в академии магистерскую диссертацию;

– известный владыка Антоний (Храповицкий) неоднократно в устном порядке очень жестко высказывается о богословских идеях и, как он считает, «новшествах» Флоренского, а в реальных действиях, по крайней мере, дважды его поддерживает, а весной 1917 года даже присылает ему телеграмму с благодарностью за стойкость, проявленную в обстановке революционной эйфории, коснувшейся также и МДА;

– свою диссертацию Флоренский издает отдельно в виде книги «Столп и утверждение Истины», и эта книга, несмотря на наличие в ней целого ряда концепций, не выверенных с точки зрения православного богословия, способствует возврату в Церковь российской интеллигенции начала XX века

¹ См.: Павел Флоренский, свяц. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. С. 99.

(и этот процесс, который можно назвать уже «приходом в Церковь», продолжался весь XX век и продолжается до сих пор¹).

Своей книгой «Столп и утверждение Истины» Флоренский прежде всего реализовывал свой замысел, озвученный им еще в 1906 году на заседании Философского кружка в МДА: показать христианскую догматику именно с той ее стороны, с которой она имеет жизненно важное значение для каждого человека. Православие – это прежде всего живой религиозный опыт, это благодатное хождение человека пред Богом, это встреча и общение грешника со своим Спасителем в церковных Таинствах.

Нет необходимости долго говорить о том, что живой религиозный опыт есть не у всех, и чем более человек затянут суетой этого мира, тем более его вера и церковность становятся лишь номинальными. Тогда православие и церковность в понятии такого «верующего» могут сводиться лишь к набору общепринятых правил, веками сложившемуся в данном церковном обществе «этикету». И можно видеть, что Флоренский испытывает на себе неприязнь и отторжение духовно-академической среды того времени вовсе не вследствие каких-либо своих частных богословских мнений, а как нарушитель общепринятого *этикета*. Вот отрывок из его письма владыке Феодору (Поздеевскому) от 7 ноября 1913 года (к этому времени Флоренский уже 5 лет являлся преподавателем МДА и 2 года – священником, приписанным, по желанию великой княгини Елизаветы Федоровны, к домово́й церкви Сергиево-Посадского приюта для сестер милосердия). «Церковь, – пишет он, – конкретно раскрывается в разных общественных средах, а т. к. каждой среде свойственно *переоценивать* себя, то она склонна и все *свои* особенности, бытовые и временные, считать за атрибуты Церкви. Духовенство, как владеющее властью в Церкви ... более чем какая другая среда, имеет склонность поповский быт, поповские манеры, поповские интересы выдавать за Христову Церковь и ее атрибуты. Я не берусь судить или даже осуждать “поповство”; однако самым решительным образом скажу, что оно мне не только чуждо, но я вовсе не вижу надобности усваивать его себе. Но на этой почве и происходит ужасная, непонятная для человека, выросшего в *этом* быте, тяжесть мелких требований, которые предъявляются якобы от имени Церкви».²

¹ См., напр., в одном из писем к С. С. Хоружиему (1970): «Мы лично знали людей, философски образованных, ... которые под влиянием «Столпа...» обратились к Церкви и стали церковными людьми». Хоружий С. С. Мирозозерцание Флоренского. Томск, 1999. С. 146.

² Андроник (Трубачев), игум. Из истории книги «Столп и утверждение Истины» // Флоренский П. А. <Сочинения>. Т. 1 (2). Столп и утверждение Истины. М., 1990. С. 832–833.

Далее о. Павел перечисляет, что именно не нравится критикам в его книге. Это – шрифт, язык, употребление философских терминов и т. п. И здесь он совершенно прав. Можно отметить, что он не услышал в свой адрес действительно конструктивной богословской критики; даже полемика с софиологией началась, как известно, не в связи с концепциями Флоренского, а вследствие деятельности о. С. Булгакова уже в 1920-е–1930-е годы в эмиграции. Почти все обвинения были (и во многом остаются до сих пор) преимущественно мелочными и эмоциональными. «Я вижу, – пишет далее о. Павел, – что люди, [прямо или косвенно] отрицающие не только положения Православия, но и Самого Христа, но соблюдающие при этом известный семинарский этикет, благополучны; а другие, нарушившие этикет или, точнее, живущие по этикету иной среды, хотя и искренно признают церковность, на каком-то подозрении. Скажу о себе. Я имел возможность быть профессором по любимой мною математике; имел и другую возможность – заниматься богословием за границей (мой отец почти требовал этого и обиделся на меня за академию). Если я отказался от всего этого и, избрав академию, потратил на нее 10 лучших лет своей жизни и упорного труда – значит, я хотел именно православия и именно церковности».¹

Это самосвидетельство о. П. Флоренского полностью подтверждается конкретными фактами из его жизни и деятельности. Чтобы не умножать примеры, в качестве иллюстрации подвижнического труда Флоренского и того настроения, с которым он хотел трудиться на благо Церкви, я приведу только два очень личных места из писем о. Павла. Первое – письмо А. В. Ветухову: «Тяжело, – пишет он, – изолировавшись от всего мира ради того, чтобы не видеть и не слышать духа времени, встретить его в собственном доме, даже не в доме, а в собственном затворе». Из контекста видно, что речь идет о теще о. Павла – человеке искреннем и церковном, которая вполне бескорыстно, ради детей, давала ему такие советы: «Грех не зарабатывать побольше денег, когда есть на это голова» (письмо 1912 года).²

В другом случае – это черновик письма С. Н. Булгакову (тогда еще не священнику), написанного почти ровно через год после иерейской хиротонии о. Павла (март 1912 года): «Мое положение, – пишет он, – именно таково: кажут обломки бутылок, пивных и водочных... и усиленно требуют восторгов, как перед бриллиантами. Эти “восторги” так стали противны, что

¹ Там же. С. 833.

² Переписка А. В. Ветухова и П. А. Флоренского // Вопросы философии. 1998, № 12. С. 63.

Флоренский с С. Булгаковым
и М. Новоселовым

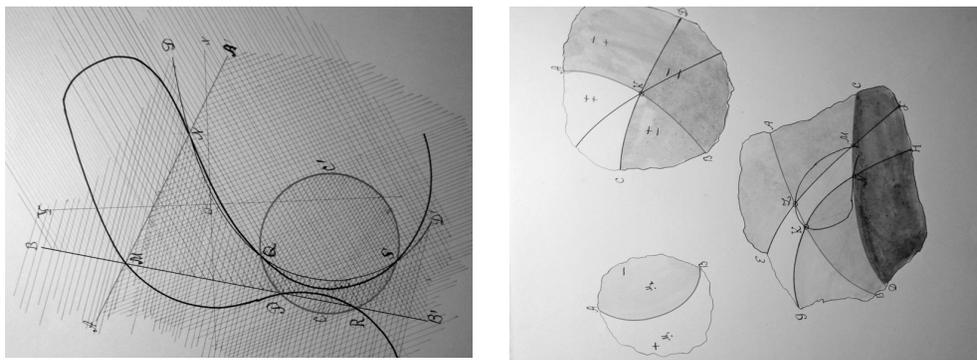

сейчас я бы предпочел, кажется, чтобы в алтаре вместо лобзаний и поклонов было откровенное “мордобитие”...»¹

Такого рода свидетельства показывают, как тяжело переживал Флоренский окружающую обстановку лицемерия и почти всеобщего обмирщения, в которой его собственные (твердые и непреклонные) усилия по раскрытию подлинной сути Церкви и церковной жизни превращались в ежедневный подвиг исповедничества.

Флоренский был, по всей видимости, первым, кто оценил важное значение широко известной теперь беседы преподобного Серафима «О цели христианской жизни» (запись этой беседы была найдена в бумагах Н. А. Мотовилова и впервые опубликована в 1903 году). В ней преподобный Серафим начинает с рассказа о том, как все усилия Мотовилова узнать духовную суть христианства разбивались о камень того, что можно назвать христианством «бытовым», приземленным. Ходи в Церковь, – отвечали ему, – молись, твори заповеди, а если хочешь знать, *зачем* все это нужно, то это уже – «небогоугодное любопытство». Преподобный Серафим, как известно, обличил таких учителей церковной жизни, среди которых были, как сказано в беседе, и «высшие духовные особы». «Они не так говорили, как бы следовало», – свидетельствует преподобный Серафим и далее объясняет, что все это – хождение в церковь, творение молитв, милостыни и т. д. – лишь необ-

¹ Переписка священника П. А. Флоренского со священником С. Н. Булгаковым. Томск, 2001. С. 48–49.

Бесчисленные схемы и расчеты – свидетельства удивительного научного дара о. Павла Флоренского

ходимые средства для главной цели – «стяжания Святого Духа».¹ Это – великая тайна христианства, доступная каждому, но, к сожалению, далеко не везде в церковной среде того времени о ней готовы были говорить и свидетельствовать. И в результате многие духовно ищущие люди, не найдя в Церкви ответов на свои вопросы, в поисках духовной «глубины» уходили в оккультизм и в разные мистические секты.

Флоренский, как представляется, одним из первых в России того времени понял всю серьезность опасности оккультных увлечений. В то время очень многим явления «духов» на спиритических сеансах казались откровением иного мира, столь важным и нужным для борьбы с материализмом и атеизмом. Духи не враждовали против религии, они даже могли ничего не говорить против почитания Христа как одного из многих «Великих Учителей», но в отношении Церкви они действовали вполне в духе времени, обучая людей полностью пренебрегать этим спасительным духовным сокровищем, учрежденным на земле Богочеловеком. Фактически (хотя это было и не так заметно для внешнего взгляда), Флоренский и здесь шел на подвиг исповедничества, действуя «против течения». «Я понимаю, что такое магия, – писал он известному поэту-символисту В. Я. Брюсову (конец 1904 года), – и потому, быть может, вижу в таких уголках Вашей души, которые Вы не хотели бы обнаруживать... Магия не проходит даром. Она засасывает в себя, и в тот момент, когда маг торжественно кричит: «Они (т. е. Духи. – Н. П.) в моих руках», он сам бывает в руках их... Ваш поэтиче-

¹ Впервые беседе преподобного Серафима с Н. А. Мотовиловым «О цели христианской жизни» опубликовал С. А. Нилус в 1903 году. См.: Нилус С. А. Великое в малом. Изд. 3-е. С. Посад, 1911 / Репр. изд. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1992. С. 179–200.

$$f(x) = \sum_{v=0}^{\infty} c_v \varphi(x - \omega_v) \quad (19)$$
 и можно сказать, что это и есть тот же самый ряд, который мы хотим исследовать, а именно для ряда $f(x)$ в области ω образующий:

$$\left. \begin{aligned} S_n &= \sum_{v=0}^n c_v \varphi(x - \omega_v) \\ S'_n &= \sum_{v=0}^n c_v \varphi'(x - \omega_v) \end{aligned} \right\} (20)$$

$$\left. \begin{aligned} f_n(x) &= \sum_{v=0}^n c_v \varphi(x - \omega_v) \\ F'_n(x) &= f(x) - f_n(x) = \sum_{v=n+1}^{\infty} c_v \varphi(x - \omega_v) \end{aligned} \right\} (21)$$

$$C'_n = \sum_{v=0}^n c_v \quad (22)$$

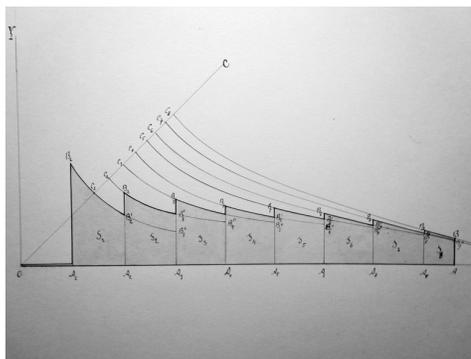
и тогда

$$\frac{f(x_{n+1}) - f(x_n)}{h} = \frac{f_n(x_{n+1}) - f_n(x_n)}{h} + \frac{F'_n(x_{n+1}) - F'_n(x_n)}{h} \quad (23)$$

и для всякого $h \neq 0$

$$C'_n \left(1 - \frac{1}{h}\right) \leq \frac{F'_n(x_{n+1}) - F'_n(x_n)}{h} \leq C'_n \left(1 + \frac{1}{h}\right) \quad (23)$$

и если формулы (21) и (23) симметричны, то получим

ский талант, Ваши познания... – все это отнято у Вас, и награбленным пользуется тот легион, который Вы принимаете за легион «своих» душ».¹

В то самое время, когда Брюсов записывал в свой дневник такие, например, фразы: «Усердно посещаю спиритические сеансы. Проповедую, поучаю и имею некоторое влияние»,² Флоренский писал ему: «Вас эксплуатируют, над Вами издеваются, Вас гипнотизируют... – и Вы не замечаете или не хотите замечать всего этого... Дорогой Валерий Яковлевич! На одну минуту проснитесь, скиньте власть гипноза и посмотрите, что они с Вами делают...»³

Уже в самом начале 1920-х годов, когда МДА в Сергиевом Посаде уже была закрыта и Флоренский читал свои лекции на московских квартирах, отвечая на вопросы, он говорил: «Слабость нашего религиозного сознания видна из того, что у нас не замечают даже величайших бед, если они проявляются не в особенно грубой форме. Так, например, теософия, антропософия и подобные ей науки. Они опираются на реальную потребность человека в ощущении иных миров. Их приемы состоят в утончении чувств, и то, что они говорят, чрезвычайно похоже на правду, близко к тому, что говорили святые отцы, а по существу есть самый утонченный позитивизм, и они бесконечно опаснее, чем грубый материализм, прямой позитивизм... Лет через десять оккультизм будет также признан, как гипнотизм, спектральный анализ и т. д. ... Это громадная опасность для Церкви».⁴

На этой лекции (1921) в своих ответах на вопросы о Павле, как мне представляется, сказал очень важные слова, которые касаются весьма рас-

¹ Павел Флоренский и символисты. С. 529.

² Брюсов В. Я. Дневники. М., 1927. С. 90–91.

³ Павел Флоренский и символисты. С. 529.

⁴ См.: Флоренский П. А. <Сочинения.> Т. 2. У водоразделов мысли. М., 1990. С. 276.

пространенных ошибок, допускаемых в христианской церковной апологетике, в свидетельстве Церкви о себе самой перед лицом секулярного мира. Возможно, именно эти ошибки и не позволили в свое время сдержать процесс расцерковления сначала т. н. «высшего» российского общества, а затем и простого народа. Говоря о нашей дореволюционной апологетике, Флоренский называет ее «определенно вредной», т. к. она боролась с инославием, материализмом и атеизмом их же методами, т. е. путем подбора обличительных аргументов, поиском противоречий и логических нестыковок. Но противоречия и отсутствие человеческой логики можно найти и в истинной вере и, кроме того, доказательством ложности одного учения еще не доказываются истинность другого. Здесь о. Павел, уже в годы начавшихся прямых, физических гонений на Церковь, остается верен своему давнему замыслу и говорит о том, что нужно именно положительное свидетельство об опыте христианской церковной жизни. Но наша церковность, говорит он, похожа на сундук, полный драгоценностей, который, однако, заперт, а ключ – «неизвестно где».¹

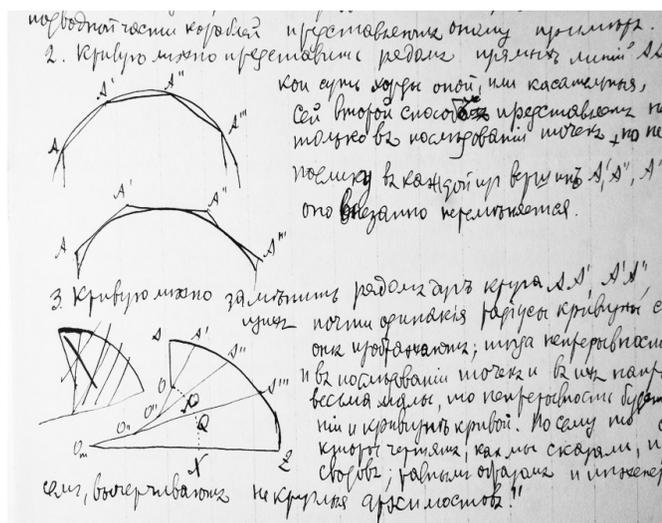
Если дальше продолжить мысль о. Павла и использовать этот образ, то нужно сказать, что ключ обретает тот, кто сам горит живой, опытной верой во Христа. Нужно иметь огонь, чтобы зажигать других, но этот, если можно так в данном случае сказать, «процесс» меньше всего будет связан с усилиями по подбору каких-либо обличений и какой-либо критики. Нужно суметь показать те духовные сокровища, которыми обладает Православная Церковь, и тогда, может быть, никаких обличений уже не потребуются. В этом, по мысли Флоренского, и должна состоять вся церковная апологетика и это, собственно, он и пытался делать в своих устных лекциях и печатных трудах.

В советское время Флоренский, несмотря на несомненные перспективы выдающейся научной карьеры, не отказывается от своего священного сана и, насколько это было возможно, старается появляться в научных учреждениях в рясе или подряснике. Это было подвигом: Флоренский не мог перестать быть тем, кем он был, – свидетелем живой силы Церкви, а это сопровождалось очень большим риском потерять работу и оставить семью (с женой и пятью детьми) без средств к существованию. И он шел на этот риск, очевидно, в полной надежде на Бога. Его семья выжила, а ему самому после 1933 года пришлось пройти через лагерь на Дальнем Востоке и на Соловках.

Записи о. Павла, начиная с 1917 года, свидетельствуют, что он принял советскую власть как жесткое оперативное вмешательство Божественного Промысла в течение смертельной духовной болезни, поразившей россий-

¹ Там же.

Расчеты арок мостов

ское общество к началу XX века. Он был уверен, что с годами кровоточащие раны от этой «операции» будут залечены и новый режим постепенно трансформируется, государство и общество совместно осознают необходимость религии и Церкви. Настрадавшись в бездуховной атмосфере, люди сами свободно захотят религии.

Работая по программам электрификации страны в 1920-е годы и, очевидно, зная ленинский тезис «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны», Флоренский в одной из записей очень лаконично выразил по этому поводу свое собственное упование: «Электрификация как преодоление марксизма».¹ Даже в лагерях он работал для нужд строящегося тогда БАМа и осваивал методы промышленной переработки водорослей. Его письма оттуда свидетельствуют, насколько сильно он переживал невозможность использовать в должной мере данные ему от Бога способности, но в этих переживаниях вовсе не звучало никакого голоса страдающей гордыни. Флоренский писал, что принимает выпавшие на его долю страдания с молитвой о том, чтобы страдания как можно меньше касались его семьи. В протоколах допросов его обозначали как «поп-профессор», и достаточно было убрать в этом обозначении первое слово – «поп» – как жизнь, что называется, была бы прекрасной (Флоренского очень ценили как ученого и инженера). Но о. Павел выстоял в своем подвиге. Он был расстрелян в конце 1937 года, как и многие другие российские новомученики и исповедники.

¹ Павел Флоренский, свящ. Сочинения: В 4 т. Т. 3 (2). М., 1999. С. 391.

Романов-на-Мурмане. Проблема исторического беспамятства

КУЗНЕЦОВ Владимир Михайлович, член Союза фотохудожников России, режиссер Центра теле-видео искусства с. Ловозеро, Мурманская область

Борьба за Кольский север и Арктику не прекращается вот уже много столетий. Желающих получить контроль над этими территориями всегда было много. Это Англия и Швеция, Дания и Норвегия, Германия и Финляндия.

«Земля лопарей», Великая Лапландия, которая занимала обширную территорию современных северных стран Европы, долгое время оставалась неизвестной.

Первые официальные сведения о ней мир узнал от норвежского путешественника Оттара в IX веке.

Одновременно русские и норвежцы стали осваивать эту территорию.

Первое, что сделали наши страны, – обложили местное население государственным налогом (данью). Далее русские миссионеры крестили лопарей в православную веру, норвежская сторона в католичество, а позже и в лютеранство.

Почти 500 лет вся Лапландия оставалась двоеданной территорией.

Этот компромисс был связан с нехваткой у обеих сторон сил разрешить вопрос в свою пользу, что порождало неопределенность государственного статуса этих земель.

В 1025 году сын киевского князя Владимира Ярослав Мудрый в целях добрососедских отношений с соседней страной женился на дочери норвежского короля Игегерт.

Сразу после свадьбы она приняла православие, а перед смертью приняла постриг с именем Анна. Под этим именем она и канонизирована Русской Православной Церковью.

В 1251 году новгородский князь Александр Невский освободил эти земли от власти биармийцев (приполярной чуди) и направил в Тронхейм, к королю Хакону Старому, своих представителей во главе с боярином Михаилом. Переговоры прошли успешно, в результате чего был подписан мирный договор о совместном владении обширной территорией от Кольского залива и почти до Тромсё.

По Ореховскому договору между Россией и Швецией от 12 августа 1323 года, граница проходит уже у Варангер-фиорда, а в 1826, с помощью изменника полковника Галямина, ведшего переговоры по установлению новой границы, нас отодвинули еще дальше на восток, забрав восточное побережье Варангера. До сих пор наши русские саамы-сколты Нявдемского прихода (п. Нейден), отошедшие в подданство Норвегии, хранят охранные грамоты русского царя Ивана Грозного на право владеть своей землей.

Теперь, чтобы попасть в православную церковь Бориса и Глеба, основанную самим Трифоном Печенгским в 1564 году, надо пересекать норвежскую границу.

Борьба не прекращалась, и когда датский король Федерик II узнал о строительстве русскими города Кола, то был очень возмущен этим событием.

Его послы в Москве настаивали на удалении русских с Мурмана и передаче всей Лапландии под власть Дании (Норвегия в те годы была в составе Дании).

Получив решительный отказ в 1599 году, новый король Христиан IV лично прибыл в Колу и пытался склонить колян к принятию присяги Дании. Но у него ничего не вышло.

Следующей российской потерей на европейском севере стали острова архипелага Шпицберген (наше название – «Святые русские острова»), или

Грумант), и реальностью даже была угроза потери Новой Земли, так как там уже всю хозяйничали норвежцы.

Их доводы были такими: берег Кольского полуострова, омываемый Ледовитым океаном, называется мурманским (то есть норвежским), значит и земля эта принадлежит Норвегии. Они даже собирались подать на нашу страну жалобу в международный суд о незаконном владении нами этой землей.

По историческим меркам, все эти напряженные политические события происходили совсем недавно.

Борьба не прекращается и по сей день. К России всегда есть претензии: и по биоресурсам Баренцева моря, и по российскому шельфу в Арктике, и по глухим «территориальным намекам» со стороны Финляндии на часть Карелии.

Все это во многом стимулируется нашим, мягко говоря, легкомысленным отношением к истории, которое особенно выпукло отражается в нашей, если можно так выразиться, «топонимической инфантильности». Нам будто бы нет дела до того, что наши исконные территории Крайнего Севера носят иностранные названия.

Так, например, мы, конечно, с уважением относимся к голландскому мореплавателю Виллему Баренцу, первому из европейцев, сумевшему перезимовать в Арктике, но разве этого факта достаточно для того, чтобы море, издавle называвшееся Московским, Русским, Ледовитым стало вдруг в 1853 году Баренцевым? Отважный Баренц в 1597 году только еще изучал эти берега, в то время как в 1581 году секретарь норвежского фогта Иаков Перссон, сообщая в Тромсё реальную обстановку на северных побережьях, отмечал, что что на «полуострове Гельгён (Рыбачий) лежит большой город Корпенпол (Корабельная с Цып-Наволоком) с 937 дворами и солеварнями в каждом дворе. Этот город имеет громадную торговлю с англичанами». А в восточной части Кольского полуострова, в районе горла Белого моря, «в прошлом 1580 году ловили рыбу 7426 лодок (!) из России». Так что при чем тут Баренц на этих берегах? Это наше Русское море.

Ну да ладно, здесь уже вряд ли что можно поправить – это дела давних лет. Но почему по прошествии свыше семидесяти лет после освобождения территории Печенгского района от кратковременного владения финнов русские исторические географические названия так и остаются финскими? Почему река Мана, где преподобный Трифон построил первый монастырь, называется Намайоки? Знаменитое Трифоновское озеро, куда преподоб-

ный удалялся на свои молитвенные подвиги, превратилось в Трифоноярви. Разве так положено почитать свою историю? Или ради этого проливали здесь кровь наши предки, монахи и миряне, чтобы наша земля и ее исконные названия неожиданно превратилась в сплошные «йоки» и «ярви»?

Именно в этом ряду стоит и вопрос с нынешним названием нашей столицы Кольского Края – города Мурманска. Как известно, «мурмане» – это те самые норвежцы, которые упоминаются в древних летописях. В 1419 году именно они, «мурмане, пришедшие на бусах и шняхках, разорили погост Варзуга и иные села и монастыри пограбили, а людей избили». «Мурмане» – это норманы, или норвежцы. Другими словами, получается, что подлинный перевод названия нашего любимого заполярного города – «Норвежск», или «город норвегов».

Никакому правителю до революции не могло и в голову прийти так называть русский город, имеющий стратегическое значение в Арктике. Именно поэтому город был основан как «Романов-на-Мурмане». То есть этим названием утверждалась незыблемая власть державы Российской на этих берегах. И не надо делать вид, что мы не знаем, что именно правители династии Романовых стояли во главе самых масштабных государственных преобразований, именно при их правлении небывало расширилось и стало величайшей мировой империей государство Российское. А великий преобразователь царь Петр Романов стал первым императором Великой Руси. Именно эти территории и мощь государства наследовал впоследствии Советский Союз.

Романовы – прямые потомки Рюриковичей, государей, которые изначально породили Русь как государство. Недавно вся Россия проголосовала за князя Александра Невского, даровав ему статус «Имя России». Но князь Александр был Рюриковичем, а первый царь рода Романовых Михаил Федорович приходился племянником последнему Рюриковичу, сыну Иоанна Грозного, Федору Иоанновичу.

Вопрос имени или названия всегда имеет особое, мистическое, сакральное значение. Недаром говорят: «Как вы судно назовете, так оно и поплывет». Название «Романов-на-Мурмане» в полной мере свидетельствует о величии нашего прошлого, о мощном духовном потенциале нашей страны, история которой началась не с Октябрьского переворота, а с великих деяний наших знаменитых предков.

Люди, которые *изменяют* свое имя или фамилию, совершают *измену*. То же самое происходит и с людьми, которые изменяют названия городов. В некоторых случаях эта измена равна предательству.

Никогда мы не будем жить лучше, пока не покаемся в измене помазаннику Божьему Николаю II, в измене отечеству Российскому.

Эта измена дорого обошлась русскому народу. Гражданская братоубийственная война, когда брат пошел на брата, а сын на отца, пролила много крови. А в сталинские репрессии еще больше умылись кровью.

Теперь, когда мы снова живем в свободной России, что нам мешает опять жить в своем родном городе Романове-на-Мурмане? Тем более что уже давно вся царская семья причислена к лику святых земли Русской.

Только покаяние через возвращение городу его исторического названия может простить и нас, и наших отцов, и наших дедов перед Господом Богом и перед будущими поколениями.

Сейчас, в канун столетнего юбилея, мы можем сделать хороший подарок и городу и всей стране.

Слово за нами.

Судьба храма: утмановская Ильинская церковь

*ПОНИКАРОВСКИЙ Геннадий Иванович,
староста утмановской церкви святого Ильи
Пророка, краевед, с. Утманово, Кировская область*

Прямо над водами реки Юг, на левом берегу, в селе Утманово (Ильинское – первоначальное название по наименованию церкви) Подосиновского района возвышался двухэтажный храм, своими размерами годный для того, чтобы служить собором иного уездного города. Даже с провалившейся кровлей после пожара в 1991 году и полуразрушенной колокольней он поражает взор своим благородным величием. Сведений о первоначальном существовании погоста и прихода нет. В клировой ведомости утмановской Ильинской церкви за 1858 год указывается: «С какого времени восприняла сия церковь первоначальное существование в сем приходе, о том никаких достоверных письменных сведений и справедливых преданий нет» (1).

Деревни, входящие в приход по берегам р. Юг, упоминаются в середине XVII века. Деревня

Страшково – в 1648 году (2). Возможно, эти деревни существовали и раньше, при этом могли входить в приход утмановской Николаевской церкви, которая упоминается в Писцовых книгах Устюжского уезда 1626 года. «Волость утманова, а в ней погост на р. Югу, а на погосте церковь Николы Чудотворца, да теплая Офонасия Александрийского обе древяны клецки» (3). Упоминается данная церковь и в Писцовых книгах Устюжского уезда 1676–1683 годов (4). Утмановская Ильинская церковь в указанных документах не упоминается, как и в Ведомостях налогообложения церковных приходов Устюжской десятины Южской трети Сольвычегодского уезда в 1625 году, как и в списке приходов Устюжской десятины Ростовской митрополии XV, XVII веков (5). Первое упоминание Ильинской церкви по Утмановской волости встречаем по переписи Архангелогородской губернии в 1710 году: «Утмановская волость, а в ней погост подле Юг реку. Церковь холодная деревянная Святого Пророка Ильи, другая церковь Афанасия Александрийского, дьячек Притупов пономарь Попов. Деревни чернососшные, а в них крестьянские и половничьи дворы. Дер. Деляевская... Ощепкова Припаш... Олберово а Чечуково тож д. Выдрино... д. Фильтяево... д. Зубарево. Д. Емфилонья а Ефунино и огорелица тож... д. Пахомого Займище... д. Черницыно д. Максимово Займище... д. Югринская а Ольмегова тож д. Анфалово Наволочек... д. Окоемо Шеломя... д. Горбуновская и Подгорбунье тож... Рассохино... д. Спицыно а Княжо тож... дю Олябино... д. Кряжи Княжи тож» (6).

Причиной возникновения Ильинского прихода явилось экономически выгодное расположение деревень данной местности, через которую проходили торговые дороги из г. Великий Устюг на Вятку и из г. Лальск в г. Никольск (7). В 1788 году при церкви числилось 1275 человек (8).

В 1795 году при приходе числилось 39 деревень с населением 1522 человека (9). Из клировой ведомости утмановской Ильинской церкви за 1800 год: «Никольской округи в Утмановском Ильинском приходе первое во имя Пророка Ильи холодная. Вторая во имя святителя Афанасия Александрийского теплая обе деревянные... Один клир. Штатные священно-церковно-служители. Священник Дмитрий Иоаннов 27 лет посвящен в 1795 году и грамоту имеет. Дьякон Михайло Яфимов 27 лет посвящен в 1796 году и грамоту имеет. Дьячек Алексей Григорьев 58 лет посвящен в 1786 году и грамоту имеет. Понамарь Василий Иванов 16 лет посвящен в 1799 году и грамоту имеет» (10).

В замену старых церквей был заложен каменный храм, который строил-

Утмановская Ильинская церковь

ся в два периода. Первоначально в 1800–1818 годах были построены четверик, являющийся теперь центральной частью храма, и отдельно колокольня (11). Из клировой ведомости за 1858 год: «Церковь каменная построена 1800 года, а освящена 1801-го сентября 16 дня, верхняя холодная построена в 1818 году, а освящена 1827 года ноября 5 дня... тцанием прихожан».

Старые деревянные церкви прекратили свое существование, очевидно, после готовности нового храма и переноса святынь в новый храм.

Во второй половине XIX века быстрое экономическое развитие этого района Поюжья позволило прихожанам утмановской Ильинской церкви вновь изыскать средства для своего храма. В 1872–1875 годах храм был существенно расширен с северной и южной сторон в высоту обеих этажей и обнесен каменной оградой со Святыми вратами, стройными башенками и коваными решетками. Колокольня была соединена с храмом крытым притвором. Храм стал шестипрестольным: в верхнем этаже средний посвящен святому Пророку Илье; южный – во имя Святой Троицы; северный – во имя святых мучеников Флора и Лавра; в нижнем: средний во имя святителя Афанасия Александрийского, южный – Божьей Матери Всех Скорбящих Радости, северный – во имя святого апостола Андрея Превозванного.

Из послужных списков за 1917 год: «Старший священник Александр Анемподистов Попов 33 лет награжден набедренником в апреле 1915 года. Второй священник Вотчинский Николай Андреевич 27 лет. Дьякон Александр Николаев Попов род. 17 июня 1879 года. Псаломщик Анатолий Георгиев Заварин. Псаломщик Василий Ионов Смелков определен к сей церкви в 1908 г. просфорня Лидия Николаевна Покровская. Церковный староста

крестьянин Павел Александров Ногин. В приходе числится 43 деревни с населением 4681 чел. У исповеди и причастия не было 89 человек» (13).

После событий 1917 года церковь продолжала оставаться действующей, но священник Вотчинский Николай Андреевич в 1918 году был лишен избирательных прав (14). При этом он продолжал выполнять возложенные на него пастырские обязанности.

Председатель райисполкома в переписке с представителем Утмановского сельсовета указывает: «Свободное исполнение установленных обычаев, религиозных обрядов не должно встречать препятствий с Вашей стороны...» (15).

В начале 30-х годов, во время коллективизации, религия на селе подлежала решительному искоренению. Это можно понять из ответа председателя Утмановского сельсовета на запрос пред РИКа от 31/У111 1934 года о количестве и весе колоколов утмановской Ильинской церкви: «Всего колоколов 9 шт., вес их 484 пуда 34 фунта: 1) 308 пуд 20 ф.; 2) 103 пуда; 3) 42 пуда; 4) 24 пуда 34 ф.; 5) по 30 ф. – 2 шт.; 6) по 20 ф. – 2 шт... Подпись» (16).

К началу 1935 года церковь была закрыта, но священник Вотчинский Николай Андреевич исполнял свои обязанности вне храма до сентября 1937 года. 23 октября 1937 года он был арестован по обвинению в «контрреволюционной агитации... Ходатайствовал об открытии церкви и препятствовал ее разрушению», 23 октября 1937 года заключен в ИТЛ (исправительно-трудовой лагерь) на 10 лет. В 1989 году реабилитирован посмертно (17).

Решением Подосиновского РИК в январе 1938 года церковь и торговые ряды были отданы под Утмановскую машинно-тракторную станцию (18). Первым делом новые хозяева срезали все кресты. На мой вопрос, заданный Николаю Николаевичу Боровскому, который с 1943 года работал здесь токарем, куда же делись кресты и часть кованых решеток ограды, ответил: «Из железа точили болты, гайки, изготавливали другие детали, а так как металл был мягкий, то детали подвергали закалке в кузнице, а кирпич ограды растащили кто куда».

Святые, все документы и книги увезли в устье р. Шеньга и там сожгли на костре. По воспоминаниям Ивана Михайловича Печенкина, 1890 года рождения, перед самым началом советско-финской войны (30.11.1939–12.03.1940) сбросили большой колокол, и чтобы вытащить его, пришлось прорубить узкие проемы колокольни, следы этих усилий видны до сих пор. Очевидец данного события Валерий Иванович Печенкин, 1919 года рождения, рассказывал: «Руководил приехавший из Питера какой-то мужчина.

Вначале решили повалить колокольню вместе с колоколами. Ошлаговали тросами и двумя гусеничными тракторами потянули в сторону реки. Когда им это не удалось, отломили шпиль колокольни. Колокол был подвешен на ремнях из моржовой кожи. При сбросе его пришлось дополнительно расширить проем, потому как колокол застрял в проеме. Ударившись о землю, колокол развалился на части и почти полностью ушел в землю – как никак, вес его был 308 пудов 20 фунтов. А колокол был привезен в 1887 году и поднят всем миром. Осенью, погрузив на сани, обломки увезли на железнодорожную станцию Пинюг. Язык от него долго валялся около подножия колокольни. Вес его был 12 пудов, и молодые парни упражнялись, кто отнесет его по лестнице на верх колокольни. Был такой «Венко рыжий» с д. Гагарина, так он выносил... Плиты надгробий использовали как наковальни. Куда потом они исчезли, не могу сказать. Наверное, просто расколотили».

Многие верующие, глядя на происходящее, крестились и плакали. Серафима Михайловна Худорожева (сейчас ей 94 года) вспоминает, как горевал ее отец: «Тянька был очень верующий человек, пел на клиросе в церкви. Чтобы не видеть осквернения церкви, уходил в погреб и там в темноте молился и плакал, молился и плакал. Шибко ругал партийцев. «Чтоб вам, – говорил, – поделом!»»

Кладбище, располагавшееся у стен церкви, сравнивали с землей и застроили сараями и гаражами. В 1947 году были разобраны боковые купола. На многих, кто принимал участие в разрушении храма, вскоре обрушились беды и нелепые смерти.

15 ноября 1985 года центральные ремонтные мастерские съехали во вновь построенное здание, оставив после себя груды железа и хлама, землю, политую соляркой и мазутом. Храм оказался брошенным. Новыми его обитателями стали местные пьяницы да шалые ребята. Были попытки выпилить пол на втором этаже, стали откалывать кирпич от стен. Многие жители равнодушно проходили мимо творившихся безобразий. Так, видимо, очерствели их души после закрытия храма. Ночью в июле 1991 года храм загорелся. Причина – детская шалость с огнем. Один раз, ранее, мне удалось предотвратить поджог. Пожар возник из разведенного костра на втором этаже под центральным куполом. Когда приехали пожарные машины, пламя на втором этаже полыхало, как свеча. Рукава для воды у машин оказались очень короткими, их соединяли между собой. Пожар удалось потушить немощными усилиями, но кровля храма обрушилась. Сбежавшиеся на по-

жар жители стояли как заколдованные. В их глазах просматривалось чувство беспомощности, страха и вины. У каждого что-то екнуло в груди. Помнится, как житель села Александр Васильевич Подгорбунский, 1952 года рождения, стоял, плакал, причитая: «Лучше бы сгорел мой дом, а не церковь».

Прошло несколько лет после пожара, но все время подспудно не покидала мысль: без крыши храм рухнет через несколько десятилетий. Без храма село – не село. Восстановить храм в первоизданном виде – утопия, но прибрать территорию вокруг храма, отремонтировать изгородь, прекратить безобразия – это в наших силах. Точно так же мыслила бывший директор школы Валентина Михайловна Суворова – человек справедливый, авторитетный и уважаемый на селе. Большая часть Утмановского поселения – бывшие ее ученики.

Вот тут как будто кто-то послал нам миссионеров из Москвы (летом 1997 года). Возглавлял миссионеров протоиерей Аркадий Шатов, сейчас он епископ Орехово-Зуевский Пантелеимон. Люди они были совсем молодые. Средством передвижения у них были байдарки. Остановки в селе Утманово не планировалось, но когда речной мыс перестал закрывать вид села, миссионеры в удивлении замерли, увидев прекрасный двухэтажный кирпичный храм. Было решено остановиться и осмотреть его. Когда они подошли к храму, навстречу им поспешила пожилая женщина – Валентина Михайловна Суворова. Она попросила послужить в храме и пообещала, что организует людей на уборку. Через 2 дня, побывав в селе Ново-Яхреньга, миссионеры вернулись. Верхний этаж церкви был очищен от мусора и грязи, оконные проемы прикрыли щитами от ветра. Впервые за 60 лет в храме совершилось всенощное бдение, а наутро – Литургия. Утмановцы как будто ждали этого дня. Пришли в храм молодые и старые, с детьми, – много народа было. Венчались две пары, 40 человек окрестилось в реке Юг. Это был первый шаг духовного подъема у людей и возрождения храма. Аркадий Шатов ходил на дискотеку, побеседовал с молодежью. Выслушали с пониманием и уважением. Разговор получился. После радушного приема у Валентины Михайловны завязалась переписка с миссионерами.

25 октября 1999 года Валентина Михайловна возвращалась домой на автомашине с сыном из г. Тольятти с похорон трагически погибшего младшего сына. «Состояние было удручающее, я задумалась, – рассказывает Валентина Михайловна, – глянула на обочину и увидела старца в белых одеждах, прижимающего одной рукой икону, а второй показывающего вперед.

У старца было одухотворенное лицо, белая борода, от него исходил свет. Стало легче. Доехали благополучно. Кто бы это мог быть? Я стала искать в книгах и поняла, что это точь-в-точь Серафим Саровский».

В 2000 году она ездила на годовую в Тольятти и на всем пути видела, что в каждом селе или городе восстанавливают или строят храмы и мечети. Вернувшись, сразу принялась за дело. С чего начать? С кем посоветоваться? Где проводить службы? Построить деревянную церковь или найти другое место? Какими силами и на какие средства? Решено было строить часовню. Районные власти бесплатно выделили лес, но кто будет рубить? – денег нет. Валентина Михайловна стала принимать пожертвования. Кто сколько даст: кто 50 рублей, кто 100 рублей – собрала всего 6720 рублей. Московские миссионеры послали 10 000 рублей. На такую сумму храм не построишь. Благо, через год новый закон позволил продать на корню лес. Еще 10 000 прибавилось – все равно было мало.

Валентина Михайловна обратилась ко мне с просьбой поискать место, где можно было бы проводить богослужения. Посмотрели несколько мест, и в конечном счете как будто какая-то сила привела нас к небольшой боковой паперти в виде галереи с северной стороны храма. На том и порешили. Летом 2001 года приступили к работе. Бригаду возглавил учитель труда местной школы Николай Михайлович Мелентьев. Помогали ему школьные кочегары: Сергей Попов и Сергей Курдюмов. Заменяли потолок. Стропила новые поставили. Крышу покрыли железом. 10 000 рублей на железо прислал из Москвы Владимир Рассохин. Провели внутри все ремонтные и отделочные работы, электричество. На входе сделали небольшой деревянный пристрой. Всем миром очистили территорию вокруг церкви. Часть территории обнесли забором. Утварью и иконами, хотя и не в окладах, и всем необходимым для богослужения, опять же, снабдили московские миссионеры.

В 2002 году, на праздник Рождества Пресвятой Богородицы, состоялась первая служба. Провел ее священник яхреньгской Николаевской церкви Василий Булатников. На первое богослужение приехал из Кирова управляющий делами Вятской епархии Александр Балыбердин. Пришло много народа.

В 2006 году у нас вновь побывали миссионеры из того же Свято-Дмитриевского прихода. По благословлению отца Аркадия, во главе миссионеров действовала воскресная школа, ее активно посещала утмановская детвора. Освятили школу. Потом одна из старшекласниц напишет в заметке для местной газеты: «Думаю, в освященной школе будет легче и веселее учиться».

Кульминацией миссионерского похода была установка поклонного креста у алтаря Ильинского храма – на месте уничтоженного кладбища. Крест изготовляли при стечении народа 13 августа, в канун праздника Изнесения древ Честного и Животворящего Креста Господня. В своем обращении к утмановцам отец Иоанн сказал: «На храме сейчас крестов нет, но появился небольшой крест у его подножья. Надо молиться Богу, чтобы Он помог вам возродить старинный храм. Если вы успеете его спасти, пока он не рухнул, будет жить и село. Рухнет храм – рухнет и вся ваша жизнь».

Из письма Валентины Михайловны Суворовой епископу Пантелеиму (Аркадию Шатову): «Это с Вашей миссии люди немного повернулись лицом к Богу. Конечно, не все. Церковная территория для всех, от детей и молодежи до алкоголиков, – что-то уважаемое. А до того – кроме церковной ограды вроде и места не было для безобразий. Теперь – порядок».

2 августа 2011 года, в Ильин день, отмечалась в селе Утмановское-Ильинское 500-летие первого упоминания в документах Утмановской волости. Многие жители и гости заходили в храм. Пусть у некоторых на восстановление храма пожертвования были небольшие, но появилась надежда, что найдутся люди, не сейчас, так позднее, которые не дадут рухнуть храму. Надежда умирает последней.

Вот уже ровно 10 лет в нашей маленькой, по-деревенски уютной церкви каждый месяц проходит богослужение и исполняются требы. Для совершения богослужений приезжает из соседнего села о. Вячеслав. За прошедшие годы создалась православная община во главе с Валентиной Михайловной. Постоянно на службе человек 20, да еще до службы приходят, ставят свечи, заказывают поминовения. Больше народа бывает на Крещение и Пасху. Ученики местной школы приходят перед экзаменами. Многие гости приезжают летом, заходят в церковь.

20 июля 2012 года на собрании православной группы при утмановской Ильинской церкви, а потом сельского схода голосованием произошла передача дел старосты от Валентины Михайловны Суворовой Геннадию Ивановичу Поникаровскому. Накануне Валентина Михайловна провела опрос населения, посоветовалась с о. Константином, благочинным округа, о кандидатуре.

Литература

1. Клировая ведомость утмановской Ильинской церкви Никольского уезда 1858 г. МУ «Великоустюгский архив». Ф. 1, оп. 3, ед. хр. 57.
2. *Базилевич К. В.* Городские восстания в Московском государстве. XVII век. М.–Л., 1936. С. 162.
3. Писцовые и переписные книги Поместного приказа. 1623–1626 гг., 1676–1683 гг. РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, книга 507, л. 371.
4. Там же. Книга 515, л. 646.
5. *Черкасова М. С.* Устюжская десятина Ростовской митрополии в XV–XVII вв.
6. Писцовые и переписные книги Поместного приказа. 1623–1626 гг., 1676–1683 гг. РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, д. 1082, л. 351 об.
7. Карта Лальского уезда 1780–1796 гг.
8. *Суворов Н. И.* Несколько топографических и статистических сведений о бывшей В.-Устюгской епархии // ВЕВ. 1872, № 16. Прибавления, с. 473.
9. Окладная книга монастырей и церквей Южской трети Устюжского уезда Великоустюжской епархии 1755 года.
10. Клировая ведомость утмановской Ильинской церкви Никольского уезда 1800 г. Ф. 1, оп. 3, ед. хр. 3.
11. Памятники архитектуры Кировской области. Вып. 2. 2002. С. 63.
12. Клировая ведомость утмановской Ильинской церкви Никольского уезда 1858 г. Ф. 1, оп. 3, ед. хр. 57.
13. Клировая ведомость утмановской Ильинской церкви Никольского уезда 1917 г. Ф. 364, оп. 1, д. 8363.
14. Список лишенных избирательных прав по Утмановскому с/совету на 1917–1934 года.
15. Дело № 1 о секретных бумагах за 1924–1929 года Утмановского с/совета Подосиновского района. С. 1.
16. Дело № 2 за 1930 и 1935 г. С.72.
17. За веру Христову. Духовенство, монашествующие и миряне РПЦ, репрессированные в Северном крае (1918–1951). Библиографический справочник. Архангельск, 2006. С. 81; Книга памяти жертв политических репрессий Кировской области. Т. 2. Киров, 2000. С. 489.
18. Протокол заседания Подосиновского РИК от 15 января 1938 г.
19. Архивный отдел администрации Подосиновского района. Ф. 1, оп. 1, д. 49.

Даниил Сысоев – исповедник веры и мученик за дело евангельского Благовестия

*ПОСТНОВА Людмила Владимировна, сотрудник
Петропавловского храма в Ясенево, подворья
Свято-Введенской Оптиной пустыни в Москве*

Я расскажу об известном священнике, миссионере о. Данииле Сысоеве.

Он был убит поздно вечером 19 ноября 2009 года в московском храме апостола Фомы на Кантемировской. Неизвестный в маске вошел в храм и стал кричать: «Где Сысоев?» Со слов очевидца, о. Даниил, выйдя из алтаря и увидев человека в медицинской маске, сказал: «Я Сысоев» – и пошел прямо на него. Его убили рядом с алтарем.

Путь служения Христу и Церкви, по словам Святейшего Патриарха Кирилла, всегда связан с исповедничеством и даже мученичеством.

О. Даниил Сысоев, удостоившийся мученической смерти, тот самый священник, про которого можно сказать, что он был абсолютно уникальным и действительно ни с кем не сравнимым.

Каким же был о. Даниил?

В храме Петра и Павла в Ясенево, в котором я сейчас работаю, служит его отец – протоиерей Алексей Сысоев. С 2001 года его сын о. Даниил тоже был священником в этом храме и преподавал на богословских курсах до перехода в свой храм апостола Фомы. Ежегодно проводятся дни памяти, на которые приглашаются люди, хорошо знавшие убиенного о. Даниила.

В своем рассказе я использую воспоминания этих людей, а также его родных и близких.

О. Даниил родился 12 января 1974 года в Москве, в религиозной семье учителей-художников. Его отец – протоиерей, а мать, Анна Мидхатовна Амирова, преподает Закон Божий и живопись в Православной классической гимназии «Ясенево», в которой ранее читал лекции ее сын. Она иконописец. Ее работы можно увидеть в храме апостола Фомы.

По воспоминаниям его мамы, о. Даниил с раннего детства размышлял о Боге и жил с Ним. Принял крещение он в трехлетнем возрасте, после которого рассказал своему крестному об Ангеле, который шел перед ним вокруг купели.

Когда ему было 4 года, он спросил: «Мамочка, а бесы всех крестов боятся? Ведь на Голгофе два креста были разбойничьих. Их бесы боялись?» И сам же ответил: «Я думаю, что теперь они уже боятся всех крестов, памятуя о Кресте Христовом».

Читать он начал рано и читал очень много. Любимые его книги в детстве – «Настольная книга священнослужителя» в двух томах. Первый том – богослужебный, а второй – краткие жития святых. Но с житиями святых он был знаком еще по «Византийским легендам», которые старались дома ежедневно по вечерам читать вслух ему с самого раннего детства. Он очень любил эти книги!

С пяти лет он чаще всего играл в священника. Ходил с кадилом по квартире, а для этого подбирал соответствующую одежду. С каким обстоятельным вниманием он собирал все свое «литургическое хозяйство», все складывал и трепетно хранил между «службами»!

Он рвался на исповедь, но ему не разрешали. Ожидали, когда исполнится 7 лет. Но в 6 с половиной лет его духовник разрешил ему все-таки прийти на исповедь. И когда он шел домой, весь светясь от радости, восклицал: «Я сейчас улечу».

В 7 лет Даниил пережил клиническую смерть. С его слов, он видел себя со стороны и Ангела, который вернул его назад.

Даниил со своей мамой

Родители вспоминают, что иногда было неловко за него на Литургии, потому что он буквально кричал «Символ веры». Он понимал, что алтарь есть Царство Небесное, и поэтому кричал прямо Богу. Так он кричал Богу всю свою жизнь о своей вере и о своей любви.

О. Даниил был сознательно верующим с самого детства, которое протекало еще при безбожном коммунистическом режиме. Известна история, когда в школе учительница-атеистка поставила его перед всем классом и с насмешкой стала говорить: «Вот, ребята! Данила, оказывается, у нас в Бога верит! Может, ты еще и молитвы знаешь?» И мальчик твердо ответил: «Да, в Бога верю! И молитвы знаю!» Ему было тогда всего 8 лет.

Будучи школьником, он помогал отцу в алтаре, пел на клиросе. Летом 1988 года, когда ему было уже 14 лет, он участвовал в восстановительных работах в возрождающейся Оптиной пустыни.

К вере батюшка относился серьезно с самого юного возраста. По его словам, с 12 лет он даже у родителей, если они предъявляли ему какие-либо принципиальные требования, просил библейского обоснования. Если получал их – то тогда выполнял беспрекословно. В этом уже тогда отразилось главное его желание – всегда и во всем узнавать волю Божию и следовать ей.

Бога он предпочитал всему остальному, и волю Божию – всякой другой.

По окончании школы он поступает в духовную семинарию.

Учась в семинарии, он нес послушания певца и уставщика смешанного хора Регентской школы.

Даниил ходил на семинарские лекции постоянно. Посещал он их потому, что это было единственное время, которое он мог посвятить чтению книг. Он очень любил эти лекции, т. к. в это время ему никто не мешал предаваться размышлениям и чтению книг из академической библиотеки.

Юный христианин Дания

Почему он не слушал лекции? На этот вопрос он как-то совершенно искренне и со смирением ответил: «Все, что нам здесь преподают, я уже знаю». Даниил еще в 80-х годах слушал профессора А. И. Осипова и других богословов. Он лично их знал и уже освоил тот материал, который его сверстники еще только-только постигали. Поэтому слушать лекции ему было неинтересно.

У него была изумительная работоспособность. Он говорил, что нет ничего сложного в том, чтобы за день прочесть 2-3 книги. Он читал глазами, и настолько быстро, что кроме чтения художественной и богословской литературы он ежедневно вечером совершал вечерню и утреню, причем по уставу: так, как это положено, с библейскими песнями. Для семинаристов это все было откровением, поскольку в храмах нигде не исполняются библейские песни, за исключением дней Великого поста.

Уникальная память, способность быстро читать и усваивать прочитанное давали Даниилу возможность свободно чувствовать себя в богословии, любить его и знать. Он знал святых отцов, и это создавало трудности некоторым преподавателям, которых он превосходил в знаниях.

Иногда он отвлекался на некоторое время, останавливался и говорил: «Послушайте, как красиво звучит стихира Пасхи». Давал тон и начинал распевать мелодию на византийский мотив. Он жил одновременно и в нашем мире, и в то же время он жил с Богом, в мире богослужения, которое наполняло всю его жизнь независимо от того, учился ли он, служил ли или общался с человеком. Он считал, что подлинное пение, подлинный настрой, которые были в богослужении в прошлые времена, в XIV–XVI столетиях, сейчас утрачены.

В 1995 году о. Даниил женился, закончил семинарию и был рукоположен в сан диакона.

В этом же году поступил на заочный сектор Московской Духовной академии.

С этого момента началась его широкая проповедническая и миссионерская деятельность.

С сентября 1995 года преподавал Закон Божий в старших классах православной гимназии «Ясенево». Он там дал ученикам тему для сочинения: «Что останется после меня? Что возьму я с собой?» И потом к нему пришли возмущенные родители: «Разве можно детям давать такие темы? Им не надо напоминать о смерти». На что он отвечал: «А что, ваш ребенок бессмертен?» О. Даниил был убежден, что поскольку смерти никому из нас не из-

Венчание семинариста Даниила

бежать, то нужно к ней должным образом подготовиться, и чем раньше, тем лучше. У христианина для этого все есть.

Начиная с августа 1996 года, на Крутицком Патриаршем подворье о. Даниил вел миссионерские библейские беседы с людьми, пострадавшими от деятельности сект и оккультистов, обращая их к Православию.

После создания Душепопечительского центра имени святого праведного Иоанна Кронштадтского под руководством иеромонаха Анатолия (Берестова) о. Даниил стал его сотрудником.

И, что удивительно, его активная миссионерская деятельность нисколько

не мешала его приходским трудам и обязанностям.

В 2001 году он был рукоположен и назначен священником в храм святых первоверховных апостолов Петра и Павла в Ясенево (подворье Свято-Введенской Оптиной пустыни в Москве).

Он являлся секретарем Миссионерско-просветительского центра «Шестодневъ», сотрудником центра реабилитации жертв тоталитарных культов и псевдорелигиозных движений. Центр создан для распространения святоотеческого учения о сотворении мира, жизни и человека, проповеди неповрежденного Православия и поддержки научных разработок, помогающих делу христианской миссии и апологетики. Особое значение в работе «Шестоднева» уделялось богословской и научной полемике с различными проявлениями эволюционизма – дарвинизма, неodarвинизма, учения Тейяра де Шардена, прот. А. Меня и др.

О. Даниил перед началом строительства храма апостола Фомы ездил за благословением к отцу Андриану. На обратном пути, во время остановки около леса, его укусил энцефалитный клещ. После этого он до конца своих дней очень сильно страдал мигренью и стойко переносил все боли. О. Даниил говорил: «Когда я страдаю от проблем, связанных с энцефалитом, я мечтаю о полном мученичестве и говорю тем, кто мне угрожает: если вы это сде-

Храм ап. Фомы. Первые занятия миссионерского кружка

лаете, я буду вам благодарен. Я в таком случае буду мучеником, а мученики, как известно, мытарства не проходят, а сразу идут к своему Господу».

В 2006 году батюшка построил небольшой деревянный храм во имя апостола Фомы на юге Москвы (настоятелем которого являлся) и хотел со временем построить здесь же огромный храм-базилику в честь своего небесного покровителя пророка Даниила.

В храме о. Даниил каждый четверг, пятницу и воскресенье вел библейские беседы. Желая, чтобы люди лучше понимали богослужение, он издал тексты всенощного бдения и Литургии, и дежурный перед каждой службой раздавал их в храме. Также он ввел общенародное пение.

В результате прихожане благодарили его за то, что смогли наконец понять смысл того, что поется в храме. Служил батюшка очень сосредоточенно, особенно в последний год, и очень любил проповедовать. За службу он говорил две-три проповеди.

Любовь к Православию и подлинное его знание, знание Бога не позволяло о. Даниилу спокойно смотреть на то, что многие люди Господа не знают.

При храме о. Даниил открыл миссионерскую школу.

Преподавали сравнительный анализ ислама и Православия, сильные и слабые стороны религии, изучали Коран и Библию. О. Даниил – сам наполовину татарин – ратовал за обращение мигрантов и гастарбайтеров в Православие. Он говорил, что подлинным миссионером может быть только тот, кто видит, что другой человек находится в духовной опасности, что он не может наследовать жизнь вечную по своим убеждениям. Осознание этого и давало ему силы для миссионерской проповеди.

Это был миссионер, который готов был идти к людям и встречаться с ними. Он не был кабинетным миссионером.

Им создана школа уличных проповедников, чтобы люди ходили и проповедовали. Школа выпустила более сотни миссионеров.

По выходным они проповедовали среди строителей, дворников и т. д. Миссионеры дежурили возле халяльных магазинов и кафешек с «национальным» уклоном. Их миссия приносила плоды.

О. Даниил участвовал в публичных диспутах со старообрядцами, с неоязычниками. С разрешения администрации или духовного начальства протестантской группы он назначал общую встречу, куда приходил один или со своими помощниками, которые не участвовали во встрече, но просто учились у о. Даниила. Выступал он один. Ему помощь не требовалась, потому что он Бога считал своим помощником.

Рассаживались вокруг о. Даниила человек 30-50 протестантов. Сначала он задавал им вопросы, потом на вопросы отвечал сам. При этом удивлял их своим знанием Священного Писания. Обычно протестанты прекрасно знают текст Библии, но он не просто цитировал – он воспроизводил наизусть огромные фрагменты. Знал новозаветные строки, на которые есть пророчества ветхозаветных пророков, знал, как эти места толкуют святые отцы Золотой эпохи христианства и периода Средневековья.

Он мог воспроизвести оригинал на иврите или на греческом. Нельзя сказать, что о. Даниил прекрасно знал иврит или свободно мог читать на древнегреческом языке. Он знал эти языки со словарем. Но трудные места Священного Писания он запоминал в оригинале. И, самое главное, он знал, как эти места понимали носители языка. Он мог сравнивать версии: греческий вариант, древнееврейский, сирийский перевод и славянский.

Это поражало протестантов и ставило их в тупик. На предложенные им вопросы они не могли ответить, и в то же время не было того вопроса, на который не мог бы ответить о. Даниил.

Нечто подобное было и с мусульманами. Назначив однажды общественный диспут, о. Даниил пригласил на него своих студентов из семинарии, которые стали свидетелями того, как он в совершенстве владеет текстом Корана, как ставит вопросы, как сводит трудные места коранических текстов и вскрывает те внутренние противоречия, которые существуют в этом тексте. После этого многие люди с недоумением смотрели на своих учителей – имамов, не понимая, почему они не могут знать текст Корана так, как знает его православный священник.

Он был широко известен как миссионер среди мусульман и как полемист с исламом. Диспуты с мусульманами, в которых он участвовал, взволновали

всю Москву. Инициатором этих диспутов был не он – его пригласили сторонники мусульман, и он, естественно, не отказался.

Первый диспут прошел в гостинице «Москва» с Вячеславом Полосиным, который ранее был в сане православного священника, но отрекся от Христа и перешел в ислам. Огромный зал, концентрация противоречий, энергии. Отличить православного татарина от ваххабита невозможно. Те и другие бородатые, смуглые. Когда на диспуте вскакивали мусульмане и кричали: «Аллах Акбар!», православные татары – на татарском языке – «Христос Воскрес!» Это была живая атмосфера. О. Даниил очень ревностно проводил эти диспуты.

Второй диспут состоялся в Тургеневской библиотеке. О. Даниил доказательно использовал текст Корана. Он старался говорить с мусульманами на их языке. Примечательно, что некоторые мусульмане, которые помогали в организации этих диспутов, приняли после них Православие.

На диспуте с мусульманами

О. Даниил приобрел скандальную известность среди мусульман – она пугала и смущала некоторых православных, но только не его самого. Он говорил, что эта известность помогает ему в миссии, и это было правдой. Потому что те мусульмане, которые имели хотя бы слабый интерес к христианству, узнавали таким образом, к кому им надо идти, – и не ошибались, ибо всегда могли быть встречены им с любовью и услышать ответы на все свои вопросы. Были такие мусульмане, которые приходили к нему, чтобы обратиться в ислам, а в результате сами принимали от него Крещение.

Храм ап. Фомы. Проповедь на пророка Даниила

О. Даниил зарегистрировал общество православных татар. Когда проходил московский праздник сабантуй, члены этого общества ставили в центре стадиона «Олимпийский» шатер, на котором было написано «Союз православных татар».

Всем, кто подходил к шатру, раздавали молитвенники на татарском языке. Читали утренние и вечерние молитвы. Прибегали мусульмане, которые отслеживали инициативы о. Даниила, и говорили: «Не берите, это не наши молитвенники». Татары отвечали: «Нет, это хорошие молитвы, в прошлом году брали, там все понятно написано».

Среди называющих себя православными были люди, которые говорили, что не следовало бы ему проповедовать мусульманам, что надо бы с уважением относиться к их религии, что никакой пользы от его проповеди нет. Но о. Даниил считал – как и Господь, и апостолы и святые, – что заблуждающихся людей надо уважать, но только не их заблуждения. Истина одна, и то, что противоречит истине и отрицает ее, есть ложь, а уважение ко лжи есть презрение к истине. Этой простой вещи не могут понять все те, кому истина безразлична, поэтому они не понимали и о. Даниила, хотя, быть может, обязаны ему жизнью. Батюшка смог обратиться к Христу ряд ваххабитов, в том числе одного пакистанца, который собирался стать «шахидом», и одну женщину, которую готовили стать «смертницей». И что же, неужели и впрямь лучше было бы, если бы о. Даниил этим людям не проповедовал, и они, оставшись на прежнем пути, взорвали бы самолет, дом или поезд в метро – быть может, как раз тот, в котором ехал бы кто-то из критиков о. Даниила?

Он был истинным миссионером и любил рассказывать людям о Христе, любил, когда от светильника его души другие души зажигались огнем евангельской радости.

За последние два года в храме, где служил настоятелем священник Даниил Сысоев, крещено более 80 мусульман и обратилось в Православие около

500 протестантов. Об этом рассказывал сам о. Даниил. Среди обращенных были татары, узбеки, чеченцы и дагестанцы.

Когда его спросили, можно побеседовать со вновь обращенными, о. Даниил сказал: «Да что вы! Если родственники узнают, что их сын или дочь приняли Православие – их просто убьют». И такие прецеденты были.

Его спрашивали: «А почему только вы проповедуете среди мусульман и только вы создали такую миссионерскую школу»? «Остальные боятся, – честно признавался о. Даниил, – они боятся мести со стороны исламского мира. Знаете, мне ведь регулярно угрожают: и по телефону, и по электронной почте».

9 октября 2009 года о. Даниил писал об угрозах в своем интернет-дневнике: «А у меня опять новость. Сегодня, вы будете смеяться, мусульмане опять пообещали меня убить. Теперь уже по телефону. Ну, надоело. Уже 14-й раз. Я уже привык, а то раньше это напрягало. А так – всех прошу помолиться. Сейчас уже не боюсь. Отбоялся я уже лет пять назад. А сейчас просто привык жить под постоянной угрозой. Мне ведь и органы об этой же исламской угрозе сообщали, а не только сами мусульмане. А так все в руках Бога. А если что, так сразу в рай и без мытарств. Это же здорово!»

За полтора года до убийства мусульманская журналистка Х. Хамидулина подала в прокуратуру жалобу против о. Даниила с требованием возбудить иск за разжигание межрелигиозной и межнациональной ненависти. Прокуратура отказала в возбуждении дела, но в мусульманских СМИ была раскручена настоящая кампания по чернению о. Даниила – православные люди об этом не знают, поскольку, по понятным причинам, не знакомы с мусульманскими СМИ.

Незадолго до смерти в одном из интервью о. Даниил сказал: «Мы должны ходить перед Богом, как говорил Господь про Еноха: “Ходил Енох перед Богом, и Бог взял его”. Вот это хождение пред Богом – корень миссии».

О. Даниил всегда «ходил перед Богом». И хотя это, прежде всего, состояние души, всецело устремленной к Богу, но оно находило свое выражение даже буквально – в его походке, речи, не говоря уже о поступках и словах.

Он ходил легко, как человек, который знает, куда и зачем идет. Он был спокоен в настоящем и не тревожился о будущем, потому что все заботы поручил Господу, который для него был очень близок.

Со слов его матушки, он часто говорил, что у меня осталось мало времени, я должен успеть сделать как можно больше.

В 2000 году он окончил Московскую Духовную академию и успешно защитил диссертацию по теме «Антропология свидетелей Иеговы и адвентистов седьмого дня». Позднее она была издана отдельной книгой. Также он написал ряд других работ.

«Прогулка с протестантом по православному храму» – уникальная работа, в которой о. Даниил на основании Библии объясняет устройство и убранство православного храма и православное богослужение.

«Летопись начала» и «“Кто как Бог?”, или Сколько длился день творения» – эти книги посвящены, как он сам говорил, защите святоотеческого учения о творении мира. В них о. Даниил объясняет, почему православный христианин не может придерживаться эволюционной теории.

«Брак с мусульманином» – книга, посвященная одному из наиболее болезненных вопросов сосуществования христиан и мусульман в нашей стране. Толчком к ее возникновению стал сайт «Православие и ислам» и его раздел «Вопрос священнику», где можно было задать вопросы о. Даниилу. Было множество крещеных женщин, которые собирались выйти замуж за мусульман и спрашивали, допустимо ли это с точки зрения Церкви, или уже вступили в подобный брак и столкнулись с теми или иными проблемами, в разрешении которых просили совета. Кроме того, и в пастырской практике о. Даниилу пришлось повстречаться с такими русскими женщинами, которые под влиянием подобных браков отреклись от Христа и приняли ислам, а затем, намучавшись в мусульманском браке и осознав свое падение, с помощью батюшки приходили к покаянию и возвращению в Церковь. Все это побудило о. Даниила написать такую книгу, в которой он исчерпывающе рассматривает указанный вопрос, напоминая, что, согласно правилам Церкви, православному человеку не дозволено жениться или выходить замуж за иноверца, а также давая конкретные советы в отношении проблем, возникающих, если такой брак все-таки заключен. У батюшки была и еще одна близкая по тематике брошюра – **«Замуж за неверующего?»**.

Кроме того, о. Даниил издал книгу **«Почему ты еще не крещен?»**, в которой разбираются наиболее типичные возражения против крещения, которые можно слышать из уст самых обычных людей.

Для тех, кто крещен, но невоцерковлен, он написал брошюру **«Зачем нужно ходить в храм каждое воскресенье?»**.

А для людей воцерковленных – книгу **«О частом причащении Христовых Таин»**.

Он говорил, что самая для него дорогая и любимая из его книг – это «**Беседы на книгу Песнь Песней**», составленная из записей библейских бесед, которые он вел многие годы, объясняя Священное Писание на основании святоотеческих толкований.

Наконец, самая последняя его книжка – «**Инструкция для бессмертных, или Что делать, если вы все-таки умерли...**». В ней есть и такие слова: «Самая лучшая смерть для христианина, конечно, мученическая за Христа Спасителя. Это самая наилучшая смерть, которая возможна для человека в принципе. Некоторые посылали соболезнования в Оптину пустынь после убийства трех монахов; для христианина же это на самом деле величайшая радость. В древней Церкви никогда соболезнования не посылали, когда кого-то где-то убили. Все церкви всегда немедленно посылали поздравления. Представляете, поздравить с тем, что у них **появился новый защитник на Небесах!** Мученическая смерть смыкает все грехи, кроме ереси и раскола...»

О. Даниил считал своей **главной задачей – проповедь Евангелия всем людям на земле**. Он говорил, что это задача всех православных христиан. Возвестить всем народам благую весть о спасении, чтобы каждый человек сделал свой выбор, чтобы скорее наступил день Суда и Вечная жизнь, как мы и говорим в молитве «Отче наш» – «... да приидет Царствие Твое...». Т. е. он хотел, чтобы скорее исполнились слова Господа Нашего и Спасителя Иисуса Христа: «*И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей Вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец*» (Мф. 24, 14).

О. Даниил весьма **заботился о миссии во всем мире**. Он вместе с миссионерами ездил два раза в Македонию и проповедовал тамошним раскольникам. Исследовал о. Даниил вопрос о том, как можно проповедовать католикам в Западной Европе и в Южной Америке. В декабре 2009 года он надеялся поехать в Таиланд, чтобы там проповедовать северным племенам. Сам будучи миссионером, он очень любил миссионеров и старался познакомиться со всеми, кто проповедует Христа. Очень многим он помогал. Давал деньги на строительство храма в Индонезии, жертвовал на воспитание православных детей из бедных семей в Зимбабве, принимал у себя православных китайцев, православных тайцев, даже православных индейцев.

Как-то на миссионерских курсах поздно вечером сидело человек 30, и после лекции о. Даниил взял атлас мира и стал распределять среди учащихся миссионеров страны, в которых нет еще ни одного православного прихода, в которую соответствующий должен был бы поехать. Он говорил просто: «По-

едете туда, создадите православную общину... », как будто это также просто, как яму выкопать. О. Даниил говорил: «Если ты хочешь что-то сделать, ты должен четко знать что именно, сформулировать цель, знать, как ты это будешь делать, помолиться Господу и нисколько не сомневаться, и получишь».

Коллеги-настоятели называли его «православным ваххабитом» за огонь в глазах и пламенные речи.

«Москва наполнилась мигрантами, – говорил о. Даниил. – Количество гастарбайтеров увеличивается». Он планировал проводить среди них уроки религиозной нравственности. Эти лекции читали бы с разрешения работодателей.

О. Даниил считал такие уроки необходимостью. Ведь мир ислама и Православия разнится.

«Коран делит весь мир на территории войн и мира, – пояснял отец Даниил. – Мир – это там, где исповедуют ислам. А на территории войны мусульманин может творить фактически все что угодно – Аллах простит».

О. Даниил планировал во время лекций убедить мигрантов в том, что Россия – это не территория войны.

Согласно Корану, Аллах может вести человека прямой дорогой, а может сознательно «ввести в заблуждение». То есть теоретически у мусульманина может быть оправдание «Аллах ввел в заблуждение». А в православном мире – это не аргумент. Он хотел донести эту мысль, вместе с учениками школы, до мигрантов. Однако цикл лекций не состоялся. Грянул кризис – и работодателям стало не до проповедей.

Он также преподавал миссиологию в Николо-Перервинской духовной семинарии.

О. Даниил Сысоев явил в XXI веке пример миссионерства, который показали святые апостолы, исповедники, великие миссионеры прошлого. Он старался брать за руководство к действию опыт, уже полученный в нашей Церкви, но стараясь использовать все технические возможности нашего времени. Ведь если у святых апостолов не было даже громкоговорителя, то сейчас средств и возможностей для проповеди огромное количество.

Что такое дело о. Даниила? Это дело всех нас, православных христиан, тех, кто искренне желает, чтобы все ищущие Истину ее нашли. Некоторые говорят: «А чего навязывать, те кто хотят – уверуют, и Бог воцерковиться им поможет, а те, кто не хотят, – никак не придут к этому... » Да, это почти правда, но Бог дает нам возможность быть его соратниками, т. е. делателями.

Киргизия. Крещение на озере

Как сказано: *«Тогда говорит ученикам Своим: жатвы много, а делателей мало; итак молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою»* (Мф. 9, 37–38).

Все прихожане и все знакомые помнят о Даниила как человека веселого и жизнерадостного, но мало кто знает, как часто он терпел скорби от болезней, особенно от сильной сердечной и головной боли. Но батюшка не показывал своих страданий и всегда был внимателен к многочисленным прихожанам, каждого выслушивал и давал совет.

О. Даниил был очень разносторонне развитым человеком. Кроме богословских книг очень любил читать фантастику, старался глубоко разбираться в вопросах истории. Георгий Максимов пишет, что они с ним не раз вели

Киргизия. Выступление
в актовом зале кафедрального
собора г. Бишкек

споры о позиции по отношению ко Второй мировой войне. Батюшка высказывал мнение, сложившееся под влиянием книг В. Резуна.

Надо сказать, что о. Даниил никогда не навязывал диктаторски свое мнение тем, кто был рядом с ним. Он всегда внимательно выслушивал возражения, если они были по существу, и нередко корректировал свои взгляды, если видел, что они не соответствуют истине. Он часто приглашал людей, которым доверял, чтобы обсудить те или иные свои мысли и спросить, не ошибается ли он. Если он понимал, что неправ, то для него не было проблемой признать это и отказаться от ошибочных мыслей, потому что он более всего ценил истину, а не свои мысли, и с уважением относился ко всякому человеку, который оказывался рядом.

Еще одной особенностью, которая многим казалась его недостатком и которая происходила именно из пламенной любви о. Даниила к истине, была категоричная форма подачи мыслей. По всякому вопросу батюшка старался докопаться до истины, а уж если ему удавалось докопаться, то выражал эту истину прямо и определенно. В нашем политкорректном мире такая прямота была подобна остроте луча, пронизывающего тьму. Кого-то такая честная резкость привлекала, а кого-то, напротив, отталкивала.

О. Даниил был глубоко порядочным и честным человеком. Батюшка был из тех, про кого можно было заранее знать, что если что-то понадобится, то стоит лишь обратиться, и он не откажет. Он был образцом священника. Все, что он делал, он посвящал Христу, творил во имя Его.

Он говорил, что когда ему становится особенно тяжело или когда жизненные обстоятельства оказываются невыносимы, он всегда чувствует, что словно находится в огромной руке, которая ведет его сквозь все беды.

Все его образование, которое он получил в духовных школах, трансформировалось в простое, живое и доступное каждому человеку слово. Если бы этого не было, то он никогда не смог бы привести к вере иноверцев. Ведь они далеки от нас не только по вере и по менталитету, но и по национальным особенностям. Чтобы донести до них слово Христа, нужно обязательно сделать это слово доступным, каким оно было, когда проповедовал Сам Господь Иисус Христос.

Наш народ мало знает Библию, мало ее читает. Это недостаток, который мы должны искоренять и изживать из себя.

При жизни о. Даниила Сысоева диски с его выступлениями продавались очень плохо. Но когда о. Даниил ушел от нас смертью праведника, появился колоссальный интерес к его трудам. А его труды почти все основаны на Биб-

Священник Даниил Сысоев (12 января 1974,
Москва – 20 ноября 2009, Москва)

лии и они все носят библейский характер. Господь его смертью запечатлел его труд донесения Священного Писания до людей, труд, который показал, что он не все трудился, и Господь дал нам знак, что мы должны изучать Священное Писание. Надо изучать слово Божие, чтобы познать Бога, чтобы познать свою веру для того, чтобы иноверцам и людям, требующим от нас отчет о нашем уповании, дать ответ, по слову Петра, с кротостью и благоговением.

Последний день земной жизни о. Даниила начался с Литургии, которую он отслужил и за которой, естественно, причащался. Затем он присоединил к Православной Церкви женщину, пришедшую из старо-

обрядчества. Затем совершил Крещение. Несколько часов спустя начал, как обычно, вести библейские беседы, после которых разговаривал допоздна со всеми желающими. Наконец, когда в храме почти никого не осталось, пошел в алтарь исповедовать свое духовное чадо. В это время в храм ворвался убийца, который начал стрелять и выкрикивать: «Где Сысоев?» О. Даниил бесстрашно вышел из алтаря ему навстречу и принял мученическую кончину за Христа.

Если человека убивают за Божию правду, это значит, что правда сия разит людей, ее не приемлющих. Это значит, что она обладает огромной силой.

Батюшка не раз говорил о том, как оказываются неслучайны все евангельские чтения и они оказываются всегда на удивление своевременны и актуальны.

В день его смерти рядовое евангельское чтение содержало такие слова Господа: «Говорю же вам, друзьям Моим: не бойтесь убивающих тело и потом не могущих ничего более сделать... Сказываю же вам: всякого, кто исповедает Меня пред человеками, и Сын Человеческий исповедает пред ангелами Божиими».

Смерть о. Даниила лишила священника Алексея Сысоева и матушку Анну их сына, лишила матушку Иулию мужа, лишила трех сестер, Иустинию, Дорофею и Ангелину, их отца, а нас лишила пастыря, живого носителя Слова Божьего.

Но, как сказал Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, «Господь призвал к Себе Своего верного служителя, даровав ему возможность явиться исповедником веры и мучеником за дело евангельского Благовестия».

Его смерть стала апофеозом его жизни, она настолько предчувствовалась и была настолько исполнена символических указаний, что стала будто бы самостоятельной, заключительной проповедью всего его Служения.

Тайна его смерти – это тайна его жизни. В древней церкви мучеников не канонизировали. Почитание мучеников начиналось с того момента, когда их кровь проливалась за Христа. С этого момента начиналось их почитание.

Почему в наше время появляются такие люди, как о. Даниил Сысоев, которые становятся избранными молитвенниками за нас в этом мире? Об этом надо думать, помнить и молиться.

Источники:

Обративший многих к правде... Воспоминания родных, друзей, духовных чад об иерее Данииле Сысоеве. М.: Приход храма пророка Даниила на Кантемировской, 2012.

Неизвестный Даниил / Сост. Юлия Сысоева. М.: Миссионерский центр имени иерея Даниила Сысоева, 2013.

Рассказы матушки Анны о детстве о. Даниила и внуках.

Видеозаписи конференций в дни памяти о. Даниила.

Документальный фильм «Я иду домой».

Видеозаписи диспутов с мусульманами.

Святитель Владимир – первый новомученик в архиерейском сане

ХЛЕБНИКОВА Надежда Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Украинского гуманитарного института, г. Киев

Священномученик Владимир, митрополит Киевский и Галицкий, канонизирован Архиерейским собором РПЦ в 1992 году. День памяти отмечается 7 февраля по новому стилю в Соборе новомучеников и исповедников Российских, а также в переходящие дни в Соборе Санкт-Петербургских святых и в Соборе Киево-Печерских преподобных отцов, в Дальних пещерах (прп. Феодосия) почивающих [1].

В последние два года имя священномученика Владимира привлекает все больше внимания исследователей и верующих в связи со знаменательными датами. В текущем году, а именно 7 февраля 2013 года, исполнилось 95 лет со дня его мученической кончины. Год назад, 27 июня 2012 года, православный мир отметил 20-летие его канонизации и обретения святых мощей. В связи с этим в Киево-Печерском заповеднике состоялась выставка «Святитель Владимир (Богоявленский) – отечественный первомученик XX века», которая проходила в рамках празднования 20-летия Харьковского Архиерейско-

Икона сщмч. Владимира (Богоявленского), Киевского

Владыка Владимир (Богоявленский), митр. Московский. Фото. нач. 10-х гг. XX в.

го собора (27–28 мая 1992 года) и 20-летия предстоятельского служения Блаженнейшего митрополита Киевского и всея Украины Владимира. Через четыре дня после прибытия в Киев нового митрополита были найдены мощи его тезоименитого святителя [2, 3].

Знакомство с публикациями последнего времени по данной теме позволяет выделить общие вопросы в проблематике исследований. При разных подходах авторы чаще всего обращают внимание на следующие особенности личности и жизненного пути священномученика Владимира:

- глубокое смирение, а также вытекающие из этого организация личного быта и стиль общения, которые характеризуют его как «простого святого»;

- он являлся «всероссийским архипастырем», т. е. занимал последовательно три кафедры – Московскую, Петербургскую, Киевскую, а также служил в Грузии; выступал за православное единство России, Украины, Грузии;

- был первым новомучеником в архиерейском сане; его убийство положило начало «красному террору».

При жизни священномученик Владимир имел ученые звания. В 1874 году ему была присвоена степень кандидата богословия в Киевской Духовной академии на основании работы «О праве церковного отлучения», а в 1915 году – степень доктора богословия в Московской Духовной академии на основании литературных трудов.

Святитель Владимир имел отечественные и зарубежные награды: орден св. Анны 1-й степени (1893), св. блгв. кн. Александра Невского (1907), св. равноап. кн. Владимира 1-й степени (1915), а также черногорский орден кн. Даниила I 1-й степени, сербский орден св. Саввы 1-й степени и другие.

Священномученик Владимир (Василий Никифорович Богоявленский) был потомственным священнослужителем. Родился в семье сельского священника 1.01.1848 в селе Малая Моршевка (Малая Моршка) Моршанского

уезда Тамбовской губернии. Образование получил в духовном училище и в семинарии Тамбова. Окончил с отличием церковно-практическое отделение Киевской Духовной академии. Вернулся преподавателем в родную семинарию и вскоре женился. Преподавал в течение 7 лет. Исследователь Мария Дегтярева отмечает, что «... с принятием сана он не спешил. На этом отрезке его жизни нет ни стремления поскорее утвердиться, ни ярких проявлений данных ему способностей» [4].

В 1882 году Василий Богоявленский был рукоположен во иерея и назначен благочинным церковей г. Козлова (Мичуринск) и настоятелем Троицкой церкви. Однако его семейное счастье не продолжалось и десяти лет. От туберкулеза умирает жена, а следом за ней – единственный сын.

Василий Богоявленский принимает иноческий постриг с именем Владимир, на следующий день его возводят в сан архимандрита. Несколько лет он служит в Новгородской епархии, затем в течение 1891–1892 годов – на Самарской кафедре. Это было трудное время, ознаменовавшееся эпидемией холеры и неурожаем. Святитель, не щадя себя, противостоял беде: «... для блага народного, в известные холерные бунты, когда власть терялась, первый пошел к народу с крестом в руках» [5].

Впоследствии святитель Владимир называл короткий самарский период лучшим в жизни. Можно предположить, что именно тогда он испытывал полноту жизненных сил, получал признательность и благодарность за свою самоотдачу от общества и был избавлен от наветов и клеветы, с чем ему пришлось столкнуться позже, в частности, в Грузии.

Последующие годы с октября 1892 года в течение шести лет святитель Владимир управлял Грузинским Экзархатом в сане архиепископа Карталинского и Кахетинского.

Исследователи отмечают, что на всех этапах он проявил себя прежде всего как проповедник, а затем и администратор, организатор, сфера деятельности которого всегда выходила за рамки церковного двора.

Святитель Владимир развивал внебогослужебные беседы священников с паствой. Основал в Самаре Алексеевское религиозно-просветительное братство. В Тифлисе архиерей учредил духовно-просветительское миссионерское братство, объединившее образованное духовенство епархии и мирян.

После Грузии начинается московский период. Владимир выполняет обязанности митрополита Московского и Коломенского в течение 1898–1912 годов. Это самый длинный срок его служения, охватывающий 14,5 лет. Здесь раскрылись его разносторонние дарования. На новом поприще он за-

нимается просветительской и социальной работой, организует общеобразовательные курсы для рабочих и богословские чтения для интеллигенции; устраивает благотворительные общества, приюты и любимые им миссионерские братства.

Многие религиозно-социальные инициативы в российском обществе, которые оставили заметный след в истории и возобновляются уже в наше время, появились при содействии и участии митрополита Владимира. Так, в епархиальном доме начинал собираться молодежный Златоустовский религиозно-философский кружок, который распространял среди учащейся молодежи религиозно-философские идеи в православном духе.

Митрополит учредил женские богословские курсы и женское епархиальное училище при московском монастыре в честь иконы Пресвятой Богородицы «Всех скорбящих Радость». В епархии действовали курсы для преподавателей церковно-приходских школ, созывались съезды преподавателей Закона Божия.

Митрополит Владимир боролся с народным пьянством. Под его покровительством состоялись: в 1911 г. – Российский противоалкогольный съезд, в 1912 г. – Всероссийский съезд практических деятелей по борьбе с алкоголизмом.

Святитель был духовным руководителем великой княгини Елизаветы Федоровны и оказал ей содействие в основании Марфо-Мариинской обители.

Среди его многочисленных обязанностей оказалось и председательство в Московском отделе Императорского Православного Палестинского Общества, основанного 7 октября 1907 года.

Митрополит Владимир выступал против революции 1905–1907 годов. В октябре 1905 года во время всеобщей забастовки он вместе с Серпуховским епископом Никоном направил в храмы поучение для чтения на Литургии. Поучение называло организаторов забастовок «извергами рода человеческого». Хотя для полноты информации следует помнить и о том, что в 1917 году святитель Владимир отказался выпустить воззвание в поддержку монархии [6].

23 ноября 1912 года Высокопреосвященный Владимир был назначен митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским. Одновременно ему присвоено звание первенствующего члена Святейшего Синода. Этот период ознаменован Первой мировой войной, кризисом внутренней политики, влиянием Распутина на жизнь царской семьи.

В 1915 году святитель Владимир на встрече с императором Николаем II

высказал критические замечания, касающиеся Г. Е. Распутина. Считается, что этот разговор вызвал недовольство императрицы Александры Федоровны. Вскоре последовал указ о переводе митрополита Владимира в Киев. Однако, получив новое назначение, митрополит, как первоприсутствующий в Синоде, большую часть времени продолжал проводить в Петрограде.

В апреле 1917 года по указу Временного правительства он был освобожден от синодальных обязанностей и вернулся в Киев.

Октябрьский переворот вызвал нестроения в церковной жизни на Украине. Состоявшийся в то время в Киеве епархиальный съезд образовал самостоятельное управление и призвал к созданию независимой украинской Церкви.

Выступая против неканонических действий по образованию автокефалии, митрополит Владимир призывал препятствовать расколу, сохраняя Церковь в единстве и чистоте Православия.

19 января 1918 года начавшаяся 1-я сессия Всеукраинского церковного собора была прервана из-за приближения к Киеву Красной армии, которая вскоре заняла город. Вечером 25 января (7 февраля) вооруженная группа в количестве примерно 5 человек произвела обыск в покоях митрополита, а затем увела его за пределы Лавры. Примерно в километре от нее священномученик был расстрелян. Утром следующего дня тело нашли прохожие. На месте расстрела был установлен крест [7].

В разных источниках широко цитируются обстоятельства и даже детали последних часов и минут жизни святителя. Самой известной и вошедшей в канон подробностью является благословение, которое архипастырь дал своим убийцам перед смертью [8].

Широко известен документ – акт освидетельствования тела, который также подтверждает благословение во время расстрела : «... пальцы правой руки сложены для крестного знамения» [9].

Как нам удалось установить, первоисточником многих других подробностей является книга профессора Киевской Духовной академии протоиерея Феодора Титова «Венок на могилу Высокопреосвященного Митрополита Владимира», изданная в 1918 году. Это собрание свидетельств, собранное по горячим следам от очевидцев событий, имевших отношение к убийству [10].

Однако и ранние исследования, и более поздние, и работы последнего времени не дают точного ответа на вопрос, какие политические силы стоят за убийством митрополита Владимира. Научный сотрудник отдела истории

Праведная кончина сщмч. Владимира, митрополита Киевского, 25 января 1918 г. Житийное клеймо иконы Собора новомучеников и исповедников Церкви Русской

лавы Национального Киево-Печерского историко-культурного заповедника Евгений Кабанец поясняет: «Независимое расследование случившегося было предпринято вскоре после ухода большевиков несколькими следственными комиссиями. Почти сразу же выяснилось, что вокруг трагедии велась какая-то недостойная закулисная игра. Уже непосредственные ее свидетели – лаврские монахи – оказались недостаточно искренними в признаниях, скрывая, а то и откровенно фальсифицируя обстоятельства, которые могли представить их в не очень выгодном свете» [11]. Автор делает вывод о том, что убийство явилось следствием корыстного интереса и разбоя одной из анархистских группировок [11].

Подобные версии не противоречат концепции, сложившейся в религиозном и научном сообществе, о связи данного убийства с явлением «красного террора». В любом случае, расстрел явился следствием беззакония и насилия, развязанного партией большевиков.

Убийство вызвало сильный резонанс, что и явилось одной из причин установления в 1918 году Дня молитвенного поминовения исповедников и мучеников Российских. День был определен Поместным собором – 25 января или следующий за ним воскресный день. Празднование восстановлено в 1991 году.

В подмосковном Королеве находится первый, заложенный в 1992 году православный храм в честь святителя Владимира, митрополита Киевского и Галицкого [12]. Еще один храм, активно позиционирующий себя в Интернете, находится в г. Броды Львовской и Галицкой епархии на Украине [13].

Священномученику Владимиру молятся о детях: «Еще при жизни святителя люди заметили, как быстро, почти мгновенно, отзывается Бог на молитву владыки Владимира о детях» [14].

Ссылки на источники

1. Священномученик Владимир Киевский и Галицкий. <http://days.pravoslavie.ru/Life/life6507.htm>.

2. Анонс выставки, посвященной 20-летию канонизации и обретения честных мощей священномученика Владимира (Галицкого). <http://ortho->

dox.org.ua/ru/news/anons-v-kievo-pecherskom-zapovednike-otkroetsya-vystavka-posvyashchennaya-20-letiyu-kanonizatsi.

3. Воспоминания участников обретения мощей святого священномученика Владимира. <http://archiv.orthodox.org.ua/page-273.html>.

4. *Дегтярева Мария*. Мученичество – венец смиренных. Священномученик Владимир Киевский (Богоявленский). <http://www.pravmir.ru/vladimir-kievskij>.

5. Священномученик Владимир Киевский и Галицкий. <http://days.pravoslavie.ru/Life/life355.htm>.

6. *Тихомиров Павел*. Злая ирония судьбы. Один из первых новомучеников и исповедников XX века. http://ruskline.ru/analitika/2012/02/07/zlaya_ironiya_sudby_odin_iz_pervyh_novomuchenikov_i_iskovednikov_hh_veka.

7. Священномученик Владимир (Богоявленский). <http://www.youtube.com/watch?v=3VQmAFfSXVc>.

8. Владимир. Православная энциклопедия. <http://www.pravenc.ru/text/158956.html>.

9. Владимир (Богоявленский). [http://ru.wikipedia.org/wiki/Владимир_\(Богоявленский\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Владимир_(Богоявленский)).

10. *Скворцов Дмитрий*. «Благочестивое» убийство. (Интервью доцента Киевского государственного университета Ильи Назарова). <http://2000.net.ua/2000/aspekty/istorija/33041>, Еженедельник 2000, № 8 (403) 22–28 февраля 2008 г.

11. *Кабанец Евгений*. За что убили митрополита Владимира. <http://2000.net.ua/2000/aspekty/istorija/88026>. Еженедельник 2000, № 6 (641) 8–14 февраля 2013 г.

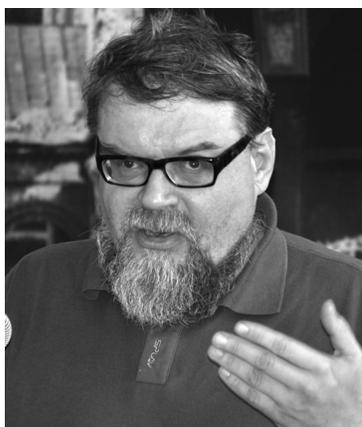
12. Храм священномученика Владимира, митрополита Киевского, г. Королев. <http://ivblagochinie.ru/blagochinie/hramy/hram-svyashhennomucheni-ka-vladimira-mitropolita-kievskogo-g-korolev.html>.

13. Православная воскресная школа при храме сщмч. Владимира, митрополита Киевского и Галицкого. <http://vladimir-brody.ortox.ru/glavnaja>.

14. *Ефременко Надежда*. Отцовский крест. Священномученик Владимир (Богоявленский). <http://orthodoxy.org.ua/node/27434>.

Новомученики и исповедники Церкви русской в современной отечественной историографии

ТУЧКОВ Антон Иванович, кандидат исторических наук, руководитель отдела религиозного образования и катехизации Мурманской и Мончегорской епархии

«Церковь стоит на костях мучеников» ... Когда, в годы расцвета православной Российской империи, эта фраза воспринималась как некая абстракция, как отголосок давно прошедших веков становления Церкви. Кто мог представить себе, что все это может повториться на земле Святой Руси? Разве что эта тема иногда поднималась в полемическом zápale как тема возможного превращения русского, «несомненно религиозного», народа в зверя, «но уже с когтями и зубами», как писал в своем дневнике неославянофил генерал А. А. Киреев.¹

Но с приходом к власти воинствующих безбожников истребление верных чад Церкви стало государственной политикой. Громадный урон понесло православное духовенство – клир Русской

¹ Фирсов С. А. Религиозная критика социализма в Православной Российской Церкви начала XX века // Фирсов С. А. Церковь в Империи. СПб.: Сатис, Держава, 2007. С. 198–199.

Церкви. Только в 1929–1936 годах было арестовано 50 тысяч служителей Церкви, из них расстреляли 5 тысяч, каждого десятого!¹ В 1937–1938 годах арестовали 200 тысяч священников и мирян, из них убили каждого второго, то есть 100 тысяч. Беспощадному террору (в литературе стыдливо именуемому «репрессиями») было подвергнуто 90 % священнослужителей и монахов. Большинство из них было расстреляно. Этим людей посадили в лагерь и убили за веру в Бога, а вовсе не за КТРД (контрреволюционную деятельность, как выражались в то время «чекисты»). В лагерь, на пытки и смерть, отправили так много верующих, что среди заключенных появилась специальная категория «религиозников».² Архиерейский собор в своем документе «О мерах по сохранению памяти новомучеников, исповедников и всех невинно от богоборцев в годы гонений пострадавших» отметил: «Подвиг новомучеников и исповедников свидетельствует об их противостоянии богоборчеству, а не государству как таковому».³

Русская Церковь особо поминает усопших, пострадавших в годину гонений за веру Христову, – в 2013 году это поминание было 10 февраля.

В современной отечественной историографии можно выделить три направления в исследовании и осмыслении подвига жизни и богоугодной смерти новомучеников и исповедников.

Во-первых, это труды, принадлежащие перу священнослужителей и мирян Русской Православной Церкви. Именно в церковной литературе, агиографической, научной и просветительской, а также в православной периодике, идет работа по глубокому исследованию и популяризации подвига новомучеников. Особо следует отметить труды игумена Дамаскина (Орловского), в том числе его многолетний труд по составлению Житий новомучеников и исповедников,⁴ протоиерея Георгия Митрофанова,⁵ профессо-

¹ Васильева О. Церковь и власть в XX веке // Православное учение о Церкви: Материалы Богословской конференции Русской Православной Церкви (Москва, 17–20 ноября 2003 г.). М.: Синод. Богословская комиссия, 2004. С. 230.

² Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу: В 2 частях. Ч. 2. М.: Просвет, 1991. С. 340.

³ Цит. по: Александр Мазырин, свящ. Наследники новомучеников // Журнал Московской Патриархии. 2011, № 11. С. 50.

⁴ Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книги 1–5. Тверь, 1997–2001; Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Тверь, 2002–2006; Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Февраль. Тверь, 2005; Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскином (Орловским). Январь – июнь. Тверь, 2005–2008 и др.

⁵ Георгий Митрофанов, прот. Русская Православная Церковь на исторических перепутьях XX века. М.: Арфа-Лепта, 2011.

ра д. и. н. О. Ю. Васильевой.¹ Великолепный анализ событий, приведших к массовому мученичеству православных христиан в России XX века, был дан профессором Б. А. Филипповым.² Чрезвычайно активно работают над темой студенты и преподаватели Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета.

Следует отметить и такое важное явление церковной литературы, как исследовательская работа в регионах. Практически во всех епархиях созданы и действуют комиссии по канонизации, материалы которых публикуются и, собственно, и являются основанием для прославления новомучеников.³ Хорошим примером плодотворности такой работы является деятельность комиссии по канонизации Мурманской и Мончегорской епархии, которую возглавляет архимандрит Митрофан (Баданин).⁴ Чрезвычайно интересны и содержательны труды таких мурманских историков, как протоиерей Василий Вольский⁵ и доцент к. и. н. Ю. П. Бардилева⁶, которые ввели в научный оборот целый ряд источников.

Надо отметить, что церковная периодика уделяет значительное внимание подвигу новомучеников и исповедников. Эта тема является одной из основных для главного издания нашей Церкви – «Журнала Московской Патриархии».⁷ В православном «журнале для сомневающихся» «Фома»

¹ Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь и Советская власть в 1917–1927 годах // Вопросы истории. 1993, № 8. С. 40–50; Васильева О. Ю., Книшевский П. Н. Красные конквистадоры. М., Изд-во «Соратник», 1994; Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь в 1927–1943 годах // Вопросы истории. 1994, № 4. С. 35–47; Она же. Русская Православная Церковь в политике Советского государства 1943–1948 гг. М.: ИРИ РАН, 1999; Она же. Церковь новомучеников. Россия XX век. // Religio. 2000, № 2 и др.

² Филиппов Б. А. Очерки по истории России. XX век. М.: Изд-во ПСТГУ, 2009.

³ См., напр.: Максим Плякин, свящ., Теплов В. Отец Сергей: Хвалынская Голгофа // Православие и современность: Ведомости Саратовской митрополии. 2012, № 26 (42). С. 80–87.

⁴ Итогом работы комиссии стала книжная серия «Кольский патерик», в которой был издан следующий труд: Жития новомучеников Кольского Севера. В изложении игумена Митрофана (Баданина). СПб. – Мурманск: Ладан, 2011.

⁵ См., напр.: Василий Вольский, свящ. Исповеднический подвиг мурманского духовенства послевоенных десятилетий // V Трифоновские образовательные чтения «Православная история Кольского края как основа возрождения духовно-нравственных ценностей». Мурманск, 2010. С. 41–47.

⁶ Бардилева Ю. П. Кампания по вспкытию святых мощей и закрытие монастырей на Европейском Севере России в 1918–1929 гг. // Российская история. 2009, № 3. С. 135–142; Она же. Репрессированные священнослужители Русской Православной Церкви (1920–1930-е гг., на материалах Европейского Севера) // V Трифоновские образовательные чтения «Православная история Кольского края как основа возрождения духовно-нравственных ценностей». Мурманск, 2010. С. 25–41 и др.

⁷ См., например: Алексей, Патриарх Московский и Всея Руси. Обращение в связи с празднованием в 2007 году 125-летия рождения и 70-летия мученической кончины священника Павла Флоренского // ЖМП. 2007, № 2. С. 60; Он же. Дело Патриарха Тихона // ЖМП. 2007, № 11. С. 86; Иванова И. Патриарх Тихон в 1920–1923 годах // ЖМП. 2007, № 5. С. 68; Васильев В. Благодатная страдалница и утешительница

жития святых новомучеников долгое время помещались в специальной рубрике «Числа» (ныне рубрика называется «Новомученики»)¹. Практически нет ни одного православного журнала, который не касался бы этой важной темы, от «детских журналов для семейного чтения» «Добрый молодец» и «Красная девица»² и «журнала для семейного чтения» «Православная беседа»³ до «православного журнала для заключенных и о заключенных» «Преображение», где новомученикам посвящена специальная рубрика «Пострадавшие за Христа»⁴.

Проделанная гигантская работа по сбору фактического материала и его концептуальному осмыслению позволила приступить к созданию учебников,⁵ в которых тема подвига новомучеников и исповедников нашла достойное место.

В целом, именно историки Церкви, как священнослужители, так и миряне, исследуют подвиг новомучеников и исповедников, стараясь восстановить имена всех деятельных подвижников Веры Христовой. Достигнутые успехи, кроме того, имеют большое значение, поскольку серьезные систематические исследования именно по этой тематике и с опорой на архивы получили дополнительный импульс в 2000 году, когда Собор принял воистину историческое решение о канонизации новомучеников и исповедников, тем самым подведя своеобразную черту под «советским» периодом в истории Русской Церкви.

Для характеристики двух других направлений в освещении темы ново-

в скорбях (преподобномученица Мария Гатчинская, 1874–1932) // ЖМП. 2011, № 7. С. 66; Александр Мазырин, свящ. Смысл и значение подвига Новомучеников и Исповедников Российских // ЖМП. 2011, № 6. С. 32; Мордашев А. Новомученицы бутовские, молитв Бога о нас // ЖМП. 2012, № 5. С. 80; Бирюкова Ю. Донское духовенство и кампания по изъятию церковных ценностей в 1922 году // ЖМП. 2012, № 12. С. 64; Вениамин (Милов), еп. Благословен еси, Господи, за все благодеяния Твои // ЖМП. 2013, № 2. С. 52–53.

¹ См., например: Дамаскин (Орловский), иг. За все всех благодарю. Памяти мученицы Татианы (Гримблит) // Фома. 2008, № 9. С. 54; Он же. Цена простого слова. Памяти священномученика Виктора (Усова) // Фома. 2009, № 1. С. 36–37; Он же. Тайная радость веры. Памяти священномученика Сергия (Лебедева) // Фома. 2009, № 3. С. 24–25. Сейчас эта рубрика называется «Новомученики».

² Панишева М. Сердце Царя – в руках Божиих // Добрый молодец. 2008, № 2. С. 8; Она же. На крыльях жертвенной любви // Красная девица. 2008, № 2. С. 3–8.

³ См., например: Столяров В. Соловецкое зеркало // Православная беседа. 2004, № 5. С. 22–27; Монах Лазарь. Торжествующий дух. Повесть о царственных мучениках, брошенных большевиками в старую шахту под Алапаевском // Православная беседа. 2007, № 4. С. 24–31.

⁴ См., например: Рязанские исповедники // Преображение. 2008, № 8. С. 24–25.

⁵ Владислав Цыпин, прот. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2006; История России. XX век / Под. ред. А. Б. Зубова: В 2 т. М., 2009.

Газета от 1 мая 1941 года

мучеников и исповедников надо принять во внимание следующие политические (и идеологические) обстоятельства, влияющие на историографию. Религиозное возрождение, переживаемое Россией после 1988 года, рост авторитета и политической значимости Русской Православной Церкви, неизменно высокий авторитет священноначалия и лично Патриархов Москов-

ских и Всея Руси Алексия II и Кирилла, вызвали предсказуемую негативную реакцию враждебных Православию социально-политических сил, как атеистических коммунистов, так и «секулярных» либералов (при всей условности этого термина для довольно разношерстной группы российских сторонников американско-европейской модели капитализма).

Кроме того, те люди, которых десятилетиями воспитывали в ненависти к религии и Церкви, никуда не делись. Они живут рядом с нами и зачастую имеют возможность и устно, и письменно высказывать свое отношение и к верующим, и к Церкви, и к ее истории. При этом верность исторической правде не является для них предметом беспокойства. Особенно это касается памяти новомучеников и исповедников. Трудно ожидать элементарного сочувствия к расстрелянным и замученным православным со стороны тех, кто до сих пор украшает стены своих кабинетов портретами Ленина, Сталина и Дзержинского.

Поэтому второе направление в современной историографии связано с деятельностью Компартии Российской Федерации. Не отказываясь от «научного атеизма», проводя в своих СМИ активную антицерковную кампанию (в Мурманской области этим делом активно занималась коммунистическая газета «Кольский маяк»), патронируя такие антицерковные группы, как «Молодая гвардия Спартака», руководство КПРФ все же вынуждено считаться как с ростом числа верующих (то есть потенциальных избирателей), так и с авторитетом Церкви. Поэтому для коммунистов характерно замалчивание террора против Церкви, а то и использование православных идей в своей пропаганде. Так, лидер коммунистов Г. А. Зюганов выпустил весьма примечательную книгу «Святая Русь и Кощеево царство.

Плакат «Путь российского
народа на Голгофу»

Основы русского духовного возрождения»,¹ в которой провел довольно смелые параллели между коммунизмом и Православием. А вот коммунистический террор против Церкви он не оценил никак. Там об этом и речи нет.

К сожалению, эта тенденция – замалчивание преступлений большевиков против Церкви – нашла свое отражение в учебной литературе для ВУЗов.

Например, в учебнике для ВУЗов Ш. М. Мунчаева и В. М. Устинова «История России»² нет понятий «красный террор», «террор» или даже «репрессии» 30-х годов. Там говорится о «формировании тоталитарного государства», но нет его характерных черт, как нет и особенностей СССР именно как тоталитарного государства. Нет и Русской Православной Церкви. Вообще!

Третье направление – это и есть «секулярные» либералы, ведущие борьбу с Русской Церковью и объективной историей под лозунгами «светскости» образования, «многоконфессиональности», «мультикультурализма», борьбы против «клерикализации» и пр. Парадокс (исключительно внешний, ибо методы антицерковной борьбы у западников-коммунистов и у западников-либералов весьма схожи) состоит в том, что при всех различиях в декларируемых целях, в своих приемах освещения истории Церкви вообще и судеб новомучеников и исповедников в частности, практически аналогичны. Разница – в тактических нюансах, что особенно проявилось в обсуждении уголовного дела против группы, которая устроила кощунственное «шоу» в храме Христа Спасителя. Когда же речь идет о практике антицерковной борьбы, декларативные лютые враги проявляют редкое единодушие, идет ли речь о «письме академиков» против «клерикализации» или протестах против строительства 200 новых храмов в Москве. Ведь новомученики и исповедники самим фактом своего существования подрывают любимую тему наших либералов – дегероизацию истории Отечества.

¹ Зюганов Г. А. Святая Русь и Кощеево царство. Основы русского духовного возрождения. М., 2003.

² Мунчаев Ш. М., Устинов В. М. История России. М.: Издательская группа ИНФРА; М.: НОРМА, 2005.

Тем более что эти герои были обычными людьми, да к тому же людьми нравственными, в чьих поступках и в самой жизни не было ничего от столь любимой либералами «амбивалентности».¹

Главное оружие борьбы против Церкви и у либералов – умолчание. К сожалению, это умолчание базируется на некоторых исторических сочинениях, претендующих на максимально возможную обеспеченность источниками. Самым ярким примером такого исследования является труд бывшего руководителя Государственной архивной службы Российской Федерации, главного государственного архивиста, заслуженного деятеля науки Р. Г. Пихоя «Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны, 1945–1985».² В этой книге, где «в центре внимания автора – наиболее актуальные вопросы отечественной истории», а сам автор говорит о «счастливой возможности» историка-современника «отразить свою правду, оставаясь при этом на прочной основе свойственных его времени методов и методик исторической науки»,³ вообще нет Русской Православной Церкви, а следовательно – и гонений на нее, соответственно, нет и новомучеников. В «Именном указателе» есть и А. Д. Сахаров, и А. И. Солженицын, и даже «дир. маг.» Соколов, но нет ни Патриарха Алексия I, ни Патриарха Пимена.⁴

К сожалению, именно такие идеи проникают и в вузовские курсы, и в школьные учебники.

Типичен учебник В. А. Потатурова «Отечественная история: Конспект лекций».⁵ В разделах о Гражданской войне и НЭПе нет даже упоминания ни о красном терроре, ни о терроре против Церкви, ни о ней как таковой. Вообще Церкви в СССР, с точки зрения автора учебника, просто не существовало. Как и опричнины! Хотя Смута начала XVII в. осталась... Вероятно, это и есть реализация декларируемого автором подхода к составлению конспекта лекций: «В работе некоторые проблемы, связанные с историей государства, даются в рамках нетрадиционного подхода. Значительное внимание уделено культурным феноменам и их особенностям, а также влиянию культуры на усиление тех или иных тенденций, которые определяли своео-

¹ Таким был, к примеру, священномученик Константин Меркушинский, расстрелянный большевиками, когда ему было 22 года. Он шел на смерть и пел, отпевал самого себя. Чем не пример для молодежи? (Священномученик Константин Меркушинский. Екатеринбург: Изд-во Ново-Тихвинского женского монастыря, 2008). А ведь этих достойных людей, настоящих героев, – тысячи и тысячи.

² Пихоя Р. Г. Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны, 1945–1985. Русь-Олимп: Астрель: АСТ, 2007.

³ Там же. С. 9–10.

⁴ Там же. С. 700–716.

⁵ Потатуров В. А. Отечественная история: Конспект лекций. М.: МИЭМП, 2004.

бразии и специфику русского исторического процесса».¹ Неплохое определение для замалчивания одной из трагичнейших страниц нашей истории – «нетрадиционный подход».

Анализировать «около 80»² учебников истории, используемых в российских школах в 2013 году, нет ни нужды, ни необходимости. Возьмем лишь наиболее яркий пример из тех изданий, которые активно предлагаются учителям и родителям, в том числе и в Интернете: учебник «История России с древнейших времен до конца XX века» под редакцией профессора В. В. Барабанова. Он рекламируется как учебное пособие для подготовки к ЕГЭ.³ Что же там пишется о терроре против Церкви?

«В 1917–1922 гг. были расстреляны тысячи священников, проводились кампании глумления над православными святынями, взрывались храмы, монастыри превращались в концентрационные лагеря и тюрьмы. Массовыми тиражами издавались антирелигиозные журналы: “Революция и церковь”, “Безбожник” и др. Были созданы атеистические общественные организации (“Союз воинствующих безбожников”)³». И все...

А в тесте № 15, единственном, где ученикам предлагается выполнить задание, где хотя бы упоминается Русская Церковь в XX веке, оно сформулировано следующим образом:

«12. Патриархом русской православной церкви в 1917 г. был избран:

а) В. Львов.

б) В. Белавин.

в) А. Самарин».

Здесь допущена грубая ошибка. Вообще-то Святейший Патриарх Тихон носил фамилию Беллавин. И не замечать этого – совсем не профессорский уровень для редактора В. В. Барабанова. Я уже не говорю о строчных буквах при написании Русской Православной Церкви. Увы, это хамство в современных условиях типично.

Таким образом, мы можем констатировать, что тема подвига новомучеников и исповедников Церкви Русской является глубоко актуальной. Именно это обстоятельство вызывает глубокое научное изучение данной темы историками Русской Православной Церкви и политические спекуляции со стороны ее недоброжелателей. И эти спекуляции находят свое отражение как в научной и популярной, так и в учебной литературе.

¹ Там же. С. 5.

² Перебор! // Аргументы и факты. 2013, № 32. С. 5.

³ Барабанов В. В., Николаев И. М., Рожков Б. Г. История России с древнейших времен до конца XX века / Под редакцией профессора В. В. Барабанова. М.: Астрель, 2010.

Две судьбы – два пути

*ЕРМОЛАЕВ Дмитрий Анатольевич, сотрудник
Государственного архива Мурманской
области, журналист, поэт, член Союза
писателей России, г. Мурманск*

Эпоха, наступившая в России в 1917 году, привела к хаотизации и смешению понятий и представлений о духовной жизни среди широких масс населения. При этом революция и христианство поначалу воспринимались как понятия в чем-то родственные.¹ Точку зрения Александра Блока, утверждавшего в поэме «Двенадцать», что во главе патруля революционных матросов идет «в бе-

¹ Известный богослов Михаил Дунаев (1945–2008) отмечал, что «коммунистическая система не есть чисто атеистическая (да и существует ли таковая?), а дьявольская пародия на религию. Повторим общеизвестное: коммунистическая идеология имеет свою веру (в светлое будущее), свое писание (труды классиков марксизма), свою церковь (партия), своих святых подвижников (самоотверженные борцы за партийное дело), своих еретиков (оппортунисты), свои понятия о бессмертии (бессмертие партийного дела), даже свои мощи (в мавзолее) и т. д. Религиозные основы этой идеологии заложил еще предтеча Ленина Чернышевский. В этой идеологии, как в кривом зеркале, отразились истины Православия — и неизбежно исказились, опошались, ибо... в идеологических построениях коммунистической доктрины отсутствует то, что только и может придать жизненность любой религии: вера в Творца Вседержителя. Поэтому когда мы говорим о религии коммунизма, то всегда подразумеваем: речь идет о псевдорелигии». (См.: Дунаев М. М. Коммунистическое христианство. <http://www.pravoslavie.ru/authors/267.htm>).

лом венчике из роз впереди Иисус Христос», разделяли тогда многие. Примеры подобного рода были и в истории Кольского Севера. Так, весть о падении самодержавия, об отречении императора Николая II в Кандалакше встретили... благодарственным молебном. «Ко мне пришла группа служащих, – вспоминал участник строительства Мурманской железной дороги, большевик с 1904 года Н. Д. Курасов, – и заявила, что желает отпраздновать революцию молебном... На молебен и митинг собралось до трех тысяч человек, церковь не могла вместить всех, и молебен был под открытым небом. Служили молебен два попа, железнодорожный и сельский».¹ А вот не нуждающийся в комментариях текст телеграммы, отправленной 5 мая 1918 года революционными мурманскими матросами в адрес столь же революционной организации – Центрального комитета Мурманской флотилии: «Воистину воскресе! Моряки линейного корабля «Чесма» приветствуют Центральный комитет (Мурманской флотилии. – Д. Е.) и своих выборных со Светлым Христовым праздником и желают Вам успеха во всех началах, провозглашенных Истинным Борцом за освобождение угнетенных».² И даже в 1920 году, после окончательного установления на Кольском полуострове Советской власти, мурманчане приносили в редакцию местной газеты статьи революционного содержания с подписью: «Глас вопиющий мурманской пустыни»³ и стихи, в которых утверждали:

За грехи мы были из России увезены
И на полтора года в Мурманск к белым осуждены.⁴

Однако с течением времени нетерпимость большевиков к религии вообще и к Православию в частности становилась все более очевидной. В этих условиях человек, открыто исповедующий православную веру, становился изгоем общества и заведомо обрекал себя на гонения. Вера каждого христианина, таким образом, подвергалась испытаниям, выдержать которые смогли не все. Случалось, люди, «по определению» призванные нести в мир свет Христовой Истины, отказывались от своего служения, а «обычные» христиане являли примеры стойкости убеждений и верности Христу. Подтверждением тому служат судьбы, о которых я пишу.

¹ Гражданская война на Мурмане глазами участников и очевидцев. Мурманск, 2006. С. 159.

² Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. Р-130. Оп. 1. Д. 36. Л. 319.

³ Эта подпись отсылает нас к библейским текстам Ветхого и Нового Заветов. В Книге пророка Исаии говорится: «Глас вопиющего в пустыне: приготовьте пути Господу, прямыми сделайте стези Богу нашему» (Ис. 40, 3). В Евангелиях «гласом вопиющего в пустыне» именуется Иоанн Креститель и его призывы (см., например, Ин. 1, 23).

⁴ Государственный архив Мурманской области (далее ГАМО). Ф. Р-57. Оп. 1. Д. 1. Л. 40.

Отречение от веры, отречение от сана – всегда трагедия. В июне 1925 года бывший священник умбского прихода Анатолий Анатольевич Попов направил в Мурманский губернский исполком и губернскую милицию ходатайство о восстановлении его в гражданских правах, которых он прежде был лишен как духовное лицо.¹ На последовавший затем секретный запрос начальника административного отдела Мургубисполкома А. Меллера и начальника милиции Мурманской губернии Р. Кришьяна в Умбский волостной комитет РКП (б) поступил ответ, что восстановление в правах «возможно, ибо таковой ни в чем предосудительном замечен не был, анти-советской агитацией также не занимался. Кроме того обременен большим семейством и средства для существования добывает рыбным промыслом».² При рассмотрении ходатайства Попова органы власти анализировали, в том числе, присланные им документы, подтверждавшие его окончательный разрыв «с проклятым прошлым». Среди них находилось и составленное Поповым многостраничное повествование, озаглавленное «Моя исповедь». Показательно, что «исповедовался» бывший умбский священник перед светскими властями, а каялся исключительно в «грехе» Православия, с которым, если ему верить, боролся едва ли не всю сознательную жизнь. Как бы то ни было, его «Исповедь» – по-своему уникальна, поскольку позволяет поэтапно проследить путь, приведший к столь печальному, с точки зрения верующего человека, итогу.

«Я родился в 1875 году в захолустном городишке Архангельской губернии Мезени, – сообщает бывший священник. – Отец мой был маленький многосемейный чиновник таможни. По скудости средств родители определили меня в архангельскую бурсу (Духовное училище)».³ По окончании училища Попов поступил в Архангельскую Духовную семинарию. Подчеркивая, что уже тогда был в какой-то степени оппозиционен царизму и Православию, он описывает свое полуголодное существование на 4 рубля в месяц, дружбу

¹ ГАМО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 179. Л. 154–155. Конституция РСФСР 1918 года статьей 65 лишила духовенство избирательного права, провозглашая, что «не избирают и не могут быть избранными... монахи и духовные служители церквей и религиозных культов». Аналогичную статью содержала и Конституция РСФСР 1925 года. Представители духовенства и другие пораженные в правах лица не имели возможности «занимать ответственные должности, быть заседателями в народном суде, защитниками на суде, поручителями, опекунами. Они не получали пенсию и пособие по безработице. Им не позволялось вступать в профсоюзы, не выдавались продуктовые карточки либо же выдавались по самой низшей категории. Их дети были лишены возможности учиться в старших классах и получать образование в ВУЗах. Вместо призыва в армию их сыновья зачислялись в так называемое «тыловое ополчение».

² ГАМО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 179. Л. 153.

³ ГАМО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 179. Л. 170.

Запрос в Умбский волостной комитет РКП(б) относительно Анатолия Попова

Котля ⁴⁵⁴ ⁷⁸

Свед. № 1061/с.

25/12-25. Умбскому Волкому РКП /6/.

СЕКРЕТНО.
Л. 154

В виду возбужденного быв. священником с. Умбы П. ПОВЫМ Анатолием ходатайства о восстановлении его в правах гражданства, просьба дать заключение Волкому по данному вопросу.

Подпись не читается

Начальник Административного Отдела Мурманского Губисполкома - /А. МЕЛЕР/
Начальник Милиции Губернии: /КРИВЬЯН/

Зав. Общ. П/Отделом: /КРИВЬЯН/

С. Подпись не читается

с политическим ссыльным Константином Смирновым и чтение нелегальной литературы. Попутно рассказывает, как «чтобы приобрести подметки для сапог, пришлось украсть Библию из семинарской библиотеки и променять ее на подметки».¹ Что ж, большое, как известно, начинается с малого, и, возможно, первый шаг к отречению от веры был сделан уже тогда.

Окончив семинарию, Попов стал священником и в 1898 году был направлен в умбский приход Архангельской епархии.² Принятие сана он, как ни странно, мотивировал заботой... о благе народа: «Мог ли я в таком юном возрасте, когда поступал священником, выработать твердые религиозные убеждения? Разумеется, нет! Я был отчаянным скептиком!! Тем не менее, я не нашел в себе особенных противоречий и хотя иезуитски, но с спокойной совестью я зашел в ту организацию, которую признавал ложной и вредной, но удобной для целей самообразования и просвещения масс. Последнее было, пожалуй, на первом плане, и ряса делу развития народа придавала больший вес».³

В чем же заключалось, с его точки зрения, просвещение и развитие народных масс? В «Исповеди» Попов прямо указывает, что не обращал никакого внимания на догматическую сторону христианства и в душе не принадлежал ни к одной христианской конфессии. «Я, – поясняет он, – открыто говорил народу, особенно во время революции, так: если Христос гнал плетью торгашей из церкви, то мы, его последователи, с винтовкой в руках

¹ Там же.

² ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 232. Л. 171.

³ ГАМО. Ф. Р-88. Оп. 1 Д. 179. Л. 171.

Село Умба с храмом Воскресения Христова, в котором служил Анатолий Попов

должны гнать всех эксплуататоров из храма народного труда!»¹ Здесь налицо то же самое смешение понятий и революционное псевдохристианство, о которых шла речь выше. Изгнание «эксплуататоров из храма труда» привело в конечном счете к началу Гражданской войны и миллионам жертв. Но все же в ту пору, о которой идет речь, Попов еще не окончательно отошел от веры. В 1903 году епархиальное начальство наградило его набедренником. В 1904 году благочинный священник Назарий Синцов особо отметил его хорошее и трезвое поведение.² «Стыдно теперь и вспоминать, – писал Попов, – я, одурманенный буржуазной наукой, допускал возможность воскресения Христа из мертвых и прочих сверхъестественных действий, почему и мог в церкви молиться, даже иногда с азартом».³

Дальше – больше. Постепенно отец Анатолий начинает использовать храм Божий для решения сугубо земных, далеких от христианства проблем. «В политическом отношении, – поясняет он, – мои всегдашние симпатии были на стороне думской социал-демократической фракции.⁴ Со времени буржуазной революции⁵ я превратил церковный амвон в революционную трибуну. Я более не скрывал своих политических симпатий: от избытка революционных чувств у меня невольно открывались уста и я сделался агитатором большевизма».⁶ Подводя итог досоветскому периоду своей жизни,

¹ Там же. Л. 172.

² ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 303. Л. 99.

³ Там же.

⁴ Начиная с 1906 года социал-демократы избирались в Государственную думу Российской империи и формировали там самостоятельную фракцию.

⁵ По-видимому, имеется в виду Февральская революция 1917 года.

⁶ ГАМО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 179. Л. 172 об.

Попов утверждает, что «теоретически к пролетарской революции совершенно не был готов (то есть не владел теорией большевизма. – Д. Е.), но практически за благо трудящихся всего мира с удовольствием жизни своей не щадил, потому что я чувствовал, что пролетарий – соль земли, и я ему ревностно помогал завоевать власть».¹

Большевистские настроения умбского священника подтверждаются фактом его ареста во время интервенции 1918–1919 годов. Случай по-своему уникальный – ни белые, ни союзники священнослужителей не преследовали. Но тут ситуация особая: отец Анатолий вел активную антибелогвардейскую пропаганду. В результате комендант Кандалакшского района полковник Стуколкин по телеграфу обратился к командовавшему союзными силами в Кандалакшско-Кемском районе британскому полковнику Маршу с просьбой «распорядиться об аресте священника прихода Умбы о. Анатолия Попова и об отправке его на жительство в Соловецкий монастырь без права возвращаться обратно впредь до особого распоряжения».² 1 июля 1918 года Попов был арестован. «Меня обвиняли, – сообщает он, – в большевизме и противосоюзнической агитации, за что, согласно опубликованному объявлению, я подвергался расстрелу».³ Однако расстреливать его не стали, и сербский офицер, руководивший командой конвойных солдат, сообщил об ожидающей о. Анатолия отправке на Соловки. Как же отреагировал умбский православный священник (пока еще православный, пока еще священник) на это известие? «Монастыря я почему-то всегда боялся, – отмечает Попов, – поэтому я моментально стал проситься на Печенгский фронт рыть окопы. Офицер саркастически улыбнулся, ничего не ответил».⁴ Уже на Соловках, представляя о. Анатолия братии монастыря, сопровождавший его серб сказал: «Этот священник за большевизм и агитацию английским и французским штабами был приговорен к расстрелу, но мы – сербы, народ православный, из уважения к русскому православному духовенству исходатайствовали ему помилование». Обратившись затем к Попову, серб добавил: «Живи и молись».⁵ Рассказ умбского священника здесь, как видим, вступает в противоречие с процитированной телеграммой коменданта Кандалакшского района полковника Стуколкина, из которой следует, что

¹ ГАМО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 179. Л. 173 об.

² ГАМО. Ф. Р-920. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

³ ГАМО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 179. Л. 174 об.

⁴ Там же. Л. 175 об.–176.

⁵ ГАМО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 179. Л. 176 об.

белые просто решили изолировать Попова как ненадежный элемент и вовсе не собирались его расстреливать. Впрочем, конвоировавшие о. Анатолия сербы могли этого и не знать.

В Соловецком монастыре умбский священник пробыл около двух месяцев. Его делом заинтересовался Мурманский краевой совет, члены которого были возмущены самим фактом ареста русского священнослужителя без согласования с ними.¹ Попова освободили. «Спустя год, – пишет он в «Исповеди», – я снова был арестован карательным отрядом полковника Судакова² по обвинению меня в скрывании инсургентов (то есть красных партизан. – Д. Е.), хранении оружия и в задержке мобилизованных солдат, но фактических данных для состава преступления не оказалось, поэтому я вскоре был освобожден».³

Казалось бы, при столь «революционной» биографии ничто не мешало отцу Анатолию после окончательного установления в 1920 году на Кольском полуострове советской власти порвать с «религиозным дурманом» раз и навсегда. Но последние искры веры еще жили в нем и он «не освободился окончательно от религиозных предрассудков, поэтому продолжал быть священником».⁴ Однако спустя еще несколько лет все пришло к логичному и очень печальному с христианской точки зрения итогу. «Мои религиозные предрассудки постепенно и верно шли на убыль, – описывает Попов свое душевное состояние, – а платоническая любовь к прихожанам, почти утратившим классовое самосознание и вставшим чуть ли не в оппозицию к Советской власти, настолько сократилась, что между мной и приходом стало возникать некоторое средостение».⁵ В 1924 году Анатолий Анатольевич Попов во всеуслышание объявил о сложении с себя священного сана. «Та часть мозга, куда складывалась возможность чудесного, у меня сгорела, – разъяснял он, – и все стало ясно и светло, как полярное майское солнце».⁶

Конечно, полностью доверять сделанному им жизнеописанию нельзя. Бывший умбский священник стремился «революционизировать» соб-

¹ ГАМО. Ф. Р-920. Оп. 1. Д. 2. Л. 9, 37.

² Судаков Иван Филиппович, подполковник, начальник Иокангской военной тюрьмы, отличался жестокими методами содержания заключенных. Осенью 1919 года командовал Отрядом особого назначения, проводившим мобилизацию и успешно боровшимся с красными партизанскими отрядами на Терском берегу Белого моря.

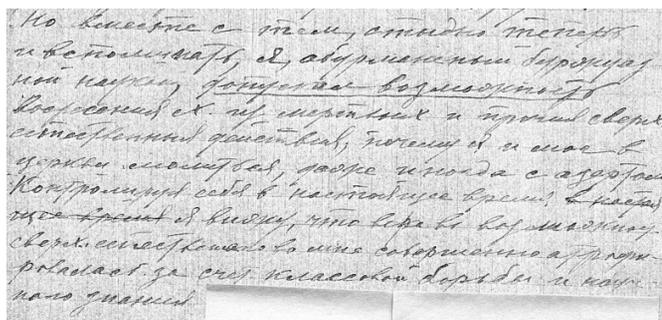
³ ГАМО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 179. Л. 177–177 об.

⁴ Там же. Л. 177 об.

⁵ Там же. Л. 179. Средостение – здесь: преграда, препятствие, мешающее общению двух сторон.

⁶ ГАМО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 179. Л. 170.

Фрагмент «Исповеди»
Анатolia Попова

ственную биографию, доказать свою преданность Советской власти. Но общие этапы пути от веры к безверию проследить по «Исповеди» можно. Думаю, не ошибусь, если предположу, что отчасти отречению Попова способствовали внешние обстоятельства: тяжелое материальное положение, обвинения в антисоветизме со стороны некоторых односельчан (на это есть указания в документах), положение изгоя общества, в котором из-за антирелигиозной политики государства оказалось тогда абсолютное большинство служителей церкви. Может быть, не случись революции, он так и остался бы священником, сльвя оригиналом среди собратьев-пастырей, пользуясь почитанием прихожан и уважением епархиального начальства. Но произошло то, что произошло. В 1925 году Попов, как уже сообщалось выше, ходатайствовал о восстановлении себя в гражданских правах. И добился желаемого – стал полноправным советским гражданином. В протоколе заседания президиума Мурманского губернского исполнительного комитета от 20 октября 1925 года имеется лаконичная запись: «Восстановить в избирательных правах гр. Попова А. А.».¹ Что ж, каждый выбирает свой путь. Он – выбрал.

Второй человек, о котором я хочу написать, не был священником. Более того, он вообще не принадлежал к духовенству и на Мурмане оказался, по большому счету, случайно. Впрочем, неисповедимы пути Господни... Летом 1885 года, путешествуя по Северу России, Кольский полуостров посетил великий князь Владимир Александрович. Чуть позже этот визит описал один из его спутников – замечательный поэт Константин Случевский. Мурманские впечатления отозвались в творчестве Константина Константиновича

¹ ГАМО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 179. Л. 148.

циклом стихов, рассказами, очерками.¹ Воспевая заполярную природу, повествуя о тяжелых условиях жизни поморов или о китовом промысле в Арагубе, Случевский, конечно, не мог предугадать, что придет время, когда на Мурман приедет его сын. И проживет здесь не несколько дней, как отец, а целых четыре года. Переломных для страны, а для себя – последних.

Николай Константинович Случевский родился в 1882 году в Детском Селе под Петербургом.² В 1891-м его родители разошлись, и он вместе с сестрой Елизаветой стал жить у матери Ольги Капитоновны. Несмотря на распад семьи, родительской любовью Коля обделен не был. Его отец питал страстную привязанность ко всем своим шестерым чадам. В начале 90-х годов XIX века Константин Константинович – важный государственный чиновник, редактор «Правительственного вестника» – даже написал специальную серию произведений – «Книжки моих старших детей», где в увлекательной форме рассказал о традициях разных народов, истории, культуре, памятных местах России.

О вере и степени воцерковленности Николая Случевского в детские и юношеские годы не сохранилось никаких данных. С большой долей вероятности можно предположить, что он был «обычным» верующим: ходил в храм, исповедовался, причащался. Но, видимо, горела в глубинах его души искра живой любви к Богу, ярко запыхавшая потом, на Севере, во мраке полярной ночи. Учился Николай в Императорской Николаевской Царскосельской гимназии. Окончив ее в 1902 году, по отцовским стопам не пошел – избрал иную стезю и поступил в петербургский Электротехнический институт императора Александра III. То есть, используя терминологию времен хрущевской оттепели, стал «физиком», а не лириком. Бытует мнение, что технические специальности располагают людей к большому рационализму, а значит, и к безверию. Однако, как показали дальнейшие события, в случае с Николаем Случевским это было не так.

Отучившись, он работал инженером на Адмиралтейском судостроительном заводе. В 1911 году обвенчался с уроженкой Царского Села Людмилой Александровной Эксе. В архивных документах имеются нуждающиеся в дополнительной проверке сведения о том, что он был членом IV Государственной Думы, избранной в 1912 году. В августе 1914-го началась Первая

¹ См.: Случевский К. К. По Северо-Западу России: [В 2 тт.]. СПб.: А. Ф. Маркс, 1897; Случевский К. Мурманские отголоски // Мурман – край российский. М.: Современник, 1985. С. 8–11.

² Здесь и далее биографические данные Николая Константиновича Случевского приводятся по сайту <http://kfinkelshteyn.narod.ru>.

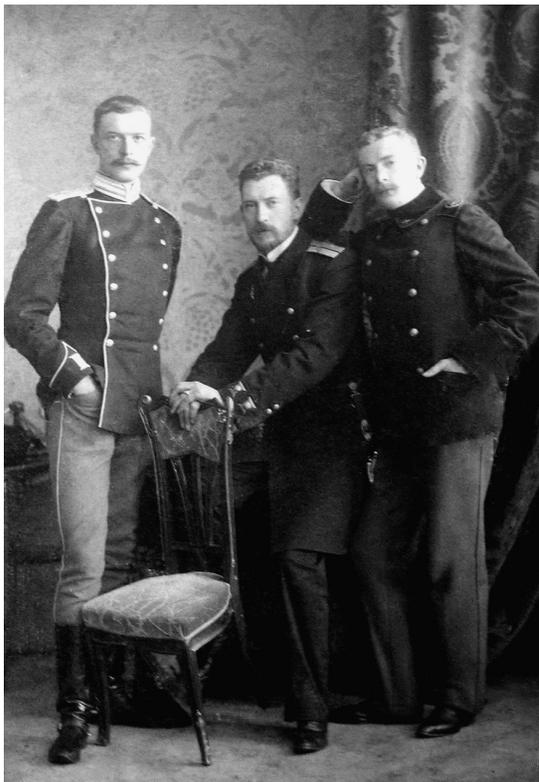

К. К. Случевский

мировая война, а 15 февраля 1915 года – в день, когда в Польше, в бою под Плонском, пал старший брат Николая Владимир, у четы Случевских родился сын, названный в честь погибшего. Весной 1916-го, стремясь обезопасить семью от тягот военного лихолетья,

Николай Константинович отправил жену и сына к матери – в родовое имение в Курской губернии. Сам же уехал на строительство Мурманской железной дороги, конечным пунктом которой стал новооснованный город Романов-на-Мурмане – будущий Мурманск.

В ту пору остро стоял вопрос о снабжении «мурманки» и незамерзающего порта электроэнергией. Сперва хотели построить для этих целей ГЭС, но потом решили соорудить теплоэлектростанцию. Случевский стал ее проектировщиком, а в дальнейшем – заведующим электрическими установками. Станция, как и многое тогда в Мурманске, имела временный характер. Изначально предполагалось, что ее силовая часть будет состоять из трех паровых машин «Компаунд» мощностью по 365 лошадиных сил каждая, соединенных, в свою очередь, с тремя генераторами мощностью по 270 киловольт-ампер. Однако жизнь внесла коррективы: вместо одного из паровиков появилась дизельная установка и двигатель системы «Кросслей», да

Братья Случевские. Слева направо – Владимир, Константин и Николай

Н. К. Случевский — студент электротехнического института в Петербурге

Супруга Н. К. Случевского Людмила Александровна Эксе

и остальные машины тоже были других марок. Сооружение электростанции планировалось завершить к 15 октября 1917 года. Действительность оказалась иной: к указанному сроку не было готово даже здание станции, не говоря уже про оборудование, столбы и проводку. Внутри недостроя стояла одна паровая машина с генератором и шел монтаж второй. Правда, работал еще двигатель «Кросслей», но проблем с электроснабжением это не решало. От погружения во тьму мурманчан спасали дополнительные электростанции малой мощности, принадлежавшие порту и Кольской базе.

В общем, все необходимо было достраивать, совершенствовать, доводить до ума. Но политические реалии тех лет мало способствовали успешной работе. Скорее, наоборот. Причем, в полном соответствии с известным изречением профессора Преображенского из булгаковского «Собачьего сердца», начиналась разруха «не в клозетах, а в головах». 4 марта 1917 года на Мурмане получили вест о падении монархии, а уже 10 числа некоторые служащие электростанции отказались выходить на сверхурочные работы, без которых порой было не обойтись. Чуть позже Случевский, сам готовый трудиться, что называ-

ется, за идею, изгнал со станции 18 человек с характерной формулировкой: «За недостойное понуждение на производство уплаты за сверхурочные работы все эти рабочие увольняются с 1-го апреля с уплатой им за сверхурочные работы».

Случались и трения политического характера. Однажды на здании электростанции появился флаг с надписью «Да здравствует социал-демократическая республика». «Признавая неприличным вывешивание агитационных знаков в официальном месте, – сообщил Николай Константинович 28 апреля 1917 года комиссару народной милиции Мурманска и начальнику Кольского района, – я приказал флаг снять, разрешив вывесить его на жилом доме служащих». Флаг сняли, но на следующий день он снова висел на зда-

Крайний справа –
Н. К. Случевский.
Строительство электростанции
в Мурманске. 1916 г.

нии станции, а краевое руководство не замедлило упрекнуть Случевского в излишней жесткости. «Распоряжение Ваше о снятии флага считаю нетактичным, – пенял ему начальник Кольского района и Отряда судов обороны Кольского залива Михаил Рощаковский. – Страсти разгораются, и их желательно успокаивать не приказами, а беседами, объяснениями».

Николай Случевский оставался заведующим электрическими установками Центральной электрической станции Мурманска до начала 1919 года. Потом работал в железнодорожном ведомстве начальником отдела освещения службы тяги.¹ Участвовал он и в культурной жизни заполярной столицы: организовывал благотворительные концерты, читал лекции, в том числе на тему «Происхождение полярных сияний и земного магнитного поля»,² исполнял функции казначея мурманского литературно-художественного кружка.³

Как и его отец, Случевский-младший придерживался монархических убеждений. Правда, в отличие от Константина Константиновича – приверженца самодержавной, неограниченной царской власти, он был сторонником конституционной монархии – по партийной принадлежности кадетом. Тем не менее, Октябрьскую революцию Николай Константинович не признал, а большевиков считал кучкой разрушивших страну отщепенцев. Именно в годы Гражданской войны, в годы испытаний проявилась в нем твердая

¹ ГАМО. Ф. Р-140. Оп. 3. Д. 6362. Л. 19.

² Мурманский вестник. 1919, 13 февраля. С. 4.

³ Мурманский вестник. 1919, 10 апреля. С. 4.

Николай Случевский (крайний слева). Мурманск. Строительство электростанции. 1916 г.

вера, окрепло желание отстаивать православную Россию с оружием в руках. Он выбрал свой путь – с воодушевлением воспринял приход к власти летом 1918 года поддержанных союзниками белых, а следующей весной стал одним из создателей и руководителей патриотической организации с «говорящим» названием «За Русь святую», провозгласившей своей целью вооруженную борьбу против красных. «Русские люди! – обращался Случевский вместе с другими ее учредителями к населению Мурмана в воззвании, опубликованном 3 апреля 1919 года в газете «Мурманский вестник». – Године лихолетья России приходит конец. Еще дружный натиск – и шайка из Смольного, предательски захватившая власть, разграбившая и развалившая нашу Родину, получит должное возмездие. Час расплаты близок. Очнитесь, граждане, бросьте позорное малодушие, встаньте на защиту Отечества от предателей. Покажите себя достойными потомками Минина и Пожарского и ускорьте час победы права и законности».¹

Несмотря на то, что новообразованная структура «поднимала на щит» идеалы Православия и белого движения, ее создание встретили в краевом центре весьма сдержанно. «На первых же шагах, – сообщал Случевский в статье «За Русь святую» 10 апреля 1919 года, – участникам нового общества пришлось услышать такие о нем суждения в публике, что это, мол, собрались охранники и черносотенцы».² Впрочем, черносотенцы – тоже весьма характерное определение. Черносотенные взгляды тогда в понимании многих почти полностью укладывались в знаменитую триаду – Православие, самодержавие, народность. Как бы то ни было, члены организации, и Случевский в том числе, не обращали внимания на нападки со стороны и проходили военную подготовку, чтобы, если придется, отстоять свои идеалы с оружием в руках.³ «Пусть ждет, кто желает, а мы не из их числа, – писал Николай Константинович. – Против насильников надо действовать силой».⁴ Позже участники «Руси...» стали ядром сформированного в на-

¹ Мурманский вестник. 1919, 3 апреля. С. 2.

² Мурманский вестник. 1919, 10 апреля. С. 3.

³ Мурманский вестник. 1919, 6 мая. С. 4.

⁴ Мурманский вестник. 1919, 10 апреля. С. 3.

Н. К. Случевский (третий слева) с женой (вторая слева) на экскурсии в Крыму. 1917 г.

шем крае Национального ополчения и неплохо проявили себя, поддерживая правопорядок после ухода с Кольского полуострова в октябре 1919 года союзных войск. Интересно, что ополченцы имели прозвище «крестики», поскольку носили на головном уборе особую эмблему в виде креста. Случевский оставался одним из их лидеров.

21 февраля 1920 года, во время начавшегося в Мурманске антибелогвардейского переворота, он и еще несколько человек из числа ополченцев и чинов уездной милиции были в числе тех немногих, кто оказал мятежникам вооруженное сопротивление.¹ Они сопротивлялись, хотя не могли не понимать, что обречены на поражение. Их отряд какое-то время держал оборону на Советской горке чуть выше железнодорожной станции, а потом рассеялся. На следующий день Случевского арестовали.² В особую вину ему было поставлено то, что он «цитировал отрывки из Евангелия, перерабатывая предварительно и давая им вид белогвардейской прокламации, и распространял среди населения».³ В обвинительном акте от 14 июня 1920 года отмечалось, что он вел «антисоветскую агитацию... цитируя тексты Священного Писания... как средство агитации против рабоче-крестьянского правительства... с целью разложения доверия граждан к РСФСР. Учитывая психологию народа, с намерением большего восприятия антисоветской пропаганды базировал свои взгляды русского человека на почве религиозных мышлений, умышленно зло истолковывая идеи коммунизма, усугубляя себе вину тем, что благодаря полученному гр. Случевским образованию, таковой отлично учитывал международное положение и сознательно играл на религиозных чувствах граждан, используя тексты из Евангелия, предварительно переработав их в нужном ему направлении, распространял среди населения религиозную литературу».⁴ В заключение обвинитель делал вывод, что «в настоящее время полезен для Советской республики гр. Случевский быть ни в коем случае не может».⁵ 16 июня 1920 года президиум Петроградской ЧК вынес постановление о расстреле Николая Константиновича.

¹ Гражданская война на Мурмане глазами участников и очевидцев. Мурманск, 2006. С. 228.

² ГАМО. Ф. Р-140. Оп. 3. Д. 6362. Л. 22.

³ Там же. Л. 19.

⁴ ГАМО. Ф. Р-140. Оп. 3. Д. 6362. Л. 2.

⁵ Там же.

В протоколе заседания указано, что он «виновным себя признает лишь в агитации, делая в то же время ссылку на толкование Евангелия».¹ Точная дата приведения приговора в исполнение неизвестна. 5 июня 1991 года Случевского реабилитировали.²

Потомки Николая Случевского, породнившиеся, кстати, с родом выдающегося русского государственного деятеля Петра Столыпина, живут ныне в Америке. Размышляя о судьбе этого человека, я думаю, что есть нечто неизъяснимое, неисповедимое, но в то же время закономерное и логичное в том, что сын отдал жизнь за землю, воспетую когда-то его отцом. А еще – за Святую Русь, за веру, за вечность из стихотворения Случевского-старшего. Помните:

Когда на краткий срок здесь ясен горизонт
И солнце сыплет блеск по отмелям и лудам,
Ни Адриатики волна, ни Геллеспонт
Таким темнеющим не блещут изумрудом;
У них не так густа бывает синь черты,
Делящей горизонт на небо и на море...
Здесь вечность, в веянье суровой красоты,
Легла для отдыха и дышит на просторе!

Два пути. Две судьбы, две души человеческие. Одна эпоха, соединившая их вместе с множеством других жизней в неповторимый узор истории. И один Господь, Который все ведает, все понимает и воздает каждому по милости Своей.

¹ ГАМО. Ф. Р-140. Оп. 3. Д. 6362. Л. 19.

² Там же. Л. 22.